

Ю. Г. Акимов

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА И СИБИРЬ в конце XVI – середине XVIII в.

Очерк сравнительной истории колонизаций

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ю. Г. Акимов

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА И СИБИРЬ
в конце XVI — середине XVIII в.
Очерк сравнительной истории колонизаций

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2010

ББК 63.3
А39

Рецензенты: д-р ист. наук проф. *Б. Н. Комиссаров* (С.-Петерб. гос. ун-т),
д-р ист. наук проф. *В. И. Хрисанфов* (С.-Петерб. гос. ун-т),
канд. ист. наук *Л. Р. Павлинская* (Музей антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера))

Акимов Ю. Г.

А39 Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в.: Очерк сравнительной истории колонизаций. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. — 372 с.
ISBN 978-5-288-04741-1

Впервые на основе широкого круга источников и литературы в сравнительном аспекте рассматриваются колонизационные процессы, имевшие место в Сибири, Английской и Французской Америке в период с конца XVI до середины XVIII в. Основное внимание уделяется сравнению различных моделей колонизации, типов отношений европейцев к колониальным реалиям, а также подходов властей метрополий к обоснованию своих притязаний на территории, попавшие в орбиту их экспансии.

Для специалистов-историков, всех интересующихся историей эпохи открытий, историей Сибири и колониальной Северной Америки.

ББК 63.3

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации МД-3297.2007.6

ISBN 978-5-288-04741-1

Введение

Сравнение Сибири с Америкой весьма часто встречается и, так сказать, само напрашивается.

Н. М. Ядринцев

Освоение Северной Азии русскими и колонизация Северной Америки англичанами и французами в XVI–XVIII вв. относятся к числу важнейших исторических феноменов Нового времени, во многом определивших магистральные пути развития ряда ведущих государств современного мира. Благодаря присоединению Сибири и Дальнего Востока Россия превратилась в великую евроазиатскую державу (и именно в таком качестве она вступила в XXI в.). Результатом европейской экспансии на Североамериканском континенте стало возникновение новых обществ, а затем и государств — США и Канады — также прочно вошедших в число мировых лидеров. Колонизационные процессы оказали очень большое (хотя и весьма не однозначное) воздействие на исторические судьбы коренного населения Северной Америки и Северной Азии — индейцев, инуитов (эскимосов)[1], сибирских народов. Значительным было и

[1] В настоящее время термин «индеец» постепенно исчезает из англо- и франкоязычной научной литературы (и из общественно-политического дискурса США и Канады в целом) как некорректный. Коренных жителей Североамериканского континента все чаще называют «первыми нациями», «первыми американцами», «америндейцами» или просто «аборигенами». Однако мы позволим себе употребление термина «индеец», как более устоявшегося и к тому же не допускающего в русском языке того смешения понятий, которое присутствует в английском и французском языках (как известно, словом Indian/Indien обозначаются и аборигены Западного полушария, и жители Индийского субконтинента). Что же касается термина «инуит» (вместо «эскимос»), то он, как

обратное воздействие этих процессов на социально-экономическое, культурное, а отчасти и политическое развитие бывших европейских держав-метрополий — Англии и Франции.

Сибирская эпопея русских и североамериканские колониальные предприятия англичан и французов начались приблизительно в одну и ту же историческую эпоху, проистекали в относительно близких природно-климатических условиях, сталкивались со схожими внутренними и внешними проблемами и аналогичными вызовами со стороны окружающей среды. И в Северной Америке, и в Северной Азии в XVI–XVIII вв. шло интенсивное политическое, хозяйственное, культурное, научное, ментальное освоение пришельцами из Европы новых пространств и новых реалий; происходили чрезвычайно резкие (и порой трагические) сдвиги в жизни аборигенных сообществ. В это же время Лондон, Париж, Москва и Петербург вырабатывали определенные юридические и идеологические подходы к своим новым владениям, новым подданным, к организации управления ими. Создавались разного рода объяснительные схемы для обоснования (и на международной арене, и внутри метрополии, и, пусть и формально, перед коренным населением) прав и притязаний той или иной страны на территории, попавшие в орбиту ее колониальной активности.

Безусловно, между теми событиями, которые происходили на протяжении столь длительного временного периода в Английской Америке, Новой Франции и Сибирском царстве, между принесенными туда европейцами и развивавшимися там институтами и практиками было немало различий. Однако, с нашей точки зрения, сравнительно-историческое исследование различных аспектов колонизационных процессов, происходивших в Северной Азии и в Северной Америке в XVI–XVIII вв., которое представляет основную цель работы, вполне допустимо и оправдано. Во-первых, с его помощью мы сможем увидеть общие и особенные черты в истории отдельных стран и регионов — и прежде всего в нашей собственной истории. Во-вторых, оно поможет «вписать» великую сибирскую эпопею, традиционно рассматривавшуюся достаточно изолированно от других подобных явлений, во всемирно-исторический контекст и обеспечить ей там достойное место. При этом, конечно, речь ни в коем случае не идет ни о какой «подгонке» русской

представляется, уже достаточно прочно вошел в российский научный дискурс и широко применяется специалистами.

колонизации под тот или иной западный образец. Скорее, можно говорить о переосмыслении феномена колониализма Нового времени с учетом опыта русской колонизации[2]. Соответственно, в-третьих, это исследование может внести вклад в решение фундаментального вопроса о сущности, месте и роли колонизации в истории всего мирового сообщества[3]. При этом, в-четвертых, оно будет способствовать преодолению европоцентристского, а лучше сказать западноцентристского, подхода к истории Нового времени как к истории возвышения Запада и вестернизации остального мира. Наконец, в-пятых, оно, быть может, позволит лучше понять место и роль нашей страны во всемирно-историческом процессе в целом и в цивилизационной «системе координат» в частности[4].

Сразу же уточним, что географические рамки работы охватывают так называемую большую или историческую Сибирь — территорию от Урала на западе до Тихого океана на востоке и от Северного Ледовитого океана на севере до границ Китая на юге, т. е. всю Северную Азию, попавшую в орбиту русской экспансии в XVI–XVIII вв. Говоря о Северной Америке, мы имеем в виду Североамериканский континент к северу от р. Рио-Гранде — опять же в тех пределах, в каких он был освоен англичанами и французами за первые три столетия, прошедшие после открытия Нового Света[5]. В

[2] Неоправданность игнорирования опыта континентальных империй при изучении истории империализма подчеркивают многие ведущие исследователи. См., напр.: *Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals. London, 2000.

[3] Проблема создания «глобальной», не-европоцентристской и «взаимосвязанной» истории в настоящее время остро стоит перед профессиональным историческим сообществом. О дискуссиях по данному вопросу см., напр.: *Douki C., Minard Ph.* Histoire globale, histoires connectés: un changement d'échelle historiographique? // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2007. T. 54, No 4-bis.

[4] Авторы коллективной монографии «Азиатская Россия» указывают, что «идея “синхронизации” обращенного в Атлантику — западного и устремленного на просторы Сибири — восточного флангов наступления Европы на Азию относится к числу важнейших обобщающих заключений, которые в конечном итоге — при всей разности социально-экономических и культурных уровней Западной Европы и России — подчеркивают известное единство ритма их исторического развития» (*Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. М., 2004. С. 23).

[5] В обозначенные нами хронологические и географические рамки попадают и голландские, и шведские колониальные предприятия XVII в. (Новые Нидерланды и Новая Швеция), а также испанская экспансия во Флориде и Новой Мексике. Мы, естественно, будем учитывать этот фактор, однако, основное внимание уделим Англии и Франции, которые, безусловно, были в то время ведущими «игроками» на Североамериканском континенте и присутствие ко-

количественном плане это вполне сравнимые объекты: территория исторической Сибири составляет около 13 млн км^2, а пространства, которые в середине XVIII в. входили в состав всех владений Лондона и Парижа в Северной Америке, — более 10 млн км^2. Расстояние (по прямой) от среднего Урала до побережья Охотского моря Тихого океана равняется приблизительно 4,5 тыс. км. Это почти соответствует протяженности всего Североамериканского континента по широте Великих озер.

Что касается хронологических рамок, то целесообразно в целом ограничить рассмотрение временным отрезком, берущим начало от основания англичанами и французами их первых постоянных поселений в Северной Америке (начало XVII в.), а применительно к Северной Азии — от похода Ермака (первая половина 1580-х годов) и продолжавшегося до 60–70-х годов XVIII в. При таком подходе условной верхней временной границей для Английской Америки будет начало предреволюционного кризиса, предшествовавшего Войне за независимость США (середина 1760-х годов); для французской колонизации — Парижский мир 1763 г., по условиям которого Франция лишилась практически всех своих североамериканских колоний; для Русской Сибири — ликвидация Сибирского приказа в том же 1763 г. Все это, конечно же, не исключает возможности, проведения отдельных параллелей «вперед» на последующие десятилетия и даже столетия. В то же время необходимо подчеркнуть, что сравнение исторических процессов и явлений, имевших место на территории Азиатской России, Соединенных Штатов и Британской Северной Америки с конца XVIII в. и далее — в XIX и XX вв., не входит в задачи исследования.

По истории освоения Сибири, равно как и по истории английской и французской колонизации Северной Америки написано огромное количество общих и специальных исследований. Просто перечислять их нецелесообразно, а подробный историографический разбор не входит в число наших задач (и возможностей). В то же время важно отметить, что для получения наиболее полного представления о различных аспектах процессов и событий, имевших место в Северной Америке и в Северной Азии, нам было необходимо привлечь не просто работы ученых различных исторических школ, но и работы тех авторов, которые рассматривали

торых там (в пределах очерченных нами географических рамок) оставило существенно более глубокий след и имело качественно иные последствия.

русскую, английскую и французскую колонизацию под различными «углами зрения», с точки зрения разных «уровней» и «степеней приближения». Так, в том, что касается североамериканских сюжетов, мы использовали, с одной стороны, работы по колониальному периоду в истории США и Канады (в первую очередь, конечно, американских и канадских авторов), с другой — труды специалистов по истории английского и французского колониализма. Естественно, что подходы и проблематика исследований тех авторов, которые пишут национальную историю (и тем более *свою* национальную историю), и тех, которые описывают заморские предприятия колониальных империй прошлого, существенно различаются. В первом случае упор делается на истории пространства и людей, его осваивавших, на истории формирования новых обществ, во втором — на различных аспектах политики метрополий, а также на политическом, военном, культурном измерении колонизационных процессов[6]. Необходимо также учитывать традиционные различия в подходах «англо-саксонских» (английских, американских и англо-канадских) и французских и франко-канадских историков ко многим проблемам, связанным с колониальным соперничеством Англии и Франции, отношениями подданных двух держав с индейцами и т. п.[7]

В том, что касается истории Сибири, мы старались привлечь наблюдения и выводы специалистов различных эпох, школ и идеологических направлений, по-разному трактовавших процессы, происходившие в Северной Азии в интересующее нас время, и описывавших их в различных терминах («завоевания», «колонизации», «пре-

[6]См., напр.: *Greene J. P.* Colonial History and National History // William and Mary Quarterly. 3rd series. 2007. Vol. LXIV, No 2 (April); *Armitage D.* From Colonial History to Post-Colonial // Ibid. No 3 (July).

[7]См., напр., следующие историографические обзоры: *Foster S.* British North America in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // The Oxford History of the British Empire: Historiography / Ed. by R. W. Winks. Oxford University Press, 2001. P. 73–93; *Kraus M., Joyce D. D.* The Writing of American History: Rev. ed. Norman. University of Oklahoma Press, 1985. P. 3–75; *Havard G.* L'historiographie de la Nouvelle-France en France au cours du XXe siècle: nostalgie, oublie et renouveau // De Québec à l'Amérique française: Histoire et mémoire. Textes choisis du deuxième colloque de la Commission franco-québécoise sur les lieux de mémoire communs / Sous la dir. de Th. Wien, C. Vidal et Y. Frenette. Les Presses de l'Université Laval, 2006. P. 95–124; *Berger C.* Writing Canadian History: Aspects of English Canadian Historical Writing since 1900. Toronto, 1986; *Gagnon S.* 1) Le Québec et ses historiens de 1840 à 1920: la Nouvelle-France de Garneau à Groulx. Québec, 1978; 2) Quebec and Its Historians: The Twentieth Century. Ottawa, 1985.

имущественно мирного присоединения», «освоения», «фронтира» и др.)[8]. Кроме того, важно учесть не только подходы историков «русской Сибири», но и точку зрения специалистов (преимущественно этнографов), труды которых позволяют хотя бы отчасти взглянуть на русскую колонизацию со стороны коренного населения Северной Азии[9]. Сюда же следует добавить появившиеся в последнее время публикации историков–представителей сибирских народов, пытающихся осмыслить собственное историческое прошлое[10].

Однако есть группа исследований, на которых, говоря о состоянии научной разработки темы, целесообразно остановиться подробнее. Во-первых, это те общие работы по истории колониализма и колониальной политики Нового времени, где затрагивается одновременно и английская, и французская, и русская экспансия; во-вторых, труды по истории освоения Сибири, где содержатся отдельные упоминания об опыте колонизации Северной Америки и, наоборот, — труды по колониальному периоду в истории США и Канады, где имеются ссылки на сибирский опыт (сразу же заметим, что последние встречаются значительно реже). Наконец, в-третьих, это немногочисленные собственно компаративные исследования, где идет речь о Сибири и Северной Америке.

Что касается первой группы работ, то она представлена в основном относительно недавними исследованиями, относящимися уже к постколониальной эпохе. В трудах апологетов западноевропейского колониализма XIX — первой половины XX в. речь шла, как правило, только о *заморской* экспансии. Соответственно Англия, Франция и их колонии там фигурировали постоянно, а Россия упоминалась крайне редко (и чаще в связи не с Сибирью, а со Средней Азией). Исключения составляли работы европейских критиков колониализма, которые достаточно часто проводили параллели между различными типами колонизаций. В частности, русской колонизации был отведен раздел в известной брошюре К. Каутского, который, кстати, отметил, что русских в Сибирь влекло «то же, что и французов в Канаду, то есть торговля мехами»[11].

Однако в большинстве случаев, когда о России и о русской колонизации речь все же заходила, подчеркивалось, что это «особый», «исключительный» случай. Так, известный французский специалист межвоенного периода Ж. Арди указывал, что хотя в целом «территориальный рост вокруг ядра не может рассматриваться как истинная колонизация», деятельность русских в Сибири представляет собой исключение как пример особой «смежной колонизации» (colonisation par contiguïté)[12]. Однако и в его работе содержалась крайне ограниченная информация о русской колонизации[13].

Из работ более позднего времени отметим небольшой обобщающий очерк Ф. Моро, где в числе стран-колонизаторов фигурируют не только Англия и Франция, но и Россия (хотя о последней говорится очень мало)[14]. Никаких сравнений французский историк не проводит, ограничиваясь лишь констатацией того, что «русские с Сибирью, Аляской, Алеутскими островами, Кавказом, Закавказьем, частью Армении и Туркестана могли соизмериться с англичанами и французами»[15].

В целом аналогичный характер носит работа Ю. Дешана, где автор упоминает о «великом броске русских в Сибирь»[16] и перечисляет основные этапы русской экспансии в Северной Азии[17]. При этом автор замечает, что «с Сибирью и Аляской русские открыли и завоевали иной Новый Свет»[18].

Несколько больше информации о русской колонизации содержится в монографии М. Девеза, попытавшегося дать своего рода

[8] О различных подходах к изучению истории Сибири в интересующий нас период (и не только) см., напр.: *Зуев А. С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007.

[9] См., напр.: *Конев А. Ю.* Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи XVIII — начала XX в. М., 1995; *Нефедкин А. К.* Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб., 2003; о взаимовосприятии сибирских аборигенов и русских см.: *Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы севера / Пер. с англ. М., 2008.

[10] См., напр., статьи в сб.: Якутия и Россия: 360 лет совместной жизни. Якутск, 1994; Якутия — форпост освоения Северо-востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII–XX века). Якутск, 2004; Народы Бурятии в составе России: от противостояния к согласию (300 лет Указу Петра I). Улан-Удэ, 2003; Россия и Восток: история и культура. Омск, 1997.

[11] *Каутский К.* Колониальная политика в прошлом и настоящем. СПб., 1900. С. 45.

[12] *Hardy G.* La politique coloniale et le partage de la Terre aux XIXe et XXe siècles. P. 10. Любопытно, что почти теми же самыми словами характеризует русскую (и турецкую) колонизацию современный критик колониальной экспансии Б. Этема́, который именно из-за этой «смежности» не рассматривает ни одну, ни другую. См.: *Etemad B.* La possession du Monde: Poids et mesures de la colonisation (XVIIIe–XXe siècles). Bruxelles, 2000. P. 21 (прим. 2).

[13] См.: *Hardy G.* La politique coloniale... P. 126, 273–274.

[14] *Mauro F.* L'Expansion européenne (1600–1870). Paris, 1967.

[15] Ibid. P. 260.

[16] *Deschamps H.* Les Européens hors d'Europe de 1434 à 1815. Paris, 1972. P. 67.

[17] Ibid. P. 102–104.

[18] Ibid. P. 104.

срез отношений Европы и остального мира на исходе XVIII столетия[19]. В частности, в его работе отмечается, что к концу XVIII в. Сибирь стала «продолжением, объемным расширением России» (соответственно раньше она таковым не была)[20].

Интересные замечания по поводу колонизации Сибири содержатся в комплексных работах французского специалиста Ж. Мейера. В них открытие и освоение русскими Северной Азии рассматривается в контексте европейской экспансии Нового времени. При этом обращается внимание на сходство между Сибирью и Французской Канадой XVII–XVIII вв., которое, по мнению Ж. Мейера, заключалось в наличии огромных пространств, малой численности и плотности аборигенного населения, а также в известной «хрупкости» и «эфемерности» европейского присутствия на большей части их территории, формально «на бумаге» входившей в состав русских и французских владений[21].

В своих работах Ж. Мейер отмечает неравномерное распространение в Европе информации о географических открытиях (в частности, особо подчеркивается тот факт, что на протяжении долгого времени на Западе не было информации о русских открытиях в Северной Азии)[22]. Также подчеркивается роль сибирских торговых путей в распространении в Европе восточных товаров (в частности, чая)[23].

Весьма обстоятельный анализ различных типов колонизации, включая и русскую, содержится в работе немецкого историка В. Райнхарда[24]. Русский колониализм он определяет как «внутренний», происходящий в пределах какого-либо одного «непрерывного» государственного образования, сравнимый с английской колонизацией Уэльса или окраин Римской империи[25]. В своей работе В. Райнхард подчеркивает, что колониализм как явление отнюдь не ограничивался заморскими территориями, но включал и континен-

[19] *Devèze M.* L'Europe et le monde à la fin de XVIIIe siècle. Paris, 1970. P. 75–110.

[20] Ibid. P. 99.

[21] *Meyer J.* 1) L'Europe et la conquête du Monde: XVIe–XVIIIe siècle. Paris, 1990 (1er ed.: 1975). P. 84; 2) Les Européens et les autres de Cortés à Washington. Paris, 1975. P. 82–86.

[22] *Meyer J.* L'Europe et la conquête du Monde... P. 60.

[23] Ibid. P. 169.

[24] *Reinhard W.* Kleine Geschichte des Kolonialismus. Stuttgart, 1996. Мы использовали французский перевод этой книги: *Reinhard W.* Petite histoire du colonialisme. Paris, 1997.

[25] Ibid. P. 10.

тальные империи. Решающим фактором, по его мнению, выступало господство, основанное на использовании различий в уровне развития. Описывая колониализм эпохи модерна как европейский феномен (и относя при этом Россию к Европе), В. Райнхард подчеркивает, что аналогичные явления можно было наблюдать и в странах, относящихся к другим цивилизациям: Китае, Японии, а отчасти Эфиопии и Египте. В этой связи интересно его замечание о сходстве российской, американской и китайской колонизации, которая развивалась на базе переселенческих колоний[26]. Говоря непосредственно о России, Райнхард отмечает «географическую и историческую преемственность» ее экспансии с попытками европейского продвижения на Восток, имевшими место в Средние века: «Колонизация Сибири может рассматриваться как заключительная фаза этой колонизации, как создание Европы нового времени <...> без чего Европа не распространилась бы до Тихого океана»[27].

Комплексный анализ феномена колонизации Нового времени был предпринят известным французским историком М. Ферро. В своей работе он рассматривает историю колонизации с различных сторон (колонизаторов, колонизуемых народов, колонизуемых пространств и т. д.). Кроме того, Ферро указывает, что колонизация — это явление, связанное отнюдь не только с действиями европейцев за пределами Европы в определенную историческую эпоху, но и с событиями, происходившими в разных частях света, в различные исторические эпохи (в качестве примера приводится арабская и турецкая колонизация Африки и Азии, китайская колонизация Тибета, японская колонизация Хоккайдо и других островов и т. д.)[28].

М. Ферро неоднократно упоминает о русской колонизации, но при этом он, как правило, помещает ее именно в европейский контекст и, быть может, не всегда оправданно придает ей некоторые западноевропейские черты. Так, говоря о начале продвижения русских на Север в XV в., он отмечает, что оно «также представляло собой в своем роде (и в миниатюре) эквивалент движения португальцев к мысу Доброй Надежды; речь шла о том, чтобы обогнуть с севера то, что осталось от Монгольской империи, чтобы достичь богатств Дальнего Востока»[29].

[26] Ibid. P. 159.

[27] Ibid. P. 164–165.

[28] *Ferro M.* Histoire des colonisations: Des conquêtes aux indépendances XIIIe – XXe siècle. Paris, 1994. P. 10.

[29] Ibid. P. 83.

В целом следует признать, что в общих работах по истории колониализма русской колонизации Сибири, как правило, уделяется весьма скромное внимание. Помимо вышеназванных монографий можно указать, пожалуй, лишь на ряд справочных изданий по колониализму[30] (хотя там порой чаще упоминается русская экспансия в Центральной Азии и на Кавказе[31]).

Говоря о второй группе работ, следует подчеркнуть, что отдельные упоминания о сходстве или различии между историческими процессами и явлениями, происходившими в Северной Америке и в Северной Азии в Новое время, встречались и встречаются достаточно часто. Прежде всего это относится к работам по русской и сибирской истории.

Сама по себе мысль о том, что покорение Сибири и прежде всего разгром русскими Сибирского ханства можно сравнить с завоеванием Нового Света, возникла еще в середине XVIII в. Вольтер в первом томе «Истории Российской империи в царствование Петра Великого» (увидевшем свет в 1759 г.) писал о том, что приход русских в Сибирь сравним с приходом испанцев в Америку, а Ермак завоевал Сибирское ханство «как Кортес Мексику»[32].

В последующие десятилетия этот тезис получил достаточно широкое распространение и одобрение. Доказательством этого может служить тот факт, что в начале XIX в. в российских правительственных кругах Сибирь часто рассматривали как «Мехику и Перу наше»[33]. Поскольку по «внешним» признакам (природные условия, климат и т. п.) российские владения в Северной Азии имели мало общего с испанскими колониями в Западном полушарии, а на определенные сходства их социальной структуры российские чиновники

[30] См., напр., статьи «Династия Романовых», «Российская империя», «Нерчинский договор» и др. в «Международной социальной, политической и культурной энциклопедии колониализма»: Colonialism: An International Social, Cultural, and Political Encyclopedia / Ed. by M. E. Page and P. M. Sonnenburg: In 3 vols. 2003. P. 412–413, 502, 510–512.

[31] В этом отношении весьма показательны упоминания о России и русской колонизации в самом «свежем» на сегодняшний день справочном издании по западному колониализму; в этой работе лишь мимоходом упоминается о «движении» России к Тихому океану, но зато подробно рассматривается соперничество России с Турцией, Ираном и т. п. См.: Encyclopedia of Western Colonialism since 1450: 3 Vols / Ed. by Th. Benjamin. Vol. 1. 2007. P. 423–428.

[32] *Voltaire.* Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / Les Œuvres complètes de Voltaire. Vol. 46. Oxford, 1999. P. 462, 466.

[33] См.: Сибирь в составе Российской империи / Отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М., 2007. С. 24.

александровской эпохи вряд ли обращали внимание, можно предположить, что именно обстоятельства завоевания (его относительная легкость) и характер последующего использования (как источник обогащения метрополии) и были решающими аргументами в пользу популярности подобного сравнения. Впрочем, свою роль могли играть и соображения престижа. Не следует забывать, что до определенного момента такое сравнение могло быть весьма лестным для России, так как ставило ее в ряд великих колониальных держав того времени. В свою очередь, это способствовало, с одной стороны, повышению ее международного авторитета, а с другой, лишний раз подчеркивало ее «европейскость».

В этой связи не случайно, что в 1821 г. аналогичный пассаж появляется у Н. М. Карамзина в девятом томе «Истории государства Российского». Ермак описывается там, как «российский Пизарро, не менее испанского грозный для диких народов», соответственно «Ермаковы воины» сравниваются с «Кортецовыми» или «Пизарровыми». Далее делается вывод о том, что «завоевание Сибири во многих отношениях сходствует с завоеванием Мексики и Перу: также горсть людей, стреляя огнем, побеждала тысячи, вооруженные стрелами и копьями...»[34].

В дальнейшем это сравнение русских землепроходцев с испанскими конкистадорами становится чрезвычайно популярным. Так, С. М. Соловьев называл сибирских воевод XVII в. «русскими Кортесами и Пизарро»[35]. В середине и второй половине XIX в. с легендарным завоевателем Мексики сравнивали В. Пояркова, Е. Хабарова и других землепроходцев[36].

Эти сравнения, возможно, отражали проявлявшийся в то время у части образованных слоев русского общества своего рода комплекс неполноценности по отношению к западноевропейским достижениям. Последние рассматривались как некий «идеальный» образец, по отношению к которому Россия создавала лишь более

[34] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 2007. Т. IX, глава VI. С. 720.

[35] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 13–14 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VII. М., 1991. С. 158.

[36] См., напр.: Письма об Амурском крае // Русский архив. 1895. № 3. С. 387–388. Высказывалась и противоположная точка зрения. Так, П. Небольсин заявлял: «По нашему мнению, завоевание Сибири нельзя, да и нейдет, сравнивать с завоеванием Перу и Мехики». При этом он указывал на то, что Кучум был не похож на Монтесуму, а татары «не походили на американских дикарей». См.: *Небольсин П.* Покорение Сибири. СПб., 1849. С. 135–136.

или менее качественную копию. Не случайно Н. М. Ядринцев в своей классической работе, как бы извиняясь, писал, что «это открытие (Сибири. — *Ю. А.*) не могло соперничать ни с открытием Индии, ни с открытием Америки...», хотя, конечно «проникновение в северные страны Азии и покорение их не могло также остаться бесследно в истории человечества»[37].

Надо сказать, что на казалось бы бросающееся в глаза сходство Сибири и Канады внимание первоначально обращалось гораздо реже. Исключение здесь составляют только воспоминания Ф.-А. Тесби де Белькура[38]. Этот французский офицер служил в Северной Америке в годы Семилетней войны, а затем воевал в Польше на стороне Барской конфедерации, попал в плен к русским и был отправлен в Тобольск. Описывая Сибирь, он несколько раз упомянул о сходстве многих ее реалий со знакомой ему Французской Канадой (природные условия, «дикари», образ жизни поселенцев и т. п.). В частности, Белькур отметил, что «в пьянстве и отваге сибирский народ очень похож на уроженцев (naturels) Канады. Их каноэ, весла, топоры, шубы, одежда, манера садиться на лошадь и многое другое почти одни и те же»[39].

В XIX в. также получают распространения сравнения различных аспектов истории Сибири и ее тогдашнего состояния с реалиями Соединенных Штатов. Одними из первых об этом стали говорить ссыльные декабристы (что еще в 1920-е годы было подмечено М. К. Азадовским[40]). Однако большинство суждений участников тайных обществ (Н. В. Басаргина, И. И. Пущина, С. Г. Волконского, А. Е. Розена и др.) по поводу похожести Сибири и Соединенных Штатов имели две особенности. Первая заключалась в том, что эти сравнения носили отрывочный характер и встречались главным образом в частной переписке, публицистике и мемуарной литературе, а не в специальных исследованиях. Вторая была связана с тем, что США и все, что с ними связано, рассматривались не только как нечто схожее с Сибирью в плане исторического развития, но, скорее, как свидетельство нереализованных возможностей последней и как идеал, к которому следует стремиться.

[37] *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. С. 39.

[38] *Thesby de Belcour F.-A.* Relation ou journal d'un officier françois au service de la Confédération de Pologne, pris par les Russes et relégué en Sibérie. Amsterdam, 1776.

[39] Ibid. P. 111.

[40] См.: *Азадовский М. К.* Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири // В сердцах отечества сынов. Декабристы в Сибири. Иркутск, 1975. С. 30.

Так, Н. В. Басаргин в своих «Записках» в одном месте действительно упоминал о сходстве сибиряков и американцев[41]. Однако при этом в отмеченном нами ключе Басаргин далее, с одной стороны, подчеркивал имеющийся в Сибири потенциал развития, при условии правильной реализации которого она могла бы сравниться с США, а с другой, указывал на нереализованность этого потенциала и на необходимость принять меры к исправлению этой ситуации:

> «Сибирь на своем огромном пространстве представляет так много разнообразного, так много любопытного, ее ожидает такая блестящая будущность, если только люди и правительство будут уметь воспользоваться дарами природы, коими она наделена, что нельзя не подумать и не пожалеть о том, что до сих пор так мало обращали на нее внимания < ... >
> она все еще находится на низких ступенях общественного быта, все еще ожидает таких мер и преобразований, которые бы могли достигнуть то, чего у ней не достает и тем дали бы ей возможность развить вполне свои силы и способы. Тогда нет никакого сомнения, что она мало уступала бы Соединенным Американским Штатам в быстрых успехах того материального и политического значения, которые так изумительны в этой юной республике»[42].

И. И. Пущин, С. Г. Волконский, А. Е. Розен высказывались в целом в аналогичном ключе. Так, Розен, например, утверждал, что «Сибири, может быть, предстоит в своем роде назначение Северной Америки, куда также за политические и религиозные мнения волею и неволею переселялись изгнанники и молитвою и трудами вызвали в новом мире все те блага, коих так долго, так тщетно еще ищет мир старый и опытный»[43]. Еще более резкое суждение вышло из-под пера И. И. Пущина. В одном из своих длинных посланий к Е. А. Энгельгарту он провозгласил: «Я не иначе смотрю на Сибирь как на Американские штаты. Она могла бы тотчас отделиться от метрополии и ни в чем не нуждалась бы — богата всеми <дарами> царства природы. Измените несколько постановления, все пойдет улучшаться»[44].

В то же время необходимо подчеркнуть, что никто из вышеупо-

[41] См.: *Басаргин Н. В.* Записки. Красноярск, 1985. С. 99–100.

[42] Там же. С. 186.

[43] *Розен А. Е.* Записки декабриста. СПб., 1917. С. 213.

[44] *Пущин И. И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 206.

мянутых авторов не проводил каких-либо глубоких исторических параллелей и не поднимался на уровень теоретических обобщений. Значение их отдельных заявлений (к тому же в большинстве своем ставших известными широкой публике много лет спустя, после того как они были сделаны) не следует переоценивать.

Существенно более значимы для сюжета нашего исследования идеи другого декабриста — Д. И. Завалишина, относящиеся, правда, уже к 1860-м — началу 1880-х годов. Это связано с тем, что Завалишин, во-первых, достаточно серьезно (для публициста) занимался именно проблемами колонизации вообще и Сибири и Америки в частности; во-вторых, он регулярно публиковал на эти темы брошюры и статьи в периодических изданиях (прежде всего в «Восточном обозрении» и «Московских ведомостях»)[45].

Любопытно, что Завалишин одним из первых обратил внимание на сходство Сибири не с Соединенными Штатами, а с другой североамериканской страной — Канадой. На эту тему им была написана специальная статья. Причем, в отличие от многих других авторов, он говорил не только о схожести природно-климатических условий и возможных перспективах развития Сибири с учетом заокеанского опыта, но и о сходстве исторического развития европейских колоний в Северной Америке и русских владений в Северной Азии:

> «Канада по своему географическому положению, по природным условиям, по обширности малонаселенного еще пространства и по одновременности исторического развития, представляет из всех стран наиболее сходства с Сибирью, и потому сравнение их прошедших судеб и настоящего положения должно заключать в себе немало поучительного для Сибири»[46].

В этой же статье Завалишин обратил внимание на то, что «занятие обеих стран европейцами и основание в них прочных заселений началось почти одновременно», на то, что и «русские в Сибири и европейцы в Северной Америке имели первоначально дело только с дикими племенами», однако потом «пришлось для утверждения за собой стран бороться и с сильными противниками: России в Сибири с Китаем, Англии с водворившимися в Канаде прежде их французами»[47].

[45]См., напр.: *Завалишин Д. И.* Примеры быстрого развития городов в Соединенных Штатах. М., 1868.

[46]*Завалишин Д. И.* Сибирь и Канада // Восточное обозрение: газета литературная и политическая. 1882. № 34.

[47]Там же.

В последние десятилетия XIX — начале XX в. отдельные упоминания о сходстве русской экспансии в Сибири и западноевропейских колониальных предприятий (причем не только в Северной Америке) продолжали периодически появляться на страницах исторических и публицистических сочинений. Так, Н. В. Слюнин характеризовал действия русских землепроходцев следующим образом: «Подвиги этих пионеров Сибири <...> были не что иное, как проявление того же хищнически-колонизаторского инстинкта, который когда-то воспламенил Западную Европу»[48].

В то же время некоторые исследователи обращали внимание не только на сходство, но и на различия между русской и западноевропейской колонизацией. Например, говоря об отношениях сибирских аборигенов и русских, С. Патканов утверждал, что «между победителями и побежденными установились лучшие отношения, чем те, которые существовали и существуют ныне в Америке, Африке и Австралии между белыми колонизаторами этих стран и низшими расами»[49].

Достаточно часто сибирские и американские реалии прошлого и современного им настоящего сравнивали в своих работах представители областничества. В частности, уже упоминавшийся выше Н. М. Ядринцев проводил параллели между колонизационными процессами, аборигенной политикой, другими аспектами развития Северной Америки и Сибири. По его словам, «точно так же как в Америке, индейцы отодвигаются на запад, так инородческие племена Сибири отодвинуты на север и на юг, небольшие же оазисы и клочки инородческого населения внутри Сибири замкнуты русским населением»[50]. В то же время Ядринцев, как и ранее декабристы, чаще подчеркивал значение американского опыта (особенно в том, что касается свободной колонизации запада) как образца для России и Сибири[51], а не сравнивал сибирские и американские исторические реалии.

В первые послереволюционные десятилетия сравнения сибирской и американской (и вообще колониальной) истории на страницах общих работ по истории Сибири встречались достаточно часто,

[48]*Слюнин Н. В.* Охотско-камчатский край: Естественно-историческое описание. СПб., 1910. С. 4.

[49]*Патканов С.* О приросте инородческого населения в Сибири. СПб., 1911. С. 179.

[50]*Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония... С. 144.

[51]См., напр.: Там же. С. 184.

и в несколько ином контексте, чем раньше. Это было связано с тем, что в 1920–30-е годы в советской историографии господствовали стремления, во-первых, отмежеваться от подходов дореволюционной исторической науки; во-вторых, дать «классовую» оценку тем ли иным историческим явлениям, событиям и деятелям; в-третьих, вогнать русскую историю в рамки вульгарно-марксистской схемы. В связи с этим историки стремились доказать, что Россия в своем развитии шла тем же путем, через те же стадии, что и ведущие западные державы (эпоха первоначального накопления, торговый капитализм, промышленный капитализм, империализм) и, точно так же как и они, была колониальной державой. С одной стороны, такой подход, конечно, носил ярко выраженный идеологизированный характер. С другой, именно в первые послереволюционные десятилетия было сделано очень много для изучения истории, этнографии, языков, фольклора сибирских народов (не говоря об усилиях по улучшению их положения — создание письменности, ликвидация неграмотности, попытки развития традиционных форм хозяйства и т. д.).

Применительно к сибирской истории интересующего нас периода, в советской историографии в 1920–30-е годы прочно утвердился тезис о «военно-феодальном грабеже Сибирских колоний» в XVII в., который трактовался как неотъемлемый элемент эпохи первоначального накопления капитала в России[52]. В работах часто содержались весьма прямолинейные утверждения и сравнения. Например:

«История превращения Сибири в колонию напоминает самые потрясающие страницы из истории Голландской Индии и Южной Африки. Русский крепостнический капитализм выступил в Сибири со всем цинизмом эпохи первоначального накопления»[53].

Или:

«Московская государственная власть XVII века относилась к туземцам Якутии (как и Восточной Сибири вообще) *совершенно так же* (курсив мой. — *Ю. А.*), как относились завоеватели испанского происхождения к населению открытой Центральной и Южной Америки. Русские, приезжающие на воеводство в Восточную Сибирь, создавали типичный процесс первоначального накопления, ярко описанного у Карла Маркса...»[54]

События, имевшие место в Сибири, трактовались как типичные для «всякой колонии, служившей для первоначального капиталистического накопления»[55]. Сама же территория Северной Азии однозначно называлась колонией. Так, С. Б. Окунь писал о том, что Камчатка — это «одна из малозначимых колоний царской России», которая ничем не отличалась от классических колониальных стран[56]. В известной работе С. А. Токарева говорилось, что «главная цель завоевания Якутии царизмом состояла в стремлении получить колонию, богатую пушным сырьем»[57].

Однако уже в конце 1930-х годов в официальной идеологии и в отражавшей ее установке историографии стал происходить поворот сначала к так называемой концепции наименьшего зла, а затем и к идеям об абсолютно прогрессивном значении присоединения нерусских народностей и территорий к России[58]. В результате в 1950–80-е годы перед советскими историками (в том числе занимающимися историей Сибири) встала сложная задача: с одной стороны, им надо было продемонстрировать выдающееся значение и уникальность российского исторического опыта, доказывая при этом его полную противоположность «западным» моделям, а с другой, надо было оставаться в марксистском идеологическом поле.

Применительно к интересующим нас сюжетам это порождало подобные заявления:

«Русские географические открытия являются частью мировых. Говоря о западноевропейской заокеанской экспансии, нельзя забывать, что последняя коренным образом отличается от присоединения Сибири, от “ее почти бескровного завоевания”. В Индии, Индонезии, Африке и Америке — всюду, где появлялись западноевропейские колонизаторы, происходило физическое уничтожение целых

[52] См.: *Троцкий И. М.* Вступительная статья // Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: Сб. документов / Под общ. ред. Я. П. Алькора и Б. Д. Грекова. Л., 1936. С. III.

[53] *Драбкина Е. Л.* Национальный и колониальный вопрос в царской России. М., 1930. С. 60.

[54] *Косвен М.* Якутская республика. М.; Л., 1925. С. 21.

[55] Там же. С. 22.

[56] *Окунь С. Б.* Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935. С. 5.

[57] *Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа. М., 1940. С. 65.

[58] Подробнее см.: *Зуев А. С.* Отечественная историография... С. 63–65; см. также материалы Круглого стола «Присоединение народов к России и его объективно-исторические последствия»: Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития // История и историки. М., 1995. С. 6–167.

народностей, стоявших иногда на высоком уровне развития материальной и духовной культуры <...> Совсем другое наблюдалось при присоединении Сибири»[59].

Говоря о «расспросных речах» и «скасках» русских землепроходцев, тот же автор замечал:

«Здесь в бесхитростных выражениях казаки старались передать наиболее полно свои впечатления о новых открытиях. Как непохожи эти лаконичные записи на объемистые описания "подвигов" западноевропейских конквистадоров, открывавших Америку, Африку и Индию. Их хвастливому языку противостоит здесь точный, образный, народный язык наших полярных мореходов и землепроходцев»[60].

Вслед за этим, однако, делались ритуальные оговорки со ссылками на классиков марксизма: «Правда, было бы неправильным освещать это присоединение [Сибири к России] в идиллических тонах: "В действительности методы первоначального накопления — все что угодно, но только не идиллия"»[61] (приведена цитата из знаменитой главы XXIV «Так называемое первоначальное накопление» первого тома «Капитала»).

При этом постоянно подчеркивались различия между событиями, происходившими на землях, попавших в орбиту русской экспансии, и реалиями, имевшими место на тех территориях, которые стали ареной колониальной активности «Запада».

«Из Европы в заморские страны в большинстве случаев первыми шли авантюристы с целью грабежа и наживы. Приход, расселение пришельцев сопровождались захватом территорий, изгнанием, истреблением или ассимиляцией ранее живших там народов, а история колонизации превращалась в историю безудержной эксплуатации покоренного народа, насильственного подавления любого выступления аборигенов.

Русская колонизация свободных пространств имеет коренное отличие от Западноевропейской. Главная ее особенность в том, что основные миграционные потоки русского народа шли на свободные или малозаселенные пространства и *преимущественно после того, как эти пространства включались в состав государственной*

[59] *Белов М. И.* Введение // Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сб. документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII в. М.; Л., 1952. С. 11.
[60] Там же. С. 14.
[61] Там же. С. 11.

территории (курсив мой. — *Ю. А.*). Поэтому происходила не иммиграция, а внутригосударственное перераспределение населения, переселение внутри государственных границ»[62].

Как видим, согласно этой логике получалось, что, объявив о включении той или иной территории в состав государства, с ней и с ее населением можно было делать все что угодно, не называя, однако, это колонизацией, эксплуатацией и т. д.

Весьма показательно редакционное примечание к очерку С. В. Бахрушина «Русское продвижение за Урал», при перепечатке его в 1950-е годы. В этом очерке, говоря о деятельности землепроходца Ивана Галкина, Бахрушин дал ему такую характеристику: «...один из самых выдающихся енисейских служилых людей <...> предприимчивый, смелый, жадный до наживы, неутомимый исследователь и завоеватель "новых землиц", типичный русский Пизарро...»[63]. На это редакция сочла необходимым указать следующее:

«В сравнении Ивана Галкина с Пизарро сказалось типичное для С. В. Бахрушина, периода составления данного очерка, непонимание характера русской колонизации Сибири XVII в. Оставаясь в этот период еще на позициях буржуазной методологии, С. В. Бахрушин проходил мимо вопросов классового состава русской колонизационной волны, значения этой колонизации для развития производительных сил Сибири, социального строя сибирских народов и т. п. Поэтому С. В. Бахрушин в то время не смог понять прогрессивного значения факта присоединения Сибири к Русскому государству и в силу этого не видел существенного различия между присоединением Сибири к России и захватом колоний европейскими колониальными державами»[64].

В западной русистике и сибиреведении в XX в. достаточно прочно закрепилась точка зрения, согласно которой «территориальный рост Московии был не больше и не меньше, чем простой колониализм или империализм, похожий на тот, который Испания, Англия, Франция и другие европейские государства практиковали в это же время»[65].

[62] Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. III: История и культура народов Сибири. Новосибирск, 1981. С. 85.
[63] *Бахрушин С. В.* Русское продвижение за Урал // Бахрушин С. В. Научные труды: В 4 т. Т. III, ч. 1. М., 1955. С. 154.
[64] Там же. С. 154. Прим. 35.
[65] Цит. по: *Dmytryshyn B.* A History of Russia. [S. l.], 1977. P. 188.

Еще Г. В. Вернадский помещал освоение Сибири в контекст европейской экспансии Нового времени и соответственно оценивал его с классических европоцентристских и колонизаторских позиций, утверждая, что «завоевательные войны Европы и России несли побежденным народам христианскую культуру». С точки зрения Вернадского, «в мировой истории русское продвижение на восток через Сибирь имело геополитическую параллель в англо-саксонском проникновении на запад через Североамериканский континент. Оба движения начались приблизительно в одно и то же время. Сибирское предприятие Ермака (1581–1584 гг.) осуществлялось одновременно с поселением сэра Вальтера Рали (Уолтера Рэли. — *Ю. А.*) на острове Роаноке (1584)»[66]

В работах многих зарубежных специалистов по русской и сибирской истории встречаются параллели между колонизацией Северной Азии и Северной Америки. Так, М. Бассин объясняет стремление русских утвердиться на Амуре «мечтой о сибирской Миссисипи» и в целом сравнивает русскую экспансию на Дальнем Востоке с освоением американского запада[67]. О похожести «трансконтинентального» продвижения в Северной Азии и Северной Америке упоминает Дж. П. Марч[68]. Эпизодические сравнения аборигенных обществ двух регионов и аборигенной политики русских и англичан встречаются в работе Б. Бобрика[69]. На сходство русской колонизации Сибири с колонизацией территории США и Канады указывает в своей обобщающей работе Дж. Форсит[70] и т.д.

Любопытно, что некоторые авторы подчеркивают целесообразность сравнения освоения Сибири с колонизацией территории Канады. Так, немецкий историк А. Каппелер отмечает: «Иногда русскую экспансию в Сибирь сравнивают с американской западной экспансией, и в самом деле, параллели здесь очевидны». В то же время, по его мнению, «не следует недооценивать географических

[66] *Вернадский Г. В.* История России. Московское царство. Ч. I. Тверь; М., 2000. С. 7–8.

[67] *Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, 1999. P. 143, см. также: P. 10, 113.

[68] См.: *March G. P.* Eastern Destiny: Russia in Asia and the North Pacific. Westport (Co); London, 1996. P. XIII.

[69] См.: *Bobrick B.* East of the Sun: The Conquest and Settlement of Siberia. London, 1992. P. 119.

[70] См.: *Forsyth J.* A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1580–1990. Cambridge, 1992. P. 43, 111.

различий между Северной Америкой [имеется в виду территория США] и Сибирью; с их учетом, пожалуй, больший смысл имело бы сравнение Сибири с Канадой»[71] В свою очередь, известный современный исследователь А. Коэн называет Россию «новой колониальной державой», сравнивает сибирскую экспедицию Строгановых с действиями английской Вест-индской компании и пишет о победах, одержанных казаками «в стиле конкистадоров»[72].

В современной (постсоветской) историографии истории Сибири утвердился достаточно широкий плюрализм мнений — в том числе и по вопросу о «сравнимости» тех ли иных аспектов сибирской и американской истории. На одном полюсе находятся те исследования, авторы которых предпочитают избегать любых сравнений и не использовать термины «колония» и «колониализм» применительно к русским владениям и русской экспансии в Северной Азии XVI–XVIII вв., да и последующих периодов[73]. На другом полю-

[71] *Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992. Рус. пер.: *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. М., 2000. С. 35. Автор также отмечает сходство оценок истории колонизации в историографии: «...интерпретация этих двух всемирно-исторического значения процессов также протекала в аналогичных формах и образцах: освоение дикого Запада, как и дикого Востока, героизировалось, оправдывалось последующими поколениями — наследниками европейских переселенцев — и представлялось вполне легитимным. Жестокость по отношению к коренным этносам, чей традиционный образ жизни и порядок разрушались посредством оружия, водки, и эпидемий, так же как и хищническая эксплуатация природы (истребление пушных зверей и бизонов) на долгое время были забыты. Эта проблема не потеряла своей актуальности до сих пор...».

[72] *Cohen A.* Russian Imperialism: Development and Crisis. Westport (Co); London, 1996. P. 37, 41.

[73] Например, Т. Н. Очирова в статье о присоединении Сибири и российской внешней политике заявляет, что «следует решительно отвергнуть встречающиеся в зарубежной исторической литературе попытки отождествить связи России со странами Азии с традиционной колониальной политикой европейских стран» (*Очирова Т. Н.* Присоединение Сибири как евразийский социокультурный вектор внешней политики Московского государства // Цивилизации и культуры: Научный альманах. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994. С. 139). Резкую критику сочинений авторов из «национальных» республик, пытавшихся пересмотреть некоторые традиционные подходы, см.: *Миненко Н. А.* Урал и Сибирь конца XVI — первой половины XIX в. в новейшей отечественной историографии // Культурное наследие Азиатской России. Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса (25–27 ноября 1997 г., г. Тобольск). Тобольск, 1997. С. 26–28. Известный якутский специалист В. Н. Иванов в своих работах также считает нужным осудить «сравнения, к которым прибегали зарубежные историки», обвинить их в тенденциозности, в том, что их позиция «формировалась главным образом в рамках идеологиче-

се — общие и специальные работы, в которых сравнению сибирских и американских реалий отведены целые разделы. Так, в монографии Д. Я. Резуна и М. В. Шиловского о сибирском фронтире в главе 3 речь идет об освоении Сибири в контексте мирового опыта колонизации, в качестве примера которого взят опыт США[74]. В ней проводятся интересные параллели, касающиеся отношений европейцев и аборигенов, проблем освоения и заселения новых территорий, их хозяйственного развития, политического значения для метрополии/центра и т. п. То же самое можно сказать об уже цитировавшейся выше фундаментальной коллективной монографии по проблемам исторической и геополитической эволюции Азиатской России XVI–XX вв. Авторы этой монографии констатируют, что «Азиатская Россия представляла для Русского государства такой же "Новый Свет", каким для Европейских держав являлась Америка»[75] и также часто прибегают к сравнению сибирских и североамериканских реалий[76]. В то же время для компаративных разделов обеих этих работ в целом характерны те же черты, что и для многих собственно сравнительных исследований отечественных авторов, о которых речь пойдет ниже (тем более что Д. Я. Резун и М. В. Шиловский сами также занимаются компаративистикой).

Что же касается работ по истории США и Канады колониального периода, то сравнения происходивших там процессов с историей освоения Сибири встречаются там достаточно редко (если, конечно, не считать совсем беглых упоминаний). Одним из немногих исключений стала монография Д. Дж. Руссо, в которой рассматривается американская история в глобальной перспективе. Там Сибирь сравнивается с британскими колониями в Северной Америке в различных аспектах (ресурсы, размеры территории, характер колонизации и т. п.)[77].

Говоря о третьей группе работ, т. е. о специальных исследованиях, авторы которых непосредственно сравнивают историю Сибири и колониальной Северной Америки, прежде всего следует отметить их крайне малую численность. Так, за рубежом в последнее время было опубликовано лишь несколько статей, рассматривающих отдельные сюжеты в компаративном ключе. Среди них можно отметить очень обстоятельную статью Д. Н. Коллинза о гендерном аспекте колонизации Сибири и Новой Франции[78] и небольшую публикацию Дж. Д. Трейси о пушном промысле в Сибири и Канаде[79].

Несколько большее количество работ вышло в нашей стране. В первую очередь назовем исследования новосибирских историков (некоторые уже упоминались нами) — Д. Я. Резуна, М. В. Шиловского, В. А. Ламина, Т. С. Мамсик и др.[80], а также монографию иркутского специалиста А. Д. Агеева[81]. Кроме того, следует назвать ряд публикаций по итогам конференций по проблемам американского и сибирского фронтира, проводившихся в Томском государственном университете[82]. В этих работах в сравнительном ключе рассматривается широкий круг вопросов: характер и методы колонизации, ее социокультурные аспекты, специфика экономического развития осваиваемых территорий, роль религиозного фактора и др. Несколько иной характер носит полемически заостренная монография Р. Н. Зинурова, автор которой параллельно рассматривает антиколониальные выступления аборигенов Северной Америки и русско-башкирские конфликты[83].

ской борьбы, которая велась с переменной активностью до распада Советского Союза», и отметить, что, «к сожалению, такой подход к изучаемому вопросу — преобладающая тенденция в американской и западноевропейской исторической литературе. Почти нет свидетельств <...> что в связи с прекращением холодной войны обстановка кардинально меняется» (*Иванов В. Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 24–26).

[74] См.: *Резун Д. Я., Шиловский М. В.* Сибирь в конце XVI — начале XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. — http://www.history.nsc.ru/kapital/project/frontier/index.html

[75] *Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В.* Азиатская Россия... С. 9.

[76] См., напр., главу II «Освоение азиатской России в сравнительно-исторической ретроспективе»: Там же. С. 204–318.

[77] См.: *Russo D. J.* American History from a Global Perspective: An Interpretation. Westport (CT), 2000. P. 9–12, 17–19.

[78] *Collins D. N.* Sexual Imbalance in Frontier Communities: Siberia and New France to 1760 // Sibirica. 2004. Vol. 4, No 2 (October). P. 162–185.

[79] *Tracy J. D.* Iasak in Siberia vs. Competition among the Colonizers in Canada: A Note on Comparisons between fur traders // Russian History/Histoire Russe. 2001. Vol. 28, No 1–4 (Spring–Summer–Fall–Winter). P. 403–409.

[80] *Резун Д. Я., Ламин В. А., Мамсик Т. С., Шиловский М. В.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001; *Резун Д. Я.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XIX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005.

[81] *Агеев А. Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005.

[82] См., напр.: Американский и сибирский фронтир. Томск, 1997.

[83] См.: *Зинуров Р. Н.* Башкирские восстания и индейские войны — феномен в мировой истории. Уфа, 2001.

Компаративный подход привел к замечательным результатам. Все вышеупомянутые исследования насыщены не только богатым фактическим материалом, но и чрезвычайно ценными и оригинальными (хотя и не всегда бесспорными) наблюдениями и выводами. В то же время они чрезвычайно рельефно отражают имеющиеся расхождения в историографических подходах, источниковой базе сибирской и американской историографии. Так, очень многие сюжеты — например, происхождение и социальный состав первых поселенцев — очень сложно сравнивать, так как сколько-нибудь достоверные русские сибирские источники на сей счет отсутствуют (а английские и американские документы — приходские архивы, архивы торговых компаний, занимавшихся перевозкой колонистов, и т. п. — хорошо сохранились).

Что касается спорных моментов, то здесь следует отметить следующее. Во-первых, географические рамки вышеуказанных специальных работ в большинстве своем ограничены территорией Сибири, с одной стороны, и основной территорией США (т. е. без Аляски, Гавайев и т. д.) — с другой, независимо от того идет ли речь о событиях, имевших место до или после Войны за независимость. В результате часто сравниваются феномены различного свойства — *историческая* территория Сибири и *политическая* территория США в границах, сформировавшихся только к середине XIX в. — хотя очевидно, что если мы сравниваем какие-либо явления XVII–XVIII вв., то данные, относящиеся ко всей нынешней территории США (а отчасти и России), для нас бессмысленны. Гораздо более продуктивен здесь географический подход, т. е. сравнение территорий, оказавшихся в сфере колониальной активности той или иной страны и ее представителей в ту или иную эпоху.

Во-вторых, при рассмотрении отдельных событий / явлений / фактов сибирской и американской истории не всегда учитывается специфика того или иного исторического периода. Прежде всего это относится к американской истории, где колониальный период (до Войны за независимость США) далеко не всегда четко отделяется от истории Соединенных штатов как независимого государства.

В-третьих, в большинстве работ игнорируется французский опыт освоения и колонизации Северной Америки, насчитывающий почти два с половиной столетия. А ведь в орбиту французской экспансии в период с начала XVI в. и вплоть до окончания Семилетней войны (1756–1763 гг.) так или иначе попали огромные пространства Североамериканского континента: от побережья арктического Гудзонова залива на севере до Нового Орлеана на юге и от Ньюфаундленда на востоке до Великих равнин на западе. Подходы французов ко многим колониальным реалиям существенно отличались от подходов англичан (а также голландцев и испанцев), но были в ряде случаев близки тому, что делали в Сибири русские. Не следует забывать и того, что по многим показателям своего социально-экономического развития абсолютистская Франция, безусловно, была несколько ближе к самодержавной России, чем конституционно-монархическая Англия, где уже с XVII в. стал активно развиваться капитализм со свойственными ему политическими и социально-экономическими институтами (что, правда, отнюдь не мешало англичанам пытаться насаждать феодальные порядки в некоторых своих колониях).

В-четвертых, можно отметить несколько упрощенный (или приближенный) подход большинства вышеназванных авторов к истории Английской Америки. В частности, не всегда учитывается ее разнородность, связанная с наличием множества колоний, часто несхожих друг с другом по многим показателям. Особенности развития отдельных колоний порой экстраполируются на всю их совокупность (в частности, когда речь идет о поземельных отношениях, институте рабства и т. п.).

* * *

Настоящая книга представляет собой попытку продолжить и развить (а отчасти уточнить и дополнить) ряд положений вышеназванных специальных работ. Их можно считать ответом на приглашение к дискуссии, сделанное В. А. Ламиным и Д. Я. Резуном в предисловии к монографии об истории сибирского и американского фронтира[84].

[84] См.: *Резун Д. Я., Ламин В. А., Мамсик Т. С., Шиловский М. В.* Фронтир в истории Сибири... С. 7.

Глава I
«ВНЕШНИЕ» И «ВНУТРЕННИЕ» ПАРАМЕТРЫ КОЛОНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

§ 1. Экспансия: темпы и масштабы

Сравнение любых явлений и процессов начинается со сравнения их «внешних» параметров, которые «лежат на поверхности» и «бросаются в глаза». В нашем случае такие «внешние» параметры — это, во-первых, темпы экспансии той или иной державы (или, иначе говоря, вопрос о том, насколько быстро англичане и французы преодолевали пространства Северной Америки, а русские — соответственно Северной Азии); во-вторых, размер территорий, на которые распространялось влияние той или иной державы; в-третьих, численность участников колонизационного процесса. Безусловно, все эти параметры тесно связаны между собой.

С точки зрения темпов на первом месте, безусловно, находились русские землепроходцы. Как известно, русское проникновение в Сибирь началось задолго до Ермака, однако весь многовековой период, предшествовавший его походу, т. е. до начала 1580-х годов — можно в целом охарактеризовать как подготовительный, в чем-то сходный с периодом «исследования без колонизации» в истории Северной Америки. Уже в XI–XII вв. новгородцы начали совершать походы на Северный Урал («в Югру»), однако неизвестно, переходили они его или нет. Первые документально доказанные путешествия новгородцев за Урал в бассейн Оби относятся к XIV в. (1364–1365 гг.). В 1483 г. состоялся поход московских воевод Ф. Курбского-Черного и И. И. Салтык-Травина через Средний Урал в Западную Сибирь (само слово «Сибирь», о распространении которого речь пойдет в главе III, в это время было уже достаточно хорошо известно русским). Еще один крупный поход в бассейн нижней Оби состоялся в 1499 г. (поход П. Ф. Ушатого, С. Ф. Курбского и В. И. Гаврилова-Бражникова). Однако результатом этих походов (помимо добытой пушнины) было лишь накопление знаний об Урале и прилегающих к нему регионах Западносибирской равнины и, что также немаловажно, заявление русских притязаний на эти земли. Последнее выражалось прежде всего в титулатуре русских государей. Так, уже Василий III включил в свой титул Обдорскую и Кондинскую земли (т. е. территории по нижнему течению Оби и по р. Конде — притоку Иртыша)[1].

Параллельно с продвижением на Урал и за Урал шло открытие русскими промышленниками-поморами побережья Северного Ледовитого океана. К XV в. они уже регулярно совершали плавания вокруг полуострова Ямал и достигали Обской и Тазовской губы. Кроме морского пути, они разведали также и несколько сухопутных маршрутов к Верховьям Оби (однако они были существенно более длинными и сложными, чем морской).

В то же время следует еще раз подчеркнуть, что, несмотря на все экспедиции и походы «доермакового» периода, вплоть до середины 1580-х годов контакты русских с Сибирью носили в целом спорадический характер; никаких постоянных поселений там основано русскими не было (точно так же как и на Североамериканском континенте в эпоху «исследования без колонизации»). Однако в последние десятилетия XVI — первой половине XVII в. ситуация коренным образом изменилась — именно в это время русские совершили свой исторический рывок в Северную Азию.

Как известно, поход Ермака состоялся в 1582–1585 гг. Хотя на первый взгляд он не имел практических последствий, на самом деле как раз с него началось продвижение русских в Сибирь. Уже в середине — второй половине 1580-х годов русские закрепились на водных путях, ведущих к Иртышу, — его левых притоках реках Туре и Тоболе (поход воевод В. Сукина, И. Мясного и письменного головы Д. Чулкова). В 1585 г. Иван Мансуров основал первый русский опорный пункт в Сибири — Обский городок. Затем, в 1586 г., была основана Тюмень, а в 1587 г. — Тобольск. К 1591 г. были восстановлены все завоевания Ермака на Иртыше (походы кн. В. В. Кольцова-Мосальского). В начале

[1] См. подробнее: *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий: В 5 т. Т. I. М., 1982. С. 219–223.

1590-х годов русские достигли р. Тары — левого притока Иртыша (поход А. В. Елецкого). В целом уже к концу XVI в. русские подчинили бассейн нижнего Иртыша и бóльшую часть бассейна средней Оби (почти до р. Томи), а также некоторых ее притоков (р. Кети). Параллельно на рубеже XVI–XVII вв. шло интенсивное продвижение русских в низовья Оби и дальше — в так называемую Мангазею — территорию, расположенную в долинах рек Надым, Пур и Таз (походы И. Змеева, Ф. Дьякова, Ю. Долгушина; экспедиции кн. М. М. Шаховского и Д. Хрипунова и кн. В. М. Мосальского-Рубца и С. Пушкина). Собственно город Мангазея (в низовьях р. Таз) был основан в 1600 г. (по другим данным в 1601 г.) воеводой М. Шаховским и Д. Хрипуновым. На тот момент это был самый северный опорный пункт русских в Сибири.

В начале XVII в. русские начали проникать в бассейн верхней Томи (походы И. Павлова, Б. Константинова, И. Пущина). Несколько позднее — с середины 1620-х годов — они продвинулись в бассейн верхней Оби, а затем — в бассейн р. Бии, открытие которого было завершено к началу 1640-х годов (походы П. Дорофеева, Ф. Пущина, П. Собанского).

В это же время — в первые десятилетия XVII в. — началось проникновение русских в бассейн другой крупнейшей сибирской реки — Енисея (его общая площадь составляет 2580 тыс. км^2). В 1607 г. русские промышленники основали Туруханск (речь идет о Старом Туруханске, который первоначально называли Новая Мангазея) в устье Турухана и открыли устье Нижней Тунгуски. К 1610 г. было обследовано низовье Енисея. А в 1620-е годы русские проникли в так называемую Землю Пясиду (на Северо-Сибирскую низменность). Тогда же — в первые два десятилетия XVII в. — русские двинулись в бассейн среднего Енисея (а также его притоков — рек Сыма и Каса), причем двумя путями: с севера (из Мангазеи) и с юга (из долины р. Кети). Вслед за этим началось продвижение в бассейн Подкаменной Тунгуски (окончательно эта река была открыта в 1623 г. П. Фирсовым), а с 1620-х годов — Верхней Тунгуски / Ангары. В результате походов В. Тюменца, А. Дубенского, М. Перфильева (Перфирьева) русские впервые проникли в Бурятию («Страну братских людей»). Еще раньше — в 1609 г. — русские достигли верховьев Енисея.

В начале XVII в. русские также проникли на полуостров Таймыр (поход К. Курочкина и др.) и где-то между 1615 и 1625 гг.

обогнули северную оконечность Евразии — мыс, ныне называемый Челюскин.

В 1620 г. из Новой Мангазеи на восток двинулся отряд Пянды (встречается также Пенда), который в 1623 г. перешел по волоку с Нижней Тунгуски на Лену, исследовал ее среднее и верхнее течение, а также обнаружил удобный путь от Лены к Ангаре.

На рубеже 1620–30-х годов началось активное проникновение русских на р. Лену. Оно шло двумя путями: северным и южным. Северный путь (от Нижней Тунгуски волоком на р. Чону и далее по Вилюю) был впервые пройден в 1630 г. М. Васильевым. Южный путь (от рек Ангары и Илима через водораздел к р. Куте и далее к верхней Лене) открыл в 1629–1630 гг. В. Бугор. Это положило начало проникновению русских в бассейн Лены и ее крупнейших притоков (Вилюя, Алдана), т. е. на территорию Якутии (походы И. Галкина, П. Бекетова, А. Дубины, А. Архипова, С. Корытова и др.). Что касается самой Лены, то впервые вся эта огромная река (самая длинная из рек России, текущих под одним названием — 4400 км) была пройдена отрядом казаков И. Падерина в 1632 г.

Едва закрепившись в Якутии (в 1632 г. П. И. Бекетовым был построен Якутский острог, в 1642 г. перенесенный на место нынешнего Якутска), русские продолжили движение на восток. В 1634 г. И. Перфильев открыл устье р. Яны, а осенью 1635 г. поднялся по ней до слияния рек Сартанга и Дулгалаха (где им был основан Верхоянск). В 1638–1641 гг. соратник Перфильева Иван Ребров прошел морем до устья р. Индигирки и поднялся по ней до устья р. Уяндины. В долину Яны и далее — в долину р. Индигирки — русские проникали и сухим путем — из Якутска через Верхоянский хребет (походы Посника Иванова в 1637–1639 гг.). С Индигирки уже в 1640 г. русские продвинулись еще дальше — на р. Алазею (И. Ерастов).

В 1641–1645 гг. состоялся поход Михайло Стадухина, в ходе которого он и его люди добрались до верховьев р. Индигирки (района Оймякона — самой холодной точки Северного полушария), а затем спустились до Северного Ледовитого океана и Восточно-Сибирским морем дошли до устья р. Колымы вошли в него и поднялись до ее среднего течения. Вскоре русскими был освоен и более короткий «южный» путь на Колыму через среднюю Индигирку.

Из бассейна р. Лены русские направлялись не только на восток, но и на юг — в Забайкалье. В 1638 г. туда по р. Витим впервые пришел М. Перфильев. Там русские узнали о р. Шилке, впадающей в другую большую реку (т. е. Амур), которая, в свою очередь,

впадает в «неведомое море». Чуть позднее, в 1643–1644 гг. казаки с верхней Лены достигли озера Байкал (К. Иванов, С. Скороход). В последующие годы русские исследовали земли, прилегающие к Байкалу. В 1644 г. К. И. Москвитин достиг истоков рек Уды и Селенги, однако проникнуть дальше в Монголию ему не удалось.

Уже в Якутии до русских стали доходить известия о «Теплом море», находящемся где-то далеко на востоке. Это, безусловно, «подхлестывало» землепроходцев, стремившихся не только к поиску новых «ясачных землиц» — источников пушнины, но и надеявшихся достичь таинственных восточных стран (Китая, или, как его тогда называли, «Катана»), где можно найти и другие богатства — в первую очередь драгоценные металлы. В 1639 г. после нескольких неудачных попыток русским удалось сухим путем добраться из Якутии до Тихоокеанского побережья. Отряд И. Ю. Москвитина с проводниками-эвенами поднялся по Алдану до р. Маи, прошел по ней до небольшой речки Нудыми, преодолел водораздел (хребет Джугджур) и спустился к Ламскому (Охотскому) морю. Таким образом было сделано очень важное открытие — европейцы впервые вышли к тихоокеанскому побережью с востока! До этого Тихий океан открывали с юга (Антониу де Абреу, 1511 г.) и с запада (Васко Нуньес де Бальбоа, 1513 г.).

Далее, в конце 1639–1640 гг. И. Ю. Москвитин и его люди исследовали большой участок морского побережья (до Сахалинского залива). От местных жителей они получили сведения о существовании на юге большой реки, т. е. Амура, и, может быть, видели острова, расположенные в ее устье.

В 1640-х — начале 1650-х годов русские продолжили открытие и исследование побережья Охотского моря, а также ведущих к нему водных путей — не только через р. Алдан, но и через речные системы Индигирки и Колымы (походы А. И. Горелого, А. Филиппова, И. А. Баранова и др.).

Тем временем от Колымы (где русские закрепились после вышеупомянутого похода М. Стадухина) шло дальнейшее освоение побережья северо-восточной оконечности Евразии морским путем. Центральным событием здесь, безусловно, была экспедиция Ф. А. Попова — С. И. Дежнева, организованная в 1648 г. В результате этой экспедиции русскими была достигнута восточная оконечность Евразии (мыс, названный впоследствии мысом Дежнева), впервые пройден пролив, разделяющий Чукотку и Аляску (Берингов), открыто устье Анадыря. Кроме того, С. Дежнев

открыл и пересек Корякское Нагорье и Анадырскую низменность.

Другим выдающимся достижением было открытие и исследование бассейна р. Амура и его притоков. В 1643–1646 гг. состоялся поход В. Д. Пояркова. С относительно большим отрядом (132 человека) он вышел из Якутска, поднялся по Алдану и его притокам (рекам Учуру и Гонаму), перешел водораздел (Становой хребет) и вышел к верховьям р. Бянты (приток р. Зеи). Таким образом, русские попали в густонаселенную Даурию, жители которой поддерживали торговые контакты с Китаем. По р. Зее Поярков достиг Амура, спустился до его устья и оттуда прошел вдоль берега Охотского моря до р. Ульи. В 1649–1650 гг. другим путем (через реки Олёкму и Тунгир) на Амур пришел Е. П. Хабаров. В дальнейшем (в 1650–1653 гг.) он исследовал среднее течение Амура (где русским пришлось вступить в столкновение с манчжурами).

Мы перечислили только самые главные походы русских землепроходцев, однако уже этого достаточно для того, чтобы подвести итог. За 70 лет, прошедших после похода Ермака русские землепроходцы — служилые люди, казаки, промышленники и просто бродяги (гулящие люди), действуя частично по указанию властей, частично по собственной инициативе, смогли преодолеть расстояние от Урала до Тихого океана. На юге русские достигли Забайкалья и берегов Амура, на Севере — побережья Северного Ледовитого океана. Если не затрагивать вопроса об исследовании и освоении внутренних областей Сибири, то можно сказать, что к середине XVII в. в Северной Азии осталось очень мало регионов, не затронутых русской экспансией. К последним можно отнести Сахалин, Приморье и с известными оговорками Камчатку и Чукотку (см. рис. 1).

Расстояния, пройденные русскими экспедициями, поражают воображение. Например, протяженность маршрута, пройденного В. Поярковым, составляет около 8000 км. Еще бóльшее впечатление производит та быстрота, с которой эти расстояния преодолевались. Так, Пянда за одно лето прошел вверх и вниз по р. Лене около 4000 км. При таком быстром движении с запада на восток от одной реки к другой русские иногда даже «пропускали» или «проскакивали» довольно крупные реки. Например, реки между Енисеем и Леной (Анбар, Попигай) были открыты только в середине — второй половине 1640-х годов.

При всем этом необходимо учитывать тяжелейшие природно-

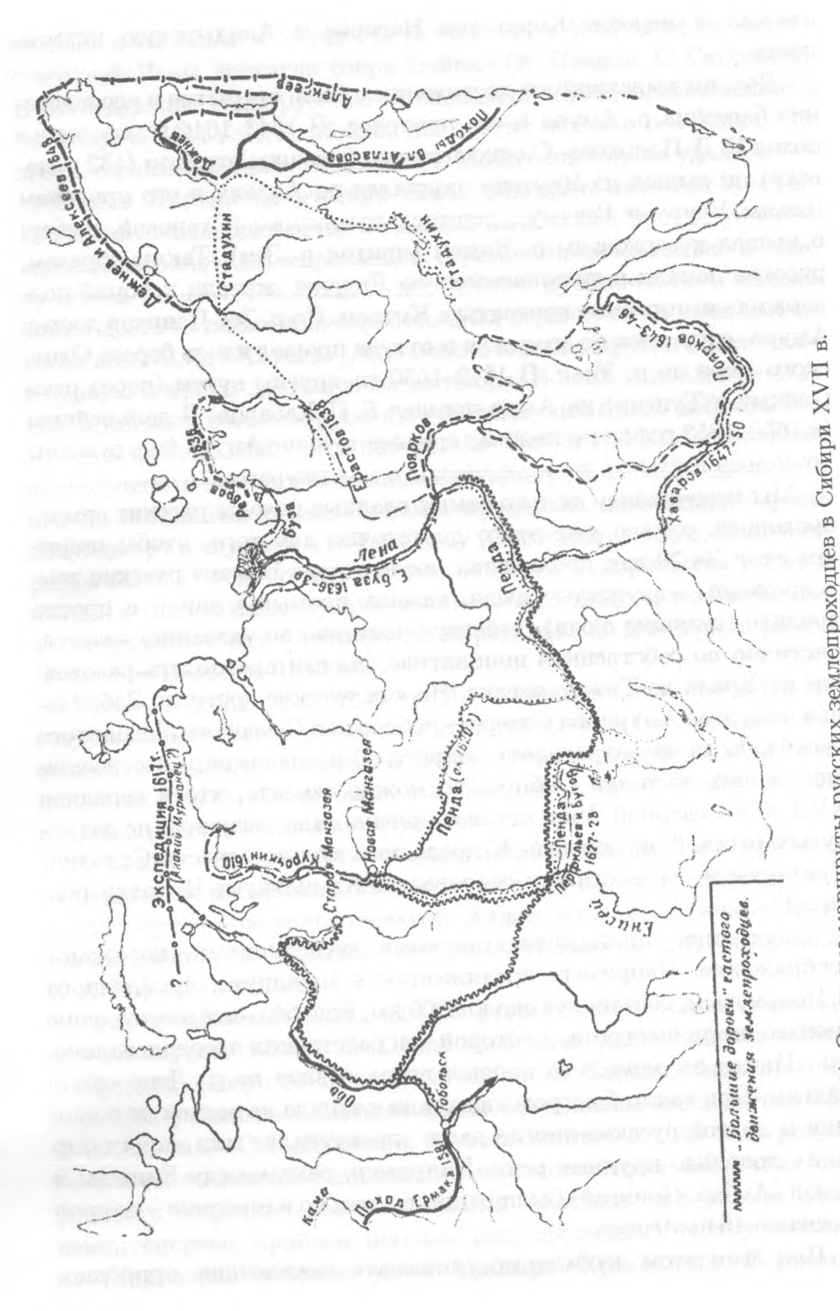

Рис. 1. Основные маршруты русских землепроходцев в Сибири XVII в.

климатические условия Северной Азии, настороженное, а иногда и открыто враждебное отношение местного населения, отсутствие точных навигационных приборов, крайне смутные представления о географии исследуемого региона и т.п. Конечно, русские активно пользовались услугами проводников из числа аборигенов и полученными от них сведениями о сопредельных землях, маршрутах, соседних племенах и т. п. В то же время сибирские землепроходцы, в отличие от западноевропейских исследователях Северной Америки, получавших информацию о достижениях своих иностранных «коллег»[2], не имели никаких сведений об открытиях, совершенных представителями других стран. Собственно таких открытий в Северной Азии в XVII в. практически не было — русские исследовали ее в одиночку (иностранных путешественников под разными предлогами старались в Сибирь не пускать[3]).

Безусловно, важным объективным моментом, способствовавшим быстрому передвижению русских, была специфика речной системы Сибири – наличие густой речной сети, по которой можно передвигаться в различных направлениях, отсутствие крупных труднопроходимых горных массивов — водоразделов, которые невозможно обойти, и т. п. Благодаря этому землепроходцы, эффективно комбинируя разнообразные способы передвижения (прежде всего различные виды лодок, которые они умели строить легко и быстро), могли проходить основную часть пути от Урала до Тихого океана по рекам, преодолевая волоком лишь относительно короткие участки (нечто похожее мы увидим во Французской Америке). Безусловно, и речные пути были порой весьма сложны и опасны — особенно это относится к рекам Восточной Сибири, — не случайно в отчетах того времени часто встречаются упоминания напо-

[2] Информация об открытиях и исследованиях, во-первых, достаточно оперативно публиковалась и отражалась на географических картах, т.е. становилась достоянием гласности. Во-вторых, эту информацию активно собирали официальные и неофициальные представители заинтересованных держав (дипломаты, секретные агенты), ревниво следившие за достижениями конкурентов. Соответственно сведения о французских открытиях попадали к англичанам и наоборот – и в Париже и в его североамериканских владениях были осведомлены о действиях представителей Туманного Альбиона, хотя, конечно, информация подобного рода далеко не всегда бывала полной и достоверной.

[3] О позиции Москвы по поводу доступа иностранцев в Северную Азию подробнее см.: *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв.: Введение, тексты и комментарии. Новосибирск, 2006.

добие такого — «река велми быстра и убойных мест на ней много»[4].

Однако и в дальнейшем — на всем протяжении XVII в., а отчасти и в последующие столетия — именно водные пути оставались основными коммуникациями в Сибири. По рекам передвигались и летом, и зимой (на санях). Немногочисленные сухопутные маршруты представляли собой таежные тропы (за ними закрепилось татарское название «сакма») — колесный транспорт по ним передвигаться не мог, и грузы перевозили на вьючных животных. Применительно к XVII в. дорогами в более или менее полном смысле этого слова можно считать только два тракта, которые шли из России через Урал до Верхотурья и оттуда к Тюмени и Тобольску.

Можно согласиться с мнением отечественных исследователей, что, во-первых, «в Сибири речные магистрали существенно облегчали передвижение отрядов землепроходцев (особенно в тех случаях, когда последние были вынуждены брать с собой большие объемы военных припасов и продовольствия) и — в силу слабой освоенности территории — если не повсеместно, то на ряде дистанций заметно его ускоряли»[5]. А во-вторых, «речные системы Урала и Сибири во многом определяли направление русских завоевательных и колонизационных потоков, не только потому, что технически облегчали их продвижение в глубь континента и проецировали в сознании первопроходцев наиболее удобные пути к легендарным центрам европейской и азиатской торговли, но и в силу того, что позволяли при переходе от леса к степи сформировать своеобразную "подвижную структуру" безопасности (казачьи речные флотилии), способную к глубоким вторжениям в зоны сплошного враждебного окружения»[6].

В то же время маршруты продвижения русских в глубь Северной Азии определялись не только географическими факторами, но и определенными «внешними» политическими ограничителями. В пройденных ими районах Сибири русские практически не сталкивались с конкуренцией каких-либо других колониальных держав (хотя порой и опасались ее), а сопротивление местного аборигенного населения, если оно и было, достаточно легко преодолевалось «огненным боем» (т. е. благодаря колоссальному техническому превосходству). Зато движение русских в южном направлении — в Барабинскую степь, в самые верховья Оби и Енисея, в бассейн Селенги и Орхона, в Приамурье и т. п. — сдерживалось «внешними» факторами. Во-первых, русским противостояли сильные объединения кочевых племен (ногайцев, енисейских кыргызов, монголов (алтын-ханов), джунгаров и др.). В районе соприкосновения с ними русские быстро были вынуждены перейти от экспансии к обороне; уже в 1630-е годы была построена укрепленная линия, проходившая через Ялуторовский, Тебендинский, Ишимский, Вагайский и Тарханский остроги. Во-вторых, русские встретили сопротивление со стороны манчжуров, которые в 1615 г. создали свое государство, а в 1644 г. начали завоевание Китая. Период конфронтации здесь продолжался до заключения в 1689 г. знаменитого Нерчинского договора, более или менее четко определившего границы российских и китайских владений. Хотя историки до сих пор спорят о содержании отдельных статей этого договора[7], нам важно отметить, что независимо от того, как именно была проведена граница, русские в тот момент были вынуждены пойти на определенные уступки и отказаться от некоторых открытых и исследованных ими территорий.

Конечно, можно отметить, что вышеперечисленные «южные» регионы не располагали такими пушными богатствами, как северная часть Северной Азии, и первоначально привлекали русских в несколько меньшей степени. Однако это не умаляет значения политического фактора в определении южной границы русского продвижения и, следовательно, южной границы Сибири в целом.

* * *

Экспансия англичан и французов в глубь Североамериканского континента началась в первые десятилетия XVII в., т. е. на 20–30 лет позже, чем движение русских «встречь солнцу». Однако следует помнить, что в отличие от Сибири, непосредственно примыкающей к России, Северную Америку от Европы отделял океан, пере-

[4] Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией: Т. I–XII. Т. III, № 92. СПб., 1848. С. 333.

[5] *Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. М., 2004. С. 28.

[6] Там же. С. 29.

[7] См., напр.: *Артемьев А. Р.* Спорные вопросы пограничного размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г. // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. / Под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск, 2002. С. 44–52. — http://www.zaimka.ru/05_2002/artemiev_frontier/

сечение которого было достаточно трудным, долгим и рискованным делом. Естественно, что в последнем случае исследование внутренних районов смогло начаться только, после того как европейцам удалось закрепиться на Атлантическом побережье нынешних США и Канады, создать там постоянные поселения. Соответственно основанию этих поселений предшествовал достаточно долгий период — тот самый, который иногда называют периодом «исследования без колонизации», когда англичане, французы, а также представители других держав открывали и изучали восточное побережье Северной Америки, делали первые, пока еще неудачные, попытки закрепиться там, вели промысел в прибрежных водах, вступали в контакты с аборигенами и т. п.

Период «исследования без колонизации» начался в самом конце XV в. Его отправной точкой может считаться экспедиция Джона Кабота (1497), итальянца на английской службе, — первое доказанное плавание европейцев к берегам Северной Америки в Новое время (после викингов). Впрочем, не исключено, что рыбаки из западнофранцузских портов еще раньше разведали богатые рыбой отмели у берегов острова Ньюфаундленд и начали совершать туда регулярные рейсы (информацию об этом они предпочитали держать в секрете). Однако в любом случае уже в первые десятилетия XVI в. походы нормандских и бретонских рыбаков к побережью Ньюфаундленда за треской стали обычным делом и ни для кого не были тайной.

Следует признать, что в первой половине XVI в. наибольшую активность у берегов Северной Америки проявляли французы. Это касалось не только частного промысла рыбаков, но и официальных экспедиций. Так, в 1524 г. вдоль Атлантического побережья Североамериканского континента от Флориды на юге до о. Кейп-Бретон (ныне канадская провинция Новая Шотландия) на севере впервые прошла экспедиция Джованни да Веррацано, организованная с санкции Франциска I. В 1534 г. этот же король отправил на поиски новых земель капитана Жака Картье, который первым из европейцев проник в залив Св. Лаврентия и устье одноименной реки. В 1535–1536 гг. Картье снова посетил эти места. Именно тогда территория, прилегающая к р. Св. Лаврентия впервые была названа им индейским словом «Канада». В начале 1540-х годов французы попытались закрепиться в Канаде и основать там постоянное поселение (третья экспедиция Картье (1541–1542 гг.) и экспедиция Роберваля (1542–1543 гг.)), однако эта попытка провалилась.

Неудачей закончились и две попытки французских гугенотов Жана Рибо и Рене де Лодоньера основать колонию в южной части Атлантического побережья нынешних США (в районе современного города Джексонвилл, штат Флорида, и в районе Пэррис-Айленд, штат Южная Каролина). Первая была предпринята в 1562, вторая — в 1564 г. (участники второй экспедиции были уничтожены испанцами). В самом конце XVI в. создать постоянные поселения в Северной Америке пытались маркиз де Ля Рош (на о. Сейбл в 1598 г.) и Пьер Шовен (в местечке Тадуссак в устье р. Св. Лаврентия в 1599–1600 гг.).

Что касается англичан, то они — если не считать вышеупомянутой экспедиции Кабота (о которой вскоре забыли в самой Англии) — до последней четверти XVI в. не проявляли большого интереса к Северной Америке. Лишь при Елизавете I, когда начался подъем английского мореходства (и пиратства), было предпринято несколько попыток основать там колонию. В частности, такая задача ставилась перед Мартином Фробишером в ходе его третьей арктической экспедиции (1578 г.) к Баффиновой земле, где, как утверждал путешественник, он нашел золото. Однако поскольку никакого золота на островах Канадского арктического архипелага англичанам обнаружить не удалось, поселения там создано не было. В 1583 г. неудачную попытку основать колонию на Ньюфаундленде (в бухте Сент-Джонс) предпринял сэр Хэмфри Гилбёрт.

Наиболее известным английским колониальным предприятием того времени, относящимся к Северной Америке, были экспедиции в Вирджинию, организованные сэром Уолтером Рэли, рассчитывавшим основать там колонию. После плавания Ф. Амадаса и А. Барлоу, которое состоялось в 1584 г. и носило разведывательный характер, в 1585 г. на о. Роаноке было основано английское поселение (экспедиция сэра Р. Гренвилла и Р. Лейна). Однако уже в 1586 г. колония была эвакуирована. В 1587 г. Рэли снова отправил на Роаноке партию колонистов во главе с Джоном Уайтом, который оставил на острове 116 человек. Три года спустя — в августе 1590 г. — Уайт вернулся на Роаноке и не обнаружил там ни одного поселенца. Колонисты в какой-то момент покинули остров, однако их дальнейшая судьба неизвестна (хотя на сей счет существует множество разнообразных гипотез). В историографии поселение на Роаноке принято называть «Потерянной колонией» (Lost Colony).

На рубеже XVI–XVII вв. европейцы уже достаточно хорошо представляли себе очертания восточного побережья Северной Аме-

рики от Флориды до Лабрадора. Кроме того, французы познакомились с заливом и устьем р. Св. Лаврентия, а англичане — с островами Канадского Арктического архипелага — после вышеупомянутого М. Фробишера их исследование продолжил Дж. Девис (три экспедиции 1585–1587 гг.). В Европе были получены первые сведения о природе и климате Северной Америки, ее аборигенах и т. п. На географических картах появились названия и надписи, свидетельствующие о притязаниях Лондона и Парижа на те или иные части континента. Однако важно подчеркнуть, что никаких постоянных поселений в Северной Америке к этому времени основано не было (имели место лишь эпизодические зимовки в наскоро сколоченных домах и импровизированных укреплениях). Во внутренние районы континента европейцы не проникали и имели о них лишь самое поверхностное представление. Продвижение в глубь Северной Америки началось только после основания там первых английских и французских колоний.

Это произошло в начале XVII в., когда после серии «подготовительных» экспедиций англичанам и французам наконец удалось закрепиться на Североамериканском континенте. В 1604–1605 гг. П. дю Га де Моном и С. де Шампленом было положено начало французской колонии Акадия (в XVII в. так называлась территория современных Атлантических провинций Канады — Новой Шотландии, Нью-Брансуика и о. Принца Эдуарда, — а также прилегающая к ним северная часть американского штата Мэн). В 1604 г. они основали поселение на острове Сент-Круа (сейчас остров Дочет, штат Мэн), а в 1605 г. переместились оттуда в Пор-Руайяль (современный Аннаполис Ройял, провинция Новая Шотландия). В 1607 г. капитан К. Ньюпорт доставил группу английских колонистов в Вирджинию, где было основано поселение Джеймстаун. В 1608 г. вышеупомянутые Шамплен и де Мон на р. Св. Лаврентия основали город Квебек, на полтора века ставший центром североамериканских владений Франции и базой для дальнейшего продвижения французов в глубь континента.

На Атлантическом побережье нынешних США к северу от Вирджинии в первые два десятилетия XVII в. постоянных поселений основано не было, хотя англичане продолжали его исследовать (экспедиции Б. Госнолда, М. Принга, Дж. Уэймута). Лишь в 1620 г. в залив Кейп-Код прибыл легендарный «Мейфлауэр» с «отцами-пилигримами», основавшими поселение Плимут (Новый Плимут). Так было положено начало колонизации Новой Англии (колонии

Плимут, Массачусетс, Коннектикут, Провиденс, Род-Айленд, Нью-Гемпшир, Мэн). В 1620–30-е годы там был основан ряд поселений, крупнейшим из которых стал Бостон — столица самой большой колонии Массачусетс и центр всей Новой Англии.

Основание поселений на побережье было необходимым предварительным условием для дальнейшей экспансии на Североамериканском континенте. В то же время темпы продвижения в глубь материка и размеры пройденной территории у англичан и французов оказались совершенно разными.

Применительно к XVII — первой половине XVIII в. и по скорости, и масштабам второе место после русских уверенно занимают французы. Их проникновение во внутренние районы Североамериканского континента началось в первые годы после основания Квебека. В 1609 г. «отец Новой Франции» Самюэль де Шамплен прошел все среднее течение р. Св. Лаврентия, открыл ее правый приток — р. Ришельё и поднялся по ней до озера, названного его именем (сейчас это озеро находится на территории США и его название произносится в англизированном варианте — Шамплейн). С. Шамплен первым из европейцев открыл прилегающие к озеру горные массивы: горы Адирондак на западе и хребет Гринмаунтинс на востоке.

В 1613 г. Шамплен продолжил исследование бассейна р. Св. Лаврентия. Он поднялся по ее крупнейшему левому притоку — р. Оттава и через оз. Ниписсинг вышел на северный берег залива Джорджиан-бей, примыкающего с севера к оз. Гурон. Таким образом, было положено начало знакомству европейцев с системой Великих озер. В 1615–1616 гг. французы вышли к оз. Онтарио и через него — к истокам р. Св. Лаврентия, завершив таким образом ее открытие (путешествия Шамплена и первых «лесных бродяг» Этьена Брюле и Жана Николе). Также к этому времени французами было окончательно открыто само оз. Гурон. Уже в начале 1620-х годов они добрались до оз. Верхнего — крупнейшего озера Северной Америки. В 1634 г. Ж. Николе достиг района Су-Сент-Мари, т. е. пролива, соединяющего оз. Гурон и Верхнее. Оттуда он двинулся на юг и открыл другое огромное озеро — Мичиган. Николе достиг залива Грин-бей, а оттуда — верховьев р. Фокс. Есть предположение, что он тогда же дошел и до верховьев Миссисипи. В 1640 г. миссионер-иезуит о. Жан де Бребёф открыл пятое из Великих озер — оз. Эри, а в 1648 г. другой миссионер о. Поль Рагёно достиг Ниагарского водопада.

В середине XVII в. французы продолжили продвижение по территориям, прилегающим к Великим озерам. В 1654 г. «лесной бродяга» Медар Шуар де Грозейе спустился к южной оконечности оз. Гурон и пересек участок суши, отделяющий его от оз. Мичиган (это территория современного штата Мичиган). Он же в 1659–1660 гг. совместно с Пьером Эспри Радиссоном обследовал все побережье оз. Верхнее и предположительно через водораздел вышел к р. Висконсин — крупному левому притоку р. Миссисипи. Таким образом было положено начало проникновению французов в бассейн «Отца вод» — крупнейшей реки Североамериканского континента (3950 км или 6420 км — если считать от истока Миссури). В 1669–1671 гг. Р. Р. Кавелье де Ла Саль открыл крупнейший правый приток р. Миссисипи — р. Огайо — и проследил ее верхнее и среднее течение.

В 1673 г. экспедиция иезуита о. Жана Маркетта и мехоторговца Луи Жолье, организованная по инициативе французских колониальных властей, вышла от залива Грин-бей к Висконсину, а оттуда — к Миссисипи. Затем Маркетт и Жолье спустились по р. Миссисипи до устья р. Арканзаса, проследив все ее верхнее и среднее течение и открыв устья ее крупнейших притоков — рек Миссури и Огайо. На обратном пути они открыли и прошли всю р. Иллинойс — еще один правый приток р. Миссисипи. В 1678–1679 гг. Даниэль Грезоло Дюлю пересек все оз. Верхнее и от его западной оконечности вышел к самым верховьям р. Миссисипи. Окончательно открытие р. Миссисипи было завершено уже упоминавшимся Ла Салем. В 1682 г. он спустился по р. Миссисипи до Мексиканского залива (всю прилегающую страну он назвал Луизианой — в честь Людовика XIV).

Еще раньше в 1672 г. миссионер о. Шарль Альбанель совершил «трансконтинентальное» путешествие от р. Св. Лаврентия на северо-запад. По реке Сагене, оз. Сен-Жан, р. Ашуапмучуан, оз. Мистассини и р. Руперт он прошел более 1000 км и достиг бухты Джеймс — южной части Гудзонова залива.

Таким образом, можно сказать, что к 1682 г. французы, двигаясь от долины р. Св. Лаврентия — ядра Новой Франции — как бы пересекли Североамериканский континент, достигнув морского побережья и на севере и на юге — правда, в одном из наиболее «узких» мест (расстояние по прямой от южной оконечности Гудзонова залива до устья р. Миссисипи приблизительно 2640 км). На это им потребовалось 74 года, — если считать от основания Квебека, т. е.

примерно столько же, сколько русским для преодоления расстояния от Урала до Тихого океана.

Так же как и русские землепроходцы, французские путешественники — вольные «лесные бродяги», миссионеры, агенты мехоторговых компаний, немногочисленные правительственные эмиссары — передвигались очень быстро и проходили огромные расстояния. Так, Ла Саль и его спутники в 1681–1682 гг. преодолели расстояние около 6000 км. Жан Николе прошел за одно лето около 1400 км.

При этом, так же как и в Сибири, в Северной Америке основным средством передвижения был водный транспорт — легкие берестяные каноэ, делать которые французов научили индейцы, — не случайно современники называли каноэ «самым остроумным изобретением дикарей». В управлении каноэ жители Новой Франции достигли совершенства — «маленький канадец буквально с пеленок учился управлять каноэ и швартоваться у любого песчаного берега»[8]. Преимущество каноэ состояло в том, что для его изготовления не требовалось никаких металлических деталей, а сделать его можно было с помощью одного ножа. Каркас формировался из кедровых жердей, легкая обшивка — из бересты. С переноской каноэ легко справлялись один-два человека.

Безусловно, огромную роль сыграло то обстоятельство, что французы основали свою главную «базу», поселение Квебек, на р. Св. Лаврентия — одной из крупнейших водных магистралей Североамериканского континента. Благодаря этому они получили доступ к системе Великих озер, откуда можно легко перейти в бассейн Миссисипи с ее густой и разветвленной сетью притоков. На пути французов также не встретилось крупных горных массивов-водоразделов, что позволило им, как и русским в Сибири, двигаться, в основном, водным путем, минуя труднопроходимые дебри «девственных лесов».

Нетрудно заметить, что в 1610–40-е годы французы продвигались, в основном, в западном направлении. Лишь с середины XVII в. их экспансия «повернула» на юг и на север. Это было связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, целью французских путешественников был не только сам по себе поиск новых земель или индейских племен — поставщиков пушнины и объ-

[8]См.: *Groulx L.* Notre Grande Aventure: L'Empire français en Amérique du Nord (1535–1760). Montréal, 1976. P. 51.

ектов миссионерской деятельности (хотя этот момент, конечно, всегда присутствовал и был очень важным), но и стремление найти путь к Тихому океану, а оттуда — на восток — в Японию, Китай, Индию. На первый взгляд это может показаться странным, но не следует забывать, что от момента открытия Североамериканского континента и как минимум до второй половины XVIII в. познания европейцев о его истинных размерах и, особенно, о его протяженности с востока на запад оставались весьма смутными. Северную Америку долгое время считали существенно более узкой, чем она есть на самом деле (это было связано с неверными представлениями о размерах всего земного шара). Веррацано и Картье вообще считали ее лишь небольшим перешейком и допускали, что в умеренных широтах можно найти пролив, ведущий в «Южное море» (т.е. в Тихий океан). Позднее, когда французы обосновались в долине р. Св. Лаврентия, индейцы рассказали им о больших водных пространствах на западе, до которых можно легко добраться. Говоря о «Большой тихой воде на западе» аборигены, естественно, имели в виду Великие озера, однако европейцы решили, что речь идет о море, за которым находится вожделенный Китай. Жан Николе, первым добравшийся до западного берега оз. Мичиган, был настолько уверен, что он окажется в Поднебесной империи, что для аудиенции у богдыхана захватил с собой парчовый халат, расшитый золотыми цветами и птицами[9].

Постепенно, по мере знакомства европейцев с географией Североамериканского континента, он в их представлениях стал «расширяться». В середине — второй половине XVII в. французские путешественники искали уже не мифический пролив между океанами, а реку, которая берет начало во внутренних районах континента, течет на запад и соответственно впадает в Тихий океан. При этом они изначально не ставили перед собой цели достичь Мексиканского залива: с одной стороны, он был им просто «не нужен» (то, что это именно залив Карибского моря и что оттуда на восток не попасть, стало известно еще в XVI в.), с другой — они серьезно опа-

[9]Одеяние Николе произвело огромное впечатление на индейцев виннебаго, обитавших в этих местах. Посмотреть на удивительного пришельца пришло несколько тысяч аборигенов. Они решили, что Николе — живое божество и поспешили заключить с ним мир и союз. См.: Dictionary of Canadian Biography — Dictionnaire biographique du Canada. Vol. 1: 1000–1700. Toronto; Québec, 1966. — http://www.biographi.ca

сались столкновения с испанцами[10]. Однако география Североамериканского континента привела французов не на запад, а на юг — туда, куда текла р. Миссисипи, в определенной степени детерминировав дальнейшее направление развития колониальной экспансии Парижа (на рубеже XVII–XVIII вв. началась французская колонизация так называемой большой Луизианы, т.е. территорий в бассейне р. Миссисипи и на побережье Мексиканского залива).

К концу XVII в. французам стало ясно, что относительно короткого и доступного пути к Тихому океану в Северной Америке в умеренных широтах нет (конечно, если говорить о маршруте, который мог бы иметь экономическое и политическое значение в то время, а не просто о принципиальной возможности пересечения континента с востока на запад). Видимо, это обстоятельство имело большое значение, так как в дальнейшем продвижение французов в глубь Североамериканского континента несколько замедлилось. До своего «ухода» из Северной Америки в 1763 г. они так и не добрались до Тихого океана.

В то же время в конце XVII — первой половине XVIII в. французы продолжали продвигаться на запад. Они шли, в основном, двумя путями: из Канады (т.е. от поселений долины р. Св. Лаврентия и от фортов района Великих озер) и из Луизианы (т.е. от опорных пунктов в низовьях р. Миссисипи). Двигаясь из Канады, французы через прерии Великих равнин вышли к отрогам Скалистых гор. В 1730–40-е годы путешественники из семьи Вареннов де Ла Верандри открыли крупнейшие реки канадского запада (Ред-ривер (северная), Ассинибойн, Саскачеван и др.). В результате в сферу французской экспансии попали территории современных канадских провинций Манитоба и Саскачеван, а также штатов Северная и Южная Дакота. Из Луизианы французы продвигались по многочис-

[10]Испанская экспансия в Северной Америке (к северу от Рио-Гранде) началась еще в первой половине XVI в. и шла двумя путями: с территории Мексики на территорию нынешнего американского юго-запада (Калифорния, Новая Мексика) и от полуострова Флорида на юго-восток современных США. Испанцы открыли и исследовали достаточно обширные районы (в частности, именно они первыми открыли низовья Миссисипи), однако постоянные поселения ими были основаны только во Флориде (Сан-Агустин) и в Новой Мексике (Санта-Фе). Территория нынешних США и Канады привлекала далеко не первоочередное внимание Мадрида, основные силы которого в Новом Свете были брошены на завоевание и колонизацию земель в Мексике, Южной и Центральной Америке. В то же время испанцы долгое время весьма ревниво относились к появлению конкурентов даже на дальних подступах к своим владениям.

ленным правым притокам Миссисипи. Они поднимались по рекам Ред-Ривер (южной), Арканзасу, Миссури (экспедиции Л. Жюшро де Сен-Дени, Ж.-Б. Бенара де Ля Арпа, Э. Веньяра де Бурмона, братьев Малле и др.). Таким образом, номинальная граница французских владений была отодвинута к западу от р. Миссисипи и Великих озер почти на тысячу километров.

Помимо географического фактора направление французской экспансии если не направлял, то, по крайней мере, корректировал политический фактор. Дело в том, что, обосновавшись в долине р. Св. Лаврентия, французы не могли двигаться оттуда прямо на юг — на южное побережье оз. Онтарио и дальше — на территорию современного штата Нью-Йорк. Эти земли находились под контролем враждебного им племенного союза ирокезов — так называемой Лиги пяти племен, которая первоначально была союзницей голландцев из Новых Нидерландов, а затем англичан, захвативших голландские колонии в 1664 г. Могущественные и воинственные ирокезы долгое время играли роль «живого щита» срединных английских колоний, хотя пытались (и порой не без успеха) проводить и самостоятельную политику лавирования между колониальными державами. После 1713 г. затрудненным для французов стало и продвижение на север — в сторону Гудзонова залива, так как по условиям Утрехтского мира его побережье (Земля Руперта) окончательно перешло к англичанам. В этой ситуации единственно возможным направлением движения было западное — через Великие озера и уже оттуда — либо на юг — в долину Миссисипи, либо дальше на запад.

Еще в XVII в. Юрий Крижанич заметил: «Вся сила Сибирской земли в реках и [тот] кто хозяин рек, тот хозяин и этой земли»[11]. Французские владения в Северной Америке не случайно также часто называют «речной империей» — именно речные коммуникации, контроль над ними и их умелое использование были «каркасом» Новой Франции на всем протяжении ее существования[12].

* * *

На фоне выдающихся открытий русских и французов, действовавших в масштабах целых континентов, достижения англичан в деле проникновения во внутренние районы Северной Америки выглядят достаточно скромно. Ситуация не изменится даже в том случае, если мы рассмотрим несколько больший временной отрезок, чем в первых двух случаях, — от основания первых постоянных поселений до конца XVII в. (т. е. 93 года с момента основания Джеймстауна, 80 лет с момента основания Плимута и 70 лет — Бостона).

[11] *Крижанич Ю.* Политика. М., 1997. С. 176.

[12] См., напр.: *Mathieu J.* La Nouvelle-France: les Français en Amérique du Nord, XVI

На Атлантическом побережье США англичане долгое время ограничивались лишь исследованием прибрежной полосы и долин рек, впадающих в океан. Однако эти реки берут начало у отрогов гор Аппалачской системы (Блу-Ридж, Аллеганы, Грин-Маунтинс, Уайт-Маунтинс и др.), идущей с севера на юг практически параллельно побережью на расстоянии от него в среднем от 100 до 400 км, и, следовательно, все они относительно невелики по протяженности (ни одна из них не дотягивает до 1000 км). Самые значительные из них — Коннектикут, Гудзон, Дэлавер, Потомак, Роаноке, Джемс, Саскуэханна (последняя самая длинная — 715 км). Однако даже эти реки англичане проходили достаточно медленно, хотя их низовья осваивались ими очень интенсивно.

В Вирджинии англичане уже в первые годы существования колонии поднялись по р. Джеймс и достигли так называемой Линии водопадов, т. е. приблизительно того места, где сейчас находится Ричмонд (большие пороги и водопады есть почти на всех реках Вирджинии и в целом часто встречаются на реках Северной Америки, текущих в Атлантический океан). В середине 1640-х годов англичане закрепились на вирджинской линии водопадов, соорудив там цепь фортов (на реках Джемс, Паманки, Чикахомини, Аппоматокс). В то же время до верховьев Джемса и Роаноке они добрались только в 1650 г. (путешествие мехоторговца А. Вуда в район Пидмонта).

Проникновение англичан на запад Вирджинии — в район Аппалачей началось только в 1670-е годы. В 1670 г. Джон Ледерер вышел к истокам р. Раппаханок и достиг долины р. Шенандоа (в районе современного городка Фронт-Ройял). В 1671 г. по инициативе вышеупомянутого Вуда была организована экспедиция Томаса Батса и Роберта Фоллэма, которые преодолели водораздел и вышли к верховьям р. Нью-Ривер (приток р. Огайо), т. е. к реке, относящейся к системе р. Миссисипи. В 1673 г. Вуд отправил на запад Дж. Нидхэма и Г. Артура, которые также перешли через Блу-Ридж и вышли к верховьям р. Теннеси (крупнейшего притока р. Огайо) в страну индейцев-чероки.

В XVII в. из жителей всех тогдашних английских колоний на Атлантическом побережье нынешних США вирджинцы проявили, пожалуй, наибольший интерес к продвижению в глубь Североамериканского континента. Кроме них можно отметить только поселенцев Каролины. Эта колония начала создаваться только в 1660-е годы (в 1665 г. было основано поселение Кларендон, а в 1670 г. — Чарльстон), и почти сразу и ее власти, и часть ее жителей стали проявлять интерес к исследованию земель на западе. За три десятилетия англичане из Каролины преодолели расстояние от океанского побережья до водораздела, а в конце XVII в. перевалили через него. В 1698 г. коммерсант из Чарльстона Томас Уэлч достиг р. Миссисипи в районе устья р. Арканзаса — это было первое появление англичан на берегах «Отца вод». В 1699–1700 гг. англичане из Каролины вышли к р. Миссисипи другим путем — по рекам Теннеси и Огайо; оттуда они спустились по р. Миссисипи до уже знакомого им Арканзаса. Правда, проводником в этом походе служил французский «лесной бродяга» Жан Кутюр, хорошо осведомленный об открытиях своих соотечественников (ранее он был торговым агентом Анри де Тонти — одного из ближайших помощников и соратников Ла Саля)[13].

Территория среднеатлантических колоний (Нью-Йорка, Нью-Джерси, Пенсильвании) в первой половине — середине XVII в. исследовалась, в основном, голландцами. Именно они первыми поднялись по рекам Гудзон, Делавэр, Коннектикут (экспедиции Г. Гудзона[14], А. Блока, К. Хендриксена и др.). Лишь в 1664 г. под контроль англичан перешли Новые Нидерланды с Новым Амстердамом (Нью-Йорком) и фортом Оранж (Олбани), а в 1682 г. было положено начало колонии Пенсильвания.

Колонии Новой Англии, располагавшиеся на северо-востоке нынешних США, также были весьма малоактивны в плане исследования новых земель. На всем протяжении XVII в. выходцы из этих колоний действовали в пределах узкой полосы территории от залива Мэн до гор Уайт-Маунтинс и долины р. Коннектикут.

Наиболее интенсивным продвижение англичан в глубь континента было на далеком канадском севере, побережье которого они

[13]См.: *Crane V. W.* The Southern Frontier, 1670–1732. Ann Arbor, 1964 (3rd ed.). P. 65.

[14]Г. Гудзон был англичанином, но он открыл и исследовал реку, названную впоследствии его именем, находясь на службе голландской Ост-Индской компании.

начали исследовать еще в XVI в. Позднее, после основания в 1670 г. Компании Гудзонова залива, англичане начали строить небольшие укрепленные фактории (для скупки пушнины у индейцев) в устьях рек, впадающих в этот самый залив. Уже в 1670-е годы там были основаны торговые посты Олбани, Черчилл, Руперт, Мус (все в устьях одноименных рек), а также форт Йорк (в устье рек Хейс и Нельсон). Правда, вплоть до 1713 г., когда по условиям Утрехтского мира побережье Гудзонова залива было окончательно закреплено за Англией, французы оспаривали права англичан на этот район. В конце XVII — начале XVIII в. они не раз захватывали английские фактории и строили свои собственные. Тем не менее еще в первые десятилетия существования компании англичане начали исследовать вышеназванные реки, которые служили основными торговыми путями индейцев, поставлявших им пушнину. Наиболее выдающимся английским достижением здесь следует считать экспедиции Генри Келси. В 1688–1690 гг. он первым посетил район, расположенный к северу от р. Черчилл, а в 1690–1692 гг., передвигаясь по северным канадским рекам, достиг оз. Виннипег, оттуда вышел на р. Саскачеван и поднялся по ней, а затем по ее притоку р. Кэррот добрался до района канадских прерий (приблизительно до того места, где сейчас находится городок Норт-Батлфорд, провинция Саскачеван). Правда, на этом продвижение англичан в глубь Североамериканского континента со стороны Гудзонова залива остановилось более чем на полстолетия (до середины XVIII в.).

Относительно медленное и «неглубокое» проникновение англичан во внутренние районы Северной Америки в XVII в. было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, основной поток английской колонизации шел чрезвычайно широким (более 3000 км) фронтом на Атлантическое побережье нынешних США и Канады от Флориды до Ньюфаундленда. При этом в отличие от русских и французов англичане не ограничивались только речными путями, а двигались «сплошной» стеной (той самой непрерывной подвижной границей, которую позднее и назвали «фронтиром» в узком смысле этого слова). В этой ситуации первой задачей, стоявшей перед англичанами в Северной Америке, безусловно, было освоение побережья. К концу XVII в. они вполне успешно с ней справились, создав цепочку поселений от Каролины до Мэна, попутно поглотив голландский «эксклав» (Новые Нидерланды), разделявший южные плантационные колонии и колонии Новой Англии. Столь большая «ширина» (и очень высокая «плотность», о которой речь

пойдет далее) компенсировались относительно небольшой «глубиной».

Во-вторых, свою роль сыграл географический фактор. В распоряжении английских поселенцев не оказалось таких удобных водных путей, ведущих в глубь континента, как те, которыми смогли воспользоваться русские землепроходцы и французские путешественники. Соответственно англичане на первых порах смогли продвинуться только на то расстояние, которое им позволяли преодолеть реки, впадающие в Атлантический океан, т. е. от берега до Аппалачей. Иначе говоря, «естественные» границы Английской Америки оказались существенно более тесными, чем «естественные» границы Новой Франции и Русской Сибири.

В-третьих, сказывался экономический фактор. И русские в Сибири, и французы в Канаде придавали очень большое значение пушному промыслу и стремились к поиску новых источников драгоценных мехов. Для этого и тем и другим нужно было постоянно уходить все дальше и дальше в поисках новых пушных угодий и поставщиков «мягкого золота»: в первом случае — ясачных инородцев, во втором — кочевых индейцев-охотников. В английских атлантических колониях мехоторговля не имела особого значения — прежде всего потому, что пушной зверь водился там в более ограниченном количестве (и не отличался высоким качеством меха). Исключением можно считать колонию Нью-Йорк, где скупка пушнины была налажена еще голландцами и от них перешла к англичанам, и отчасти Южную Каролину. Кроме того, в приатлантической полосе у англичан было мало надежных торговых партнеров среди индейских племен (основное исключение составляли ирокезы); да и в целом индейское население там уже в XVII в. стало стремительно сокращаться (причин этого было много, но все они так или иначе были связаны с появлением «бледнолицых»). Зато на севере, на побережье Гудзонова залива, т. е. там, куда англичане пришли именно ради мехов, они достаточно быстро — всего за несколько десятилетий — освоили (пусть и поверхностно) обширную территорию, площадь которой превышает площадь всех колоний на Атлантическом побережье вместе взятых (см. рис. 2).

На все три рассматриваемых нами случая территориальной экспансии влиял (правда, в разной степени) и фактор, который можно назвать фактором конкуренции. Иначе говоря, те или иные территории порой захватывались просто для того, чтобы они не попали в

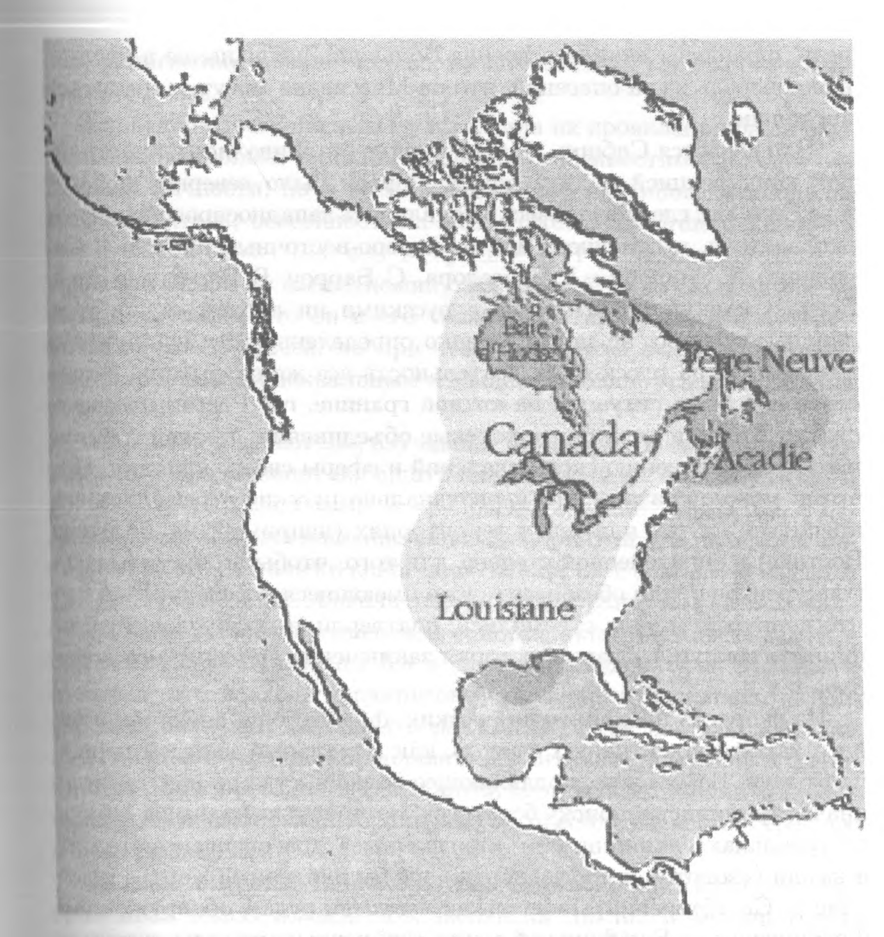

Рис. 2. Сфера французской экспансии на Североамериканском континенте в XVII — первой половине XVIII в.

«чужие» руки, либо для того, чтобы создать препятствие для экспансии других держав, либо для того, чтобы создать своего рода «буфер» на границах своих владений. Так, англичане уже в конце XVII в. стали опасаться того, что французы, закрепившись во внутренних районах Североамериканского континента (на линии Миссисипи — Великие Озера — р. Св. Лаврентия), смогут выйти в «тыл» их поселений. Соответственно это в определенной мере подхлестывало продвижение самих англичан за Аппалачи. В свою оче-

редь, французы начали освоение Большой Луизианы не в последнюю очередь из-за опасений, что на Миссисипи могут закрепиться англичане.

Что касается Сибири, то там русские сталкивались с иностранной конкуренцией в двух зонах. Первой было северное побережье Евразии, где эпизодически появлялись западноевропейские мореплаватели, пытавшиеся найти «северо-восточный проход» (экспедиции Х. Уиллоби — Р. Ченселора, С. Барроу, В. Баренца и др.). Всерьез конкурировать здесь с русскими ни англичане, ни голландцы, конечно, не могли; однако определенное стимулирующее воздействие на русских их деятельность все же оказывала. Более серьезной была ситуация на южной границе, где России противостояли Китай и различные кочевые объединения, также стремившиеся к расширению своих владений и сферы своего влияния. Поэтому можно сказать, что первоначально русские стремились закрепиться на тех или иных территориях (например, на Дальнем Востоке) в определенной степени для того, чтобы не пустить туда конкурентов и/или обезопасить уже имеющиеся поселения[15]. А то, что конкуренты туда стремились, подтвердили последующие конфликты вокруг Албазина, история заключения Нерчинского договора и т. д.

На скорость продвижения русских, французов и англичан влиял и такой субъективный фактор, как моральный настрой первопроходцев. Безусловно, подавляющее большинство из них так или иначе стремились к поиску богатства, материальной выгоды — будь то «реальная» пушнина или «призрачные» драгоценные металлы и камни («золото» и «бриллианты» якобы найденные Картье в долине р. Св. Лаврения, мифическая «золотая руда», обнаруженная Фробишером на Баффиновой земле, или ценные металлы, которые надеялись найти в Забайкалье русские землепроходцы). В то же время, на наш взгляд, ошибочно сводить побудительные мотивы всех без исключения путешествий только к жажде наживы. Людьми вполне могли двигать такие чувства, как любопытство, честолюбие, религиозное рвение, по-своему понимаемый государственный интерес и т. п.

[15]Так, М. К. Любавский в числе важнейших факторов, способствовавших расширению ареала русской экспансии, наряду с погоней за пушниной и другими богатствами, называл необходимость защиты русских поселений от «непокорных племен». По его словам, «этому распространению могли положить конец только естественные преграды или достижение границы оседлости какого-либо могущественного и более или менее культурного народа» (*Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 448).

Характер сочетания этих чувств, сила их проявления были обусловлены не только индивидуальными особенностями каждой отдельной личности, но и всем складом того или иного национального характера, особенностями менталитета, присущего конкретной стране и эпохе. Так, еще в середине XVI в. Николя Ле-Шалле, участник одной из вышеупомянутых французских экспедиций во Флориду, писал, что он и его товарищи отправлялись в путешествие за своей удачей, но при этом они также были «проникнуты благородным и похвальным желанием продвинуться в познании вселенной»[16].

Многие исследователи, изучавшие французские экспедиции, обращали и продолжают обращать внимание на то, что их стимулы носили «неэкономический» и «непрагматический» характер, в отличие от английских колониальных предприятий, где на первом месте всегда стояли поиски какой-либо конкретной осязаемой выгоды. Так, еще в XIX в. Ж. Дюваль отмечал, что французы унаследовали от древних галлов и средневековых норманнов «инстинкт авантюрной экспансии»[17]. В конце XX в. другой исследователь, Э. Таймит, отметил, что подходы французов и англичан к экспансии на Североамериканском континенте различаются так же, как действия двух великих народов-мореплавателей античности: греков и финикийцев. Если последние (как и англичане) всегда думали только о выгоде, то первые (как и французы) были воодушевлены «страстью к исследованиям»[18].

В свою очередь, многие английские и американские авторы, сравнивая темпы и масштабы экспансии Англии и Франции, расставляют акценты несколько иначе. Они предпочитают заявлять о том, что французами двигала легкомысленная «любовь к приключениям», тогда как англичане, как настоящие «строители империи», «продвигались дюймами», но зато «стройными сомкнутыми рядами»[19].

Движение русских «встречь солнцу», по своим побудительным мотивам, конечно, прежде всего перекликается с путеше-

[16]Цит. по: 1492–1992. Des Normands découvrent l'Amérique. Rouen, 1992. P. 113.

[17]См.: *Duval J.* Les colonies de la France. Paris, 1867.

[18]*Taillemite E.* Marins français à la découverte du Monde. De Jacques Cartier à Dumont d'Urville. Paris, 1999. P. 8.

[19]См.: *Адамс Дж. Т.* Американская эпопея. Нью-Йорк, 1953. С. 32–33.

ствиями французов в поисках «Западного моря». Еще в XIX в. П. Н. Буцинский писал, что русскими землепроходцами «помимо материальных интересов <...> руководили необыкновенный дух предприимчивости, страсть к рискованным предприятиям, жажда знания – что таится в неведомых местах»[20]. Уже в наше время замечательный писатель В. Г. Распутин отметил, что действия землепроходцев соответствовали «русскому характеру», «русской стихии», которые не давали «усидеть в спокойствии, ожидая указаний», не давали «быть благоразумными и осмотрительными, оставив родное "авось". Можно быть уверенным, что не только корысть направляла казаков и не только, что уже благородней, дух соперничества в первенстве двигал ими, но и нечто большее <...> Тут немалой частью энергии для столь могучего порыва явилось народное самолюбие»[21].

§ 2. Колонизация и климат

Побудительные мотивы путешественников, а также тех переселенцев, военных, миссионеров, крестьян, которые шли следом за ними, должны были быть достаточно сильными для того, чтобы все эти люди были готовы преодолевать те многочисленные трудности, с которыми выходцы из Европы сталкивались в новых для них землях. Самым первым испытанием для них, пожалуй, были непривычные природные и климатические условия.

Безусловно, и климату Северной Америки, и климату Северной Азии нельзя дать однозначную характеристику – это огромные регионы, где есть области как с более суровым, так и с более мягким климатом. Кроме того, следует учитывать, что в интересующий нас временной отрезок климат и «Старого», и Нового Света несколько отличался от современного. После относительно теплой первой половины XVI в. (это была завершающая фаза средневекового климатического оптимума) во всем Северном полушарии начался постепенный переход к так называемой Третьей фазе Малого ледникового периода. Относительно точной датировки этой фазы среди специалистов существуют расхождения, однако нам важно отметить, что все они сходятся на том, что с конца XVI в. и далее практически на всем протяжении XVII и XVIII вв. климат стал за-

[20] *Буцинский П. Н.* Мангазея, Сургут, Кетск. Тюмень, 1999. С. 72–74.

[21] *Распутин В. Г.* Сибирь без романтики // Сибирь. 1983. № 5. – http://www.irklib.ru/cgi-bin/ns/index?page=90

метно холоднее[22]. Это было время наступления ледников, наиболее низкого уровня солнечной активности, а также заметного ослабления активности Гольфстрима. В Западной Европе «третья фаза» дала о себе знать прежде всего тем, что зима стала заметно холоднее и продолжительнее по сравнению с предшествующим периодом. Так, в Англии почти каждый год стала замерзать Темза (это продолжалось с 1607 по 1814 г.); в Голландии в это же время стабильно замерзали каналы. Естественно, это повлекло за собой серьезные экономические проблемы: так, на Британских островах, на Скандинавском полуострове и в Финляндии заметно сократились посевные площади, а в Исландии земледелие вообще полностью прекратилось.

В XVII–XVIII вв. несколько необычно суровых зим обрушилось на Францию. Самой известной из них была «грозная зима» 1708–1709 гг.; правда, ее тяготы были связаны не только с природными катаклизмами, но и с тем, что она пришлась на самый неудачный для французов период войны за Испанское наследство[23]. Впрочем, во Франции даже на протяжении «третьей фазы», практически во всех регионах, за исключением горных, зимы в своем большинстве все же оставались достаточно мягкими и бесснежными. Основной проблемой XVII–XVIII вв. там было выпадение существенно большего, чем раньше количества осадков, что, в свою очередь, негативно сказывалось на сельском хозяйстве – и не только на нем. Так, по крайней мере, одной из причин Фронды стали печально знаменитые «шесть дождливых лет» 1646–1652 гг.[24]

В России морозные зимы были обычным явлением, однако с конца XVI в. стали существенно чаще отмечаться необычно затяжные и холодные весны, возвраты холодов весной, заморозки в начале лета и ранней осенью[25]. В историю вошли 1601, 1602 и 1604 гг.,

[22] См., напр.: 1) *Lamb H. H.* The Changing Climate. London, 1966. P. 65, 144; 2) Climate: Past Present and Future: In 2 vols. Vol. 2. London, 1977. P. 463; *Oliver J. E.* Climate and Man's Environment: An Introduction to Applied Climatology. New York, 1973. P. 366; *Parry M. L.* Climatic Change, Agriculture and Settlement. Hamden (Conn.), 1978. P. 38, 66; *Ле Руа Ладюри.* История климата с 1000 года / Пер. с фр. Л., 1971. С. 222–223.

[23] Описание этой зимы см., напр.: *Блюш Ф.* Людовик XIV / Пер. с фр. М., 1998. С. 628–632.

[24] См.: *Ле Руа Ладюри.* История климата... С. 41.

[25] См.: *Жилина Т. Н.* Сибирь в Малый ледниковый период (1550–1850 гг.): Природа и русская колонизация: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Томск, 2004.

когда наблюдалось исключительно холодное лето (с регулярными заморозками в июле–августе), а снежный покров устанавливался в самом начале осени. Все это спровоцировало неурожай, а затем — страшный голод, с которым, несмотря на ряд отчаянных мер, власти не смогли справиться. В свою очередь, это послужило одним из толчков к началу Смуты.

В Сибири ярким свидетельством наступления Малого ледникового периода может служить постепенный упадок полярного мореходства. Если во второй половине XVI — начале XVII в. поморы регулярно ходили на кочах к устьям рек Оби и Енисея, к берегам Ямала и Таймыра, то в середине XVII в. число этих плаваний стало постепенно сокращаться, а во второй половине XVII в. они прекратились вовсе (более того, к началу XVIII в. потомки поморов утратили навыки строительства больших кораблей). Тогда же пришла в упадок, а затем была покинута легендарная Мангазея — поселение за полярным кругом, которое в начале XVII в. было одним из главных центров русской мехоторговли в Сибири[26].

Судить о Малом ледниковом периоде в Северной Америке достаточно сложно, так как имеющиеся данные о климате XVII–XVIII вв. не сравнить с данными предыдущих столетий (даже для «контактного» XVI в. есть только отрывочные сведения участников отдельных зимовок). Однако мы можем с уверенностью утверждать, что климат Североамериканского континента (по крайней мере, его восточной части) тогда был заметно холоднее, чем во второй половине XIX — первой половине XX в.

В европейской науке и тем более в обыденном сознании в течение долгого времени господствовало убеждение, что на одной и той же широте климат в любом месте должен быть примерно одинаковым. Соответственно до начала колонизации Северной Америки англичане и французы рассчитывали на то, что ее климат окажется похожим на знакомый им климат стран Западной Европы[27]. Так, ожидалось, что климатические условия Вирджинии будут аналогичны южной Испании или даже Северной Африке, а Ньюфаундлендский климат будет похож на климат южной Англии, поскольку северная оконечность острова находится примерно на широте Лондона (51°30′ СШ). Центр французской Акадии — поселение Пор-Руайяль на полуострове Новая Шотландия — находился на широте Бордо (44° СШ); основные опорные пункты французов в Канаде — Квебек и Монреаль — расположены южнее Парижа (соответственно 46°48′, 45°31′ и 48°51′ СШ).

Однако уже первые европейские поселенцы с удивлением обнаружили, что восточная часть Северной Америки отличается гораздо более резкими перепадами температур, чем те, к которым они привыкли (в отличие от умеренного атлантического климата Англии и западной Франции, климат восточного побережья США и Канады носит существенно более выраженный континентальный характер). Первоначально европейцы пытались объяснить это явление обилием в Новом Свете воды и отсутствием там обрабатываемых земель[28].

То же самое относится к Сибири. То, что климат там холоднее, чем на аналогичных широтах Европейской России, заметили быстро (при этом Омск (54°58′ СШ) и Новосибирск (55°02′ СШ) расположены ненамного, но все же южнее Москвы (55°45′ СШ), а Чита и Иркутск — южнее Самары (соответственно 52°03′, 52°17′ и 53°11′ СШ)). Однако ни в России, ни на Западе этому долго не могли найти объяснения. Ведь здесь вообще речь шла о разных частях одного и того же материка. Первоначально эти отличия пытались объяснить разницей в высоте расположения того или иного места над уровнем моря. Лишь во второй половине XVIII в. появилось представление о континентальном климате и его особенностях[29].

---

[26] Безусловно, свою роль в этом сыграли и другие факторы — в том числе государственная политика и истощение пушных угодий. В то же время, с нашей точки зрения, их значение все же не было определяющим. Да, в 1619 г. московские власти официально запретили пользоваться Мангазейским «морским ходом», т. е. совершать плавания из русского Поморья на восток — по Белому и Баренцевому морям через пролив Югорский Шар в Карское море, затем — в Байдарицкую губу и оттуда через Ямал (частично волоком) в Обскую и Тазовскую губу. Это было сделано под тем предлогом, чтобы не допустить в эти места иностранцев — голландцев и англичан, — действительно проявлявших интерес к поискам «Северо-Восточного прохода». Однако, во-первых, этот указ (как и многие другие правительственные распоряжения того времени, относящиеся к Сибири) соблюдался не слишком строго, а во-вторых, упадок Мангазеи проявился на несколько десятилетий позже — в 1640–50-е годы. Окончательно она была покинута в 1672 г.

[27] См.: *Kupperman K. O.* The Puzzle of the American Climate in the Early Colonial Period // The American Historical Review. 1982. Vol. 87, No 5 (Dec.). P. 1262.

[28] См., напр., рассуждения одного из первых французских миссионеров отца П. Биара по поводу климата Канады: The Jesuit Relations and Allied Documents / Ed. by R. G. Thwaites: In 73 Vols. Vol. III. Cleveland, 1896. P. 51.

[29] См.: *Вернадский В. И.* Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1988.

Однако нам нужно не просто сравнить климат Сибири и Северной Америки. Не менее важно выяснить кому именно — англичанам, французам или русским — и в какой степени было сложнее приспосабливаться к новым для них условиям; где была сильнее разница между климатом колонизуемой территории и климатом метрополии.

С этой точки зрения, в наиболее трудной ситуации, на наш взгляд, оказались французы в Канаде. В долине р. Св. Лаврентия, которая стала основным очагом их колонизации, французы столкнулись с долгими и холодными зимами, которых, как правило, не бывало у них на родине. Климат Восточной Канады существенно отличается от климата Франции. Там для западных и центральных областей — Бретани, Нормандии, Иль-де-Франса, Орлеаннэ (откуда происходила большая часть колонистов Новой Франции) — даже в не слишком благоприятном XVII в. была характерна положительная изотерма января и соответственно отсутствие снега зимой. За влажной весной следовало теплое (но не слишком жаркое) лето и долгая сухая осень[30]. В долине р. Св. Лаврентия французы столкнулись с совершенно непривычной для себя ситуацией резкой смены времен года: достаточно жаркое лето, короткие промежутки межсезонья и длинная холодная снежная зима.

Именно канадские зимы доставляли французам (особенно на первых порах) больше всего трудностей и проблем. Обычно на территории современных провинций Квебек и Онтарио они продолжаются от 15 до 23 недель. Уже в декабре устанавливается снежный покров, реки покрываются льдом; в январе и феврале усиливается ветер, часто бывают сильные метели и пурга (снег может идти целыми днями). Первоначально французские поселенцы просто не знали, как нужно бороться с холодами и как к ним можно приспосабливаться. Это было связано с тем, что во Франции на мороз смотрели как на стихийное бедствие, носящее единичный характер; бедствие, с которым в принципе невозможно бороться (именно так было во время вышеупомянутой «Грозной зимы»). Во время первых зимовок потери французов (от обморожений, переохлаждений и цинги) были очень велики. Из 30 человек, оставшихся зимовать в местечке Тадуссак в устье р. Св. Лаврентия в 1600–1601 гг., в живых осталось всего 11. Зима 1604–1605 гг. в поселении Сент-Круа (колония Акадия) унесла жизни 35 колонистов из 79[31].

[30] См.: *Люблинская А. Д.* Французские крестьяне в XVI–XVIII вв. Л., 1978. С. 29.

Это обстоятельство, в свою очередь, серьезно затрудняло колонизационный процесс. После 1601 г. фактория в Тадуссаке была надолго покинута французами. Практически все выжившие участники зимовки в Сент-Круа в 1605 г. решили вернуться обратно во Францию, так что организаторам и руководителям колонии Акадия пришлось срочно набирать новых людей. Однако сделать это было нелегко из-за того, что с легкой руки бывших колонистов по портовым городам разлетелись рассказы о многочисленных невзгодах и опасностях, которые подстерегают французов в Северной Америке. Конечно, в этих рассказах имелось немало преувеличений, однако весьма показательно, что на первом месте в списке трудностей всегда стояла именно «ужасная канадская зима»[32].

Конечно, постепенно французы научились приспосабливаться к канадским зимам. Уже первые поселенцы быстро поняли, что каменные дома, к которым они привыкли на родине, плохо защищают от продолжительных морозов. Результатом стал переход к строительству деревянных (бревенчатых) домов. Кроме того, на первых порах часто возводились круглые постройки из бревен на индейский манер, которые ставили прямо на земле.

Другой серьезной проблемой было налаживание отопления жилищ. Для этого, естественно, были нужны дрова. Эта, на первый взгляд, казалось бы, совсем простая задача (в частности простая для русских в Сибири) для французских поселенцев первоначально создавала немало трудностей. Дело в том, что во Франции крестьяне в то время практически не рубили лес на дрова (там их жилища отапливались, в основном, хворостом) и соответственно плохо разбирались в тонкостях этого дела. Отсюда — частое использование на первых порах сырого дерева, непригодного для топки печей и каминов, и опять-таки постепенное приобретение нужных навыков и приспособление к новым условиям.

Еще один важный момент — передвижение в условиях холодной и, главное, снежной зимы. Опять-таки во Франции такой проблемы не было — в Канаде она возникла. Соответственно французам пришлось учиться у индейцев и использовать их приспособления — сне-

[31] См.: *Daffontaines P.* L'homme et l'hiver au Canada. Paris, 1957. P. 47.
[32] *Lescarbot M.* Histoire de la Nouvelle France. Paris, 1609. P. 551.

гоступы («ракетки») и сани. Знакомство с ними произошло очень быстро (в значительной степени это был вопрос выживания). Уже в 1630-е годы французский миссионер Г. Сагар Теода (автор одной из первых книг о Канаде) с удивлением описывал низкие деревянные сани «в один шаг шириной и восемь или десять шагов длиной»[33]. По поводу снегоступов он написал следующее: «Во время больших снегов нам часто приходилось прикреплять к ногам ракетки — или для того, чтобы идти в деревню, или для того, чтобы идти искать дрова, поскольку, не чувствуя проложенной дороги, нам было нелегко вытаскивать себя из снега с нашими деревянными башмаками»[34].

Барон де Ля Онтан — путешественник, посетивший Канаду на рубеже XVII–XVIII вв., писал, что «ракетки <...> столь необходимы, что без них невозможно не только охотиться или ходить по лесу, но даже пойти в церковь, если она хоть немного удалена от поселения»[35]. Таким образом, снегоступы-«ракетки» прочно вошли в обиход франко-канадцев (надо сказать, что они достаточно популярны и в наши дни). При этом любопытно отметить, что в Канаде в XVII–XVIII вв. совсем не использовались лыжи — средство передвижения, широко распространенное в странах Северной Европы, но неизвестное индейцам Северной Америки.

Другой важный момент — теплая зимняя одежда и обувь, отличная от той, которую носят летом. Для французских крестьян, у себя на родине круглый год ходивших в одних и тех же деревянных башмаках, холщовых рубахах и относительно тонких кафтанах, это было еще одной проблемой. В Канаде им также пришлось активно заимствовать у индейцев рукавицы и варежки, теплые мокасины, глухие зимние куртки с мехом внутри и т. п. Первоначально все эти вещи рассматривались как нечто чуждое и вынужденное. Современники отмечали, что первые поселенцы весной стремились поскорее вернуться к привычным для них вещам. «Зима прошла, и мы снова надеваем нашу французскую обувь», — писал один из первых миссионеров Новой Франции, отец Поль Ле Жён[36].

[33] *Sagard Théodat G.* Histoire du Canada et voyages que les frères mineurs récollects y ont faits pour la conversion des infidèles depuis l'an 1615: 4 t. T. I. Paris, 1866 (1er ed. Paris, 1636). P. 248–249.
[34] Ibid. P. 229.
[35] *La Hontan L.-A. de Lom d'Arce*, baron de. Les nouveau voyages de monsieur le baron de La Hontan dans l'Amérique septentrionale: 2 t. T. I. La Haye, 1709. P. 74.
[36] The Jesuit Relations and Allied Documents. Vol. VII. P. 16.

Иначе говоря, зимние вещи были как бы «нефранцузскими», а значит «неправильными». Однако постепенно у жителей Новой Франции выработался свой собственный канадский стиль зимней одежды.

Можно сказать, что именно зима — долгая, холодная и снежная — стала в глазах французов главной отличительной чертой Канады, своего рода фирменным знаком или визитной карточкой этой страны. Еще «отец Новой Франции» С. де Шамплен в начале XVII в. писал:

> «Невозможно познать эту страну, не перезимовав там, поскольку, когда прибываешь туда летом, там все очень приятно благодаря лесам, красивым видам и изобилию рыбы многих видов, которую мы там находим. Но в этой стране есть еще шесть месяцев зимы...»[37].

Современные исследователи отмечают, что история формирования самобытной франко-канадской культуры (и особой франко-канадской / франко-квебекской цивилизации) — это прежде всего история приспособления человека и общества в целом к зиме, к холодам[38]. Не случайно именно зима занимает очень важное место в фольклоре и художественном творчестве Французской Канады, будучи не только фоном, но и своеобразным действующим лицом. В свою очередь, здесь можно провести очень много параллелей с восприятием Сибири, сибирских зим, сибирских холодов в русском народном творчестве и в русской культуре в целом.

Климат Сибири, безусловно, достаточно сильно отличается от климата Европейской России. Однако, с нашей точки зрения, это отличие можно охарактеризовать как количественное (тогда как отличие Франции и Канады следует признать качественным). Прежде всего это касается той же самой зимы. По обе стороны от Урала в это время года лежит снег, и температура стабильно опускается значительно ниже нулевой отметки. Даже на северо-западе, на побережье Финского залива, в зоне переходного (от морского к континентальному) климата, средняя температура января составляет −7°C. На северо-востоке Европейской России в условиях континентального климата средняя температура января колеблется от −16 до −20°C. Снежный покров держится обычно от 20 до 28 недель;

[37] *Champlain S.*, de. Œuvres / Ed. par C.-H. Laverdière: 3 t. T. III. Québec, 1870. P. 40–43.
[38] См.: *Lamontagne S.-L.* L'hiver dans la culture québécoise (XVIIe — XIXe siècles). Québec, 1983. P. 13.

его средняя высота составляет 50–70 см, а к концу зимы может достигать и более 1 м.

На бескрайних просторах Сибири и Дальнего Востока можно найти регионы с очень разными климатическими условиями, однако следует признать, что в целом за Уралом русские, как правило, сталкивались с более холодной зимой и более коротким летом, чем в Европейской России. Так, в средней полосе Западной Сибири отрицательные температуры удерживаются до полугода, средняя температура января не превышает –20°С. На севере, естественно, холоднее — морозы ниже –30°С могут наблюдаться с ноября по март; кроме того, «континентальность» климата увеличивается и в южной части Западной Сибири, где средняя температура зимы на 10° ниже, чем на тех же широтах Европейской равнины. Однако все это не идет ни в какое сравнение с Восточной Сибирью, где русские землепроходцы попали в условия вечной мерзлоты и резко-континентального климата с годовыми перепадами температур до 60–65°. Там зима еще больше «разрастается», продолжаясь не менее семи месяцев. При этом зимние температуры могут достигать рекордно низких отметок. В районе Верхоянска и Оймякона находится полюс холода Северного полушария — там отмечались температуры до –69°С (на северо-западе Канады тоже есть районы, где зимой температура может опускаться ниже –50°С, а иногда и ниже –60°С, но до этих мест в XVII — первой половине XVIII в. ни французы, ни англичане не добрались). Что касается снега, то следует учитывать, что в Сибири есть районы, где снежный покров зимой, как правило, бывает очень глубоким (тайга), тогда как в степных районах и в тундре наблюдается относительное малоснежье (по сравнению с Европейской Россией).

Безусловно, сибирские холода создавали немало проблем и для первопроходцев, и для двигавшихся вслед за ними русских поселенцев. Они не могли не обратить внимания на «жгучие» («хлящие») морозы и леденящий ветер («хиус»). Однако приспособление к сибирским условиям не требовало ни кардинальной ломки привычного уклада, ни заимствований каких-либо принципиально новых, неизвестных русским типов жилища, одежды, способов передвижения и т. п. В конце XVI–XVII вв. (да и в последующие столетия) русские в Сибири рубили деревянные избы и клети с небольшими «волоковыми» оконцами, в целом аналогичные тем, которые были распространены в Европейской России. Различия, конечно, постепенно проявлялись, но касались отдельных деталей, а именно:

материалов (в Сибири широко использовали сосну, пихту, лиственницу, а также кедр); техники рубки («в угол» или «в обло», чтобы не промерзали углы дома); наличия дощатых полов (иногда даже двойных), тогда как в России до начала XIX в. преобладали земляные полы, наличия широких бревенчатых завалинок, заполненных песком и битым кирпичом и т. п.[39] Специфический сибирский тип жилища — так называемый крестовый дом — появился только в конце XVIII — начале XIX в.

То же самое можно сказать и об одежде. В Сибири русские зимой носили шубы, полушубки, тулупы в целом аналогичные тем, в которые одевались жители Европейской России. Отличия проявлялись в материалах, специфике кроя (для сибирской зимней одежды были характерны бо́льшая длина и бо́льшие размеры ворота), отдельных деталях и приспособлениях (таких, например, как лузан — кусок ткани, который пришивали к шапке сзади, чтобы снег не попадал за воротник). Очень наглядным примером наличия количественных (но не качественных) различий между зимней одеждой русских в Сибири и в Европейской России может служить то, что сибиряки в морозы часто носили «снизку» — сшитые вместе две верхние одежды.

Остальные сферы повседневной жизни также укладываются в эту схему приспособления к зиме. Все это дало повод Н. М. Ядринцеву еще во второй половине XIX в. отметить, что «для человека, привыкшего к климату Великороссии, зимы Сибири не кажутся более тягостными. Вскрытие рек в апреле и замерзание в октябре и ноябре не представляет ничего необыкновенного»[40].

Правда, кроме суровой зимы в Сибири было (и есть) еще и достаточно непростое лето — короткое, но жаркое и изобилующее всевозможными кровососущими насекомыми. Однако приспособление к нему было для русских менее сложной проблемой (она решалась с помощью накомарника (маски-личины) и дегтя (им обмазывали даже скот)).

---

[39] Например, раскопки в Мангазее показывают, что самые ранние постройки (начало XVII в.) завалинок не имели (т. е. дома строились по русским образцам), а у более поздних строений они появляются. См.: *Визгалов Г. П.* Мангазея — первый русский город в сибирском заполярье (по материалам новых археологических исследований): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 17.

[40] О сибирском климате см.: *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. С. 88–95.

Англичане обратили пристальное внимание на фактор климата еще на заре своей колониальной эры. В XVI – начале XVII в. английские теоретики заморской экспансии неоднократно высказывали мнение о том, что их соотечественники могут преуспеть только в том случае, если будут создавать колонии в зоне умеренного климата, тогда как тропическая жара и влажность могут пагубно сказаться на их характере и даже могут их убить[41]. В то же время англичане, как и другие европейцы, не в последнюю очередь рассматривали колонии как источник товаров, которые отсутствовали у них, а это прежде всего продукция стран, расположенных в теплом климате.

Основывая поселения на Атлантическом побережье США, англичане надеялись, что они смогут стать источником таких продуктов, как вино, оливковое масло и шелк. Именно на это делалась ставка при основании южных плантационных колоний — Вирджинии, Каролины, Мэриленда. Однако ни виноградники, ни оливы там не прижились, а на тутовых деревьях померзли все шелковичные черви. Правда, винить в этом только климат, очевидно неправомерно — свою роль сыграл и характер почв, и отсутствие у поселенцев необходимых навыков, и невысокое качество исходного посадочного материала. Зато на вирджинских плантациях быстро и хорошо прижился табак, который надолго стал основной статьей экспорта южных колоний. Что касается собственно климата, то в целом в этих местах он был достаточно мягким и благоприятным даже в условиях Малого ледникового периода (хотя и не таким, как два последних столетия со средней температурой января +5°С).

В первые десятилетия XVII в. современники отмечали, что лето в Вирджинии напоминает испанское, но зима, скорее, похожа на английскую[42]. Последнее обстоятельство было большой неожиданностью для поселенцев, не рассчитывавших столкнуться со сколько-нибудь серьезными холодами на широте Толедо. Первые зимы стали суровым испытанием для жителей Джеймстауна. Особенно это относилось к зиме 1609–1610 гг., вошедшей в историю как «Ужасно голодное время» (Starving time), когда за несколько месяцев из почти 500 колонистов умерло около 440. Впрочем, это было связано не только с морозами (температура вряд ли надолго опускалась

[41]См.: *Kupperman K. O.* The Puzzle... P. 1266.
[42]Ibid. P. 1269.

ниже нуля), но также с эпидемиями и катастрофической нехваткой продовольствия.

В целом же можно констатировать, что южные английские колонии на Атлантическом побережье США находились в существенно более благоприятных природно-климатических условиях, нежели русские поселения в Сибири и французские в Канаде.

Несколько иной была ситуация в Новой Англии. Первоначально англичане предполагали, что ее климат полностью аналогичен климату Туманного Альбиона. Однако уже в начале XVII в. — еще до основания первых постоянных поселений — стало очевидным, что это не так. «Отцы-пилигримы» в своем «Новом Ханаане» столкнулись с континентальным климатом, напоминающим, скорее, климат Центральной Европы. Самая первая зима в Плимуте (1620–1621 гг.) показалась его обитателям довольно суровой, хотя снежный покров и минусовая температура держались всего два месяца. На самом деле, можно предположить, что это была довольно типичная для Новой Англии зима, так как в последующие десятилетия современники отмечали, что обычно холода и снег там держатся не более 10 недель[43]. Более суровые и продолжительные зимы (1632–1633, 1637–1638, 1641–1642 гг.) были, скорее, исключением. В то же время все сходились на том, что летние месяцы в Новой Англии существенно теплее, чем в «Старой».

Безусловно, непривычный климат создавал для поселенцев Новой Англии определенные трудности, однако, с нашей точки зрения, их не следует преувеличивать. Имеющиеся у выходцев с Британских островов умения и навыки позволили достаточно быстро приспособиться к климатическим условиям американского северо-востока. Это подтверждает и то двоякое отношение по отношению к Новой Англии, которое сложилось у первых поселенцев, проникнутых религиозным духом. С одной стороны, ее считали достаточно суровым краем, где «много скал, бесчисленные деревья, мало травы, холодная зима, жаркое лето, жалящие комары и воющие волки». С другой стороны, пуритане признавали, что данная им Богом земля не поощряет праздность, но дает возможность добиться успеха упорным трудом, что есть благо для истинного христианина. Духовные лидеры Новой Англии с пафосом заявляли:

> «Если вы желаете быстрой деградации какого-либо народа, развращения душ и тел людей, его составляющих <...> то позвольте

[43]Ibid. P. 1273.

ему отыскать богатую землю, которая приносит много при малых затратах труда. Но если вы желаете, чтобы благочестие и богобоязненность процветали <...> то позвольте ему выбрать такую страну [как Новая Англия], которая может производить достаточно при упорной работе и предприимчивости»[44].

В зону английской колониальной активности в Северной Америке попали и более северные районы с менее благоприятным климатом — Новая Шотландия, Ньюфаундленд и побережье Гудзонова залива (до 1713 г. на эти территории также претендовала Франция, имевшая там несколько опорных пунктов, однако по условиям Утрехтского мира они окончательно перешли под власть Лондона).

Правда, климат Новой Шотландии ненамного отличался от новоанглийского — там просто были несколько более продолжительные (но не более холодные) зимы. Зато на Ньюфаундленде и англичане, и французы столкнулись с достаточно суровыми условиями. Уже первые описания этого острова содержат сведения об «ужасном холоде зимой», об «огромных ледяных глыбах», которые плавают у его берегов даже в августе. В дальнейшем европейцы убедились, что зима на Ньюфаундленде часто бывает неровная (особенно на юге острова, где чередуются морозы и оттепели), но всегда достаточно долгая — холода могут держаться с октября до начала мая. Это обстоятельство (вкупе с бедностью щебенистых почв, делавшей почти невозможным развитие сельского хозяйства) привело к тому, что на протяжении длительного времени на Ньюфаундленде существовали только сезонные рыболовецкие станции. Хотя попытки колонизации острова предпринимались с конца XVI в., первые постоянные поселения появились там только в середине XVII в., и численность их жителей вплоть до конца XVIII в. оставалась очень небольшой.

На побережье Гудзонова залива англичане и французы оказались в условиях совершенно непривычного для них арктического климата. В XVII в. сам залив обычно был покрыт льдом с октября по июль (сейчас ледяной покров там держится «всего лишь» с середины декабря до середины июня). Среднегодовая температура держалась на уровне -5°C. Однако не следует забывать, что численность европейцев там была ничтожно малой — в пределах

[44]Цит. по: *Taylor A.* American Colonies: The Settling of North America. New York; London, 2001. P. 159.

нескольких десятков служащих торговых компаний, которые регулярно сменялись (даже гарнизоны там появлялись лишь эпизодически).

Как видим, та часть Североамериканского континента, куда шел основной английский колонизационный поток, отличалась в целом благоприятными климатическими условиями, к которым можно было легко приспособиться и которые не создавали трудностей для поселенцев. Показательно, что уже в середине XVII в. многие наблюдатели отмечали, что англичане хорошо и комфортно себя чувствуют в любом месте на Атлантическом побережье нынешних США. Помимо прочего, это преподносилось как доказательство того, что Северная Америка создана Господом для того, чтобы быть владением Англии[45].

Итак, климатический (в первую очередь, конечно, «зимний») фактор по-разному сказывался на английской, французской и русской колонизации. Большинство английских колонистов не испытывало сколько-нибудь серьезных проблем, связанных с климатом своей новой родины, и им не пришлось прилагать каких-либо особых усилий, чтобы приспособиться к нему. То же самое можно сказать и о русских поселенцах, хотя, конечно, они объективно оказались в существенно более суровых условиях (не случайно С. М. Соловьев говорил о том, что история заставила русских заселять «те страны, где природа является мачехою для человека»[46]). В то же время жителям Новой Франции пришлось прилагать достаточно большие усилия, чтобы приспособиться к весьма непривычным для них условиям. Впрочем, им также удалось справиться с этой задачей. В случае с Французской Америкой климат, скорее, отпугивал потенциальных колонистов в метрополии и создавал там неблагоприятный образ Канады; те же французы, которые все-таки отважились переселиться за океан и обосноваться в Новой Франции, наоборот, через какое-то время начинали хвалить ее «здоровый воздух»[47]. Аналогичную, в целом, ситуацию мы наблюдаем и в Сибири[48].

Климат, несомненно, повлиял (насколько — это другой вопрос)

[45]См.: *Kupperman K. O.* The Puzzle... P. 1283.
[46]*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 13–14 // Соловьев С. М. Сочинения: В восемнадцати книгах. Кн. VII. М., 1991. С. 7–8.
[47]См.: *Lachance A.* Vivre, aimer et mourir en Nouvelle-France: La vie quotidienne aux XVIIe et au XVIIIe siècles. Québec; Paris, 2000. P. 153.
[48]См.: *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония... С. 91.

на многие аспекты экспансии всех интересующих нас держав. Среди этих аспектов — количественные показатели, к рассмотрению которых мы переходим.

§ 3. Колонисты: количественные и качественные показатели

В рассматриваемый нами период в Русской Сибири, в Английской Америке и в Новой Франции численность поселенцев и их социальный состав существенно различались. Также имелись весьма существенные расхождения и в характере расселения колонистов, типе их хозяйств. В то же время были и определенные элементы сходства, как внешнего (количественного), так и внутреннего (качественного).

Сравнение количественных показателей русской, английской и французской колонизации сопряжено с известными трудностями. Если применительно к Северной Америке имеются достаточно точные данные по численности ее населения и в XVII, и в XVIII в., то цифры по Сибири носят весьма приблизительный характер (особенно это относится к периоду с конца XVI и до второй половины XVII в.). В центральных и местных архивах Англии, Франции, США и Канады сохранилось большое количество разнообразных документов, на основании которых можно не только исследовать отдельные демографические процессы, происходившие в Североамериканских владениях Лондона и Парижа, но и представить общую картину динамики их заселения европейцами. В частности, в распоряжении исследователей имеются идеально сохранившиеся регистры (церковно-приходские книги) по всем приходам Новой Франции (прежде всего ее ядра — долины р. Св. Лаврентия). Опираясь на них, в 1966 г. специалисты-демографы из Монреальского университета — одного из главных центров по изучению Французской Канады — в рамках Исследовательской программы по исторической демографии (PRDH) начали составлять единую базу данных по всем лицам европейского происхождения, зафиксированным в актах о крещении, венчании или отпевании в период с 1621 по 1850 г. В настоящее время эта база содержит данные по 759 400 актам[49].

[49]См. подробнее: Programme de recherche en démographie historique (PRDH), Université de Montréal. — http://www.genealogie.umontreal.ca/fr/

В 2001 г. французские и канадские ученые начали составление единого банка данных по всем лицам, переселившимся из «старой» Франции в Новую в XVII–XVIII вв. на основании источников французского происхождения (Исследовательская программа по иммиграции французов в Новую Францию, PREFEN). К началу 2008 г. собраны данные по 14 тыс. человек (есть мнение, что это исчерпывающие сведения)[50].

Безусловно, работу специалистов по истории Канады в эпоху французского колониального господства — помимо прекрасной сохранности документов — существенно облегчает и тот факт, что само население Новой Франции было весьма немногочисленным. Рассматривая демографические процессы в существенно более густонаселенных английских колониях, историки сталкиваются с определенным количеством документальных лакун, что, в свою очередь, затрудняет воссоздание общей картины. В Североамериканских владениях Лондона не проводилось всеобщих переписей населения (первая такая перепись была проведена уже правительством США в 1790 г.). В колониях собирались лишь отдельные данные по численности налогоплательщиков, лиц, которые подлежали призыву в ополчение, домохозяйств и т. п. Правда, иногда делались попытки определить общую численность населения той или иной колонии (это относится в первую очередь к Новой Англии, по населению которой сохранилось больше всего сведений и соответственно имеется большее количество исследований).

Однако и в целом по населению всей Английской Америки XVII–XVIII вв. имеются данные, достоверность которых не подлежит сомнению. Это сделало возможным дать демографическим процессам колониального периода в истории США общую оценку, которая разделяется большинством специалистов.

Гораздо сложнее обстоит дело с изучением количественной стороны процесса заселения Сибири русскими. Здесь установить более или менее точную численность поселенцев можно лишь начиная с последних десятилетий XVII в. По более раннему периоду в распоряжении специалистов имеются лишь отрывочные сведения, либо цифры, достоверность которых вызывает серьезные сомнения и нуждается в корректировке.

[50]См. подробнее: Programme de recherche sur l'émigration Française en Nouvelle-France (PREFEN). — http://www.canada-2004.org/prefen/index.php?langue=FR, http://www.unicaen.fr/mrsh/prefen/

Это связано с рядом обстоятельств. Во-первых, с объективно плохой сохранностью документов или их отсутствием (это, как известно, относится ко всей сибирской истории). Во-вторых, с отсутствием в рассматриваемый нами период эффективного контроля над самим колонизационным процессом со стороны государства (или кого-либо еще). В последнем случае дело не столько в том, что в Сибирь из Европейской России можно было добраться различными путями (как раз в XVII в. количество этих путей было ограничено, и они находились под надзором властей). Дело, скорее, в неисполнении (или в ненадлежащем исполнении) правительственных распоряжений, касающихся как отправки людей в Сибирь (будь то служилые люди, казаки, крестьяне или священнослужители), так и их перемещения в обратном направлении. Иначе говоря, далеко не все те, кого власти направляли в Сибирь на бумаге, действительно оказывались там, и наоборот — не все те, кого предписывалось высылать из Сибири обратно за Урал, на самом деле возвращались в Европейскую Россию. Так, известно, что в 1620 г. вместе с первым тобольским архиепископом митрополитом Киприаном «по государеву указу» в Сибирь было отправлено 59 священников с семьями. Однако часть из них вообще отказалась ехать, часть по дороге повернула назад, а часть возвратилась обратно уже из Тобольска (причем кого-то отпустили «официально», что зафиксировано в документах, а кто-то сбежал сам). И никаких сведений о том, сколько же действительно священников из этой партии оказалось в Сибири, нет. Другой интересный пример — с отправкой, а точнее *с распоряжением об отправке* в Сибирь служилых людей из Холмогор и Вологды (официально было решено отправить 500 человек, а до места добралось едва ли 100) приводит Д. Я. Резун[51]. Надо сказать, что местные и центральные власти были в курсе сложившейся ситуации. В 1646 г. енисейский воевода бесстрастно сообщал, что «в прошлом [в 1645] году присланы были из Томского в Енисейский острог служилых людей сорок шесть человек под Ленской волок твоих государевых хлебных запасов провадить и те все сбежали, и в прежние годы бегали ж»[52].

Впрочем, в любом случае в XVII–XVIII вв. на первом месте по численности неаборигенного (т. е. в данном случае белого и чернокожего) населения стояли английские колонии на Атлантическом

[51] *Резун Д. Я.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XIX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005. С. 19.

[52] Дополнения к Актам историческим... Т. III, № 15. С. 70.

побережье Североамериканского континента, несмотря на то что они были наименьшими по территории. Из них самые высокие показатели демографического роста стабильно демонстрировали Вирджиния и Новая Англия. На самой первой стадии колонизации (в первые десятилетия XVII в.) больше всего поселенцев было в Вирджинии — уже в 1625 г. там насчитывалось 1800 жителей, тогда как в Новой Англии (Плимуте) — в десять раз меньше! — всего 180 человек[53]. Затем наступила очередь так называемого Великого исхода пуритан в Америку. В период с самого конца 1620-х до начала 1640-х годов многие тысячи сторонников различных радикальных протестантских деноминаций, отвергавших официальную Англиканскую церковь и подвергавшихся разного рода притеснениям и преследованиям со стороны властей, покинули «старую» Англию и переселились на земли Новой Англии. В 1650 г. (т. е. всего через 21 год после создания Компании Массачусетского залива (1629) и через 20 лет после основания Бостона (1630)) ее население составляло около 23 тыс. человек, а спустя еще 13 лет — в 1663 г. — 40 тыс. человек. В Вирджинии и Мэриленде в это же время насчитывалось около 30 тыс. жителей.

В последующие десятилетия население Английской Америки также продолжало увеличиваться. В конце XVII в. оно каждое десятилетие давало прирост от 40 до 60 тыс. (см. рис. 3). К 1700 г. в Североамериканских владениях Лондона насчитывалось уже 250,9 тыс. поселенцев (неиндейского происхождения).

В XVIII в. численность жителей английских колоний стала расти еще более стремительно. Менее чем за полстолетия она выросла более чем в 4 раза и перевалила за миллион (1 170 тыс. человек в 1750 г.). За последующие 20 лет она практически удвоилась, и к 1770 г. достигла 2 148 тыс. человек. Такие темпы роста населения были нетипичны для того времени и не могли остаться незамеченными. Многие современники (в их числе один из первых американских демографов Э. Уигглсуорт, а также такие известные люди, как Б. Франклин, Э. Стайлз и др.) поражались их быстротой, «возможно, не имеющей аналогов в истории», и отмечали разительный контраст между демографическими процессами в Европе и в Английской Америке. С точки зрения ряда историков, именно бурный

[53] *Greene E. B., Harrington V. D.* American Population before the Federal Census of 1790. New York, 1966. P. 3.

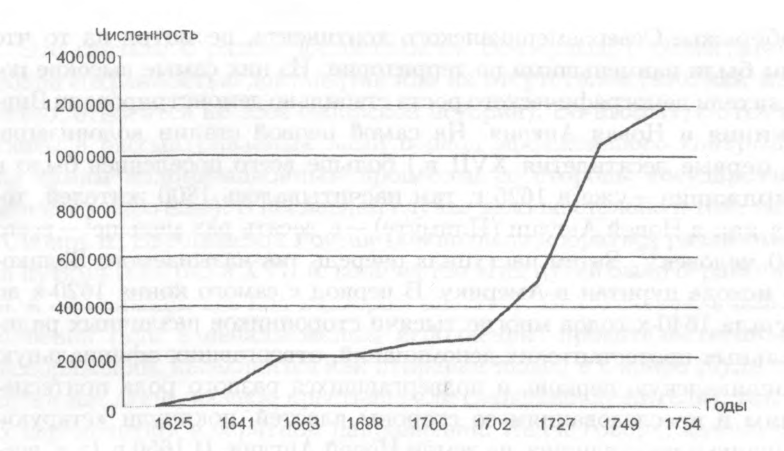

Рис. 3. Рост населения английских колоний на Атлантическом побережье Северной Америки, XVII — первая половина XVIII в.

Составлено по: *Greene E. B., Harrington V. D.* American Population before the Federal Census of 1790. Gloucester (Mass.), 1966. P. 3–5.

рост населения в североамериканских владениях Лондона подтолкнул Т. Мальтуса к его знаменитому выводу о росте населения в геометрической прогрессии[54].

Основная масса жителей английских колоний компактно размещалась на сравнительно небольшой территории, представлявшей собой длинную и достаточно узкую полосу, протянувшуюся вдоль Атлантического побережья нынешних США. Подавляющее большинство американских городов колониального периода располагалось либо на побережье, либо поблизости от него в устьях рек. Да и в целом, населенные пункты редко находились на большом удалении от океана. Как уже отмечалось, изначально наиболее густонаселенными районами Английской Америки были отстоявшие достаточно далеко друг от друга Вирджиния (с прилегающим к ней Мэрилендом) и Новая Англия (особенно Массачусетс и Коннектикут). С конца XVII в. стало интенсивно заселяться и пространство между ними, где на территориях бывших Новых Нидерландов и Новой Швеции расположились так называемые срединные колонии: Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания. В то же время по

[54]См.: *McCusker J. J., Menard R. R.* The Economy of British North America, 1607–1789. Chapel Hill, 1991. P. 99.

«краям» этой «полосы» располагались относительно менее населенные колонии: к северу от Массачусетса — Нью-Гемпшир и Мэн, к югу от Вирджинии — Северная и Южная Каролина. В XVIII в. «полоса» еще больше удлинилась с обоих концов (на севере — за счет Новой Шотландии, на юге — за счет Джорджии). Эти колонии оставались наименее населенными частями Английской Америки (конечно, не считая Ньюфаундленда с несколькими десятками рыболовецких станций и огромной пустынной Землей Руперта на побережье Гудзонова залива с полудюжиной крошечных факторий). Так, в 1750 г. в Джорджии было всего 5,2 тыс. жителей, а в Новой Шотландии — около 11,5 тыс., причем подавляющее большинство из них тогда еще составляли французские акадийцы (которые формально даже не были английскими подданными, так как отказывались присягать Георгу II); собственно английских колонистов там было не более 2,5 тыс.[55]

Вплоть до Войны за независимость жители английских приатлантических колоний проявляли достаточно слабый интерес к заселению внутренних районов Североамериканского континента. Даже восточные отроги Аппалачей, не говоря уже о территории, расположенной между Аппалачами и Миссисипи, о которых, как мы знаем, английские поселенцы имели представление еще с конца XVII в., находились вне сферы их колонизаторской активности. Лишь после окончания Семилетней войны началось проникновение англо-американцев в долины рек Теннеси, Камберленд и Огайо. В 1770 г. на территории современного штата Кентукки проживало 15,7 тыс. человек, а на территории современного штата Теннеси — всего 1 тыс.

Плотное заселение английскими колонистами относительно небольшой территории, было неразрывно связано с резким сокращением там численности индейского населения. К вопросу о взаимоотношениях белых и краснокожих мы еще вернемся, а пока отметим, что в приатлантической полосе английской колонизации (от Новой Англии до Джорджии) уже к началу XVIII в. индейцы составляли незначительное и малозаметное меньшинство населения. Племена, населявшие этот регион до появления англичан, были либо истреблены (в результате войн, эпидемий и т. п.), либо оттеснены во внутренние районы континента.

Стремительный рост белого населения Английской Америки

[55]См.: *Campbell G. G.* The History of Nova Scotia. Toronto, 1948. P. 122.

был обусловлен рядом факторов. Во-первых, и в XVII, и в XVIII в. во владения Лондона шел достаточно стабильный приток иммигрантов. На первом этапе среди них преобладали уроженцы Британских островов (естественно, только протестанты), однако в дальнейшем появилось определенное количество протестантов и из континентальной Европы — прежде всего немцев, голландцев, швейцарцев, французов-гугенотов и др. Однако, несмотря на заинтересованность в привлечении новых поселенцев, колониальные чиновники, а затем и сами колониальные власти с самого начала накладывали определенные ограничения на въезд тех или иных категорий иммигрантов. Так, в Английскую Америку не могли переселяться католики (определенное исключение, и то не на всем протяжении колониального периода, представлял Мэриленд); многие колонии не допускали к себе евреев. Наибольшей строгостью, если не сказать закрытостью, отличались пуританские колонии Новой Англии, которые после вышеупомянутого «Великого исхода» 1630-х — начала 1640-х годов, принимали очень мало иммигрантов. В то же время центральные (а отчасти и южные колонии) отличались существенно большей терпимостью по отношению к приезжим.

Общее число лиц, переселившихся в Североамериканские владения Англии из Европы в XVII–XVIII вв., определить достаточно сложно. Однако имеющиеся в распоряжении исследователей документы того времени, а также данные первой переписи населения США, проводившейся в 1790 г., позволяют сделать относительно точные оценки. По последним данным, за весь колониальный период, т. е. с начала XVII в. и до 1776 г., в Северную Америку переселилось 522 тыс. белых поселенцев–выходцев из Европы (впрочем, некоторые специалисты говорят о несколько большем числе — приблизительно 600 тыс. человек)[56]. В разные периоды приток колонистов шел с различной интенсивностью. Почти три четверти века устойчивого роста числа новоприбывших поселенцев, в последние десятилетия XVII в. сменились стагнацией, а в начале XVIII в. и вовсе наступил относительный спад. Однако с середины 1720-х годов приток поселенцев снова стал расти очень стремительно — за весь колониальный период наибольшее их число прибыло в Английскую Америку в течение последних пятидесяти лет перед Войной за независимость (вот общие данные за 1607–1776 гг.: 1607–1625 — 6 000 человек; 1626–1650 — 34 300; 1651–1675 — 69 800; 1676–1700 — 67 000; 1701–1725 — 42 000; 1726–1750 — 108 800; 1750–1776 — 194 300 человек. Всего 522 000 человек[57]).

[56] См.: *Sarson S.* British America, 1500–1800: Creating Colonies, Imagining an Empire. London, 2005. P. 39.

Большинство из этих людей переселились в Новый Свет добровольно, руководствуясь либо экономическими, либо политическими, либо религиозными мотивами (а иногда сразу несколькими), однако были и такие, кто приезжал не по своей воле. Так, в 1718 г. Британский парламент принял закон (Transportation Act), согласно которому преступники, осужденные в метрополии, должны были отправляться в Северную Америку и там продаваться в качестве «кабальных слуг» (indentured servants). Всего до Войны за независимость в колонии было перевезено около 60 тыс. этих так называемых королевских пассажиров. 90% из них были куплены плантаторами Вирджинии и Мэриленда.

В то же время в Английской Америке, в отличие и от Сибири, и от Французской Канады, практически отсутствовал такой источник пополнения населения, как отставные военные. Это было связано с тем, что постоянные (и очень небольшие) английские гарнизоны находились только в малонаселенных периферийных колониях (на Ньюфаундленде, в Новой Шотландии). Что касается 13 приатлантических колоний, то в 12 из них вплоть до середины 1750-х годов английских регулярных войск вообще практически не было (лишь несколько раз и то на очень короткий срок Лондон направлял туда небольшие воинские контингенты). Только в годы Семилетней войны британское правительство перебросило в Северную Америку значительные силы (несколько десятков тысяч человек). Часть из них была оставлена в 13 колониях после окончания боевых действий, что стало одной из причин начала антибританских выступлений, переросших в Американскую революцию. Естественно, что в разгар Войны за независимость численность английских войск на Североамериканском континенте резко возросла (в октябре 1778 г. их насчитывалось 46 тыс. человек). После окончания боевых действий английские власти расселили часть своих отставных солдат и офицеров вместе с так называемыми лоялистами (жителями 13 восставших колоний, сохранившими верность британской короне и не желавшими жить в независимых США) на территории оставшейся в их руках Канады. Там они образовали костяк

[57] *Horn J., Morgan Ph. D.* Settlers and Slaves: European and African Migration to Early Modern British America // The Creation of the British Atlantic World / Ed. by E. Manke and C. Shammas. Baltimore, 2005. P. 24.

англо-канадского населения современных провинций Онтарио, Новая Шотландия и Нью-Брансуик.

В английских колониях в Северной Америке существовала еще одна особая категория переселенцев — выходцы из Африки. Эти несчастные «иммигранты поневоле» и их потомки в абсолютном большинстве находились на положении невольников. Следует, однако, учитывать, что на ранних этапах английской колонизации рабство не имело широкого распространения. В XVII в. численность черных рабов росла достаточно медленно. К 1700 г. их насчитывалось 27,8 тыс.; больше половины из них (16,4 тыс.) были сосредоточены в Вирджинии. Однако в XVIII в. развитие плантационного хозяйства (в частности, в связи с повышением спроса на хлопок) и подъем английской работорговли после войны за Испанское наследство привели к резкому увеличению количества чернокожих невольников в Североамериканских владениях Лондона. В 1740 г. их было более 150 тыс., в 1750 г. — уже 236 тыс., а в 1770 г. — 460 тыс.! По численности рабов по-прежнему лидировала Вирджиния, на втором месте стоял Нью-Йорк, затем шли Южная Каролина, Северная Каролина и Мэриленд. На севере рабов было существенно меньше; и их положение часто весьма существенно отличалось (в лучшую сторону) от того, в котором находились их южные собратья.

К институту рабства мы еще вернемся, а сейчас отметим, что количество рабов в XVIII в. росло уже в результате не только ввоза новых партий невольников, но и естественного прироста (как правило, всячески поощрявшегося рабовладельцами). Это подтверждает тот факт, что в колониальный период на территорию будущих США было ввезено около 250 000 черных рабов, а к 1790 г. их насчитывалось там около 750 000[58].

Заселение Сибири русскими в период с конца XVI до конца XVIII в. и по темпам роста, и по количественным показателям, в целом, вполне сопоставимо с демографическими процессами, происходившими в Английской Америке. В то же время, хотя постоянные русские поселения в Северной Азии возникли на несколько десятилетий раньше, чем английские — на Атлантическом побережье нынешних США, в последних численность жителей росла быстрее. Уже с середины XVII в. по численности населения Сибирь несколько уступала североамериканским владениям Лондона. Так, к началу 1620-х годов за Уралом проживало приблизительно около 15 тыс. русских. Это больше, чем было в тот момент в английских колониях, но следует помнить, что история Русской Сибири тогда уже насчитывала четыре десятилетия, а в Новой Англии еще только-только высадились отцы-пилигримы. К 1670 г. численность русских в Сибири по самым оптимистическим данным увеличилась до 73 тыс. человек[59] (правда Е. Я. Водарский утверждал, что в 1678 г. в Сибири была всего 61 тыс. человек[60]), тогда как в Северной Америке в этом же году насчитывалось уже около 112 тыс. английских поселенцев.

В последние десятилетия XVII — начале XVIII в. численность русского населения Сибири заметно возросла. Имеющиеся данные (существенно более точные, чем по предшествующим периодам, хотя и здесь имеются заметные расхождения) показывают, что за четыре десятилетия количество русских сибиряков увеличилось в несколько раз. К 1719 г. неаборигенное население Сибири (Тобольская, Енисейская, Томская, Иркутская и Якутская провинции и Камчатское управление) составило 323 тыс. человек. За последующие 75 лет оно возросло еще в 3 раза и к 1795 г. достигло приблизительно 820 тыс. человек[61].

Как и в Английской Америке, и в Новой Франции, в Сибири в рассматриваемый нами период население было распределено весьма неравномерно. Большинство русских были сосредоточены в Западной Сибири. Такая ситуация сохранялась на протяжении всего XVIII в. Так, в 1710 г. на Западную Сибирь приходилось 79% русских поселенцев, а на Восточную — 21%. В 1795 г. это соотношение составило соответственно 73 и 27%. Это было результатом не только притока новых жителей, но и естественного прироста, показатели которого в XVIII в. у русского (старожильческого) населения в Сибири были, в среднем, выше, чем в европейской части страны.

Однако расселение русских по различным частям Западной Сибири было тоже отнюдь не пропорциональным. Основная масса

[58] *McFarlane A.* The British in the Americas, 1480–1815. London; New York, 1994. P. 178.

[59] По мнению И. В. Шеглова, к началу 1662 г. в Сибири уже было около 70 тыс. русских. См.: *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших дат по истории Сибири, 1032–1883. Сургут, 1993. С. 113.

[60] *Водарский Е. Я.* Население России в конце XVII — начале XVIII в. М., 1977. С. 163.

[61] По данным В. М. Кабузана, по I Ревизии в Сибири насчитывалось всего 482 809 душ, а по II Ревизии — 611 068 (*Кабузан В. М.* Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав. М., 1990. С. 77).

поселенцев-аграриев оседала в относительно небольших по территории земледельческих районах, складывавшихся вокруг уездных центров или других опорных пунктов (естественно, там, где было возможно земледелие). При этом, по выражению В. В. Покшишевского, «каркасом первоначального земледельческого расселения» опять-таки становились реки, которые служили одновременно и путями проникновения в заселяемые районы, и основными транспортными магистралями; кроме того, приречные земли лучше всего подходили для земледелия и были более привычны поселенцам[62].

Наиболее старым из земледельческих районов Сибири был Верхотурско-Тобольский, сформировавшийся в 1630-е годы из деревень и слобод, основанных в бассейне р. Туры. Несколько позднее образовался еще один хлебопроизводящий район — в среднем течении р. Енисея: между устьем р. Ангары и Красноярском (который был основан в 1628 г.). Дальше на юг в XVII в. земледельческая колонизация не продвигалась из-за сохранявшейся военной угрозы со стороны кочевников.

Можно сказать, что первоначально большинство русского населения Сибири было сосредоточено в относительно узкой «старой» (или «таежной») западносибирской сельскохозяйственной полосе. Самыми густонаселенными здесь были Тобольский, Верхотурский, Тюменский и Туринский уезды. Позднее к ним добавились Томский и Кузнецкий уезды. В XVIII в. эта полоса стала расширяться и «сползать» на более плодородные земли ближе к китайской и монгольской границе, которые к тому времени стали безопаснее. Русскими стали активно заселяться Курганский, Ялуторовский, Ишимский, Омский уезды; смещалось на юг население Томско-Кузнецкого района. Тогда же существенно более интенсивно стал заселяться Алтай (правда, это было связано не столько с сельским хозяйством, сколько с развитием горнозаводского дела, для чего туда в принудительном порядке отправлялись работники). Не менее активно пошло заселение русскими земель в верхнем течении р. Енисея (до устья рек Абакана и Туды, а также по рекам Кан и Чулым).

На всей остальной территории Сибири русское население (за некоторыми исключениями) оставалось крайне редким. Зона тундры и вечной мерзлоты могла привлечь только промышленников и сборщиков ясака, численность которых была относительно невелика. Впрочем, в конце XVI — первой половине XVII в. северная часть Западной Сибири (низовья рек Оби, Енисея) эксплуатировались русскими промышленниками достаточно интенсивно. Однако во второй половине XVII в. под воздействием, скорее всего, сразу нескольких различных факторов (климатических изменений, запретительных мер правительства, истощения пушных ресурсов и т. д.) русские постепенно покинули эти регионы. Наиболее ярким примером здесь может служить уже упоминавшаяся нами история «златокипящей» Мангазеи — ее быстрого взлета, кратковременного расцвета, а затем стремительного упадка и полного исчезновения[63].

В целом размещение населения в Западной Сибири в некоторой степени напоминало ситуацию, сложившуюся в Английской Америке к середине XVIII в.: густонаселенная прибрежная полоса тринадцати колоний, ее малонаселенные «окраины» (Ньюфаундленд, Новая Шотландия, внутренние области тех же тринадцати колоний) и огромные безлюдные пространства на канадском севере вокруг Гудзонова залива (Земля Руперта).

Несколько по-иному шло освоение русскими Восточной Сибири. В отличие от Западной Сибири, где земледельческие поселения создавались практически параллельно и одновременно с основанием баз промышленников, административных центров, военных форпостов, колонизация Восточной Сибири первоначально носила почти исключительно промысловый характер. Подавляющее большинство русских поселенцев там составляли служилые люди, казаки, промышленники. Лишь в середине — второй половине XVII в. на берегах крупнейших рек — сначала Лены и Ангары, затем Индигирки, Колымы, Яны — возникли небольшие сельскохозяйственные очаги.

Можно сказать, что по типу заселения Восточная Сибирь в XVII–XVIII вв., скорее, напоминала Канаду эпохи французского колониального господства. На огромной территории, формально входившей в состав североамериканских владений Парижа, было очень мало французских поселенцев. Так, в 1627 г. во всей Канаде их насчитывалось всего 107 человек, что составляло менее 4% от общего числа всех европейских колонистов, находившихся в то время в Северной Америке (к северу от испанских владений). К 1663 г. европейское население Новой Франции не превышало 3,5 тыс. человек (на фоне 70 тыс. жителей в английских колониях). Во второй по-

[62] *Покшишевский В. В.* Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С. 17, 18.

[63] Подробнее см.: *Белов М. И.* Раскопки «златокипящей» Мангазеи. Л., 1970.

ловине 1660-х — начале 1670-х годов французские власти предприняли ряд мер для стимулирования роста численности поселенцев, в результате чего население Канады и Акадии стало увеличиваться немного быстрее. К 1685 г. в этих колониях было уже 12,7 тыс. жителей. Однако в дальнейшем темпы роста снова замедлились: в 1706 г. во всех французских владениях в Северной Америке (которые в это время включали уже не только Канаду, но и Луизиану) насчитывалось лишь 16,4 тыс. человек, т. е. почти в 20 раз меньше, чем в Английской Америке!

В последующие десятилетия рост населения Канады снова несколько ускорился: в 1739 г. там насчитывалось 42,7 тыс. человек, а в 1754 г. — 55 тыс. человек. Также росло французское население в Атлантическом регионе (более 17 тыс. человек в 1752 г.) и в Луизиане (более 7 тыс. человек в конце 1750-х годов). Всего к моменту подписания Парижского мира (1763 г.) во всех французских владениях в Северной Америке было немногим более 80 тыс. французских поселенцев, тогда как население английских колоний было в 18 раз больше![64]

Причина такой ситуации — крайне малое количество переселенцев из Франции (государство присылало очень небольшие партии колонистов, по собственной инициативе в Северную Америку хотели ехать немногие, преследуемым в метрополии гугенотам селиться в колониях было запрещено). Всего за более чем полтора века существования Новой Франции туда по разным данным выехало от 10 до 12 тыс. французов — и это при том, что «старая» Франция тогда была самой густонаселенной страной Европы! С конца XVII в. французское население Канады росло не столько за счет новых иммигрантов, сколько за счет очень высокого естественного прироста (кстати, сохранявшегося среди франко-канадцев и в последующие эпохи — вплоть до начала 1960-х годов). Здесь можно также отметить, что и в Сибири в XVIII в. показатели естественного прироста у русского (старожильческого) населения были в среднем выше, чем в европейской части страны.

По территории Новой Франции эти немногочисленные поселенцы были распределены крайне неравномерно. Их подавляющее большинство было сосредоточено в долине р. Св. Лаврентия, которая с самого начала стала главным очагом французской колонизации и основным земледельческим районом Французской Канады. Помимо нее сельским хозяйством в относительно крупных масштабах французы занимались только в Акадии — на чрезвычайно плодородных болотистых низменностях (маршах) по берегам залива Фанди, а также в Луизиане — в ее южной части в районе Нового Орлеана с 1710-х годов начало развиваться плантационное хозяйство, а в так называемой Стране Иллинойсов в это же время обосновалась небольшая группа поселенцев из Канады. За исключением этих трех «островков» земледельческой колонизации вся остальная территория Новой Франции представляла собой то, что французы поэтично называли «девственными лесами» (а англичане просто «дебрями»), где были разбросаны отдельные торговые посты и миссии, а на важнейших речных коммуникациях стояли форты с очень небольшими гарнизонами. Вокруг этих опорных пунктов простиралась «индейская страна», уже испытывавшая на себе достаточно сильное воздействие со стороны европейской цивилизации, но еще не потерявшая своей первоначальной «доколумбовой» этнической, а отчасти и социальной конфигурации. Французов-земледельцев было слишком мало для того, чтобы ставить вопрос об «очищении» от индейцев сколько-нибудь обширной территории и вытеснении тех или иных племен из мест их традиционного обитания. Конечно, и в XVII, и в XVIII в. происходили миграции племен (в том числе вынужденные), имели место и столкновения французов и индейцев, однако какого-либо планомерного вытеснения индейцев с их земель в Новой Франции не было и в помине.

Обратим внимание на качественный состав поселенцев, их социальное происхождение, мотивы переселения и т. п. В свою очередь, этот вопрос неразрывно связан с другим — о движущих силах колонизационного процесса, роли в нем государства и других социальных институтов метрополий.

Как известно русская колонизация Сибири на первых порах (по крайней мере, до середины XVII в.) носила преимущественно неаграрный характер. Основную часть русских поселенцев в то время составляли служилые люди разных категорий и промышленники. Их целью была разведка новых земель, закрепление на этих землях, обеспечение контроля над туземным населением и, конечно, сбор ясака пушниной. Это было, как выразился В. В. Покшишевский, освоение «начерно»[65]. Лишь в XVIII в. крестьяне в Сибири (да

[64] Данные о численности населения Новой Франции см.: Canadian Historical Document Series: In 3 vols. Vol. 1: The French Régime / Ed. by C. Nish. Scarborough, 1965. P. 157.

[65] См.: *Покшишевский В. В.* Заселение Сибири. С. 26.

и то отнюдь не повсеместно) начинают преобладать над другими категориями населения. Аналогичный процесс мы наблюдаем в это же время в Новой Франции. Как минимум до 1660-х годов в ее населении преобладали отнюдь не крестьяне, а торговцы пушниной, трапперы, солдаты, миссионеры.

В то же время и в Русской Сибири, и во Французской Канаде почти с самого начала колонизации начало развиваться земледелие. Сначала оно носило, скорее, экспериментальный характер — речь шла о том, чтобы доказать принципиальную возможность производства зерна и других продуктов в новых условиях. Однако, поскольку продовольственная проблема стояла весьма остро (возить хлеб и другие продовольственные товары было крайне нерентабельно), сельское хозяйство достаточно быстро стало основным занятием, по крайней мере, для некоторой (пусть первоначально и очень небольшой) части поселенцев.

Приток крестьян-земледельцев на сибирские просторы и в долину р. Св. Лаврентия на первых порах шел прежде всего благодаря государству. Первые добровольные поселенцы и в Северную Азию, и в Северную Америку направлялись, в основном, не за землей, а за другими природными богатствами: пушниной, рыбой, моржовой костью и т. п., не говоря уже об упорно не угасавших надеждах на нахождение золота или каких-нибудь других ценных и экзотических предметов (в Сибири, например, существовал промысел «могильного» золота и серебра в древних курганах, которым занимались так называемые бугровщики). Вольно-народная сельскохозяйственная колонизация Сибири и Канады началась существенно позднее (ее основной поток пришелся уже на XIX — начало XX в., т. е. на период, выходящий за рамки нашего исследования). Соответственно первоначально именно государство — напрямую или через зависимую от него компанию (как в случае с Канадой) — организовывало отправку поселенцев-земледельцев. Говоря об освоении Сибири, Д. Я. Резун отметил: «В России того времени не было другой силы, кроме государства, способной организовать колонизацию»[66]. То же самое можно сказать и о французской колонизации Северной Америки[67]. Однако следует помнить, что при этом ни Москва, ни Париж в XVII в. (да и позднее) не ставили именно аграрное освоение на первое место в своей политике по отношению к колонизуемым территориям; да и самой этой политике и в русской, и во французской столице внимание уделялось далеко не первоочередное.

[66] *Резун Д. Я.* Фронтир в истории... С. 20.

[67] Подробнее см.: *Акимов Ю. Г.* Очерки ранней истории Канады. СПб., 1999. С. 126–128, 147–148.

Для русского правительства в Сибири главной задачей было обеспечение сбора ясака с максимально большой территории и главное — с максимально возможного количества плательщиков. Именно для этого возводились остроги, в них направлялись гарнизоны, гарнизонам платилось денежное и хлебное жалование. И лишь постольку, поскольку надо было облегчить снабжение казаков и служилых людей продовольствием и фуражом (доставлять его из Европейской России было сложно и невыгодно), и стала заводиться «государева пашня». В отдельных случаях земледелием начинали заниматься и служилые люди (прежде всего городовые казаки).

В целом московское правительство в XVII в. стремилось организовать крестьянское хозяйство в Сибири с наименьшими затратами и потерями для своих интересов в Европейской части страны. Именно с этой целью оно на первых порах пыталось ограничить контингент сибирских земледельцев выходцами из районов черносошного крестьянства (будь то переселенцы «по указу» или «по прибору»), местными сибирскими «гулящими» людьми и частично ссыльными.

Примерно то же самое было и в Канаде в эпоху французского колониального господства. Специфика же здесь заключалась, во-первых, в том, что само французское государство напрямую не участвовало в пушной торговле — ей занимались компании и частные лица. Во-вторых, качественный состав участников колонизационного процесса был более широк: это и государство, и католическая церковь, и купечество западнофранцузских городов — каждый со своими интересами, которые не всегда совпадали. Но при этом важно отметить, что, с одной стороны, никто из них не был заинтересован в превращении Канады именно в сельскохозяйственную переселенческую колонию, а с другой, само по себе колониальное предприятие в Северной Америке интересовало во Франции очень немногих представителей вышеперечисленных кругов. Широких масс населения, которые хотели бы и могли бы уехать из страны (как английские пуритане из Англии при Карле I), там тоже не было. Однако поскольку государству все-таки надо было обеспечивать безопасность своих заморских владений, их дальнейшее расширение и развитие, а также решать проблему обеспечения их продовольствием, оно и стало направлять туда земледельцев, пусть

и не слишком охотно и активно (порой перепоручая это дело другим организациям или частным лицам).

При этом, как и в России, во Франции власти прежде всего стремились избежать каких-либо неудобств, которые могли возникнуть в метрополии в связи с оттоком населения. Разница заключалась только в том, что в Москве были озабочены тем, чтобы в Сибирь не уходили крестьяне из районов поместного землевладения, а в Париже боялись потерять потенциальных налогоплательщиков.

Количественные показатели русской и французской сельскохозяйственной колонизации, конечно, несколько различаются — в русских владениях за Уралом в рассматриваемый нами период пашенных крестьян было существенно больше, чем цензитариев в Новой Франции. Уже к концу XVII в. в Сибири насчитывалось около 11 тыс. крестьянских семей (или, по подсчетам Д. Я. Резуна и М. В. Шиловского, 9428 дворов государственных крестьян в 1699 г.[68]), тогда как в Канаде и Акадии их было примерно в четыре раза меньше. Правда, на заре этого процесса, счет его участников и там и там шел буквально на десятки. Например, в «Наказе кн. Петру Горчакову, посланному в Сибирь для устройства таможних дел и строительства города Пелыма» (1592 г.) подробнейшим образом обговаривается отправка «на житье для пашни 20 человек с женами <...> с Вятки и со всех Вятских городов» и еще 20 человек «с Пермской земли». При этом в том же указе говорится об отправке существенно большего числа служилых людей[69]. В случае с Канадой от руководства торговой компании, управлявшей колонией в 1620–1625 г., правительство требовало ежегодно обеспечивать отправку туда 6 семей колонистов-земледельцев!

Относительно близкими и схожими были те институты, в рамки которых было заключено земледельческое население русских и французских владений. И там и там господствовали феодальные поземельные отношения. Разница состояла лишь в том, что в Сибири единственным феодалом с самого начала было и оставалось государство — от его имени раздавались земли, ему крестьяне были обязаны своими повинностями, главная из которых состояла в том, чтобы пахать «государеву десятинную пашню». Ни вотчинного, ни поместного землевладения в Сибири по ряду причин введено не было. Соответственно там не было и крепостного права в том виде, в каком оно существовало в Европейской России. В Сибири крестьянин имел дело прежде всего с представителями администрации, которые контролировали самые различные стороны его жизни. Слободской приказчик, назначаемый из числа служилых людей, был для сибирских крестьян носителем хозяйственной, административной, фискальной, а отчасти и судебной власти.

[68] *Резун Д. Я., Шиловский М. В.* Сибирь в конце XVI — начале XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005; см. также: http://www/history.nsc/ru/kapital/project/frontier/index/html

[69] *Миллер Г. Ф.* История Сибири: В 3 т. Т. 1. М., 1999. С. 345.

В Новой Франции, наоборот, государство с самого начала стало активно пользоваться правом субинфеодации и раздавать земли колонии в ленное владение. При этом власти метрополии первоначально надеялись превратить новоиспеченных сеньоров (будь то частные лица или привилегированные компании) в своего рода агентов по колонизации, полагая, что они будут заинтересованы в привлечении крестьян в свои владения. На практике, однако, канадские сеньоры-частные лица если и имели желание, то очень редко имели возможность организовать такую сложную и дорогостоящую операцию, как отправка колонистов из Франции в Северную Америку. Таких случаев было очень немного: так, в середине 1630-х годов сеньор Бопора Роббер Жиффар перевез в свою сеньорию 50 семей из Перша, а в 1644 г. губернатор и феодальный собственник Акадии Шарль д'Онэ перевез в район Пор-Руайяля 20 семей из своих родовых владений, располагавшихся на территории современного французского региона Пуату-Шарант. Что касается торговых компаний, то они просто не были заинтересованы в аграрном освоении долины р. Св. Лаврентия, а кроме того опасались (отчасти справедливо), что привезенные ими колонисты вместо того, чтобы обрабатывать землю, уйдут в леса и займутся скупкой пушнины. Некоторое количество земледельцев перевезла лишь «полугосударственная» Компания ста участников (Компания Новой Франции), управлявшая Канадой в 1627–1663 гг.

Несколько больший эффект принесло размещение в колонии отставных военных. Так, в 1665 г. для проведения кампании против могущественного Союза пяти ирокезских племен, враждебного французам и их индейским союзникам, в Канаду был направлен Кариньян-сальерский пехотный полк. После окончания боевых действий часть его солдат и офицеров приняла предложение властей остаться в колонии, которая таким образом получила 25 новых сеньоров и около 400 крестьян-цензитариев.

Отправкой основной массы колонистов-земледельцев, прибыв-

ших в Новую Францию (после 1663 г.), ведали государственные чиновники. Как правило, в Канаду соглашались ехать только самые бедные безземельные крестьяне. Они становились законтрактованными работниками (по-французски их называли «engagé» и, наверное, ближе к французскому оригиналу был бы термин «заангажированные работники»), которые по приезде должны были сначала бесплатно отработать определенное время (обычно 3 года) в качестве уплаты за свой переезд, после чего получали участок земли в качестве цензивы. Институт «engagé» был введен еще в 1627 г., но наибольшее распространение получил в 1660–70-е годы.

Весьма острой проблемой, вставшей перед европейцами на начальном этапе колонизации, был гендерный дисбаланс. Прежде всего это относилось к Сибири и Французской Америке, где среди первых поселенцев явно преобладали мужчины. Такая ситуация была безусловно связана с отмеченной нами выше спецификой русской и французской экспансии, носившей первоначально неаграрный (промысловый, военный, исследовательский) и поверхностный характер. Этот же характер можно назвать «холостяцким» или «не-семейным», в отличие от ярко выраженного «семейного» характера колонизации Английской Америки (по крайней мере, ее приатлантической полосы). В то же время очевидно, что именно появление женщин было очень важным, если не сказать поворотным моментом в любом колонизационном процессе, который благодаря этому приобретал совершенно иное качество. Известный канадский историк А. Р. М. Лауэр охарактеризовал это таким образом:

«Мы начали с торгового поста — несколько мужчин в наскоро сколоченной времянке, думающие только о том, как бы не провести остаток своих дней в таком положении, вдали от своих домов и семей. Затем пробудился интерес к новой земле — самой по себе — и появилась мысль, что, может быть, и в самом деле на ней можно жить и можно что-то делать. Именно в этот момент торговый пост начал превращаться в то, что может быть названо поселением пионеров <...> Когда прибыли женщины, мы явно вступили в эту следующую фазу, поскольку женщины стали заложницами Нового Света. И когда вслед за этим появились дети, мы пересекли линию, отделяющую простое поселение от колонии»[70].

Лауэр писал о начальном этапе европейской колонизации Канады, однако, с нашей точки зрения, эти слова можно отнести ко всем рассматриваемым нами регионам (да и не только к ним).

Что же касается нехватки женщин, то в Русской Сибири и Французской Канаде эта проблема частично решалась за счет разного рода официальных и неофициальных союзов между колонистами и представительницами аборигенных сообществ. При этом в обоих случаях и власти, и общественное мнение как самих колоний, так и метрополий относились к этому в целом благожелательно или, по крайней мере, снисходительно (в Английской Америке ситуация была принципиально иной). К этому сюжету мы еще вернемся, когда будем говорить о контактах между европейцами и коренным населением колонизуемых территорий; сейчас же нам важно подчеркнуть, что браки и/или сожительство с туземными женщинами не решали всей вышеназванной проблемы. В значительной степени это было связано с тем, что подобные союзы привлекали в первую очередь тех поселенцев, которые находились в наиболее трудных природных условиях и нуждались в установлении контактов с аборигенными сообществами. Очевидно, что для русского промышленника в условиях крайнего севера женитьба на «туземке» или хотя бы временный союз с ней был выгоден, так как позволял использовать ее навыки приспособления к окружающей среде и родственные связи, которые позволяли устанавливать выгодные коммерческие контакты (практически то же самое можно сказать и о французских лесных бродягах). В то же время перспектива иметь жену, не обладавшую навыками ведения европейского домашнего хозяйства, непривычную к сельскохозяйственным работам и т. п. мало привлекала поселенцев-крестьян — причем в этом случае не только русских и французов, но также и англичан. Как отметил У. Маклеод:

«Индейская жена имела ценность для торговца, который вел дела среди индейцев. Однако поселенцы, занимавшиеся сельским хозяйством, одинаково французы и британцы, не хотели брать в жены индейских женщин. Фермеры нуждались в женах, которые обладали навыками европейского домоводства и сельского хозяйства, которые знали, как доить коров, жарить яичницу и т. п. Фермер, даже в Вирджинии, еще в 1682 г. часто предпочитал оплачивать расходы за доставку женщин сомнительной репутации из европейских городов, хотя это стоило дорого, чем брать в жены индейских женщин, которые были бы бесполезны в фермерском хозяйстве»[71].

---

[70] *Lower A. R. M.* Canadians in the Making: A Social History of Canada. Toronto, 1958. P. XVI.

[71] *Macleod W. Ch.* American Indian Frontier. New York, 1928. P. 359–360.

Почти теми же словами обрисовал ситуацию в Сибири XVII в. П. Н. Павлов:

«Земледельческое хозяйство при кажущейся его простоте, тем не менее требовало прочных производственных навыков, передаваемых из поколения в поколение, причем оно в большей степени, чем другие отрасли хозяйства, нуждалось в женских руках. Таких навыков не было у женщин коренного населения Сибири, поэтому в числе других причин и по хозяйственным соображениям они не привлекали внимания русских крестьян в качестве невест»[72].

Все это порождало проблему, которую и в Сибири, и в Новой Франции приходилось решать на государственном уровне.

Так, известно, что первые русские поселенцы регулярно обращались к властям с челобитными, где жаловались на то, что «без женишек <...> быти никако не мочно» и просили «прислати гулящих жоночек на ком жениться»[73]. В ответ предпринимались определенные меры. В частности, первое указание направить в Сибирь группу «невест» отдал еще Борис Годунов. В дальнейшем в царских грамотах воеводам стали периодически даваться распоряжения об отправке «женок и девок» «служилым людям и пашенным крестьянам на женитьбу»[74].

Тем не менее на всем протяжении XVII в. среди русского населения Сибири численность мужчин продолжала заметно превышать численность женщин, хотя с течением времени ситуация, безусловно, несколько выправлялась. При этом гендерный дисбаланс в той или иной степени ощущался практически среди всех категорий населения. Конечно, наиболее вопиющей была ситуация в первой половине — середине XVII в. Так, в 1654 г. из 210 пашенных крестьян Енисейского уезда, женаты были только 70 (т. е. 1/3). В 1638 г. в Красноярске на 63 женатых казака приходилось 182 холостых. К концу XVII в. в том же Енисейском уезде уровень брачности среди крестьян составлял уже 84% (правда, среди служилых людей — только 63%). В среднем по Сибири ситуация стабилизировалась к началу XVIII в. На основании данных Я. Е. Водарского можно заключить, что в 1710 г. мужчины составляли 50,29% русского населения Сибири, а женщины — 49,71%[75]; а по данным авторов очерка «Русские старожилы в Сибири», — 50,33% и 49,67% соответственно[76]. В то же время в некоторых местах эта проблема сохранялась вплоть до конца XVIII в.[77] (в XIX — начале XX в. в связи с быстрым «развитием» сибирской ссылки эта проблема снова резко обострилась из-за того, что среди ссыльных безусловно преобладали мужчины[78]).

[72] *Павлов П. Н.* Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974. С. 96.

[73] См.: *Оглоблин Н. Н.* «Женский вопрос» в Сибири в XVII веке // Исторический вестник. 1890. Т. XLI. С. 197.

[74] Там же. С. 198–199. См. также: *Шильниковская В. П.* Устюг Великий. М., 1987. С. 250.

Во Французской Америке ситуация была в целом аналогичной. Первоначально среди поселенцев там также преобладали мужчины. Так, в первые десятилетия существования колонии Акадия на несколько сотен мужчин в ней приходилось всего полтора десятка женщин. Спустя полвека после основания Квебека — столицы Новой Франции — мужчины составляли 63%, а женщины соответственно 37% его населения. Этот факт не остался незамеченным властями, которые с середины XVII в. стали предпринимать некоторые шаги для исправления ситуации. Так уже в середине 1650-х годов по инициативе королевы-регентши Анны Австрийской в Канаду была отправлено 11 девушек, которые должны были стать женами колонистов. Позднее, в 1660-е годы, когда управление делами колоний перешло к Кольберу, им была организована подготовка и отправка в Северную Америку специальных партий «дочерей короля» (filles du Roi). В них, в основном, попадали представительницы бедных семей и сироты-воспитанницы различных церковных приютов. Очевидно, что и те, и другие стремились с помощью переезда в Новый Свет улучшить свое материальное положение, повысить свой социальный статус, приобрести бóльшую личную и социальную свободу и т. п. Всего в последней трети XVII — первой половине XVIII в. из «старой» Франции в Новую было отправлено по разным данным от 800 до 1000 «дочерей короля». Примерно половину из них составляли парижанки, а остальные были главным образом уроженками западнофранцузских городов (Онфлёра, Дьеппа, Ля-Рошели и т. д.). Большей части «дочерей» удалось благополуч-

[75] *Водарский Я. Е.* Численность русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. // Русское население Поморья и Сибири (эпоха феодализма). М., 1973. С. 213.

[76] См.: Русские старожилы в Сибири: Историко-антропологический очерк. М., 1973. С. 22–23.

[77] См.: *Collins D. N.* Sexual Imbalance in Frontier Communities: Siberia and New France to 1760 // Sibirica. 2004. Vol. 4, No 2 (October). P. 167.

[78] См., напр.: *Гончаров Ю. М.* Женщины фронтира: сибирячки в региональном социуме середины XIX — начала XX в. // Сибирская заимка. 2002. № 8. — http://www.zaimka.ru/08_2002/goncharov_siberians/

но добраться до Канады и выйти там замуж (историками собраны данные о 756 зарегистрированных браках между «дочерьми короля» и поселенцами[79]).

Надо сказать, что весь процесс, связанный с переездом девушек в колонию и устройством их жизни на новом месте, достаточно жестко контролировался церковью (прежде всего квебекскими монахинями), в результате чего какие-либо эксцессы были сведены к минимуму. Духовенство, достаточно ревниво охранявшее чистоту колониальной паствы, жестко пресекло попытку высылать в Канаду проституток (известно, что среди всех почти восьми сотен «дочерей короля» была обнаружена только одна дама легкого поведения). Правда, позднее, в начале XVIII в., когда французские власти пытались активизировать процесс освоения Луизианы, туда периодически направлялись и парижские проститутки, и осужденные преступники, и просто бродяги и нищие, схваченные на улицах крупных городов (кстати, в знаменитом романе аббата Прево Манон Леско была сослана именно в Луизиану). Любопытно, что в середине XVIII в. и в России пытались улучшить гендерный баланс в Сибири путем высылки туда преступниц. Так, согласно указу 1751 г. все женщины, осужденные на смертную казнь, должны были «за конвоем» отправляться «на житье» в Сибирь. В 1757 г. туда же было велено после битья кнутом отправлять преступниц всех других категорий, «не вырывая у них ноздрей и не ставя на лице знаков»[80].

Безусловно, мораль и нравственность в формирующихся обществах не всегда бывали на высоте; разного рода казусы случались и в Канаде, и в Сибири. Так, в 1669 г. квебекская монахиня жаловалась на то, что в колонию прибыло «изрядное количество каналий обоего пола, которые стали причиной многих скандалов»[81]. Бывали случаи, когда выяснялось, что прибывшие в Канаду «королевские дочки» уже имели мужей во Франции. В Русской Сибири в XVII–XVIII вв. нередки были случаи двое- и многоженства, похищения женщин, их продажи, закладов и т. п. Первый тобольский архиепископ Киприан в ноябре 1621 г. жаловался царю, что «сибирские казаки, будучи на Москве и по городам, как назад поедут, подговаривают женок и девок, знаменуются образами, что они женятся на них, но привезши в Тобольск, продают их воеводам, немцам, татарам и пашенным крестьянам в работу...»[82]. Спустя несколько лет архиепископ Макарий констатировал:

> «...а иные, государь, в Тобольске казачьи дети матерей своих бьют и давят; а иные казаки на Руси жен своих и детей пометали, а в Сибири поимают иных жен; а у иных, государь, казаков и в Сибири — на том городе жена, а на другом другая, а иные, государь, казаки велят женам своим блуд деяти с чюжими мужми; а иные, государь, казаки поедучи на твою государеву службу оставливают жен своих на блуд иным казаком и гулящим людем»[83].

Однако отмеченный нами гендерный дисбаланс помимо негативных сторон кое-где имел и определенные позитивные последствия. Так, не в последнюю очередь именно из-за того, что женщин в колониях первоначально было мало, их социальный статус там был объективно выше, чем в метрополии. Впрочем, свою роль в этом играла и специфика колониальной ситуации, когда мужчины часто и подолгу отсутствовали (на разного рода промыслах, в походах и т. п.). Соответственно женщине приходилось быть более самостоятельной и независимой, что объективно способствовало повышению ее социального статуса. Ж. Ноэль, специально рассматривавший этот вопрос применительно к французским владениям в Северной Америке, отметил: «В сумме, учитывая их образование, их сферу деятельности и свободу действий, женщины в Новой Франции по многим показателям представляются в более благоприятном положении, по сравнению с их современницами во Франции и Новой Англии, не говоря уже об идущей следом викторианской эпохе»[84]. Впрочем, в английских колониях в Северной Америке положение женщин также в целом было достаточно благоприятным, если сравнивать его с тяжелыми реалиями Русской Сибири, где, по словам Н. М. Ядринцева, женщина сделалась «еще большей страдалицей, чем была у себя в старом русском обще-

[79] В настоящее время этот список доступен в сети ИНТЕРНЕТ. См.: Liste détaillée des noms, des dates de mariage, des lieux de mariage et des noms des époux de 765 Filles du Roy — http://municipalite.yamachiche.qc.ca/toponymie/genealogie/chronique_19_filles_du_roy.html

[80] См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. XIII. № 9911. С. 543; Т. XIV. № 10686. С. 717.

[81] Цит по: *Parkman F.* France and England in North America: In 2 Vols. Vol. 1. New York, 1983. P. 1260.

[82] Цит. по: *Софронов В. Ю.* Светочи земли Сибирской: Биографии архипастырей Тобольских и Сибирских (1620–1918 гг.). Екатеринбург, 1998. С. 18.

[83] Цит. по: *Оглоблин Н. Н.* «Женский вопрос» в Сибири... С. 200.

[84] *Noël J.* New France: Les femmes favorisées // Rethinking Canada. The Promise of Women's History: 2nd ed. 1991. P. 29.

стве»[85]. С этим утверждением в целом следует согласиться, хотя и там бывали отдельные случаи, когда женщины, пользуясь более свободными социальными условиями, находили способ улучшить свое положение — «съехать» от опостылевшего мужа и нечеловеческих условий и т. п.

§ 4. Специфика колонизационных процессов. Особенности социально-экономического строя колониальных сообществ

На рассматриваемые нами колонизационные процессы чрезвычайно важное, хотя и не везде одинаковое воздействие оказывало государство. Мы уже видели, что именно государство сыграло решающую роль в начале земледельческой колонизации Сибири и Новой Франции. И там, и там государство непосредственно занималось вербовкой и отправкой поселенцев; и там, и там государство было озабочено обеспечением их нормальной семейной жизни (для чего за свой счет оправляло партии невест). И в русских, и во французских владениях государство занималось первоначальным обустройством колонистов-земледельцев. Прежде всего это касалось разного рода денежных и натуральных субсидий, а также определенных льгот по части налогов и сборов. Так, в 1590 г. крестьянам, переселявшимся за Урал, по распоряжению правительства выдавалось 25 рублей на семью. В дальнейшем все поселенцы, как правило, получали «подможные деньги на подъем, на дворовое строенье, на платье и на всякий обиход» (до 135 руб.), хлеб «на семена и емена» (т. е. на еду), скот, инвентарь и т. п. Кроме того, им разрешалось не платить подати в течение нескольких первых лет. Типичную картину этого привел С. М. Соловьев:

> «По государеву указу воевода велел в Енисейском остроге на торгу и по деревням кликать не однажды: кто захочет из гулящих и из промышленных людей в государеву пашню садиться на Илиме реке, и им льготы на пять лет, а после льготы давать им на государя ото всей своей пахоты пятый сноп; а кто захочет сесть на пашню на Лене реке, тем из государевой казны на лошадь деньги без отдачи, а на другую лошадь дадут денег взаймы из государевой же казны на два года, да им же из государевой казны серпы, косы и сошники, на государевы десятины семена по вся годы государевы, а пахать им на государя от своей пахоты с первого года седьмую десятину в поле, а в двух по тому же»[86].

[85] *Ядринцев Н. М.* Женщина в Сибири в XVII и XVIII столетиях: Исторический очерк // Женский вестник. 1867. № 8. С. 108.

В свою очередь, в Канаде каждый мужчина-колонист, женившийся до 20 лет, и каждая девушка, вышедшая замуж до 16 лет, получали из казны по 20 ливров. Вышедшим замуж за поселенцев «королевским дочкам» полагалось приданое, состоявшее из быка, коровы, свиньи, петуха, курицы, двух бочонков солонины и нескольких золотых монет[87].

Как минимум вплоть до конца XVII в. важнейшей проблемой и русских, и французских, и английских властей была защита своих владений и их жителей от внешней угрозы: в Сибири ее представляли набеги кочевников и «немирных» инородцев, в Северной Америке — атаки враждебных индейцев и угроза нападения со стороны иностранных держав и/или их колоний. Безусловно, наиболее остро эта проблема стояла на первом этапе колонизации. Так, Н. И. Никитин, отметил, что на всем протяжении XVII в. ни в одном из районов массовой колонизации Сибири русский земледелец не жил в нормальных, мирных условиях[88]. Новая Франция с середины 1640-х годов и, по крайней мере, до середины 1660-х годов находилась фактически на осадном положении, и многие колонисты и «заангажированные» работники, приехавшие туда в это время по контракту, предпочли по его истечении вернуться в Европу из страха за свою жизнь[89].

В этих условиях государство стремилось хоть как-то оградить земледельческое население от внешних врагов путем строительства укрепленных линий, острожков, фортов, размещения гарнизонов и т. п. И в Сибири, и в Канаде именно государственные чиновники в случае необходимости занимались поисками и выкупом пленных (естественно за казенный счет). В Канаде с помощью государства из числа поселенцев была организована весьма эффективная милиция (которая была не только оборонительным, но и наступательным орудием, активно использовавшимся в ходе многочислен-

[86] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. Кн. V. Т. 9–10. М., 1961. С. 312.

[87] См.: *Clark S. D.* The Social Development of Canada: An Introductory Study with Select Documents. Toronto, 1942. P. 62.

[88] См.: *Никитин Н. И.* Сибирская эпопея XVII века. М., 1987. С. 157.

[89] См.: *Abénon L.-R., Dickinson J. A.* Les Français en Amérique. Lyon, 1993. P. 48.

ных войн); кроме того, определенную военную роль могли играть и сеньоры (их дома иногда напоминали небольшие замки).

Отличительной особенностью земледельческой колонизации Сибири была ее крайне низкая плотность. Даже в наиболее старых сельскохозяйственных районах преобладали починки, заимки, а не большие села. В XVII в. в Сибири большой редкостью было поселение, насчитывавшее более 10 крестьянских дворов. В Канаде крестьяне предпочитали селиться более кучно, однако и там плотность населения была невелика (учитывая его малую численность). Поскольку все стремились иметь участок, выходящий к рекам — главным «дорогам» того времени, то и сеньории, и крестьянские наделы нарезались узкими длинными полосами. Эти полосы располагались вдоль рек (куда они выходили своей короткой стороной) параллельно друг другу. Средняя протяженность крестьянских «полос» обычно составляла 40 линейных арпанов (примерно 2300 м), а ширина 1,5–2 арпана (в 1723 г. один цензитарий стал собственником участка шириной 4 м и протяжностью более 5 км)[90].

Соответственно в такой ситуации практически не возникало крупных деревень, а преобладали «цепочки» отдельных ферм.

Ситуация в Английской Америке с самого начала была принципиально иной по многим параметрам. Во-первых, основные английские колонии — как южные, так и северные — с самого начала создавались именно как аграрные. Добыча пушнины играла более или менее заметную роль лишь в нескольких приатлантических колониях (в Нью-Йорке и отчасти в Южной Каролине). Основной статьей экономики она была только на далекой периферии английской империи — вроде района Гудзонова залива. В Вирджинии, Мэриленде, Каролине с самого начала была сделана ставка на развитие плантационного хозяйства, а в Новой Англии — фермерского (в последнем случае — при интенсивном развитии торговли и других промыслов, а несколько позднее — и промышленности). И там, и там колонизация отличалась очень высокой степенью плотности — большое количество колонистов сразу занимало ограниченное пространство и интенсивно его осваивало. Дальше англичане двигались только тогда, когда в тылу уже не оставалось свободных земель, не говоря уже о враждебном аборигенном населении. Иначе говоря, колонизация шла медленно, но сразу «набело», а не «начерно», как в Сибири и во Французской Канаде.

[90] См.: *Eccles W. J.* The French in North America, 1500–1783: Revised ed. Michigan, 1998. P. 39.

Во-вторых, в рассматриваемый нами период применительно к Северной Америке английское государство было далеко не самым главным организатором и движителем колонизационного процесса. Его роль и основная заслуга состояли прежде всего в том, что оно не препятствовало своим подданным переселяться в Северную Америку. В то же время сколько-нибудь значительных усилий для их водворения там английские власти не прикладывали. Пожалуй, единственным заметным исключением были меры по заселению английскими поселенцами территории Атлантического региона Канады (Новой Шотландии), предпринимавшиеся Лондоном в конце 1740-х — первой половине 1750-х годов; однако они были продиктованы, в основном, военно-политическими соображениями.

Выходцы с Британских островов ехали в колонии или за свой счет, или же за счет купцов и торговых компаний, нанимавших их в качестве сервентов. Англичан, шотландцев, ирландцев гнали за океан либо экономические соображения (нищета, земельный голод, разрушение привычного жизненного уклада), либо религиозные преследования, либо то и другое вместе. Все это было следствием сложных социально-экономических процессов, происходивших в тот период в английском обществе и государстве. В XVII в. в Англии рушился абсолютизм, уничтожались феодальные порядки. На смену им постепенно приходили совершенно новые рыночные механизмы и институты, новая организация общества, новая организация государственной власти, при которой в процессе принятия политических решений участвовали представители различных группировок социальной верхушки. Ничего подобного ни в самодержавной России, ни в абсолютистской Франции в то время не было. Что касается колонизационного процесса, то и в русском, и во французском случае его направляло именно феодальное государство, руководствуясь прежде всего своими собственными интересами в том виде, в каком их понимали правящие монархи. Эти интересы зачастую могли расходиться не только с интересами страны и общества в целом, но в некоторых случаях и с интересами господствующих / привилегированных классов.

В-третьих, значительную часть (хотя и не абсолютное большинство) белых колонистов-земледельцев Английской Америки составляли фримены — фактически частные собственники своих наделов, обладавшие также определенными политическими правами. Оче-

видно, что ни о чем подобном ни в Сибири, ни во всем Российском государстве того времени не могло быть речи. Во французских владениях ситуация, конечно, была не столь однозначной. С одной стороны, следует помнить, что в рассматриваемый нами период «старый порядок» в самой Франции был еще достаточно силен и устойчив. С другой стороны, в его недрах уже зародились и развивались элементы новых буржуазных отношений (что, в конечном итоге, и привело к Великой французской революции). Наконец, французский абсолютизм даже в эпоху своего наивысшего расцвета все же отличался от российского самодержавия (как допетровского, так и послепетровского), в том числе и наличием существенно более развитого комплекса прав, которыми, пусть и в разной степени, обладали все сословия. Отдельные элементы этого комплекса были перенесены из «Старой» Франции в Новую (например, наличие выборных синдиков — представителей населения или институт выборных капитанов милиции).

В то же время все вышесказанное отнюдь не означает, что английская колонизация Северной Америки осуществлялась исключительно в рамках нового капиталистического строя. Следует учитывать, что, с одной стороны, в самой Англии он еще только утверждался, и там этот процесс растянулся на длительный период; а с другой стороны, отношения и институты, уже отжившие свое в метрополии, вполне могли быть реанимированы и использованы в новых колониальных условиях. Поэтому неудивительно, что в отдельных колониях Английской Америки, отличающейся, в том числе, и разнообразием форм социальной, политической и экономической организации, те или иные элементы феодализма нашли себе применение.

К этим элементам прежде всего следует отнести распределение земли в Северной Америке в форме феодальных пожалований компаниям и лордам-собственникам, особенно активно происходившее при первых Стюартах (до начала 1640-х годов), а затем в период их реставрации (1660–1688 гг.). Конечно, не следует утверждать, что Яков I и Карл I стремились к насаждению в Новом Свете феодальной раздробленности. Скорее всего, эти монархи стремились таким образом создать механизм, способный обеспечить, с одной стороны, заселение территорий за океаном, а с другой, эффективный контроль за ними (понимаемый прежде всего как обеспечение их лояльности короне). При этом владельцы колоний получали от короны чрезвычайно широкие права, тогда как их обязательства

по отношению к ней, наоборот, носили почти чисто символический характер, вроде подношения двух индейских стрел или традиционного обязательства передавать в казну 1/5 всех добытых в колонии драгоценных металлов (которых там либо просто не было, либо их разработка в тот момент еще не велась).

Среди прав, которыми наделялись собственники колоний, важное место занимало право раздачи земли поселенцам также на условиях феодального держания, к которому в ряде случаях добавлялось и право субинфеодации. Правда, в большинстве случаев предусматривалось, что раздача земли должна была происходить на достаточно легких льготных условиях — в форме «свободного и обычного сокеджа». Об этом говорилось в хартиях Лондонской и Плимутской компаний, в Патенте Совета Новой Англии, в хартии Каролины и др. Держание на праве сокеджа означало, что за пользование землей вместо всего комплекса феодальных повинностей и обязательств по отношению к лорду вносится только одна точно установленная повинность (фиксированная рента).

Однако ряд хартий и патентов предусматривали пожалование земель в других, более архаичных формах, связанных с выполнением держателями определенного набора феодальных повинностей. Так, патент на колонию Мэн, выданный в 1639 г. сэру Фердинандо Горджесу-младшему, предусматривал, что держатели земли в его владениях будут вносить повинности («rents and services»), предусмотренные английским статутом 1290 г. (Quia Emptores Terrarum).

Кроме того, этот и многие другие патенты наделяли лордов-собственников правами, касающимися самых разных сфер. Они обладали практически неограниченной судебной властью, правом помилования, могли по своему усмотрению вводить налоги, назначать любых должностных лиц, командовать всеми вооруженными силами на территории своего владения, вести боевые действия, вступать в сношения с другими государствами, основывать города и давать им хартии и т. п. В самой Англии многие из этих прав давно были ликвидированы. Так, хартия Мэриленда давала его собственнику — Сэсилу Кэлверту, второму барону Балтимору — право вводить в своих владениях круговую поруку населения по десяткам (Frank Pledge), исчезнувшую в метрополии еще в XV в. Это же положение встречалось и в некоторых других хартиях. Что же касается вышеупомянутого второго барона Балтимора, чрезвычайно упорно и последовательно отстаивавшего свои права феодального собственника, то он одно время даже пытался (правда, не слишком успешно)

наладить чеканку собственной монеты, которая имела бы хождение в Мэриленде. В Европе это право сеньоров существовало только в эпоху наивысшего расцвета феодальной раздробленности и исчезло за несколько веков до рассматриваемых нами событий.

Безусловно, далеко не всем собственникам удавалось реализовать полученные на бумаге права. В том же Мэриленде поселенцы упорно пытались сопротивляться попыткам семьи Балтиморов повысить размер ренты (хотя по условиям своего пожалования те как феодальные собственники имели на это право). Мощнейшим сдерживающим фактором было отмеченное выше наличие у поселенцев-фрименов политических прав, в том числе и права одобрять или не одобрять законы, издаваемые лордами-собственниками, о чем говорилось в большинстве колониальных хартий и патентов.

Также следует учитывать, что ряд лордов-собственников и компаний, которым были пожалованы те или иные хартии и патенты, либо вообще не стали основывать колоний в Северной Америке, либо эти попытки быстро провалились. Так, не была реализована хартия Авалона (под этим именем фигурировала часть о. Ньюфаундленд), выданная в 1623 г. Джорджу Кэлверту (отцу Сэсила). Лишь на бумаге существовал полученный в 1629 г. Робертом Хитом патент на провинцию Каролана, которая должна была располагаться на землях, простиравшихся к югу от Вирджинии (т. е. на территории будущих Северной и Южной Каролины и Джорджии). Всего несколько лет просуществовало первое английское поселение в Новой Шотландии, основанное в 1628 г. Уильямом Александером, получившим на правах феодального собственника весь Атлантический регион Канады[91]. Кроме того, определенная часть лордов-собственников, не уделяла большого внимания своим североамериканским владениям, в результате чего те сначала фактически, а потом и юридически превращались в королевские колонии.

Тем не менее к концу 1680-х годов в Северной Америке существовал ряд английских колоний, не только на бумаге, но и фактически принадлежавших лордам-собственникам (сюда можно отнести Мэн, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильванию, Мэриленд, Каролину). В этих колониях сохранялись элементы феодальных поземельных отношений, существенно укрепившиеся в эпоху Реставрации. В дальнейшем число собственнических колоний сократилось до двух — остальные по разным причинам перешли под управление короны, — однако, это не означало исчезновения там феодальной ренты, которую продолжали собирать собственники маноров и королевские чиновники.

Наряду с теми колониями, которые на первых этапах колонизации более или менее длительное время находились в руках лордов-собственников и стали королевскими лишь в конце XVII — начале XVIII в., в Английской Америке существовали и такие колонии, которые попали под прямое королевское управление еще на заре своего существования. К числу таких колоний относилась Вирджиния, где это произошло еще в 1624 г. после ликвидации Вирджинской компании.

В этой колонии земля жаловалась поселенцам на основе так называемого подушного права (head right), введенного еще руководством компании. Все поселенцы, самостоятельно оплатившие свой переезд, могли получить участок размером 50 акров, на условиях уплаты ренты. После введения в колонии королевского управления все земельные держания стали считаться идущими непосредственно от короны. Рента сохранялась, но до конца XVII в. она носила, скорее, символический характер.

Специфика Вирджинии состояла в том, что там уже на начальном этапе колонизации стала формироваться прослойка крупных землевладельцев, занимавшихся почти исключительно выращиванием табака. Экономика колонии быстро приобрела преимущественно монокультурный плантационный характер. В дальнейшем и в других южных и центральных колониях сложились аналогичные ареалы товарного производства сельскохозяйственных культур: зерна в Нью-Йорке, Нью-Джерси и Пенсильвании, табака в Мэриленде, риса и индиго в Северной и Южной Каролине.

Основной рабочей силой на плантациях первоначально были сервенты — законтрактованные работники, которых часто называли «белыми рабами». Зародившийся в Вирджинии институт сервентов впоследствии распространился и на другие колонии Английской Америки, прежде всего Нью-Йорк, обе Каролины, Джорджию. Из всех категорий зависимого (не цветного) населения колоний сервенты находились в наиболее тяжелом положении. В течении ряда лет (от трех до семи лет для взрослых и до достижения

[91] В 1632 г. по условиям договора в Сен-Жермен-ан-Лэ территория Атлантического региона Канады, которую англичане называли Новой Шотландией, а французы — Акадией, была передана Франции. После этого англичане несколько раз пытались отвоевать Новую Шотландию-Акадию, но окончательно смогли это сделать только в начале XVIII в. в ходе войны за Испанское наследство.

21 года для детей) они должны были отрабатывать стоимость своего переезда в колонию и только после этого могли рассчитывать на получение земельного участка. До этого времени права сервентов были ограничены — они не могли участвовать в выборах, занимать какие-либо общественные или административные должности, и фактически находились в личной зависимости от своих хозяев. Последние, в свою очередь, могли обращаться с сервентами по своему усмотрению — произвольно устанавливать объемы работы, которую те должны были выполнять, определять условия их содержания, штрафовать их за провинности и т. п. Сервентов также можно было передавать другим лицам на время или на весь срок их контракта, т. е. фактически сдавать в аренду и продавать. Часто хозяева под разными предлогами стремились продлить срок службы своих сервентов или помешать им получить землю, чтобы таким образом оставить их в зависимом положении. По сути, положение сервентов напоминало крепостное состояние, правда, с той немаловажной разницей, что их пребывание в этом состоянии носило временный характер и — рано или поздно — все же должно было закончиться.

По истечении контрактов судьбы сервентов складывались по-разному. Определенной части удавалось в конце концов получить землю и стать свободными держателями (некоторые сами становились хозяевами новых сервентов). Однако таких было меньшинство — от 20% до $^1/_3$, по подсчетам разных авторов. Остальные либо просто не доживали до этого (из-за тяжелых условий труда, недоедания, эпидемий смертность среди законтрактованных работников была очень высокой, особенно в первые десятилетия существования колонии), либо оказывались не в состоянии вести свое собственное хозяйство и превращались в безземельных арендаторов.

По мнению группы отечественных специалистов, подробно исследовавших исторические судьбы феодализма в Западном полушарии, большинство плантаций центральных и отчасти южных колоний на протяжении XVII–XVIII вв. (вплоть до Войны за независимость) напоминали восточноевропейское барщинно-фольварочное хозяйство и представляли сбой своего рода «американский фольварк». Ленд-лорд там не вел своего хозяйства, используя труд арендаторов и сервентов, и в то же время выступал лишь в качестве поставщика-производителя продукции, а не торговца[92].

[92]Три века колониальной Америки: О типологии феодализма в Западном полушарии / Б. Н. Комиссаров, А. А. Петрова, О. В. Саламатова, А. А. Ярыгин. СПб., 1992. С. 205–206.

В Английской Америке феодальные институты практически полностью отсутствовали лишь в колониях Новой Англии. Это было связано с рядом факторов. Свою роль, безусловно, сыграла специфика взглядов пуритан-основателей этих колоний на принципы социальной, хозяйственной и политической организации общества (стремление к построению общества принципиально нового типа в соответствии со своими религиозными представлениями). Не менее важным было и то, что правительство метрополии позволило пуританам осуществить этот «великий эксперимент». Также следует учитывать ту экономическую ситуацию, которой смогли воспользоваться колонии Новой Англии (острая потребность метрополии и соседних плантационных колоний в тех товарах, которые Новая Англия легко могла поставлять: лесе, рыбе, зерне и т. п.). В результате в колониях Новой Англии с самого начала стали развиваться буржуазные отношения, в том числе и в сельском хозяйстве. Однако там также существовал институт сервентов и сохранялись отдельные пережитки феодализма (например, общинные земли).

Возвращаясь к вопросу о роли государства, можно сделать вывод о том, что его роль в земледельческой колонизации Английской Америки, с одной стороны, и Новой Франции и Сибири, с другой — была различной. В то же время во всех трех рассматриваемых нами случаях имело место использование феодальных институтов, в рамках которых шла сельскохозяйственная колонизация. Также везде мы видим ситуацию, при которой на колонизуемых территориях складывались порядки, отличные от тех, которые существовали в метрополиях. Отчасти это происходило по воле государства: в Сибири, где не было введено поместное землевладение и где не создавалось вотчин; в Английской Америке, где предпринимались попытки реанимировать и насадить давно отжившие свой век в метрополии феодальные институты; во Французской Канаде, где сеньориальную систему пытались превратить в инструмент колонизации. Однако, кроме этого, и на феодальные установления, и на сам характер поземельных и многих социальных отношений (а также на многие другие стороны жизни колонистов) повсеместно оказывала воздействие специфическая колониальная ситуация.

И в Сибири, и в Английской Америке, и в Новой Франции колонист-аграрий (будь то русский крестьянин на государевой де-

сятинной пашне, канадский абитан-цензитарий или вирджинский поселенец) находился в принципиально ином положении, нежели рядовой сельский труженик в метрополии. Да, он был эксплуатируемым по отношению к царю и его воеводам, королю и сеньору, лорду-собственнику и колониальным чиновникам. Но в то же время именно он (будучи, например, бойцом колониальной милиции) зачастую оказывался активным, а порой и единственным защитником своих эксплуататоров во время войн, набегов кочевников или конфликтов с аборигенами. Наконец, по отношению к тем же индейцам или сибирским инородцам этот самый колонист мог выступать не только как «цивилизатор», несущий им новые умения и навыки (которые к тому же они часто по разным причинам не перенимали), и/или эксплуатируемый «классовый собрат», но и как агрессор, захватчик и своего рода эксплуататор. В последнем случае мы имеем в виду и захват земель, и неравноценную торговлю, и такое явление, как рабство аборигенов, существовавшее и в Новой Франции, и в Сибири, и в некоторых областях Английской Америки.

Кроме того, и сибирские заимки, и канадские поселения, и англо-американские фермы в рассматриваемый нами период соседствовали с колоссальным массивом свободных неосвоенных пространств (прежде всего, это, конечно, относилось к Сибири и Новой Франции). Благодаря этому недовольный своим положением колонист-земледелец мог относительно легко в буквальном смысле этого слова «уйти в леса» — стать промышленником, траппером, вояжером, лесным бродягой, гулящим человеком. Иначе говоря, перейти в разряд тех обитателей «границы», которые перемещались по огромным территориям, на свой страх и риск занимаясь пушным промыслом — скупкой и добычей мехов, и при этом далеко не всегда соблюдали какие-либо правила и законы. Заметим, что в то же время их деятельность также вполне укладывалась в русло колонизационного процесса и ее результаты часто использовались правительственными структурами (они вольно или невольно продолжали исследование новых земель, устанавливали контакты со все более отдаленными племенами, собирали различную полезную информацию и т. п.).

Еще одной возможностью если не качественно изменить, то, по крайней мере, заметно улучшить свое положение, был переход из относительно более освоенных и населенных сельскохозяйственных районов в менее освоенные, где можно было получить землю на более легких условиях. Так, в конце XVII в. русские крестьяне уходили (часто самовольно — в виде протеста) из «старого» Тобольского уезда дальше на восток, на еще неосвоенные земли — в Даурию, на Амур[93]. В то же время в начале XVIII в. канадские цензитарии из долины р. Св. Лаврентия переселялись на территорию колонии Луизиана (особенно в ее северную часть — так называемую Страну Иллинойсов), освоение которой тогда еще только начиналось. Также не случайно принято считать, что наиболее распространенной формой землепользования в Сибири было «заимочно-захваточное», при котором практически любой крестьянин мог использовать столько земли, сколько было ему по силам. При этом владельческие права на заимку были фактически неограниченными[94].

Наконец, следует учитывать и такой фактор, как относительная слабость административных и карательных органов в колониях, что вкупе с вышеотмеченным фактором наличия свободных территорий приводило к тому, что возможности властей обеспечить эффективный контроль над земледельческим населением были достаточно ограниченными. В результате и русским, и французским властям приходилось объективно мириться с тем, что колонизационный процесс порой выходил из-под их контроля. В Сибири это касалось прежде всего отношения к беглым крестьянам (холопам, крепостным), тайно пробиравшимся за Урал из Европейской России. С одной стороны, государство должно было стоять на страже интересов господствующего класса и не допускать обезлюживания вотчин и поместий. Отсюда — различные указы об учреждении «крепких застав» для недопущения самовольного перехода в Сибирь. С другой стороны, приток крестьян в Сибирь также был нужен и выгоден государству — тем более, если этот приток происходил сам по себе и не требовал никаких усилий или финансовых вложений. Сибирские же условия были таковы, что воеводы и другие чиновники, несмотря на строгие указы, зачастую и объективно не имели возможности вернуть беглых обратно на Русь, и откровенно не стремились к этому.

Земельные собственники и/или администраторы не могли себе позволить воспроизвести в колониях тот же уровень эксплуатации, который в то время существовал в метрополиях. Это ка-

[93]История Сибири: с древнейших времен до наших дней: В 5 т. / Гл. ред. А. П. Окладников. Т. II. Л., 1968. С. 145.

[94]См.: *Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В.* Азиатская Россия... С. 237.

сается в первую очередь Сибири и Новой Франции (произвол и казнокрадство колониальных чиновников — это отдельный сюжет, относящийся не только к крестьянам). С точки зрения феодальных повинностей и налогового бремени, положение сибирского крестьянина и канадского абитана было существенно легче положения их соответствующих европейских собратьев. В XVII в. в России происходило окончательное утверждение крепостного права, а затем в XVIII в. крепостничество достигло своего апогея. Во Франции к этому времени крестьяне уже стали лично свободными, однако там еще господствовали феодальные поземельные отношения (не случайно феодализм Старого порядка называют «порабощением земли»), и соответственно сохранялся комплекс феодальных повинностей. Кроме того, французские сеньоры сохраняли ряд исключительных прав и привилегий (баналитетов), пользование которыми служило помимо прочего источником их дополнительного обогащения и в то же время создавало для крестьян множество проблем и затруднений.

В Сибири вообще практически не было ни поместного, ни вотчинного землевладения, соответственно там не было и помещичьих крепостных. Главным и единственным феодалом на протяжении всего рассматриваемого нами периода там было сначала государство, а затем в XVIII в. — лично монарх (Императорский Кабинет). Государство наделяло крестьян землей, контролировало их деятельность, требовало выполнения различных феодальных повинностей в свою пользу.

В рассматриваемый нами период (вплоть до 1762 г.) повинности сибирских крестьян включали в себя различные виды феодальной ренты: отработочную, натуральную и денежную. Первоначально главной была отработочная рента, т. е., по сути, барщина в пользу государства, состоявшая в обработке «государевой десятинной пашни» (собственно полевые работы, помол государева хлеба, постройка амбаров и т. п.), а также в выполнении ряда «государевых изделий» — например, участие в возведении острогов, постройка судов для доставки хлеба и т. п.

В первые десятилетия XVII в. находящаяся еще в процессе становления «государева десятинная пашня» не имела фиксированного размера. Однако уже в 1623–1624 гг. тобольский воевода князь Ю. Я. Сулешев своим «пашенным уложением» упорядочил размер «государевой десятинной пашни», который отныне должен был пропорционально соотноситься с размерами собственной («собинной») пашни крестьянина. Так, при условии обработки 1 целой и 1/8 десятины казенной земли в одном поле можно было обрабатывать 5 десятин и более собинной пашни. Этот принцип, в основном, сохранялся на протяжении почти ста лет. Например, в начале XVIII в. в Тобольском, Туринском, Тюменском и Пелымском уездах действовал такой расчет: на 10 десятин собинной — 2,25 десятины государевой пашни в одном поле; в Енисейском уезде пропорция была чуть иной: на 6 казенных — 24 собинных десятины[95]. В Восточной Сибири (в Илимском уезде) повинности пашенных крестьян первоначально состояли в обработке 1 государевой десятины при 4 собинных, а с собинной пашни сверх 4 десятин земледельцы должны были отдавать государству 10-й, а позднее 5-й сноп[96] (т. е. платить еще и натуральную ренту).

Хотя в XVII в. господствующей формой ренты в Сибири была отработочная, наряду с ней постепенно стали получать распространение и другие формы ренты, прежде всего натуральная — в виде оброка зерном. Первоначально его платило относительно небольшое количество крестьян, однако постепенно оброк стал получать все более широкое распространение (это не в последнюю очередь было связано с неуклонным падением рентабельности «государевой десятинной пашни»). Число оброчных крестьян особенно заметно возросло в конце XVII в., а в начале XVIII в. они составляли уже около 1/3 всех пашенных крестьян.

В 1721 г. ситуация с повинностями сибирских пашенных крестьян несколько изменилась. В образованной незадолго до этого Сибирской губернии для каждого крестьянского двора тогдашним губернатором кн. М. Я. Черкасским был установлен единый размер участка на «государевой десятинной пашне» — «по десятине и получетверти десятины в поле, а в дву потом ж» вне всякой зависимости от размеров «собинной пашни»[97]. Таким образом, десятинная пашня «превратилась в общую отработочную повинность государственных крестьян Сибири»[98]. Тогда же губернатор жестко зафик-

[95]См. подробнее: *Шепкунова Н. М.* К вопросу об отмене десятинной пашни в Западной Сибири // Материалы по истории Сибири: Сибирь периода феодализма. Вып. 2: Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. / Отв. ред. В. И. Шунков. Новосибирск, 1965. С. 177.

[96]*Хромов П. А.* Экономическое развитие России: Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. М., 1967. С. 99.

[97]См. подробнее: *Хромов П. А.* Экономическая история СССР: Первобытнообщинный и феодальный способы производства в России. М., 1988.

[98]*Шепкунова Н. М.* К вопросу об отмене десятинной пашни... С. 178.

сировал и размер оброка для оброчных крестьян — все они должны были ежегодно вносить 4 четверти без полуосьмины ржи и столько же овса с каждого двора.

В последующие четыре десятилетия в Сибири шло неуклонное сокращение государевой десятинной пашни и замена ее натуральным либо денежным оброком, который после налоговой реформы Петра I (1724–1725 гг.) стали собирать с души. Так, в конце 1730-х годов в большей части уездов Западной Сибири 55% крестьян платили денежную ренту (которая, кстати, периодически возрастала), 27% — отработочную и 18% — продуктовую. На рубеже 1750–60-х годов сибирская администрация пыталась реанимировать десятинную пашню (т. е. отработочную ренту), однако эти попытки не увенчались успехом (не в последнюю очередь из-за сопротивления крестьян). В 1762 г. от нее было решено отказаться. Сенатским указом все сибирские крестьяне были переведены на единый денежный оброк (к этому время он уже вырос до 1 рубля). Окончательно десятинная пашня исчезла к концу 1760-х годов.

Безусловно, все вышеупомянутые повинности (а также государственные налоги) были весьма обременительны для сибирских крестьян. Тем не менее их положение в целом отличалось в лучшую сторону от положения многих других категорий зависимого населения Европейской России и прежде всего помещичьих крестьян. Ведь последние должны были выполнять множество повинностей в пользу помещика (включая барщину, оброк и т. д.). Они, как правило, по своему объему значительно превышали те повинности (будь то обработка государевой десятинной пашни, либо денежный, либо натуральный оброк), которые помимо общих для всех налогов несли сибирские крестьяне. В середине 1720-х годов сумма «оброчных денег» сибирских крестьян по условиям вышеупомянутой петровской налоговой реформы должна была составлять 40 копеек, а в оброчных имениях Европейской России сумма денежного оброка часто достигала 60, а в отдельных случаях и 80 копеек с души в год. Если же сумма оброка помещичьих крестьян составляла те же 40 копеек, то в этом случае к ней, как правило, добавлялись разлічные натуральные поборы.

Следует также учитывать, что многие из прибывавших в Сибирь крестьян на первых порах пользовались определенными льготами. Сложности у них начинали возникать как раз тогда, когда льготный период заканчивался; причем связаны они были чаще всего не с самими повинностями, а с произволом и злоупотреблениями государевых приказчиков.

Наконец, не нужно забывать, что на всем протяжении рассматриваемого нами периода сибирские земледельцы, хотя их численность и неуклонно росла, составляли в целом очень небольшую часть российского крестьянства (по второй ревизии в Сибири насчитывалось 224 167 крестьянских душ мужского полу, что составляло всего 3,4% от всего податного населения империи). Соответственно доход, который получало государство с сибирских крестьян, был невелик. Не будем забывать, что в Сибири крестьяне водворялись государством не ради получения доходов (ради этого собирался ясак), а для решения продовольственной проблемы и снижения затрат на содержание гарнизонов и чиновников (обеспечивавших сбор того самого ясака). Представляется, что в этой ситуации государство не было заинтересовано в каком-либо чрезмерном усилении эксплуатации сибирского крестьянства (конечно, при условии, что оно выполняло поставленную перед ним задачу обеспечения края зерном). Экономический эффект от этого был бы небольшим, а последствия могли быть непредсказуемыми.

Конечно, никакой социальной идиллии в Сибири не было. Еще упоминавшийся нами первый тобольский епископ Киприан заметил по поводу положения сибирских «низов»: «Да и черным людям и пашенным крестьянам — великое притеснение во всех городах — бьют челом и плачутся, а защитить от сильных людей некому»[99].

Общий уровень жизни сибирских крестьян оценить весьма сложно. На этот счет встречаются порой противоречивые утверждения. Тот же архиепископ Киприан в своей грамоте царю (сентябрь 1621 г.) так описывал западносибирские реалии: «Во всех городах и острогах, мимо которых ехал, дворишки ставлены худые и тесные, хоромишки все крыты соломою, сбиты хоромины на хоромину, улицы тесныя сажени на полторы, а площадей нигде нет...»[100]. В то же время специалисты (в том числе археологи) утверждают, что средние размеры домов в сибирских городах — Верхотурье, Пелыме, Тюмени, Тобольске, Томске, Енисейске — были в целом аналогичны северорусским. Дома меньшего размера и более примитивной конструкции строились на севере Сибири, однако там это было связано, скорее, не с социально-экономической

[99] Цит. по: *Софронов В. Ю.* Светочи земли Сибирской... С. 17.
[100] Там же.

ситуацией, а с особенностями местного климата и природных условий[101].

Крестьянский рацион в Сибири, конечно, отличался от общероссийского — особенно на первых порах. Первые сибирские поселенцы-аграрии испытывали значительные трудности с продовольствием. В одной из челобитных группа крестьян жаловались, что уже шесть лет они с огромным трудом распахивают целину на «государеву пашню» и выполняют множество других повинностей и терпят «великую нужду, и бедность, и голод, и наготу, и босоту». «По два годы на твоей государеве пашне траву ели — мало не померли голодную смертию...», «не токмо, государь, что лошади купити, но и платьишка и обуви купить нечем, и хлеба, государь, себе в шесть годов не напахали...»[102]. Однако постепенно ситуация выправлялась и приближалась к общероссийской, хотя определенные отличия в структуре питания сохранялись (касательно ассортимента продуктов, соотношения растительной, мясной и молочной пищи и т. п.). В то же время следует помнить, что на протяжении всего рассматриваемого периода трудности с продовольствием периодически испытывали и находившиеся в отдаленных ясачных зимовьях служилые люди, казаки, промышленники, зачастую кормившиеся одной рыбой и древесной корой[103].

В Новой Франции крестьяне-цензитарии ежегодно (обычно в конце осени, по окончании сезона полевых работ) платили своим сеньорам ценз и ренту. Ценз представлял собой очень небольшой фиксированный платеж, не зависящий от размеров участка, которым пользовался тот или иной держатель. Уплата ценза служила как бы символическим подтверждением феодальных прав сеньора. Рента была более существенной. Она определялась, либо исходя из общих размеров участка цензитария, либо (чаще) — исходя из размеров обрабатываемых им площадей. Ценз обычно вносился деньгами, рента могла быть как денежной, так и продуктовой. Так, цензитарий Пьер Лапорт, державший участок размером 4 на 40 арпанов (54,6 га) в сеньории, принадлежавшей монахам-сульпицианцам, должен был ежегодно платить 3 ливра и 2 мино[104] пшеницы. Николя Шоссе — владелец более крупного участка — 9 на 40 арпанов (123 га) вносил 9 ливров и 9 мино пшеницы[105].

[101] См.: *Визгалов Г. П.* Мангазея... С. 18.

[102] Цит. по: *Оглоблин Н. Н.* «Женский вопрос» в Сибири... С. 198.

[103] См., напр.: Дополнения к Актам историческим... Т. IV, № 6. СПб., 1851. С. 19.

[104] Мино — старинная французская мера объема, равная примерно 34 литрам.

По подсчетам специалистов, сумма ежегодных повинностей канадских цензитариев в конце XVII в. в среднем составляла 6–8 ливров в год. Кроме этого, существовал ряд казуальных платежей (например, если цензива передавалась по наследству не по прямой линии, нужно было платить сеньору 1/12 ее стоимости). Что касается баналитетов, то они присутствовали лишь в крайне ограниченном количестве. Некоторые из них в условиях колонии просто не имели смысла — например, исключительное право сеньора держать пресс для винограда и брать с крестьян плату за пользование им (виноградарство и соответственно виноделие в эпоху французского колониального господства в Канаде отсутствовали); некоторые вообще превратились из привилегии в весьма обременительную общественную обязанность сеньоров (власти заставляли их строить мельницы, печи для хлеба и т. п.).

Очень важным моментом было то, что в Канаде в эпоху французского колониального господства не собирались никакие государственные налоги — ни прямые, ни косвенные, под бременем которых так страдало огромное большинство представителей третьего сословия (и прежде всего крестьянства) во Франции того времени. В конце XVII — начале XVIII в. (при Людовике XIV) французские крестьяне в среднем ежегодно платили по 45 ливров различных государственных налогов; еще около 46 ливров шло на уплату феодальных повинностей сеньору. Даже если учесть, что цены в Канаде были несколько выше французских (хотя это касалось, в основном, привозных товаров и предметов роскоши, а не предметов первой необходимости) сумма в 91 ливр не идет ни в какое сравнение с вышеупомянутыми 6–8 ливрами.

Помимо разного рода регулярных и каузальных платежей в Новой Франции существовала барщина (corvée). Правда, обычно она ограничивалась 3–4 днями в году и заключалась не столько в работе на сеньора, сколько в выполнении каких-либо общественных работ (прокладка дорог, строительство укреплений). Это роднит ее с вышеупомянутыми «изделиями» сибирских крестьян в пользу государства.

И для колониальной Северной Америки, и для Северной Азии

[105] La Nouvelle-France par les textes: les cadres de vie / Ed. par. M. Trudel. Montréal, 2003. P. 68–70.

рассматриваемого нами периода была характерна существенно более высокая, чем в метрополиях, степень подвижности социальных границ. Особенно заметной она была в Сибири и в Канаде — на фоне строго иерархических сословных обществ самодержавно-крепостнической России и абсолютистской Франции. Так, в Новой Франции сеньорами нередко становились выходцы из третьего сословия (один из первых канадских сеньоров Роббер Жиффар был хирургом; сеньория была ему пожалована в 1634 г., а дворянство он получил только в 1658 г.). В то же время социальная дистанция между сеньорами и цензитариями в колонии была существенно меньшей, чем в метрополии. С одной стороны, это было связано с отмеченным нами более «низким» происхождением канадских сеньоров, с другой — с тем, что колониальные условия (особенно на первых порах) способствовали нивелированию социальных различий. Первым сеньорам зачастую приходилось работать наравне с крестьянами, чтобы прокормить себя и свои семьи; соответственно им было сложно выделяться из общей массы по уровню или по образу жизни (в старой Франции вплоть до самой революции ситуация была принципиально иной). Да и в целом в Канаде значительная часть традиционных сословных границ была весьма сильно размыта.

То же самое можно сказать и о Сибири. На всем протяжении рассматриваемого нами периода границы между сословиями там были весьма нечеткими и подвижными. В первую очередь это относится к допетровским временам. Однако отчасти такая ситуация сохранялась и в XVIII в. В то время как в Европейской России государственные должности занимались почти исключительно дворянами, в Сибири на них часто назначались представители других сословий (в первую очередь «служилого прибора»). Не случайно о сибирском чиновничестве говорят как о «всесословной» по происхождению социальной группе[106]. Безусловно, власти стремились к тому, чтобы наиболее ответственные посты в Сибири занимали «природные дворяне», однако на практике это было очень сложно осуществить. Например, в Якутии в середине XVIII в. «природные дворяне» составляли только половину от общего числа чиновников[107].

[106] См., напр.: *Красняков Н. И.* Становление системы государственного управления в Сибири в XVIII — первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

[107] См.: *Ананьев Д. А.* Воеводское управление в Сибири в XVIII веке: особенности процесса бюрократизации // Отечественная история. 2007. № 2.

Еще одной особенностью социально-экономического строя колониальной Северной Америки и Русской Сибири интересующего нас периода было наличие института рабства. Рассматривая его, сразу же оговоримся, что мы не будем останавливаться на «классическом» плантационном рабстве, существовавшем в южных английских колониях: Вирджинии, Мэриленде, обеих Каролинах, Джорджии, а также во французской Луизиане (правда, в Луизиане в первой половине XVIII в. оно еще находилось в процессе становления). Действительно, именно там рабство было наиболее широко распространено, и именно там была сосредоточена основная масса рабов, однако никаких аналогов в Русской Сибири южное плантационное рабство по понятным причинам не имело. Однако рабство, присутствовавшее в русских владениях в Северной Азии в конце XVI — середине XVIII в. (да и позднее, вплоть до середины XIX в.), вполне можно сравнивать с рабством, имевшим место во Французской Канаде, и с рабством в центральных и северных английских колониях.

В Сибири основную массу рабов составляли либо так называемые погромные ясыри, захваченные самими русскими во время военных походов и карательных экспедиций против «немирных иноземцев», либо ясыри, приобретенные у сибирских аборигенов прежде всего у бедноты, либо купленные на границе у представителей соседних кочевых народов. Юридически формы закабаления могли быть разными: в частности, весьма распространено было так называемое крещение в неволю (особенно по отношению к детям и подросткам), когда новокрещен поступал в распоряжение своего крестного отца. До начала XVIII в. в Сибири имелось и некоторое количество русских рабов (полных холопов) — в основном тех, которых привозили с собой из Европейской России представители знати, назначавшиеся на воеводство в крупные города (см. гл. II, с. 149). Однако очевидно, что таких рабов было немного, их пребывание в Сибири было, как правило, временным, а их положение ничем не отличалось от положения представителей этой категории зависимого населения в Европейской России.

Свою роль в распространении рабства сыграл и тот факт, что у многих народов Сибири этот институт существовал еще до прихода русских, причем в некоторых аборигенных сообществах он был достаточно развит. Так, якуты различали несколько категорий рабов в зависимости от их происхождения: «кумаланы» — соплеменники, по какой-либо причине находившиеся на иждивении богатого и вли-

ятельного человека (сироты-«вскормленники», бедные родственники, должники и т. п.) — и «боканы» или «кулуты», происходившие из пленных (эксплуатация последних была наиболее сильной, а обращение с ними — часто наиболее жестоким)[108]. Правда, даже в Якутии рабов было не слишком много — у самых богатых тойнов их число не превышало 15–20 человек; использовались они, в основном, в домашнем хозяйстве, хотя бывали случаи, когда рабы жили отдельно, имели свои семьи и выполняли те или иные работы на своего владельца.

Наличие рабства у аборигенов, безусловно, способствовало распространению этого института и среди русского населения Сибири. Д. Я. Резун также отмечает, что определенную роль здесь сыграла «казачья традиция» захвата ясырей, ну и, конечно, то холопство и крепостничество, которое процветало в Европейской России[109].

Приобретение рабов путем применения силы было более широко распространено в зонах столкновений между русскими и аборигенами и имело место преимущественно на ранних стадиях русского проникновения и утверждения в Сибири. Удачные походы на «немирных» иноземцев очень часто завершались захватом пленных, главным образом женщин и детей. Так, во время своего похода в Даурию (1652 г.) Ерофей Хабаров при взятии только одного даурского селения — «Гуйгударова города» — взял в качестве ясырей 361 человека: «и числом ясырю взято бабья поголовно старых и молодых и девок двести сорок три человека, да мелкого ясырю робенков сто осьмнадцать человек»[110]. Состоявшийся в том же году более скромный по масштабам поход служилых людей из Охотска против тунгусов закончился сражением и захватом пленных, которых ожидала участь рабов: «...да на том же бою взято ясырю семнадцать баб да парнишка»[111]. Подобная практика встречалась в Сибири и позже — в конце XVII и даже в первой половине XVIII в. Например, в 1680 г. во время усмирения одного непокорного якутского рода казаки «взяли с бою 20 девок и 10 баб с 10 ребятами»[112].

Параллельно с начала XVII в. все большее распространение получала покупка ясырей. С. А. Токарев упоминает роспись ясыря в

[108]См.: *Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа. М., 1940. С. 20–22.
[109]См.: *Резун Д. Я.* Фронтир в истории... С. 43.
[110]Дополнения к Актам историческим... Т. III, № 102. С. 359.
[111]Там же. № 92. С. 334.
[112]Цит. по: *Косвен М.* Якутская республика. М.; Л., 1925. С. 21.

Якутске за 1640–1641 гг., где фигурирует 132 имени, и указано, что только 17 из них взяты «на погроме» (т. е. захвачены силой), 35 — куплены у якутов (в основном, у их же родственников), а 80 — приобретены у других русских хозяев[113].

В Русской Сибири ясырями владели самые разные категории населения — прежде всего, конечно, верхушка: воеводы и другие представители местных властей, служилые люди, купцы, священники, но также рядовые казаки, и даже крестьяне. Масштабы явления можно представить себе из текста правительственного указа 1733 г., где констатировалось, что «у многих [аборигенов] побрали жен и детей и так уже набрали много, что в Якуцку мало таких казаков есть, у кого б ясашных людей в холопях не было, и тому же многое число продают разного чина людем, которые развозят по иным городам»[114]. Еще большее распространение эксплуатация ясыря получила на крайнем северо-востоке Сибири и на Камчатке, где в начале XVIII в. у простых казаков бывало в среднем по 15–20 рабов-аборигенов, а у некоторых — по 50–60. По свидетельству С. П. Крашенинникова, до «розыску» середины 1730-х годов «ясырей <...> покупать и продавать и пропивать и в карты проигрывать вольно было»[115].

Позиция московских властей по отношению к рабству в Сибири в рассматриваемый нами период была двойственной. С одной стороны, они не были заинтересованы в том, чтобы плательщики ясака переходили в категорию рабов, и пыталось препятствовать этому; с другой — признавали существование этого института и считало покупку рабов у соседних народов вполне законной.

Еще в середине и второй половине XVII в. в наказах воеводам неоднократно говорилось о недопустимости обращения в рабство / холопство ясачных людей (т. е. русских подданных). При этом самим воеводам запрещалось держать у себя ясырей — «иноземцов в Сибири в холопи воеводам имать ни у кого и покупать и крестить и на Русь к Москве и никуды высылать не велено и иным никаким людем того делать не велеть же...»[116]. Таможенным и

[113]*Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа. С. 79.
[114]Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. архивных материалов / Под ред. Я. П. Алькора и А. К. Дрезена. Л., 1935. С. 7.
[115]Подробнее см.: *Зуев А. С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. Новосибирск, 2002. С. 136–137.
[116]Цит. по: Материалы по истории холопства в восточной Сибири в XVII в. // Исторический архив. 1936. № 1. С. 203.

заставным головам приказывалось проводить обыски всех проезжающих независимо от положения (будь то «воеводы и дьяки, и письменные головы, и их братья, и дети, и племянники, и люди, и дети боярские, и Сибирские служилые и торговые и всяких чинов люди»), «смотреть и беречь накрепко», «осматривать и обыскивать всякими мерами» и «у кого объявится ясырь» — отправлять его в Тобольск или Енисейский острог. Там с ясырями предполагалось поступать следующим образом: «крещеный ясырь, мужеской пол, велено верстать в службу, кто в какую статью пригодится, а некрещеных <...> строить в ясак, а жонки и девки отдавать отцом им и матерям, и мужьям и роду и племени, а крещеных девок и женок велено выдавать замуж за служилых людей, за кого пригоже, а который де ясырь же взяты в немирных землицах, и тот ясырь велено держать в Енисейском остроге на аманацком дворе»[117]. Распоряжения аналогичного содержания издавались неоднократно[118].

Однако воеводы далеко не всегда обращали внимание на подобные запреты (а остальные соответственно с них брали пример). Так, материалы сыскного дела о холопах князя И. Ф. Голенищева-Кутузова, назначенного воеводой в Якутск в 1659 г. и скончавшегося на своем посту в 1667 г., показывают, что воевода владел определенным количеством холопов (юридически оформленных по закладам на подставных лиц). В деле фигурируют якуты — «девка Анютка», и «малой Мишка», «иноземцы крещеные даурского погрому» Мишка Иванов и Гаврилка, «двое робят крещеных, один Петрушка, а другой Лучка тауйского погрому с Ламы реки», еще одна «якуцкая девка ... Аринка» и т. д. Поставщиками рабов для воеводы выступали толмачи и служилые люди — на допросе по вышеназванному делу «толмачь Кузька Габышев сказал: говорил де ему, Кузьке, стольник и воевода Иван Голенищев Кутузов, где попадетца девочка купить и он де, Кузька, по его словам тое девочку и купил у ясачного мужика...»[119].

В тех же правительственных документах констатировалось: «И ныне де привозят с Байкала озера, и с Лены, и из иных немирных землиц полоненников и продают торговым и промышленным людем, и торговые и промышленные люди, записав тех полоненников, возят на Русь из Енисейского острогу»[120].

[117] Дополнения к Актам историческим... Т. III, № 62. С. 223.
[118] См.: *Оглоблин Н. Н.* «Женский вопрос» в Сибири... С. 206.
[119] Подробнее см.: Материалы по истории холопства... С. 196–209.
[120] Дополнения к Актам историческим... Т. III, № 62. С. 223.

В целом вплоть до второй четверти XIX в. рабство в Сибири продолжало существовать, а политика правительства по отношению к данному институту оставалась весьма противоречивой и непоследовательной. Периодически издавались запреты, подобные вышепроцитированному. Центральные, и местные власти также периодически обещали тем или иным группам аборигенов никого «в неволю» не крестить. В 1697 г. Петром I на сей счет был даже издан специальный указ. В 1733 г. правительство Анны Иоанновны выпустило указ (отрывок из которого цитировался выше), согласно которому всех некрещеных рабов предписывалось отпустить на свободу. Однако уже в 1737 г. оно же официально разрешило «покупать, крестить, у себя держать без всякого платежа подушных денег, одною запискою в губернских и воеводских канцеляриях» людей — «калмыков и иных наций» — на южных границах. После подавления выступлений башкир, имевших место во второй половине 1730-х — начале 1740-х годов, многие их активные участники были также обращены в рабство (специальным указом от 26 ноября 1745 г. они были приравнены к «калмыкам и иных наций людям», фигурировавшим в указе 1737 г.)[121].

В 1755 г. последовал очередной указ, разрешавший покупать рабов на границах «всякого звания людям», т. е. не только дворянам, но также купцам, священникам, разночинцам, казакам и посадским людям. Правда, при этом было сделано несколько важных оговорок: перепродавать рабов могли только потомственные дворяне (т. е. те, кто имел право владеть крепостными в России); после смерти владельцев рабы должны были отпускаться на волю; рабство не было наследственным (правда опять-таки дети рабов, принадлежавших дворянам, превращались в их крепостных). Кроме того, покупатель был обязан удостовериться, что он покупает рабов у их «законных» владельцев[122] (впрочем, это было, скорее, формальностью).

Труд рабов применялся, в основном, в домашнем хозяйстве (использование их в земледелии и ремесле было редкостью). Известен ряд случаев, когда ясыри (особенно женщины) использовались в

[121] О различных интерпретациях этих указов подробнее см.: *Мальцев И. А.* Рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII — первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 19.
[122] См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомости православного исповедания Российской империи. Царствование Елизаветы Петровны: В 4 т. Т. II: 1744–1745. СПб., 1907. № 933. С. 448.

качестве толмачей. Например, упоминавшийся нами в начале главы землепроходец М. Стадухин одно время пользовался услугами «колымской ясырки именем Колиба», которая выступала не только в качестве переводчицы, но и сообщила ему немало ценных географических сведений[123]. В 1651 г. в числе людей, находившихся в остроге на Алазее, упоминался толмач — «юкагирская женка именем Малья». При этом уточнялось, что «та женка — ясырка, владеют ею многие люди, хто купит — тот и держит и по закладным владеют»[124]. Как видим, переводческая «квалификация», несомненно, повышала ценность раба и, возможно, несколько облегчала его положение, однако не меняла его статуса[125].

Во Французской Канаде первые рабы из числа индейцев появились в 1670–80-е годы. Одними из первых рабов были захваченные в плен в ходе каких-то междоусобных конфликтов индейцы из племени пауни (англ. Pawnees; французы называли их panis), обитавшего на Великих равнинах. Благодаря этому данный этноним стал в Новой Франции нарицательным обозначением всех рабов-индейцев (без относительно их племенной принадлежности). В конце XVII — первой половине XVIII в. численность рабов-«пани» возрастала главным образом благодаря индейским союзникам французов, продававших (выменивавших) им пленных. Впрочем, было несколько случаев, когда сами французы фактически обращали в рабство индейцев, взятых в плен во время войны (в этом случае рабы становились собственностью государства).

Всего, по подсчетам известного канадского историка М. Трюделя, в Новой Франции с 1671 г. и вплоть до английского завоевания было зафиксировано около 2700 рабов-индейцев[126]. Кроме них во Французской Канаде также имелось и некоторое количество черных рабов — официальное разрешение на их ввоз власти метрополии дали в 1689 г. (при этом даже правительство было обеспокоено тем, как на выходцах из Африки скажется канадский климат). Черных невольников было существенно меньше, чем рабов-индейцев — 1443 человека за период до 1760 г., по данным Трюделя[127].

Рабов — как индейцев, так и африканцев — использовали, в основном, в качестве домашней прислуги и работников (60% рабов жили в городах). Ими владели различные категории населения, представители разных сословий (а также монастыри и конгрегации). Уровень «концентрации» рабов был невысок — на немногим более четырех тысяч краснокожих и черных рабов приходилось более полутора тысяч хозяев[128] (т. е. в среднем на каждого рабовладельца приходилось менее трех рабов). Так же как и в Русской Сибири, во Французской Канаде достаточно распространенным и вполне допустимым явлением — с точки зрения и закона, и общества — были браки между крещеными рабами-аборигенами (индейцами, но не черными рабами) и белыми колонистами. При этом рабы получали свободу и переходили в сословие супруга / супруги.

Любопытно, что в самой Франции того времени рабства не было ни в каком виде, тогда как в ее колониях оно имело место (в это же время плантационное рабство процветало на островах Карибского моря — Гаити, Гваделупа, Мартиника; в меньшей степени — в Луизиане). Безусловно, рабство в Канаде существенно отличалось от рабства на Гаити, первое носило существенно более мягкий, патриархальный характер. Как и в Сибири, свою роль в его распространении сыграл факт наличия института рабства у индейских племен.

В Английской Америке основную массу рабов составляли чернокожие — насильно привезенные в Новый Свет уроженцы Африки и их потомки. Рабство индейцев было распространено там относительно слабо. Основной ареал распространения рабства находился на юге — где было развито плантационное хозяйство. Первоначально рабов было относительно немного: так, в 1700 г. их насчиты-

[123]См.: *Бурыкин А. А.* О практике общения русских землепроходцев с коренным населением северо-восточной Азии в середине — второй половине XVII в. // Якутия — форпост освоения северо-востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII–XX века). Якутск, 2004. С. 37–38.

[124]Цит. по: Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII в. М.; Л., 1952. С. 202.

[125]Д. Я. Резун утверждает, что факты покупки и продажи ясырей русскими (в том числе перечисляемые в его работе) и то обстоятельство, что «наличие ясырей — рабов или холопов — в хозяйстве служилых людей было обычным делом» — все это на самом деле «не означает, что в Сибири XVII–XVIII вв. существовало рабовладение». При этом Д. Я. Резун ссылается на различия в положении сибирских ясырей и черных рабов на американских плантациях (см.: *Резун Д. Я.* Фронтир в истории... С. 42–43). Однако институт рабства в колониальной Северной Америке, как мы уже отметили, отнюдь не сводился к плантационному рабству юга, а имел различные формы, в том числе и аналогичные сибирским.

[126]См.: *Trudel M.* Deux siècles d'esclavage au Québec. Montréal, 2004. P. 73.

[127]Ibid. P. 84.

[128]См.: *Trudel M.* L'esclavage au Canada français: Histoire et conditions de l'esclavage. Québec, 1960. P. 333.

валось всего 28 тыс. В определенной степени это было связано с тем, что основной культурой, выращивавшейся в Мэриленде, Вирджинии, Каролине в XVII в. был табак, разведение которого не требует большого количества рабочих рук. Однако уже в первой половине XVIII в., когда к табаку прибавился хлопок (а хлопководство — дело существенно более трудоемкое, чем табаководство), численность рабов стала стремительно расти. Всего за 50 лет она выросла в 8,5 раз (!) — в 1750 г. в английских колониях на Атлантическом побережье было уже 236 тыс. рабов. Большинство из них было «классическими» невольниками, работавшими на плантациях и подвергавшимися чрезвычайно жестокой эксплуатации и угнетению. Ни в Сибири, ни в Канаде ничего подобного не было (зато было крепостное право в Европейской России, переживавшее как раз в середине XVIII в. свой апогей — в плане усиления власти помещика, торговли людьми и т. п.).

В то же время в Английской Америке имелось и некоторое количество рабов, положение которых было аналогично положению ясырей, принадлежавших русским, и рабов (индейского и африканского происхождения) Новой Франции. Это рабы (тоже в подавляющем большинстве чернокожие), проживавшие в срединных колониях и в колониях Новой Англии. Там они были сконцентрированы главным образом в городах и использовались в качестве ремесленных рабочих и домашней прислуги. Степень их концентрации была невелика. У большинства северных рабовладельцев был всего один раб или семья рабов, которые находились на положении своего рода младших / зависимых членов семьи. Они работали вместе с хозяевами, жили с ними под одной крышей и часто ели за одним столом. Такая ситуация вызывала возмущение и неприятие со стороны белых жителей южных колоний. Например, в 1704 г. современник отметил, что в Коннектикуте фермеры позволяют себе «слишком большую фамильярность» в отношении своих рабов, «позволяя им сидеть за одним столом и есть вместе [с хозяевами] <...> и черные лапы тянутся к еде так же, как и белые руки»[129].

Уже в XVIII в. в среднеатлантических и в северных колониях стали предприниматься попытки дать рабам начальное образование и приобщить их к христианству. Так, в 1760 г. священники англиканской церкви Нью-Йорка организовали бесплатную школу

[129] Цит. по: *Savelle M.* History of Colonial America: 3rd ed. Hinsdale (Ill.), 1973. P. 561.

для чернокожих детей для обучения их «чтению, шитью, вязанию и основам Христианства»[130]. Кстати некоторые рабы Французской Америки и Русской Сибири также становились грамотными. Например, известно, что грамоте учился вышеупомянутый «малой Мишка», принадлежавший И. Ф. Голенищеву-Кутузову.

В то же время в английских колониях уже в конце XVII в. начали звучать отдельные голоса, осуждающие рабство. Одними из первых против этого института выступили квакеры Пенсильвании, заявившие, что они не приемлют ситуации, когда один человек принадлежит другому. Позднее эта же секта стала требовать, чтобы все ее члены отпускали своих рабов на свободу. С 1750-х годов духовные лидеры квакеров стали выступать с памфлетами против рабства и работорговли. Конечно, это не привело к ликвидации рабства в Английской Америке, но, по крайней мере, способствовало возникновению открытой дискуссии по вопросу о рабстве (чего в то время не было, да и не могло быть, ни во Франции, ни в России).

* * *

В первой главе мы остановились на тех сторонах колонизационных процессов, происходивших в Северной Азии и Северной Америке в раннее Новое время, которые касаются специфики взаимодействия человека и окружающих его природных условий и социальных реалий. Безусловно, список рассмотренных нами сюжетов не исчерпывающий, и к некоторым из них мы еще вернемся. Однако уже сейчас мы можем констатировать, что по ряду показателей Русская Сибирь, Новая Франция и Английская Америка рассматриваемого нами периода были близки друг другу. При этом наибольшее сходство присутствует между Сибирью, Французской Канадой и отчасти «периферийными» колониями Лондона на Североамериканском континенте (Ньюфаундленд, Земля Руперта, Новая Шотландия). Это касается и специфики исследования и освоения, и природно-климатических условий, и реакции на эти условия со стороны европейцев. Русские владения в Северной Азии и Новую Францию XVII — первой половины XVIII в. сближают также многие социально-экономические показатели. Говоря о земледельческой колонизации и поземельных отношениях, в обоих случаях мы имеем дело с особой разновидностью феодализма, который можно охарактеризовать как феодализм колониальный (учитывая

[130] Ibid. P. 563.

вышеуказанную специфику положения крестьян, подвижность социальных границ, широкие возможности для пространственной мобильности и т. п.). Правда, учитывая «государственный» характер Сибирского земледелия, господствовавший там феодализм следует охарактеризовать как государственно-колониальный, в то время как применительно к Канаде (а отчасти и к некоторым североамериканским колониям Лондона) следует говорить просто о колониальном (европейско-североамериканском) феодализме[131]. Во всех рассмотренных нами случаях мы столкнулись с достаточно слабой или весьма ограниченной (сфокусированной только на каком-либо одном аспекте) заинтересованностью государства в развитии своих заморских (либо просто отдаленных) владений. Как это обстоятельство проявлялось в организации и функционировании систем гражданского и военного управления русскими, английскими и французскими владениями, как оно влияло на взаимоотношения светских и духовных властей, мы постараемся выяснить в главе II.

131 Теоретическое описание европейско-североамериканского феодализма было впервые дано в работах Б. Н. Комиссарова. См.: *Komissarov B. N.* Feudalism in America // Feudal Society and Its Culture. Moscow, 1988. P. 207–238; *Комиссаров Б. Н.* Европейско-североамериканский феодализм: происхождение и специфика // Вестник Ленингр. ун-та. 1991. Сер. 2. Вып. 1. С. 13–20.

Глава II

МЕСТНЫЕ ВЛАСТИ И ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА: СПЕЦИФИКА КОЛОНИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

§1. Административные системы и институты

Сравнение системы управления русскими владениями в Северной Азии и английскими и французскими колониями в Северной Америке требует рассмотрения как конкретных институтов и органов власти, существовавших «на местах», и тех управленческих структур, которые находились «в центре», так и всего процесса принятия решений, связанных с выработкой стратегии и тактики управления отдаленными / заморскими территориями. Безусловно, эта система не была раз и навсегда установившейся. Она формировалась, развивалась и эволюционировала под воздействием многих факторов: дальнейшего развития территориальной экспансии (в ходе которой имело место не только присоединение и освоение новых пространств, но и их административное обустройство); изменений в характере самих колонизационных процессов; перипетий политического и социально-экономического развития метрополий и т. п. В то же время на всем протяжении рассматриваемого нами периода управлению североамериканскими владениями Лондона и Парижа и североазиатскими владениями Москвы / Петербурга были присущи и определенные стабильные черты.

В конце XVI–XVII вв. организация управления Сибирью и ее административно-территориальное устройство были относительно простыми. В административном плане вся территория Сибири делилась на уезды, которые были основной административной единицей, а центром уезда был «город и острог» — резиденция уездного

воеводы. В условиях быстрого продвижения русских в глубь Сибири и включения все новых и новых территорий в состав владений Москвы, количество сибирских уездов также быстро росло — к 1629 г. их было уже 14 — Тобольский, Тюменский, Пелымский, Березовский, Сургутский, Тарский, Кетский, Нарымский, Верхотурский, Туринский, Мангазейский, Томский, Кузнецкий, Енисейский. В дальнейшем их стало еще больше — добавились Красноярский, Якутский, Илимский, Нерчинский, Иркутский, Албазинский (существовал в 1682–1708 гг.), а Мангазейский был заменен Туруханским в 1677 г.

Управление Сибирскими уездами было организовано несколько иначе, чем уездами Европейской России. Основное отличие заключалось в его официально «двухуровневом» (по выражению академика Н. Н. Покровского) характере. В допетровское время все уезды Европейской России подчинялись непосредственно центру; никаких других «промежуточных» инстанций / «уровней» управления между ними и Москвой не было. В Сибири же существовало такое понятие, как «разряд», который с известной долей условности можно считать административно-территориальной единицей более высокого уровня, объединявшей несколько уездов. Так называемые разрядные воеводы в Сибири управляли не только своим «собственным» уездом, но и считались старшими по отношению к другим воеводам, уезды которых входили в тот или иной разряд.

Первоначально разрядным воеводой был только воевода Тобольска. В 1629 г. был создан Томский разряд; после 1638 г. начал складываться Ленский, или Якутский, разряд (окончательно он сформировался в первой половине 1640-х годов). В 1677 г. был официально образован Енисейский разряд, а в 1687–1693 гг. существовал еще и Верхотурский разряд.

Однако, говоря о разрядах, следует учитывать два важных момента. Во-первых, сфера компетенции разрядных и «обычных» уездных воевод не была сколько-нибудь четко разграничена; уездные воеводы находились как бы в двойном подчинении (и Москве, и соответствующему разрядному воеводе), что часто оборачивалось неразберихой и конфликтами. Во-вторых, особое место среди сибирских воевод (и разрядных, и уездных) занимал воевода Тобольска — города, находившегося в своего рода двойственном положении. С одной стороны, Тобольск был центром тобольского разряда, т. е., по крайней мере, после 1629 г. он был лишь одним из нескольких сибирских разрядных городов. С другой стороны, Тобольск

практически с момента своего основания и как минимум до конца XVII в. (а отчасти и в последующие периоды) занимал особое первенствующее положение в масштабах всей большой Сибири, будучи по сути общесибирским административным центром. И в России, и за ее пределами в то время Тобольск регулярно называли «столицей Сибири», «главным городом Сибири» и т. п.[1] Его «столичный» статус подчеркивался и тем немаловажным обстоятельством, что именно в Тобольске находилась резиденция сибирского архиепископа (затем митрополита).

Воеводство в Тобольске было самым почетным (не случайно тобольских воевод называли сидящими «на Сибирском царском престоле»[2]). На эту должность назначались, как правило, представители наиболее знатных аристократических родов, высшие думные чины (бояре и окольничие), обладатели княжеских титулов, часто люди, достаточно близкие царю. На воеводстве в других разрядных городах князья и бояре также встречались, но уже значительно реже, не говоря об уездах — туда, в основном, назначались менее знатные представители правящей элиты: стольники, московские дворяне и т. п. Соответственно это обстоятельство также способствовало возвышению тобольских воевод по сравнению со всеми остальными (не следует забывать о местнических настроениях, чрезвычайно прочно укоренившихся в сознании тогдашнего российского общества). Впрочем, только общим престижем должности и знатностью занимавших ее лиц дело не ограничивалось — тобольские воеводы объективно были наделены более широкими полномочиями, чем их остальные сибирские «коллеги». Тобольские воеводы командовали всеми войсками, находящимися в Сибири, отвечали за торговые и политические сношения с соседними государственными образованиями; в их ведении также находились некоторые общие хозяйственные вопросы и т. п.

Таким образом, на практике получалось, что система управле-

[1] Например, Покровский летописец рассказывает «Об избрании царствующего града Тобольска» (Летописи Сибирские. Новосибирск, 1991. С. 92–93). В свою очередь, Ж.-Ф. Жербильон писал: «Тобольск или, как говорят, москвитяне, Тобольской — большой и весьма торговый город: это столица всей Сибири. . . » (Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. I, ч. 2. Иркутск, 1936). Аналогичное утверждение встречаем у А. Майерберга: «Главный город Сибири Тобольск» (Путешествие в Московию барона Августина Майерберга. М., 1874. С. 136) и т. п.

[2] См.: *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды: В 4 т. Т. III, ч. 1. М., 1955. С. 263.

ния Сибирью с конца XV в. и до 1629 г. (образование Томского разряда) была двухуровневой, а затем — вплоть до начала XVIII в. — как бы двух с половиной уровневой, учитывая наличие нескольких разрядов и при этом «столичный» статус Тобольска в масштабах всей Сибири.

Говоря о сибирских уездах, следует учитывать, что их границы были весьма условными и отнюдь не всегда логичными. Более того, уезды отнюдь не всегда имели целостную территорию. По словам Я. Е. Водарского, это были, скорее, населенные пункты, «тянущие к единому центру», так что «говорить о "границах" уездов в XVII в. можно только условно»[3]. В свою очередь, Е. В. Вершинин отмечает, что в XVII в. в западносибирских уездах существовала известная чересполосица, от которой страдало местное население и которая негативно влияла на эффективность управления. Например, крупные слободы, расположенные на территории Тюменского, Туринского и Верхотурского уездов, такие как Верхненицинская, Нижненицинская, Чубаровская, Липовская, Беляковская, подчинялись непосредственно администрации тобольского уезда, хотя город Тобольск находился от них в 300 верстах, а не близлежащим «местным» уездным воеводам, резиденции которых располагались на расстоянии 30–70 верст. В 1654 г. Н. И. Елдезин (Тобольский письменный голова, временно исполнявший обязанности воеводы в Тюмени) попытался указать руководству Сибирского приказа на нерациональность такой ситуации. Однако в Москве это было воспринято лишь как выражение личных амбиций Елдезина, которому было сделано грозное предупреждение «не за свое дело не цепляться»[4].

Между воеводами нередко возникали конфликты по поводу проникновения отрядов служилых людей и казаков (с целью сбора ясака и / или исследования новых путей и территорий) из одного уезда в другой. Например, когда в середине 1630-х годов из Томска на р. Лену был послан отряд атамана Д. Копылова, енисейский воевода расценил это как вторжение на территорию, находящуюся под его управлением, и пытался протестовать, хотя и безуспешно[5]. На

[3] *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977. С. 141.

[4] См.: *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 59–60.

[5] См.: *Lantzeff G. V., Pierce R. A.* Eastward to Empire: Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750. Montreal; London, 1973. P. 137.

начальном этапе установления русского контроля над территорией Якутии там имели место острые конфликты между проникавшими туда разными путями мангазейскими и енисейскими казаками[6]. Также бывали случаи, когда в силу административной неразберихи с одной группы аборигенов требовали ясак администрации сразу нескольких уездов. В 1645 г. верхнеангарские буряты жаловались в Верхоленский острог, что «от одного государя приходят к ним двои люди» — одни требуют ясак, а другие просто грабят[7].

Бывали и такие вопиющие случаи, когда воеводы намеренно не оказывали друг другу поддержки во время военных конфликтов с «немирными иноземцами». Так, когда в 1619 г. тунгусы осадили Маковский острог, Кетский воевода не оказал помощи осажденным и даже задержал их гонца, отправленного в Тобольск, так как не желал сокращения своего ясачного округа[8].

В свете изложенного нельзя полностью согласиться с утверждением о том, что «процесс формирования территорий новых уездов проходил естественно и был связан с русским расселением в Сибири»[9]. Создание уездов диктовалось прежде всего фискальными и административными интересами и было призвано обеспечить наиболее эффективный сбор ясака и контроль за теми или иными территориями. Оно, скорее, отражало динамику передвижений русских землепроходцев и шедших вслед за ними промышленников и царских чиновников, а не процессы земледельческой колонизации.

От начала завоевания Сибири и вплоть до первого десятилетия XVIII в. управление сибирскими делами в Москве было отделено от управления остальной территорией страны. До 1599 г. Сибирь (т. е. та территория, которая в то время была известна под этим названием и контролировалась русскими) находилась в ведении Посольского приказа. Затем управление сибирскими делами было передано в приказ Казанского дворца (в то время он еще назывался приказом Казанского и Мещерского дворца). Оба эти приказа играли ключевую роль в административной системе России того времени. По ме-

[6] См.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. III. М., 2005. С. 210–211.

[7] *Богданов М. Н.* Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926. С. 46; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I–XII. СПб., 1846–1875. Т. III, № 4. СПб., 1848. С. 23.

[8] *Андриевич В. К.* Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года. СПб., 1887. С. 10.

[9] Власть в Сибири: XVI — начало XX в. / Сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. Новосибирск, 2005. С. 17.

ре проникновения русских все дальше в глубь Северной Азии число и степень сложности задач управления новоприобретенными территориями возрастали — и в этой связи в рамках приказа Казанского дворца стали создаваться специальные структуры, занимающиеся сибирскими делами. Сначала это был отдельный «стол», а затем (с середины 1610-х годов) более крупное подразделение — своего рода «приказ в приказе»[10] (чтобы не создавать путаницы, его, наверное, следует называть «под-приказом»). В 1637 г. этот «приказ в приказе» выделился в полноценный самостоятельный приказ — Сибирский, ведавший всеми делами, относящими к русским владениям в Северной Азии. Впрочем, до 1662 г. между Сибирским приказом и его «прародителем» — приказом Казанского дворца сохранялась достаточно жесткая связь в виде своего рода «личной унии», заключавшейся в том, что пост судьи обоих приказов занимал один и тот же сановник. Как сказано у Г. Котошихина: «Сибирский приказ; а ведает тот приказ тот же боярин, что и Казанский дворец ведает»[11].

Сибирский приказ был не единственным «территориальным» приказом в российской системе органов центрального управления XVII в., и соответственно Сибирь была не единственной территорией в составе Российского государства, управлявшейся с помощью отдельного «собственного» ведомства. Однако управление Сибирью, пожалуй, было все же наиболее обособленным (по сравнению, например, с управлением Поволжьем или землями, завоеванными у Польско-Литовского государства), что можно трактовать как дополнительное свидетельство ее специфического положения в составе владений Москвы. В ведении Сибирского приказа находился чрезвычайно широкий круг вопросов: администрирование, финансовое и экономическое управление, сбор налогов, таможенный контроль и взимание таможенных пошлин, внешние сношения с соседствующими с Сибирью странами и народами. Через Сибирский приказ шло назначение на наиболее важные административные посты на местах (воевод и таможенных голов), содержание и снабжение гарнизонов продовольствием и боеприпасами. Сибирский приказ был также высшей судебной и апелляционной инстанцией (и для русского, и для аборигенного населения), а также служил сво-

[10]См.: *Rywkin M.* The Prikaz of Kazan Court: First Russian Colonial Office // Canadian Slavonic Papers. 1976. Vol. XVIII, No 3 (September). P. 294 (и прим. 8).

[11]*Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859. С. 76.

его рода государственным мехоторговым предприятием — именно там принималась, сортировалась, оценивалась и хранилась сибирская пушнина; именно сибирский приказ занимался дальнейшей реализацией ее значительной части (той, которая шла на внешние рынки).

В структуре самого Сибирского приказа имелись как отраслевые (функциональные), так и территориальные подразделения. К первым относились денежный стол, купеческий стол, соболиная казна (в ее составе позднее появились казенная, разборная, расценная, скорняцкая палаты); ко вторым — соответственно тобольский, томский, мангазейский, ленский и енисейский столы. Как и большинство приказов XVII в., Сибирский приказ управлялся несколькими (тремя, изредка четырьмя) судьями, — как правило, среди них был один боярин или окольничий (фактически возглавлявший приказ), «а с ним два дьяка». Изредка встречались случаи, когда судьями назначались одновременно и боярин, и окольничий (в 1685 и 1687 гг. судьями Сибирского приказа были боярин кн. И. Б. Репнин и окольничий И. А. Мусин-Пушкин). Были случаи, когда приказом управляли только дьяки: О. Татаринов в 1691 г. и А. А. Виниус в 1697–1703 гг.[12]

В штат приказа также входили подьячие, делившиеся на несколько категорий (старшие, средние, младшие). В 1656 г. подьячих в Сибирском приказе числилось 17 человек, а в 1688 г. — 29 человек. Кроме того, к работе в приказе привлекались и московские купцы, выступавшие в качестве «приглашенных специалистов» (они занимались сортировкой, оценкой и реализацией поступавшей в приказ пушнины). В то же время распределение дел по столам часто бывало достаточно случайным, а во всей деятельности приказа не соблюдалось какого-либо более или менее четкого единого принципа (впрочем, это была общая черта всей допетровской приказной системы).

Следует помнить, что Сибирский приказ, как и все остальные приказы того времени, находился в безусловном подчинении у царя и боярской думы и не имел какой-либо самостоятельности. Соответственно все важнейшие решения, относящиеся к управлению Сибирью, принимались монархом и его ближайшим окружением (хотя это, конечно, не значит, что руководство Сибирского прика-

[12]Полный состав судей Сибирского приказа см.: *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 159–162.

за не могло в той или иной форме воздействовать на эти решения).

Что касается персонального состава руководителей Сибирского приказа, то здесь нужно отметить, что судьями туда обычно назначались достаточно влиятельные и заметные фигуры, — по словам советских историков, «виднейшие представители московской бюрократии»[13]. Длительность пребывания на посту судьи была различной. Некоторые занимали эту должность относительно короткое время (приказных судей старались менять раз в три года, однако это не всегда получалось); некоторые, наоборот, достаточно долго. Так, окольничий (а затем боярин) Родион Матвеевич Стрешнев возглавлял Сибирский приказ почти 18 лет (в 1662–1680 гг.), боярин князь Алексей Никитич Трубецкой — 16 лет (1646–1662 гг.), боярин князь Иван Борисович Репнин в общей сложности более 15 лет (в 1679–1680, 1682–1690, 1691–1697 гг.). Наоборот, окольничий И. И. Чаадаев ведал Сибирским приказом около полутора лет (с мая 1681 по декабрь 1682 г.), а стольник К.А. Яковлев — менее полугода (с декабря 1680 по май 1681 г.)[14].

Как уже отмечалось, в 1637–1662 гг. управление Сибирским приказом оставалось «объединенным» с управлением приказом Казанского дворца. После 1663 г. эта практика прекратилась, однако и в дальнейшем пост «главы» Сибирского приказа по традиции того времени часто совмещался с другими. Имели место (хотя и не могут считаться широко укорененной практикой) случаи, когда судьями Сибирского приказа назначались лица, до этого побывавшие на воеводстве в сибирских городах. Это А. Н. Трубецкой — тобольский воевода в 1628–1631 гг., судья сибирского приказа в 1646–1662 гг., И. Б. Репнин — тобольский воевода в 1670–1672 гг., судья сибирского приказа в 1679–1697 гг. (с перерывами), М. П. Гагарин — нерчинский воевода в 1693–1695 гг., «начальный человек» сибирского приказа в 1706–1711 гг., затем первый губернатор Сибири).

Руководители и сотрудники Сибирского приказа часто использовали свое служебное положение для личного обогащения (это было весьма характерно для всей приказной системы того времени и до определенного предела считалось вполне допустимым). Так, подьячие получали подношения от челобитчиков, участвовали в разного рода махинациях с сибирской пушниной (занижение цен,

[13] История Сибири: с древнейших времен до наших дней: В 5 т. / Гл. ред. А. П. Окладников. Т. II. Л., 1968. С. 125.

[14] *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. С. 159–162, 291, 307.

подмена более качественных шкурок менее качественными и т. п.). Например, в дневнике Б. Койэтта упоминается о «хороших подарках» и угощении, полученном от голландского посольства людьми из Сибирского приказа «за то, что они не высоко поставили цену соболей, которые принесли...»[15]. Судьи Сибирского приказа помимо считавшихся обыденными подношений в качестве подарков, «почестей», «поминков» и т. п. порой небескорыстно проводили назначения на воеводские и другие административные должности в Сибири. Так, И.-Г. Корб в своем дневнике отметил, что глава Сибирского приказа А. А. Виниус ни одного воеводу в Сибирь «не выбирает бескорыстно»[16].

При Петре I административное деление и система местного управления России подверглись существенной реорганизации. При этом нам важно отметить, что царь-реформатор стремился создать единую унифицированную систему управления для всей территории страны, включая Сибирь. Так, в ходе осуществления областной реформы (1708 г.) вся территория Сибири была включена в состав Сибирской губернии (туда же были включены и некоторые территории, относящиеся к Европейской части России — Вятка, Пермь). Официально это была одна из восьми губерний, на которые была разделена страна (при этом на долю Сибирской губернии пришлось 2/3 всей территории тогдашней России). Вскоре после этого был упразднен Сибирский приказ, и на всю Сибирь была распространена компетенция общероссийских органов управления. Впрочем, определенная преемственность была все же сохранена: Московская канцелярия Сибирской губернии была образована на базе Сибирского приказа и осталась в его бывшем здании (на территории Нового гостиного двора в Китай-городе), а первым сибирским губернатором стал князь М. П. Гагарин, до этого помимо прочего возглавлявший Сибирский приказ и имевший опыт воеводства в Сибири.

В 1718–1719 гг. была проведена вторая областная реформа. Теперь основной административно-территориальной единицей России стали провинции (хотя губернии сохранялись, полномочия губернаторов были существенно урезаны). На территории Сибирской губернии было образовано три провинции: Вятская, Соликамская и

[15] Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 516.

[16] *Корб И.-Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 265.

Тобольская (в состав последней входила собственно вся «большая» Сибирь). В 1724 г. в границах губернии были образованы еще две провинции: Енисейская и Иркутская. В 1727 г. Вятская и Соликамская провинции были включены в состав Казанской губернии, а год спустя в состав Сибирской губернии была включена Уфимская провинция.

В 1730 г. правительством Анны Иоанновны был восстановлен Сибирский приказ, в ведение которого были переданы прежде всего все дела, связанные со сбором и реализацией пушного ясака. Это было продиктовано, видимо, не столько стремлением во что бы то ни стало вернуться к допетровским порядкам, сколько желанием усилить правительственный контроль над Сибирью (опять-таки с целью увеличения поступления ясака) и осознанием того факта, что общерусская система управления (т. е. та система, которая действовала в Европейской России) не может достаточно эффективно действовать в специфических сибирских условиях. Это подтверждают указы начала 1730-х годов, отменявшие контроль общероссийских ведомств (камер-коллегии, ревизион-коллегии, штатс-конторы) над соответствующими сферами деятельности в провинциях Сибирской губернии, и передававшие эти сферы под контроль Сибирского приказа. Иначе говоря, Сибирскому приказу была возвращена определенная часть тех полномочий, которыми он обладал в XVII — начале XVIII в.: контроль за сбором и реализацией ясака, назначение всех местных чиновников (правда, теперь за исключением губернаторов) и т. д. Свою роль сыграло то обстоятельство, что восстановление Сибирского приказа само по себе было не слишком трудным делом благодаря наличию вышеупомянутой Московской канцелярии Сибирской губернии (она на протяжении «бесприказных лет» не только сохраняла некоторые функции и здание упраздненного приказа, но в ней также оставались его сотрудники и т. п.).

В то же время, несмотря на официальное высказанное пожелание восстановить Сибирский приказ «по-прежнему», полного возврата к ситуации, имевшей место до 1711 г., при Анне Иоанновне не произошло. Приказ стал коллегиальным органом (помимо судьи в состав присутствия приказа входило еще несколько чиновников; в 1734 г. была введена должность прокурора приказа). Ряд важных вопросов остался в руках соответствующих коллегий и сибирских губернаторов (управление горными и металлургическими заводами, почтовое сообщение, внешние сношения, командование гарнизонами, охрана границ и т. п.). Еще одним важным моментом было то, что сибирские губернаторы не находились в непосредственном подчинении у Сибирского приказа и часто выступали своего рода конкурентами его руководителей. При этом, безусловно, большую роль играл персональный состав судей и губернаторов. Так, первым судьей восстановленного Сибирского приказа стал известный деятель петровской и послепетровской эпохи П. И. Ягужинский — и это, безусловно, способствовало росту авторитета возглавляемого им учреждения. Однако впоследствии судьями стали назначаться второстепенные и не слишком влиятельные чиновники (вроде М. В. Сушкова), которым было сложно противостоять существенно более знатным и могущественным сибирским губернаторам.

В целом можно сказать, что после восстановления приказа в управлении Сибирью прослеживалась явная двойственность. С одной стороны, наличие приказа подчеркивало известную обособленность североазиатских владений Петербурга от остальной территории империи, с другой, на Сибирь распространялось действие ряда общероссийских институтов, что, в свою очередь, можно трактовать и как стремление правительства к ее интеграции с Европейской Россией, и как простое желание унифицировать систему управления империей. Такая ситуация сохранялась до 1763 г., когда по указу Екатерины II Сибирский приказ был окончательно ликвидирован. Ясак теперь стал поступать в личное распоряжение императора (в Императорский Кабинет). На территорию Сибири (но, что важно, не на все ее население!) внешне распространилась общероссийская система управления. Однако при этом в 1764 г. императрицей была сделана важнейшая оговорка о том, что сибирский губернатор может не исполнять те указы, которые он сочтет неприемлемыми для управляемой им территории!

* * *

Французские колониальные владения в Северной Америке также представляли собой достаточно жестко централизованную структуру. Формально в XVII — середине XVIII в. на Североамериканском континенте существовала лишь одна французская колония — Новая Франция. С точки зрения церковного управления она также представляла собой один диоцез во главе с епископом. В свою очередь, в Новой Франции на всем протяжении ее истории в разное время существовало пять отдельных местных администраций во главе с губернаторами. Из них три собственно в Канаде —

в городах Квебеке, Монреале и Труа-Ривьере; одна в Атлантическом регионе — сначала в Акадии (с центром в Пор-Руайяле), а после уступки Акадии в 1713 г. англичанам была учреждена администрация на островах залива Св. Лаврентия (Иль-Руайяль — сейчас Кейп-Бретон, и Сен-Жан — сейчас остров Принца Эдуарда) с центром в Луисбуре; наконец, с начала освоения долины Миссисипи на рубеже XVII–XVIII вв. еще одна администрация находилась в Луизиане (первоначально она располагалась в форте Билокси, а с 1722 г. ее резиденцией стал Новый Орлеан). Таким образом, официально власть руководства Новой Франции, резиденция которого находилась в городе Квебек, распространялась на поселения долины р. Св. Лаврентия и прилегающие территории (т. е. регион, который в то время обычно называли Канадой), на французские посты в Атлантическом регионе, а с начала XVIII в. — и на всю большую Луизиану.

На практике, однако, ситуация была несколько иной. Если власти Монреаля и Труа-Ривьера — поселений, также расположенных в долине р. Св. Лаврентия, — действительно полностью подчинялись вышестоящему начальству в Квебеке, то существенно более отдаленные Луизиана и Акадия/острова в заливе Св. Лаврентия находились в ином положении. Фактор расстояния здесь объективно затруднял оперативное управление. Сухопутное сообщение между Квебеком и Акадией за весь период французского колониального господства в последней (1604–1713 гг., с перерывами) так и не было налажено (хотя в 1670-е годы был разработан проект, предусматривавший прокладку дороги через долину р. Сен-Жан). Никакой регулярной коммуникации между долиной р. Св. Лаврентия и низовьями р. Миссисипи, где находилось ядро колонии Луизиана, также не существовало. Курьеры из Нового Орлеана могли добираться до столицы Новой Франции по 9 месяцев (и это считалось нормой). На практике же все это привело к тому, что и Луизиана, и Акадия / Иль-Руайяль, и Сен-Жан фактически оказались в двойном подчинении: у Парижа и у Квебека (что, с одной стороны, порождало конфликты, а с другой — давало администрациям этих двух колоний определенные преимущества). Все это очень напоминало положение уездных и разрядных воевод и отношения между ними в допетровской Сибири.

В то же время такая двойственная ситуация, очевидно, устраивала власти метрополии. В одной из инструкций генерал-губернатору Новой Франции прямо говорилось, что король желает, чтобы

в руках у того находилась верховная власть в Акадии, но в то же время запрещает вмешиваться в дела текущего управления этой колонией. Однако, когда в конце 1710-х — 1720-е годы губернаторы островов в заливе Св. Лаврентия просили, учитывая стратегическую значимость находящейся на острове Кейп-Бретон крепости Луисбур, «поднять» их статус до генерал-губернаторского и таким образом полностью вывести их из подчинения Квебеку, Париж не пошел на это[17].

Границы между отдельными административными единицами Новой Франции, как и между сибирскими уездами, были весьма условны. По сути, там также речь шла, скорее, не о целостных территориях, а о совокупности населенных пунктов, «тянущих» к тому или иному центру. Как и в Сибири, во Французской Америке случались конфликты администраций по поводу юрисдикции над теми или иными областями. В частности, власти Канады и Луизианы долгое время оспаривали друг у друга контроль над так называемой Страной Илинойсов, которая располагалась на «стыке» двух колоний и была официально приписана к Луизиане в 1717 г.

Вплоть до 1663 г. Новая Франция находилась под управлением торговых компаний, считавшихся ее феодальными собственниками. Эти компании обладали достаточно большими правами и слабо контролировались государством, которое само интересовалось колониями достаточно спорадически. В периоды подъема и укрепления французского абсолютизма при Генрихе IV и кардинале Ришелье заморской экспансии уделялось определенное (хотя и далеко не первостепенное) внимание, тогда как в периоды спадов и кризисов (регентство Марии Медичи, Фронда) дела колоний в известной мере пускались на самотек. Вплоть до конца 1660-х годов во французском правительстве не было какой-либо специальной структуры, занимавшейся колониальными делами в целом и французскими владениями в Северной Америке в частности.

Серьезные изменения в системе управления колониями произошли при Людовике XIV, когда французский абсолютизм достиг своего апогея. При Короле-Солнце в 1663 г. в североамериканских владениях Парижа было введено прямое королевское управление. Администрация Новой Францией была реорганизована. В 1669 г. по инициативе Ж.-Б. Кольбера во Франции было официально создано Морское ведомство во главе с государственным секретарем

[17] См.: *Havard G.*, *Vidal C.* Histoire de l'Amérique Française. Paris, 2003. P. 150.

(secrétaire d'Etat à la Marine). В ведение этого министерства было передано управление всеми французскими колониями. Министерство делилось на несколько структурных подразделений (бюро). Делами Французской Америки занималось так называемое западное бюро (Bureau de Ponant); в 1710 г. оно было переименовано в бюро колоний (Bureau des Colonies). Такой порядок просуществовал до конца интересующего нас временного отрезка; исключением были лишь 1715–1718 гг. (период так называемой полисинодии, введенной регентом Филиппом Орлеанским), когда морскими делами управлял не государственный секретарь, а коллегиальный орган — Совет по морским делам.

В последней трети XVII – первой половине XVIII в. пост государственного секретаря по морским делам часто «комбинировался» с постом государственного секретаря по делам Королевского дома (Maison du Roi), в ведении которого помимо прочего находились столица и католическое духовенство. Некоторые (но далеко не все) обладатели этих двух постов входили в состав Государственного совета — высшего административного распорядительного органа Франции того времени (т. е. были «государственными министрами»). В 1669–1683 гг. пост государственного секретаря по морским делам, наряду с постом государственного секретаря по делам Королевского дома и множеством других разнообразных постов и должностей (интендант, затем генеральный контролер финансов, сюринтендант королевских строений и т. д.), занимал один из самых выдающихся государственных деятелей эпохи Людовика XIV – Ж.-Б. Кольбер (фактически он ведал делами флота и колоний еще с 1662 г.). Его преемником на посту государственного секретаря по морским делам и государственного секретаря по делам Королевского дома (этот пост также иногда назывался «государственный секретарь второй должности») стал его старший сын маркиз де Сеньеле, после смерти которого в 1690 г. этот пост надолго перешел в руки влиятельной семьи Фелипо–Поншартренов. Ее представители занимали оба вышеназванных поста в общей сложности более 50 лет: Луи Фелипо граф де Поншартрен (1690–1699), затем его сын Жером Фелипо граф де Поншартрен (1699–1715) и уже в начале правления Людовика XV сын Жерома Фелипо – Жан-Фредерик Фелипо граф де Морепа́ (1723–1749).

При Людовике XIV, стремившемся к четкой организации работы своего правительства, была установлена практика еженедельной встречи короля с государственным секретарем для обсуждения

дел, находящихся в компетенции морского ведомства. Например, в 1705 г. король обычно работал с Ж. де Поншартреном по вторникам в покоях мадам де Ментенон[18].

В середине и второй половине XVIII в. в ряде случаев пост государственного секретаря по морским делам не совмещался с другими (т. е. прежде всего с постом государственного секретаря по делам королевского дома). Так, А.-Л. Руйе в 1749–1754 гг. возглавлял только морское ведомство.

При Людовике XV было немало случаев, когда назначение на пост государственного секретаря по морским делам (как и на многие другие должности) зависело не столько от профессиональных и деловых качеств того или иного администратора, сколько от прихоти его фавориток, в первую очередь, маркизы Помпадур (назначение, а потом снятие Ж.-Б. Машо д'Арнувиля, назначение Ф. Мора́, Н.-Р. Берье и т. д.).

* * *

Система управления, существовавшая в XVII–XVIII вв. в ряде английских колоний в Северной Америке, заметно отличалась от системы управления Сибирью и Новой Францией в аналогичный период. Так как североамериканские владения Лондона в административном (и не только) плане не представляли собой единого целого, управление отдельными колониями было организовано также по-разному и по-разному функционировало. Соответственно в силу этого, а также под воздействием отмеченных нами в главе I колониальных условий (по крайней мере, тех, которые были общими для всех рассматриваемых нами случаев), в системе управления некоторыми английскими колониями проявлялись черты, сходные с теми, которые мы отметили выше, когда говорили о русских и французских владениях.

Официально в Английской Америке существовали колонии трех типов: королевские, собственнические и «хартийные» (Charter colonies). Однако по форме правления их, скорее, можно разделить на две неравные группы: корпоративные колонии и колонии-провинции. К первой группе на протяжении всего колониального периода относились только две колонии: Род-Айленд и Коннектикут. До 1684 г. в эту же группу входили Массачусетс, Новый Пли-

[18] См.: *Mounier R.* Les institutions de la France sous la monarchie absolue: 1598–1789: 2 t. T. II: Les organes de l'Etat et la Société. Paris, 1980. P. 153.

мут и Нью-Хейвен (в дальнейшем две последние вошли в состав Массачусетса, а тот, в свою очередь, стал королевской колонией). Ко второй группе относились все остальные колонии — и собственнические, и королевские. На 1775 г. таковых было 12 — Джорджия, Северная Каролина, Южная Каролина, Вирджиния, Мэриленд, Пенсильвания, Дэлавер, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Нью-Гемпшир, Новая Шотландия, Массачусетс. Особняком стоял Ньюфаундленд, который вообще считался не колонией, а своего рода рыболовной базой и управлялся сезонными (в прямом смысле) чиновниками, ежегодно прибывавшими туда на промысловый период (постоянный английский губернатор на Ньюфаундленде появился только в 1817 г.); а также обширное, но практически незаселенное побережье Гудзонова залива (Земля Руперта), бывшее собственностью одноименной компании.

На первых порах английские колонии представляли собой лишь небольшие «анклавы» на восточном побережье нынешних США, сильно отличающиеся друг от друга по очень многим показателям (политическим, экономическим, социальным, религиозным и т. п.). Контакты между ними либо вообще отсутствовали, либо носили эпизодический характер. Колониальные власти Английской Америки ориентировались прежде всего на метрополию; межколониальное взаимодействие порой шло не напрямую, а через Лондон. Определенным исключением были пуританские колонии Новой Англии, установившие достаточно тесные связи друг с другом уже в первые десятилетия своего существования. В 1643 г. четыре из них — Массачусетс, Коннектикут, Плимут и Нью-Хейвен — фактически по собственной инициативе создали Конфедерацию Новой Англии, которая просуществовала до 1684 г.

К концу XVII в. связи между отдельными английскими колониями в Северной Америке стали более тесными. Это касалось самых разных сфер — от торговли до поддержания правопорядка. В то же время между колониями чаще стали возникать конфликтные ситуации, касавшиеся принадлежности спорных территорий, участия в каких-либо совместных акциях, общей политики в отношении индейцев и отношений с конкретными племенами, контактов с соседними французскими и испанскими колониями и т. п. Так, во время больших общеевропейских войн конца XVII — начала XVIII в., в которых Англия и Франция оказались противниками (война Аугсбургской лиги и война за Испанское наследство), власти метрополии неоднократно пытались побудить колонии объеди-

нить свои силы и предпринять совместное наступление на Новую Францию. Однако в ходе ни той, ни другой войны какого-либо полного объединения не произошло — некоторые колонии вообще отказались участвовать в боевых действиях, участие других было чисто символическим[19].

Еще раньше — в 1686 г. — власти метрополии попытались объединить северные и центральные колонии на Атлантическом побережье в единую централизованную структуру — Доминион Новая Англия. В его состав первоначально были включены колонии Массачусетс, Плимут, Нью-Гемпшир, Мэн, Род-Айленд, Провиденс, Коннектикут; спустя два года к ним добавились Нью-Йорк, Западное и Восточное Джерси. Однако это образование оказалось очень непрочным — все вошедшие туда колонии стремились восстановить свою автономию. В 1689 г. «на волне» событий Славной Революции в Англии в Массачусетсе произошло восстание против администрации доминиона; и в итоге он прекратил свое существование. В дальнейшем английские власти не предпринимали попыток объединять колонии в какие-либо крупные административные структуры, однако в конце XVII — первой половине XVIII в. для усиления централизации в системе управления часто использовался такой прием, как объединение нескольких колоний под управлением одного губернатора.

В то же время, несмотря на все вышеизложенное, именно в конце XVII в. жители английских колоний на Атлантическом побережье Северной Америки постепенно начали воспринимать себя как часть единого имперского сообщества — трансатлантической Британской империи (само это понятие появилось и стало входить в употребление именно в это время[20]). Что же касается развития американского национального самосознания, то в рассматриваемый нами период оно находилось еще в зачаточном состоянии (мы не имеем в виду локальный колониальный патриотизм). Первые достаточно робкие его проявления можно отнести лишь к середине XVIII в., а окончательно его формирование приходится уже на годы Войны за независимость и первые десятилетия существования США.

---

[19] См., напр.: *Акимов Ю. Г.* От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII — начале XVIII в.: 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2005. С. 268–271.

[20] См.: *Adams J. T.* On the Term "British Empire" // American Historical Review. 1922. Vol. XXVII. P. 485–489.

В самой Англии на протяжении долгого времени не существовало какого-либо специального органа, занимающегося колониями в целом и североамериканскими владениями в частности. Вопросы, так или иначе связанные с заморскими территориями, наряду с другими государственными делами рассматривались непосредственно монархом и Тайным Советом — высшим совещательным органом, обладавшим весьма широкими полномочиями и при первых Стюартах, и в период реставрации. В годы республики (English Commonwealth) и протектората вместо королевского Тайного Совета действовали Государственный совет, а затем Тайный совет Лорда-Протектора.

В 1621 г. Яков I приказал Тайному совету создать временный комитет для выяснения причин наметившегося в тот момент упадка торговли и финансовых затруднений. В ведение этого комитета (официально он назывался «Лорды комитета Тайного совета, назначенные для рассмотрения всех вопросов, относящихся к торговле и иноземным колониям») попали и вопросы, связанные с заморскими владениями Лондона. Однако этот комитет не стал постоянным органом и вскоре прекратил свое существование. В дальнейшем со второй половины 1630-х и вплоть до начала 1670-х годов различные правительства еще несколько раз создавали аналогичные комитеты (Комиссия по колониям, Комитет по торговле, Совет по торговле и т. п.), однако все они оказались недолговечными и малоэффективными.

Ситуация изменилась только в 1674 г., когда по приказу Карла II Тайный совет назначил так называемых лордов торговли и колоний (Lords of Trade and Plantations). Фактически был создан специальный орган, курирующий вопросы, связанные с колониями и колониальной торговлей. Впрочем, по «внешним» признакам это тоже был временный комитет — официально он не должен был выполнять никаких административных функций, а только собирать информацию и давать рекомендации Тайному совету. Его «временность» подчеркивалась также тем, что в его состав был персонально назначен 21 человек, и в дальнейшем этот состав не менялся. Однако «Лорды торговли и колоний» проработали более 20 лет (с 1675 по 1696 г.) и в сфере колониального управления пользовались весьма значительным влиянием, которое выходило далеко за рамки их формальных полномочий. «Лорды» имели свой административный аппарат, располагавшийся в выделенных им помещениях в Скотланд-Ярде. Они регулярно собирались на заседания (всего за

21 год их было проведено 857, т. е. в среднем они собирались три раза в месяц). Официального председателя у них не было, но на практике руководящую роль играли секретарь сэр Роберт Саутуэл и особенно помощник секретаря — Уильям Блэтуэйт — чрезвычайно активный и деятельный администратор, много сделавший для укрепления и развития английской колониальной империи в Северной Америке.

На практике функции «Лордов торговли и колоний» были весьма разнообразны. Прежде всего они собирали информацию о положении тех или иных заморских территорий (посылали многочисленные запросы губернаторам, направляли в колонии своих представителей и т. п.) и на основании полученных сведений давали подробные рекомендации правительству. «Лорды» также подбирали кандидатов на губернаторские посты (в королевских колониях), давали инструкции колониальным чиновникам, проводили предварительное рассмотрение поступавших из колоний жалоб и судебных исков. «Лорды» стремились унифицировать систему управления колониями и усилить их зависимость от короны — с этой целью они внимательно изучали колониальные хартии и в ряде случаев инициировали их отмену или внесение в них изменений (в судебном порядке). В значительной степени именно по инициативе «Лордов» Массачусетс в 1684 г. лишился своей старой хартии, и была предпринята вышеупомянутая попытка объединения северных и центральных колоний в единый Доминион Новая Англия.

«Лорды торговли и колоний» благополучно пережили Славную революцию и продолжали функционировать и после нее практически в том же составе. Однако к середине 1690-х годов их активность заметно снизилась по элементарной причине — многие лорды состарились и уже не могли работать так эффективно, как раньше. В этой ситуации было принято решение о создании нового — теперь уже постоянно действующего органа — официально он был назван «Лорды-уполномоченные по вопросам торговли и иноземных колоний», однако в историю он вошел под другим названием — «Совет по торговле и колониям» (Board of Trade and Plantations).

18 апреля 1696 г. старые (в прямом и переносном смысле) «Лорды торговли и колоний» собрались на свое последнее заседание, и примерно в это же время начал функционировать новый Совет, который в известной степени стал их наследником. При этом между двумя институтами была сохранена определенная преемственность, выразившаяся в том числе и в их персональном составе (в частно-

сти, в состав нового Совета был включен и проработал там еще 11 лет вышеупомянутый Уильям Блэтуэйт).

По указу Вильгельма III новый Совет должен был состоять из 8 постоянных уполномоченных, назначенных короной и получающих вознаграждение за свою работу, а также ряда высших сановников, которые были его членами по должности (лорд-канцлер, первый лорд Казначейства, первый лорд Адмиралтейства и т.д.). Однако последние практически не участвовали в работе совета, который таким образом фактически стал обособленным независимым органом. Совет возглавлялся председателем (первым лордом). Эту должность занимали, как правило, представители верхушки правящей элиты; одни оставались на ней недолго, а другие — по многу лет (барон Джон Монсон — 11 лет, граф Галифакс — 13 лет[21]).

На всем протяжении рассматриваемого нами периода (вплоть до реорганизаций первой половины 1780-х годов) Совет по торговле и колониям оставался основным органом, курировавшим большую часть вопросов, связанных с управлением заморскими владениями Туманного Альбиона. Совет определял стратегию и тактику английской экспансии, лоббировал те или иные направления колониальной активности, во многом определял кадровую политику правительства в колониях. В то же время Совет, как и его предшественники-«Лорды», оставался совещательным органом и не имел каких-либо полномочий в сфере текущего управления. На практике значение Совета в различные периоды было неодинаковым. В конце XVII — начале XVIII в. он играл более активную роль; затем его влияние стало постепенно снижаться. Так, еще во время войны за Испанское наследство Совет потерял возможность сколько-нибудь заметно влиять на назначение колониальных губернаторов (в 1715 г. члены Совета узнали о назначении Джорджа Воана губернатором Нью-Гемпшира из официальной публикации в «Лондон Газетт»[22]).

Говоря об определении стратегического курса английского правительства в отношении колоний, следует помнить, что в конце XVII–XVIII вв. в самой Англии шел медленный и сложный процесс перехода к конституционной монархии и парламентской демократии с разделением властей, механизмами выработки и принятия

[21] См.: Office-Holders in Modern Britain: In 12 vols. Vol. III: Officials of the Boards of Trade, 1660–1870 / Ed. by J. Ch. Sainty. London, 1974. P. 28–37.

[22] *Geiter M., Speck W. A.* Colonial America: From Jamestown to Yorktown. New York, 2002. P. 146.

управленческих решений с учетом интересов различных группировок политического класса и т. п. Это отражалось и на непосредственном руководстве колониальной политикой, которое постепенно переходило из рук короля и Тайного света к правительству, ответственному перед Парламентом.

В правительстве вплоть до 1768 г. колониальные владения Англии находились в ведении ключевого министра — государственного секретаря Южного департамента, который параллельно ведал многими другими важнейшими вопросами внутренней и внешней политики. Определенное отношение к колониям и колониальной политике имели и некоторые другие министры (в ведении которых находились финансы, таможенное обложение, вооруженные силы и военно-морской флот). В начале 1720-х годов Совет по торговле и колониям пытался протестовать по поводу их вмешательства в дела управления заморскими территориями, стремясь в то же время поднять свой собственный статус до уровня министерства (члены Совета, в частности, настаивали на том, чтобы их председателем был член кабинета); однако в тот момент успеха эти демарши не имели. Только в 1768 г. в Англии была учреждена специальная должность «министра колоний» — Государственного секретаря по колониям, или, как его часто называли, Колониального секретаря (правда, в конце войны с Американскими колониями эта должность была упразднена и затем восстановлена только в XIX в.). Последнее же слово при решении любого вопроса (в том числе и относящегося к колониям) с начала XVIII в., как правило, оставалось уже не за королем, а за фактическим главой правительства.

В то же время следует учитывать, что и до, и после Славной революции зависимость колоний (прежде всего, конечно, колоний-провинций) от короны и от исполнительной власти в целом оставалась весьма значительной. Монарх без ведома Парламента выдавал колониальные хартии, назначал губернаторов в королевские колонии, давал им инструкции и т. п. Исследователи отмечают, что объективно «[английский] король обладал в Америке большей властью, чем в Англии»[23].

* * *

Как видим, применительно к рассматриваемому нами периоду во всех трех случаях имела место общая тенденция: перво-

[23] *Bourset M.* Quand le roi d'Angleterre règnait sur l'Amérique: Aux origines des Etats-Unis, 1607–1776. Paris, 1997. P. 99.

начально какой-либо специализированный орган, через который шло управление новоприобретенными территориями, отсутствовал. Лишь по мере развития экспансии, освоения новых территорий и усложнения управленческих задач в «центрах» стали создаваться соответствующие ведомства. При этом от основания первых русских поселений в Сибири до создания Сибирского приказа прошло немногим более 50 лет; от основания Квебека до образования морского министерства Франции — 61 год, а от начала колонизации Вирджинии до создания комитета «Лордов торговли и колоний» — 67 лет. В первые десятилетия после своего создания все эти ведомства управлялись представителями верхушки правящей элиты; однако конкретные руководители этих ведомств часто совмещали колониальные дела со многими другими обязанностями — опять-таки это касается и русских судей Сибирского приказа, и французских государственных секретарей второй должности, и английских государственных секретарей Южного департамента. При этом и одни, и другие, и третьи часто имели весьма смутные представления о многих реалиях тех регионов, которые находились в их ведении. В то же время у столичных чиновников далеко не всегда имелась какая-либо конкретная программа действий в отношении подведомственных им территорий (какие-либо импульсы здесь чаще приходили либо «снизу», либо с самого «верха»). В то же время уже в XVIII в. наметились определенные различия в подходах русского правительства к организации управления Сибирью и английских и французских властей к управлению их Североамериканскими владениями. Однако кардинальные изменения (упразднение Сибирского приказа в России и наоборот — выделение управления колониями в четко обособленную сферу на уровне самостоятельного специализированного министерства в Англии и Франции) произошли уже на исходе интересующего нас периода.

§ 2. Воеводы, наместники, губернаторы, интенданты

Говоря о представителях власти на местах, следует прежде всего обратить внимание на такие моменты, как круг их полномочий и обязанностей, качество и характер исполнения ими этих полномочий и обязанностей, происхождение, социальный статус, отношения с представителями других социальных групп и элит, стиль их социального поведения, а также на то, как на все вышеперечисленное влияли колониальные условия.

В Сибири в интересующий нас временной отрезок существовала система воеводского управления, ключевым звеном которой соответственно были воеводы — высшие гражданские чиновники и одновременно командиры местных гарнизонов. Принято считать, что само появление института воевод в России было тесно связано с ее территориальной экспансией на юге и на востоке, начавшейся в середине XVI в. Действительно, первоначально Москва назначала воевод именно для управления завоеванными территориями, и лишь несколько позднее (в первые десятилетия XVII в.) система воеводского управления постепенно распространилась на всей территории страны. В русской историографии еще с XIX в. существовала точка зрения, согласно которой возникновение и утверждение воеводского управления на окраинных землях (и в том числе в Сибири) было обусловлено потребностью государства в сильных представителях на местах, в равной мере способных решать военные задачи и обеспечивать в необходимом объеме поступление в казну доходов с присоединенных территорий[24].

В Европейской России в XVII в. также сложилась и утвердилась система воеводского управления. Однако там ситуация со всей местной администрацией в целом и статус и положение воеводы в частности были несколько иными. Это было связано с рядом факторов. Во-первых, если в Сибири институт воевод вводился как бы «на пустом месте», «с чистого листа», то в Европейской России он накладывался на уже существовавшие там формы административно-территориального управления (и местного самоуправления). Во-вторых, очевидно, что в европейской России имела место гораздо более сложная социальная структура вообще и структура элиты в частности (наличие различных категорий крупных привилегированных землевладельцев, в том числе представителей титулованной знати, наличие объединений служилых людей — дворянских корпораций и т. п.). В Сибири, где, как мы уже отмечали, не было ни вотчин, ни поместий и соответственно не было ни вотчинников, ни помещиков, социальная роль воеводы, естественно, была гораздо более значимой, так как у него

[24]См.: *Ананьев Д. А.* Система воеводского управления в освещении историков-сибиреведов // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск, 2002. С. 3–18.

практически не было «конкурентов» среди мирской верхушки / элиты.

В-третьих, чрезвычайно важным было то обстоятельство, что сибирские воеводы объективно обладали более широкими полномочиями, чем их «коллеги» в Европейской России. В частности, это касалось исследования и присоединения новых земель, заключения договоров с аборигенами и урегулирования отношений с ними, а иногда и сношений с иностранными государствами. Во всех этих вопросах сибирским воеводам предоставлялась известная самостоятельность. Во многих ранних инструкциях вообще говорилось, что воеводы должны «делать всякие дела по своему усмотрению», «делати по тамошнему делу и по своему высмотру и как пригоже и как Бог вразумит», «как Бог на душу положит» и т. п. (в дальнейшем круг их обязанностей стал очерчиваться несколько более четко). Правда, при этом Москва требовала от воевод предоставления подробнейших отчетов в своих действиях, стремясь держать под контролем каждый их шаг — вплоть до каждого истраченного гвоздя или бревна, по образному выражению академика Н. Н. Покровского[25].

До конца XVII в. функции воевод практически не менялись. Воевода должен был организовывать сбор центральных и местных налогов (и прежде всего пушного ясака с аборигенов), охранять общественный порядок, осуществлять судопроизводство. При этом в судебной практике воеводы были обязаны руководствоваться общерусским законодательством (после принятия в 1649 г. Соборного уложения царя Алексея Михайловича его экземпляры были разосланы по всем Сибирским уездным городам). Важнейшей задачей воевод была оборона русских поселений от внешних врагов, а также регулирование пограничной торговли с Китаем и со степными народами. Не менее значимым было исследование, покорение и присоединение новых территорий («приискание новых землиц»), прежде всего с целью увеличения числа плательщиков все того же ясака. Воевода также должен был заниматься вопросами, связанными с заселением и хозяйственным освоением вверенных ему территорий: помогать колонистам-земледельцам налаживать хозяйство, организовывать снабжение населения продовольствием и т. п.

---

[25]См.: *Покровский Н. Н.* Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления в Московской Руси // Закономерности социального развития: ориентиры и критерии моделей будущего. Материалы конференции. Новосибирск, 1994. Ч. 2. С. 21–26.

В допетровский период воеводские должности в Сибири занимали представители различных групп правящего класса, однако все они относились к так называемому государеву двору. Всего на протяжении XVII в. сибирскими воеводами перебывало около 500 человек. Из них 109 имели княжеский титул, в то же время 119 были стольниками, а 22 — боярами и окольничими (т. е. выходцами из высших кругов правящей элиты Московского государства). Естественно, что самые знатные лица назначались на наиболее важные, ответственные, почетные и доходные должности разрядных — в первую очередь тобольских — воевод. Так, из близких царям лиц на воеводстве в Тобольске в XVII в. побывали родственник Бориса Годунова — С. Ф. Сабуров, родственники Романовых — Салтыковы, а также родственник последних — князь Ю. Я. Сулешев (женатый на М. М. Салтыковой).

Что касается титулов, то в первой половине XVII в. бояре назначались тобольскими воеводами лишь время от времени. Первым боярином на тобольском воеводстве был известный участник Смуты князь И. С. Куракин (это было специально отмечено: «а преж того в Сибири в Тобольску бояр не бывало»[26]). Однако во второй половине XVII в. уже практически все тобольские воеводы были боярами (см. рис. 4 на с. 146). Впрочем, для И. С. Куракина назначение на воеводство в столицу Сибири было своего рода почетной ссылкой. То же самое можно сказать о Ф. И. Шереметеве (при Борисе Годунове), князе Р. Ф. Троекурове и князе И. М. Катыреве-Ростовском (при Василии Шуйском), М. М. и П. И. Годуновых, Ф. А. Телятьевском, И. П. Буйносове-Ростовском (при Романовых) и т. д.

В некоторые города Сибирский приказ назначал по два воеводы (второй назначался заместителем или помощником первого — «товарищем»). Это делалось, с одной стороны, с целью обеспечения лучшего контроля над деятельностью воевод, с другой, для более эффективного управления теми городами и уездами, которые Москва считала наиболее значимыми по тем или иным причинам. Так, по указу 1627 г. по два воеводы назначалось в Тобольск, Томск, Мангазею и Тару.

Воевода в глазах населения был не только представителем высшей власти, но и ее носителем. Это тем более удивительно, так как в России того времени, как считают современные специалисты,

---

[26]Власть в Сибири... С. 19.

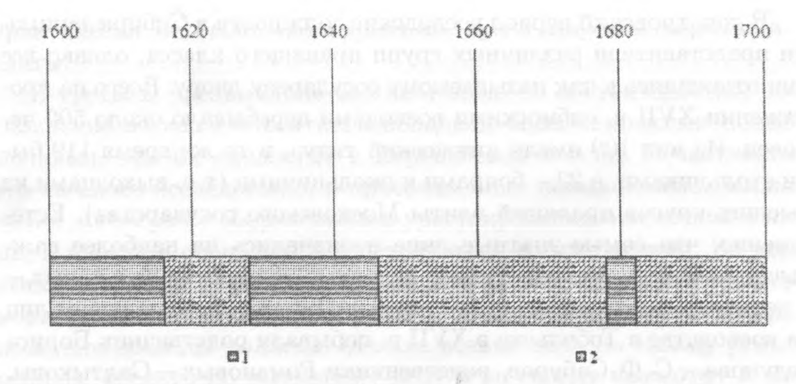

Рис. 4. Бояре на воеводстве в Тобольске: 1600–1700 гг.
1 — воевода без боярского титула; 2 — воевода с боярским титулом

«власть строилась не по принципу делегирования ее, а исключительно по принципу поручений, когда государь "указывал" своим служилым людям "государевым холопам" — "быть у его государя, дел"...». При этом он «ни с кем своей власти не делил, никому ее не делегировал, а лишь поручал выполнить какое-либо государево, временное или постоянное, дело, за которое и давал награду»[27]. Однако несмотря на это, в Сибири встречались заявления типа: «слушаем де мы тобольского указу, а не московского, здоров бы у нас был государь наш Иван Семенович Куракин, а Москва де от нас отдалела...»[28]. Также зафиксированы случаи, когда тобольских воевод называли сидящими «на Сибирском царском престоле», держащими «скипетр Сибирского царства» и т. п.[29] Тобольского воеводу князя М. Я. Черкасского (1698–1711) иностранный современник назвал «вице-королем Сибири»[30].

На воеводские должности в Сибири часто попадали люди немолодые, имеющие длинный послужной список. Порой воеводство в каком-либо сибирском городе «венчало» карьеру того или иного человека. Так, Тобольский воевода князь П. И. Рыбин-Пронский до своего назначения служил 29 лет и побывал на воеводстве в Вязьме, на Двине, в Брянске и Томске; вышеупомянутый боярин князь

[27] См.: Правящая элита русского государства IX — начала XVIII в.: очерки истории. СПб., 2006. С. 488.
[28] Цит. по: *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда в XVII в. С. 262.
[29] См.: Там же. С. 263–264.
[30] Власть в Сибири... С. 20.

И. С. Куракин до своего назначения в Тобольск был воеводой в Вязьме, Новгороде и Казани; И. И. Салтыков — в Ельце, Вологде, Шацке, Астрахани, Уфе и т. д. Это свидетельствует, с одной стороны, о том, что в Сибирь, особенно на ключевые посты, назначались люди с административным опытом; с другой, что Сибирское воеводство порой рассматривалось и правительством, и самими воеводами как поощрение за успешную службу, дававшее ее получателю ко всему прочему возможность улучшить свое материальное положение.

Последнее в особенности относится к воеводству в небольших уездных городах. Назначение туда часто действительно было наградой для служилых людей за прошлую службу (прежде всего военную) и многие добивались такого назначения. Если в крупные разрядные города воеводы назначались «по государеву указу» (т. е. назначение рассматривалось, скорее, все-таки как поручение), то в небольшие — «по поданной челобитной» (т. е. назначение, по сути, рассматривалось именно как милость и награда). При этом те, кто добивался назначения на воеводство, в своих челобитных часто ссылались не только на свои прошлые заслуги перед троном, но и на бедственное материальное положение.

Первоначально срок воеводской службы определен не был. В 1621 г. его ограничили двумя годами, но уже в 1635 г. увеличили до 4 лет, а в 1695 г. — до 6. В первой половине XVII в. предпринимались попытки периодически проводить «полную перемену» воевод, однако в дальнейшем эта практика не получила распространения. Тем не менее в целом случаи долгой службы воевод на одном месте были редки. Так, от основания Томска (1604 г.) и до конца XVII в. все томские воеводы служили от 1 до 5 лет (см. рис. 5 на с. 148).

С середины XVII в. воеводы стали пытаться прочнее закрепиться на своих местах. Бывали случаи, когда после смерти воеводы местное население просило назначить вместо него его сына. На первых порах власти препятствовали этому. Было сделано специальное распоряжение о том, чтобы «воеводские дети, которые у государя в приказе были, без государева указа в городах после своих отцов своих у дел не бывали»[31]. Однако во второй половине XVII в. начинают формироваться своего рода кланы сибирских воевод. В это время «товарищами» (т. е. помощниками) или преемниками первых воевод все чаще стали назначать их сыновей или других близких

[31] *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда в XVII в. С. 260.

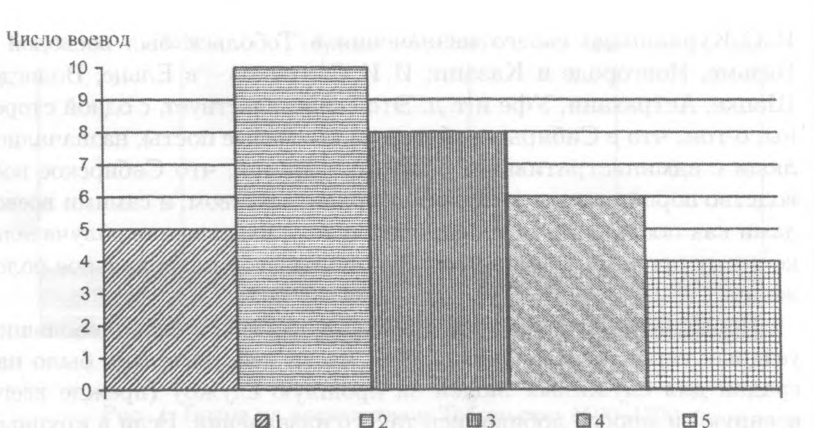

Рис. 5. Соотношение численности и сроков службы томских воевод (1604–1699)
1 — служили 1 год; 2 — служили 2 года; 3 — служили 3 года;
4 — служили 4 года; 5 — служили 5 лет

родственников. Так, в 1690–1692 гг. в Тобольске воеводой служил боярин С. И. Салтыков, а его помощником (товарищем) бы его сын стольник Ф. С. Салтыков. Такая же ситуация имела место в Нарыме при воеводах А. Д. Губине и В. Ф. Шишкине, Якутске — при М. О. Кровкове и М. А. Арсеньеве и т. д.[32]

Тогда же стала складываться практика, когда члены одной семьи переходили на воеводство из одного города в другой. Как правило, у такого клана имелись сильные покровители в Москве (естественно, небескорыстные). Так, в конце XVII в. в Восточной Сибири прочно утвердился клан князей Гагариных. В первой половине 1690-х годов в Якутске воеводой был И. М. Гагарин, в Иркутске — И. П. Гагарин, в Нерчинске — М. П. Гагарин (будущий судья Сибирского приказа и первый губернатор Сибири). В целом в конце XVI–XVII вв. на воеводстве в Сибири наиболее часто находились представители семей Гагариных (12 раз), Барятинских и Волынских (по 11 раз), Волконских (10 раз), Годуновых (8 раз), Щербатых (7 раз).

За свою службу воеводы получали вознаграждение, состоящее из нескольких частей. Одна часть — это собственно жалование воеводы (оно выдавалось перед отправлением к месту назначения,

[32]См.: *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 113.

обычно сразу за несколько лет вперед). Жалование было относительно небольшим (в зависимости от знатности воеводы, его послужного списка, значения новой должности оно колебалось в пределах от 25 до 90 руб. в год). Существенно бóльшее значение имели «подъемные» — это уже могли быть суммы порядка 500–700 руб. Кроме того, воеводы получали значительное количество продовольствия (прежде всего, муку и водку), им предоставлялся казенный транспорт (подводы), а также давалось право беспошлинно провезти с собой определенное количество собственного продовольствия, одежды, денег и т. п. Все воеводы стремились взять с собой как можно больше вещей, так как рассчитывали в Сибири поменять их на пушнину.

На воеводство московские служилые люди отправлялись в сопровождении большого количества людей — «со всем своим домом». Воеводы, как правило, везли с собой жен, незамужних дочерей и неслужащих сыновей, а также многочисленный штат прислуги («дворовых людей»). Обычно с воеводой ехало по нескольку десятков человек. Так, в 1649 г. в отдаленный Кетский острог воевода С. Е. Лутовинов (из небогатой и незнатной семьи) вез с собой 25 человек. В это же время более состоятельный М. О. Аничков ехал в Красноярск в сопровождении 64 человек[33].

Приезжая в Сибирь, воеводы старались, однако, не терять связей с «центром». Они внимательно следили за тем, что происходит в Москве — при этом больше всего их интересовали подробности придворной жизни. Воеводы привозили с собой в Сибирь клановую вражду и местнические счеты. Личностный подход (основанный на местничестве) доминировал в их отношениях к начальникам, подчиненным и сослуживцам. Из-за этого возникали многочисленные конфликты, в которых участвовали не только сами воеводы, но и их родственники, остававшиеся в Европейской России.

Так, в 1627 г. в Москве решался вопрос о назначении воеводы в Тобольск, где товарищем воеводы был И. В. Волынский. Когда его родственникам стало известно, что первым воеводой хотят назначить стольника И. И. Салтыкова, они подали жалобу, где говорили, что их брату «не подобает» находиться у того в подчинении. В конфликт ввязались также Тюменский и Верхотурский воеводы (эти города входили в то время в Тобольский разряд), которых задел и оскорбил протест Волынских, так как своим отказом они ста-

[33]*Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири. С. 33.

вили себя выше их. Дело кончилось тем, что в Тобольск в конце концов был отправлен не И. И. Салтыков, а более знатный князь А. Н. Трубецкой. Это дало повод Волынским считать себя победителями и похваляться, что Салтыков не получил воеводской должности из-за их челобитных. Последнее, в свою очередь, вызвало жалобу Салтыкова, который добился официального объявления о том, что он не был послан на службу в Тобольск не из-за жалобы Волынских, а по другой причине[34].

А вот пример местничества в Сибири: в 1686 г. красноярский воевода стольник Г. И. Шишков отказывался подчиняться Енисейскому разрядному воеводе С. А. Собакину, мотивируя это не только отсутствием инструкций, но и тем, что разрядный воевода не был выше по чину и знатности. Шишков заявил, что «если де ему, Григорию у него [Собакина] в разряде быть, за то де родственники его, Григорьевы на Москве будут его бранить и в домы к себе не пущать...»[35].

Весьма распространенной была практика, когда уездные воеводы соглашались подчиняться только тому разрядному воеводе, который был назван в их инструкциях, полученных при назначении (а если разрядный воевода менялся, требовались новые инструкции — иначе уездные воеводы утверждали, что у них «указу нету» выполнять распоряжения разрядного воеводы).

Следует учитывать, что в допетровской России еще не сложилось какой-либо корпоративной дворянской этики или кодекса чести. Воеводы часто открыто сводили друг с другом счеты и «лаяли друг друга» перед своими подчиненным и населением. В 1643 г. Нарымский воевода И. Л. Скобельцын публично заявил по поводу распоряжений Томского воеводы князя С. М. Клубкова-Мосальского (Нарым входил в Томский разряд): «...пишет де мне из Томска князишко с указом <...> и я де на те отписки плюю и гузно ими тру...»[36]. В 1634 г. томский воевода князь Н. Егупов-Черкасский велел прилюдно «вытолкать в шею» кузнецкого воеводу Федора Нащокина (у которого он до этого безуспешно вымогал взятку)[37]. Бывали и более вопиющие случаи, когда воеводы применяли силу друг против друга или против других чиновников. Так, порой воеводы силой пытались воспрепятствовать деятельности чиновников, присланных из Москвы с контрольными целями («сыщиков»). Особенно отличился якутский воевода князь И. М. Гагарин, который со своими людьми, вооруженными пищалями и пушками (!) осадил дом, где остановился прибывший в уезд «сыщик» Ф. Р. Качанов и охранявшие его московские стрельцы. Воевода не выпускал «сыщика» из Якутска, велел «изрубить» снаряженное тем судно и т. п. Только после приезда нового воеводы М. А. Арсеньева Качанову удалось «вырваться» из осады и отправиться в Москву[38].

В 1631 г. в Мангазее возник ожесточенный конфликт между воеводой Г. Кокоревым и его «товарищем» А. Ф. Палицыным. Этот конфликт перерос в открытое вооруженное столкновение (также с применением артиллерии), в котором приняли активное участие жители города. В течение нескольких месяцев Палицын, поддержанный мангазейским «миром», осаждал острог, где затворился Кокорев с верными ему служилыми людьми. Однако цитадель Палицын взять не смог и с группой своих сторонников ушел из города. Некоторое время они собирали ясак и пошлины, а затем отправились в Москву. Любопытно, что хотя вслед за этими событиями последовало длительное и тщательное расследование, ни для Палицына, ни для его врага Кокорева этот инцидент никаких негативных последствий не имел (оба продолжили службу)[39].

В 1655 г. в Енисейске произошли вооруженные столкновения между воеводой А. Ф. Пашковым и прибывшим ему на смену И. П. Акинфовым. Последний уличил своего предшественника во многих злоупотреблениях и потребовал возместить нанесенный ущерб. Однако вместо этого Пашков сначала советовал Акинфову следовать его примеру и предлагал взятку, а когда тот отказался, стал его «матерно бранить», потом перешел к угрозам и, наконец, попытался осадить в городе, используя находившихся под его командованием солдат[40].

Впрочем, хорошие отношения между воеводами также могли иметь неоднозначные последствия. Так, тот же Егупов-Черкасский был в большой дружбе с Нарымским воеводой Иваном Загоски-

[34]Там же. С. 57.

[35]См.: *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды: В 4 т. Т. IV. М., 1959. С. 156–157.

[36]Цит. по: *Вершинин Е. В.* Наказал Бог народ — наслал воевод // Родина. 2000. № 5.

[37]См.: *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири. С. 62.

[38]См.: *Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа. М., 1940. С. 73.

[39]Подробнее см.: *Бахрушин С. В.* Андрей Федорович Палицын // Бахрушин С. В. Научные труды: В 4 т. Т. III, ч. 1. М., 1955. С. 175–197.

[40]См.: История Сибири... Т. II. С. 132.

ным. По пути в Томск он задержался у того на две недели; «дела государева никакого не было», князь «только пил днем и ночью у воеводы Ивана Загоскина, а Иван у него». В результате Загоскин получил большие привилегии в Томске, что наносило ущерб и создавало проблемы другим воеводам (Кузнецкому, Красноярскому)[41].

Что касается деловых качеств сибирских воевод, то наиболее выдающимися деятелями допетровской эпохи традиционно считаются тобольские воеводы князь Юрий Янщеевич Сулешев и стольник Петр Иванович Годунов. Опытными и в целом добросовестными администраторами были И. С. Куракин, Д. Т. Трубецкой, И. Б. Репнин.

В распоряжении воеводы находился уездный или соответственно разрядный административный аппарат — съезжая (она же приказная) изба (в разрядных городах она иногда еще именовалась приказной палатой). Внутри этих учреждений (в первую очередь в крупных разрядных городах) могли создаваться «отделы» — столы (ясачный, хлебный, денежный). Штат съезжей избы / приказной палаты состоял из чиновников — дьяков, подьячих, письменных голов и технических сотрудников (писцов). В Тобольске и Томске он был наиболее многочисленным — два–три дьяка и два–три письменных головы. В другие разрядные города, как правило, назначалось по одному дьяку и одному письменному голове. В подчинении у воеводы также находились все остальные должностные лица уезда: сборщики ясака, командиры воинских подразделений, приказчики отдельных острогов и пашенных слобод и т. п.

Следует подчеркнуть, что вплоть до начала XVIII в. все местное управление в Сибири в целом замыкалось на воеводу и зависело, в конечном счете, только от него. При этом сами воеводы также стремились к абсолютизации своей власти. Отдельные попытки центрального правительства внести в систему воеводского управления элемент коллегиальности (в частности, за счет назначения товарищей воевод) не меняли сути дела, поскольку никакой «юридической определенности» эта самая коллегиальность не имела и как принцип организации системы не осознавалась[42]. Безусловно, вокруг воеводы зачастую складывался неофициальный круг приближенных к нему людей, с которыми тот мог обсуждать различные дела. Однако все это не носило формально-институционализированного характера.

[41] См.: *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири. С. 62–63.
[42] Подробнее см.: *Ананьев Д. А.* Система воеводского управления...

Отдельно следует остановиться на злоупотреблениях сибирских воевод и подчиненных им чиновников. Исследователи разных школ и эпох вынуждены признавать, что они и количественно, и качественно превосходили «лихоимства» воевод того же времени в Европейской России. Так, в начале XX в. Н. Н. Фирсов утверждал: «Злоупотребления воевод и других служилых людей в Сибири — это не какая-нибудь историческая деталь, случайность; напротив, это важное общее явление, с которым серьезно приходилось считаться московскому правительству»[43]. Современные авторы также признают, что это — «органическая часть всей системы местного управления»[44].

Эти злоупотребления можно разделить на две группы. К первой относятся преступления, продиктованные экономическими мотивами, т. е. незаконные действия воевод с целью получения наживы: взятки, вымогательство, спекуляции, контрабанда, хищение государственных средств и имущества, незаконная предпринимательская деятельность и т. п. Ко второй — все остальные злоупотребления: пьянство, всевозможные насильственные действия, рукоприкладство, жестокое обращение с подчиненными и т. д.

Что касается экономических преступлений, то они, безусловно, в значительной степени были связаны с тем, что в российском массовом сознании того времени (и элиты, и масс) еще сохранялась память о системе «кормлений», существовавшей до конца XVI в. Соответственно многие воеводы (особенно имевшие прошлые заслуги и отличия на государевой службе) совершенно искренне рассматривали свое назначение как своего рода награду («место у корыстных дел»), смысл которой и состоит в возможности обогащения. Все, что воеводы получали от населения, они рассматривали как подношения «в почесть» (так называемое въездное, праздничное и т. п.) и утверждали, что они их «нажили правдой» (т. е., по их мнению, получили справедливо).

Однако на практике «почести», «поминки» и прочие подношения очень часто становились объектом неприкрытого вымогательства. Так, воеводы брали взятки за назначение на те или иные должности. Особенно высоко ценились места и разного рода по-

[43] *Фирсов Н. Н.* Чтения по истории Сибири. Вып. 1. М., 1921. С. 41.
[44] Власть в Сибири... С. 24.

ручения, связанные со сбором ясака. В Якутском уезде в середине XVII в. на них даже существовала определенная «такса»: за назначение на ясачный сбор приказчик платил воеводе 300 руб., подьячий — 40 руб., толмач — 40 руб., рядовые сборщики из служилых людей — по 6 руб. К концу века ставки явно возросли — упоминавшийся выше «сыщик» Ф. Р. Качанов установил, что якутские воеводы только «окупу» от ясачных сборщиков получали в год 6209 руб., «опричь того, что из волостей приезжают и приносят собольми и мягкой рухлядью»[45].

Другим распространенным злоупотреблением были спекуляции, а также разного рода хищения и махинации с казенным имуществом (при выдаче денежного и хлебного жалования казакам и служилым людям, при выдаче казенных «подмог»). Так, про сына мангазейского воеводы Г. Кокорева его недоброжелатели сообщали, что к нему «промышленные люди ходят ежедневно продажное вино пить: кто принесет гривну, тому даст чарку, кто принесет две гривны, тому две чарки, и так дальше по расчету, и как эти люди, напившись, пойдут от него со двора, то люди его кресты, перстни и пояса с них оберут, а с иных и все платье поснимают в заклад»[46]. Енисейский воевода А. Ф. Пашков не передавал в казну деньги за квасной откуп; за пять лет он таким образом присвоил 1000 руб. казенных денег[47].

Многим воеводам за годы службы удавалось сколотить целые состояния. Впрочем, не всем удавалось сохранить нажитое — деятельность воевод часто заканчивалась «сыском». В качестве примера можно привести добрую половину якутских воевод, известных своим взяточничеством — В. Пушкина, Д. Францбекова, М. Лодыженского, И. Голенищева-Кутузова, А. Барнешлева, И. Гагарина. По ходу сысков по их делам, в частности, было установлено, что Д. Францбеков всего за несколько лет сколотил состояние в 12 742 руб., Голенищев-Кутузов получил в качестве взяток 596 «соболей добрых» и т. п.[48]

В целом само центральное правительство занимало по отношению к экономическим преступлениям воевод двойственную позицию. Москва активно боролась (или, хотя бы старалась бороться)

[45] История Сибири... Т. II. С. 132.

[46] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. Кн. V, т. 9–10. М., 1961. С. 291.

[47] История Сибири... Т. II. С. 132.

[48] См.: *Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа. С. 72–73.

лишь с теми злоупотреблениями, которые непосредственно угрожали ее интересам. В первую очередь это, конечно, контрабанда мехов (и контрабандная торговля вообще). Воеводы приобретали меха различными способами: вымогали в качестве подарков и взяток, покупали через подставных лиц или просто отбирали силой у аборигенов. Нажитые / добытые меха они, естественно, стремились провезти в Россию. Чтобы не допустить этого, Сибирский приказ приказывал воеводам фиксировать все свои покупки, сделанные во время пребывания в должности. Также власти не разрешали воеводам ввозить в Россию товары и деньги свыше определенных сумм. Въезжать обратно в Россию все воеводы должны были через Верхотурье, где их самих, их багаж и всех сопровождающих их лиц полагалось подвергать настоящему обыску — «бояр и воевод <...> на Верхотурье самих осматривать»[49]. Информация об этом распространялась по всей Сибири и, видимо, не вызывала у воевод и других чиновников особой радости. Так, в середине 1660-х годов Якутский воевода получил от своего доверенного лица известие о том, что «на Верхотурье сидит воеводством Иван Яковлевич Колтовский, он же и обыщиком. И воеводам провесть к Руси платья и денег не дадут, обыскивают накрепко»[50]. Сам Колтовский, исходя из собственного опыта, говорил, что «у верхотурских воевод со всей Сибирью ссора в привозных животах и запасах»[51].

Резкое противодействие Москвы встречали любые попытки воевод завести в Сибири собственные хозяйства, стать землевладельцами (вотчинниками). Заметим, что это объективно способствовало «текучести» воевод, которые в подавляющем большинстве надолго не оседали в Сибири (по крайней мере, на одном месте). Свою роль играло и то, что в качестве поощрения за хорошее исполнение воеводских обязанностей царь мог наградить того или иного воеводу землями / поместьями в Европейской части России.

Что же касалось «обычных» взяток и спекуляций, то на них часто закрывали глаза (хотя немногочисленных честных воевод, прославившихся своим нестяжательством, в Москве ценили и награждали). В целом же правительство отдавало себе отчет в том, что назначение на воеводские должности было средством поддержания материального благополучия служилого сословия, являвшегося опорой государства.

[49] Цит. по: *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда в XVII в. С. 265.

[50] *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири. С. 101.

[51] Цит. по: *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда в XVII в. С. 264–265.

Однако сибирские воеводы и их подчиненные «прославились» и неэкономическими преступлениями, далеко выходившими за принятые рамки и оставшимися в памяти современников и потомков. Так, имеется множество отчетов о тех безобразиях, которые сибирские воеводы творили по пути к месту назначения. От проезжавшего воеводы и его спутников жестоко страдало местное население (как мы говорили выше, с ним ехала семья и прислуга, а, кроме того, сюда надо добавить семьи и прислугу его помощников — такой воеводский «поезд» мог насчитывать до 100 человек). На остановках воеводы насильно забирали сверх положенных норм подводы, продовольствие и деньги. В 1635 г. в городе Великом Устюге проезжавшие воеводы устроили настоящий погром. Князь Михаил Ростовский (назначенный воеводой в Тобольск) со своими людьми ночью ломал ворота в домах, грабил жителей. По выражению П. Н. Буцинского перемещение служилых людей, стрельцов, казаков было стихийным бедствием и «напоминало русским людям татарское баскачество»[52].

Нельзя не сказать о пьянстве и пьяных выходках воевод, часто переходивших все возможные границы. Так, вышеупомянутый товарищ мангазейского воеводы Андрей Палицын (кстати, грамотный и весьма образованный для своего времени человек) «отличился» тем, что однажды со своими собутыльниками упился до такой степени, что стал заставлять одного из своих людей есть сырые грибы, а когда тот отказался, бросил его в воду и протащил под килем судна. В царских грамотах воеводам постоянно ставилось на вид: «в пьянстве у вас многие люди бьются и режутся до смерти, а вы про то не сыскиваете»[53].

Еще один пример злоупотреблений — поведение одного из Нарымских воевод. Этот воевода прославился тем, что «брал на постелю» жен своих подчиненных служилых людей. А когда те обратились к попу, чтобы тот написал от их имени жалобу вышестоя-

[52] В подтверждение своих слов П. Н. Буцинский приводит сведения о том, что в 1593 г. «сын боярский с атаманом и с казаками, едучи в Сибирь, воровали в вотчине боярина Д. И. Годунова, крестьян били и грабили, жен крестьянских соромотили, убили из пищали крестьянина, а у иных многих крестьян животину, коров, свиней побили и платье пограбили, да другие боярские дети с атаманом и с казаками, которые отпущены из Москвы, по дороге многих людей били и грабили и ямщикам за подводы прогонов не давали...» (*Буцинский П. Н.* Начало заселения Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. С. 189).

[53] *Соловьев С. М.* История России... Кн. V., т. 9–10. С. 324.

щим властям, воевода «бил кнутом и попа, и служилых людей»[54]. Аналогичным образом вел себя илимский воевода Лаврентий Обухов. Впрочем, последнему пришлось ответить за свое поведение. Жители Усть-Киренской волости взбунтовались против Обухова, схватили и убили его за то, что он «жен их насильничал, а животы их вымучивал». Это был, пожалуй, единственный случай убийства воеводы в Сибири местным населением.

Можно ли найти какое-то объяснение или обоснование этого поведения сибирских воевод, а также их подчиненных? Ведь то, что оно часто выходило за принятые в то время рамки, понимали и современники. Не случайно еще в середине XVII в. сибирский архиепископ Герасим в одной из своих жалоб царю констатировал: «А таких, государь, воров и крамольников и ложных составщиков [то есть клеветников], как в твоей дальней вотчине в Сибири, нет нигде в твоей государевой державе»[55].

По-видимому, мы имеем здесь дело с комплексом различных факторов, которые накладывались друг на друга. Во-первых, это фактор физического расстояния, который существенно затруднял (хотя и не ликвидировал совсем) для местного населения возможность жаловаться на воевод центральным властям и снижал эффективность жалоб. Этот же фактор способствовал злоупотреблениям всех остальных чиновников, должностных лиц и т. п. в Сибири. Во-вторых, отмеченная выше специфика социальной структуры сибирского общества того времени. Воевода там находился на вершине социальной пирамиды, и никто за исключением представителей высшего духовенства не мог составить ему какой-либо конкуренции. В-третьих, уже также отмечавшаяся специфика отношения к самой воеводской власти как источнику обогащения, причем со стороны как носителей этой самой власти, так и подвластных. В-четвертых, мировоззренческий фактор, когда Сибирь, особенно на начальном этапе освоения, воспринималась русскими людьми как страна, отличная от России, причем отличная прежде всего потому, что она еще в должной мере не освящена божественной благодатью, и представляет собой своего рода «неправильную» страну. Соответственно по отношению к ней срабатывал присущий средневековому человеку стереотип «антиповедения» (подразумевалось, что, находясь в «неправильной» стране, следует вести себя «непра-

[54] *Буцинский П. Н.* Начало заселения Сибири... С. 285.

[55] Цит. по: *Софронов В. Ю.* Светочи земли Сибирской: Биографии архипастырей Тобольских и Сибирских. Екатеринбург, 1998. С. 55.

вильно»; нарушение норм здесь как раз и есть норма)[56]. В-пятых, особенности персонального состава сибирской администрации, контингентов служилых людей и т. п., куда часто попадали далеко не самые лучшие представители русского общества того времени, а, наоборот, люди, не нашедшие себе по какой-то причине места в Европейской России, стремящиеся к быстрой и легкой наживе, часто — просто грубые и невежественные. Даже разрядные воеводы порой бывали неграмотными (например, томский воевода И. В. Бутурлин честно признавался, что «грамоте не много умеет» и просил прислать ему в помощь дьяка[57]), а в целом еще Н. А. Фирсов отмечал «невысокий уровень умственного развития» русских служилых людей в допетровской Сибири[58].

Власть воевод и их администраций на местах была практически неограниченной. Противостоять воеводскому произволу население могло только двумя способами: либо жалуясь в Москву (что происходило довольно часто), либо организуя коллективный массовый протест. Последнее случалось существенно реже, однако несколько «воровских бунтов», в результате которых воеводы отстранялись от должности восставшим населением, имело место.

Впрочем, иногда воевод отзывали и в результате мирных обращений населения в «центр»: так, в 1653 г. по челобитной всего «мира» Тюмени (т. е. и посадского, и служилого населения) был отстранен от воеводства в этом городе и уезде Иван Веригин. Спустя несколько лет тюменцы объединенными усилиями не допустили к себе на воеводство его сына Федора Ивановича Веригина. В 1648–1649 гг. произошло восстание в Томске, в результате которого власть в городе на 16 месяцев перешла в руки мирского самоуправления[59]. Порой из Москвы присылали специальные следственные комиссии (вроде комиссии уже не раз упоминавшегося Ф. Р. Качанова) для разбора жалоб, работа которых завершалась отстранением воевод от должности, взысканием с них денежных сумм в пользу потерпевших и казны и т. п. Бывали случаи,

[56]О феномене «антиповедения» в Сибири подробнее см.: *Софронов В. Ю.* Распространение православия в Сибири. XVI–XVII вв. // Сибирская заимка. 2002. № 1. — http://www.zaimka.ru/01_2002/sofronov_orthodoxy/

[57] *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири. С. 27.

[58] *Фирсов Н. А.* Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 238.

[59]О взаимоотношении государственной власти и миров в Сибири см., напр.: *Покровский Н. Н.* Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989.

когда к проштрафившимся воеводам применяли и более суровые меры.

Поскольку было хорошо известно, что правительственные органы в Москве обращают внимание прежде всего на те случаи, когда ущемляются их интересы, в жалобах на воевод речь часто шла не об их реальных злоупотреблениях, а об «измене». Под этим подразумевалась узурпация царской власти (в частности, выражавшейся в том, что воевода «государится» — это было самое сильное обвинение), а также пренебрежение государственными интересами, недостаточное радение о государевой пользе и т. п.

Безусловно, воеводы были заинтересованы в том, чтобы их служба производила благоприятное впечатление на центральные власти, и в известной мере опасались жалоб со стороны населения. В то же время они прекрасно знали, как много времени пройдет, прежде чем той или иной жалобе будет дан ход (если, конечно, это вообще случится) и что они вполне успеют предпринять соответствующие контрмеры и повернуть дело в свою пользу. Не случайно первый якутский воевода П. Головин как-то заявил: «Правда моя в Сибири, что солнце на небесах сияет»[60].

В первые десятилетия XVIII в. в системе управления Сибирью стали происходить определенные изменения. Грандиозные петровские преобразования затронули и осваиваемые русскими территории Северной Азии. Однако эффект этих преобразований был там не столь сильным и быстрым, как в Европейской России. Это было связано не только с чисто географической отдаленностью рассматриваемого нами региона, но и с определенной социальной инерцией, усиленной тем немаловажным обстоятельством, что собственно сибирские дела не входили в число приоритетных направлений политики Петра I.

Что касается организации местного управления, то здесь наиболее важным моментом было появление общесибирского губернатора с чрезвычайно обширными полномочиями, которые к тому же в последующие десятилетия постоянно расширялись. Сам Петр I, вводя институт губернаторов, предполагал, что их власть будет несколько ограничиваться другими губернскими чиновниками (вице-губернатором, ландрихтером, обер-комендантом, обер-комиссаром и обер-провиантмейстером). Однако в Сибири этого

[60]Цит. по: *Дмитриев А. В.* Сибирь в составе Российского государства в XVII–XVIII веках: Материалы спецкурса. — http://gkaf.narod.ru/dmitriev/sk/index.html

не произошло — власть губернатора была практически неограниченной.

В ходе второй областной реформы была также предпринята попытка ввести элементы ведомственного принципа управления и отделить на местах административную власть от судебной. Для этого в губерниях создавались органы управления, подчиненные непосредственно центру и независимые от губернатора: рентерея, контора рекрутских дел, провиантмейстерская контора, вельдмейстерская контора и др. На практике реализовать это также не удалось: сибирские губернаторы (а на местах — уездные воеводы) вмешивались во все сферы управления. Вскоре после смерти Петра I правительство официально отказалось от попыток ограничения власти губернаторов другими административными институтами и структурами (хотя отдельные элементы контроля коллегий за деятельностью губернаторов сохранялись до начала 1760-х годов). В то же время губернаторам был передан ряд дополнительных функций (полицейские функции — надзор за ссыльными и каторжными; с 1740-х годов — строительство крепостных линий на южных границах Сибири; с 1760-х годов — командование всеми войсками, находящимися на подведомственной им территории).

Губернаторы назначались на свой пост по распоряжению монарха и высшего органа власти (Верховного тайного совета, Кабинета, с 1741 г. — Сената). Соответственно им же они и подчинялись (в начале 1760-х годов это было окончательно установлено). Срок пребывания на губернаторском посту не ограничивался и мог колебаться от 2–3 до 10 и более лет.

На первых порах сибирскими губернаторами становились представители верхушки правящей элиты. Особенно выделялись (в том числе на фоне остальных российских губернаторов того времени) три первых сибирских губернатора — князь М. П. Гагарин, князь А. М. Черкасский, князь М. В. Долгоруков. Их отличали и знатность, и богатство, и высокие чины, и личная близость к царю. Затем постепенно «планка» критериев опустилась — некоторые губернаторы происходили из мелкопоместных дворян, выслужившихся военных и т. п., что в целом соответствовало «среднему» уровню российских губернаторов того времени. Среди сибирских губернаторов 1710–60-х годов любопытно отметить двух бывших морских офицеров — В. А. Мятлева и Ф. И. Соймонова. Как мы увидим в дальнейшем, в это же время морские офицеры неоднократно назначались генерал-губернаторами Новой Франции.

В провинциях и уездах, на которые теперь делилась Сибирь (уезды, в основном, остались старыми, новыми были только провинции), сохранялось воеводское правление. Круг полномочий воевод по-прежнему был чрезвычайно широк и во многом аналогичен полномочиям их коллег предшествующей эпохи. Различие состояло в том, что по ряду вопросов уездные воеводы теперь жестко подчинялись губернатору (что, впрочем, не исключало их известной самостоятельности в других сферах).

По сравнению с предшествующим периодом власть сибирских администраторов в первой половине XVIII в. стала носить несколько более организованный и упорядоченный характер. Воеводы Московской Руси постепенно превращались в чиновников — представителей бюрократии абсолютистской империи. Назначение на воеводство и другие посты рассматривалось исключительно как поручение, а не как награда. Предполагалось, что администраторы будут денно и нощно «блюсти казенный интерес».

Говоря о социальном составе сибирской администрации, следует учитывать два момента. Первый — общероссийский: сословная консолидация дворянства при Петре I и закрепление именно за представителями дворянства практически всех административных (и не только) должностей в государстве; второй — сибирский: отсутствие в Сибири поместного землевладения и, как следствие, отсутствие там «своих» дворян-помещиков — основного источника петровского шляхетства. В условиях Сибири эти два момента создавали для центральных властей проблему с подбором кадров на административные должности.

Наиболее жесткую позицию государство занимало в вопросах назначения воевод (и, само собой разумеется, губернаторов). В 1727 г. было официально подтверждено, что должности провинциальных и уездных воевод могут занимать только чиновники в штаб- и обер-офицерских чинах. На практике это означало, что воеводами могли становиться только дворяне. Однако людей с административным опытом в Сибири не хватало, а должность воеводы перестала рассматриваться среди привилегированного класса («природного шляхетства» — дворянства) как престижная.

В указе императрицы Анны Иоановны 1739 г. говорилось:

> «Известно нам учинилось, что во многих городах Сибирской губернии определены воеводами из тамошних обывателей, а именно: из купечества и казаков и прочих тому подобных, которые браны в ре-

круты и дослужились офицерских рангов, в том числе и неумеющие грамоте, а иные не служа, вернее написаны из казаков в дворяне и воеводы, також и бывшие у некоторых персон в холопстве, да и также, которые бывали в розысках и наказаниях, а потом через их происки воеводами ж определены…»[61]

В этой ситуации воеводами в Сибирь стали назначать отставных военных. Они, как правило, были уже достаточно пожилыми и не имели какого-либо административного опыта. Назначение на воеводство в Сибирь часто воспринималось ими как обременительная повинность. Первоначально их назначали на 2 года, затем на 3, а с 1745 г. стали назначать бессрочно — «пока не умрет или не впадет в какие прегрешения». В 1760 г. срок службы воевод был ограничен пятью годами (но с правом продления), так что фактически он оставался бессрочным. На остальные чиновничьи должности назначались и дворяне, и недворяне. Так, в середине XVIII в. в Верхотурье природные / потомственные дворяне составляли 71% от общего числа чиновников, а в Якутске около 50%[62]. В большинстве это были представители беземельного дворянства, полностью зависевшие от государства в материальном отношении. Остальные чиновники происходили из сословий, ставших в XVIII в. непривилегированными (например, верхушки «служилого прибора» — детей боярских и так называемых сибирских дворян, а мелкие чиновники — и из податных сословий)[63]. Сибирским чиновникам-дворянам приходилось постоянно общаться с мещанами и купцами (а уездным чиновникам — с казаками и крестьянами). Их образовательный уровень был весьма низким; какого-либо дворянского общества с корпоративной этикой в рассматриваемый нами период среди них не сложилось, да и не могло сложиться.

Реализовать петровский идеал регулярного государства в Сибири было еще сложнее, чем в Европейской России. Злоупотребления губернаторов, воевод и других представителей местных властей отнюдь не прекратились. «Богомерзкие и проклятые корысти» «отъявленного грабителя» якутского воеводы камергера Ф. И. Жадовского (1730–1733), взяточничество и преступления иркутских вице-губернаторов А. Жолобова (1731–1733) и А. Плещеева (1734–1737) и многих других чиновников не сильно отличались от воеводского произвола XVII в. Появление в Сибири фискалатуры (деятельность этого контрольного института распространялась на всю территорию империи) мало способствовало улучшению ситуации.

В историю вошел грандиозный сыск по делу первого сибирского губернатора князя М. П. Гагарина, обвиненного в получении огромных взяток от подчиненных и населения, казнокрадстве, контрабандной торговле с Китаем и т. п. Можно сказать, что губернатором была организована своего рода коррупционная пирамида. Так, действовало негласное правило, по которому любой служилый человек при зачислении (поверстании) на службу или повышении в чине должен был дать взятку в размере годового оклада чиновнику, оформлявшему это продвижение. О масштабах преступной деятельности М. П. Гагарина свидетельствует тот факт, что благодаря ей государственный бюджет страны за 5 лет недополучил около полумиллиона рублей налогов и пошлин. Дело закончилось публичной казнью губернатора в 1721 г.[64], однако злоупотребления сибирских чиновников отнюдь не прекратились.

Официально губернаторам, воеводам и другим чиновникам запрещалось заниматься коммерческой деятельностью, однако многие активно занимались ею через подставных лиц. Особенно привлекательной была контрабандная торговля с Китаем. На этой торговле (вкупе с «обычными» взятками и поборами) иркутский вице-губернатор А. И. Жолобов за короткий срок нажил 35 000 руб.

Любопытно, что отличившийся при раскрытии злоупотреблений сибирских чиновников (в частности вышеупомянутого Жолобова) офицер А. М. Сухарев, став в 1742 г. губернатором, сам оказался замешан в различных махинациях и незаконных действиях (вплоть до тайной торговли с враждебной России Джунгарией). В течение 10 лет он фактически бесконтрольно управлял Сибирью,

---

[61] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое / Под ред. М. М. Сперанского: В 46 т. Т. X. СПб., 1830. № 7730. С. 696.

[62] *Ананьев Д. А.* Воеводское управление в Сибири в XVIII в.: особенности процесса бюрократизации // Отечественная история. 2007. № 2.

[63] См.: *Рафиенко Л. С.* Управление Сибирью в 20–80-е годы XVIII в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1968.

[64] В литературе и публицистике достаточно часто встречаются утверждения о том, что лично М. П. Гагарин не участвовал в инкриминировавшихся ему преступлениях, которые на самом деле совершали за его спиной его подчиненные, что следствие против него было делом рук его противников и завистников и т. п. Представляется, что говорить о том, что М. П. Гагарин не был связан ни с какими злоупотреблениями, нет оснований. Другое дело, что он был довольно типичным представителем правящей элиты того времени и его действия были в целом аналогичны действиям многих высших сановников, большинству которых не пришлось столкнуться с какими-либо неприятными последствиями.

держа в страхе все местное население и отвергая все выдвигавшиеся против него обвинения. Лишь после его отставки против него удалось начать следствие.

Д. И. Чичерин, пользовавшийся личным доверием и расположением Екатерины II и находившийся на губернаторском посту почти 20 лет, не только стремился укрепить в Сибири власть и порядок, но и не забывал о своих личных интересах. По свидетельству современника, «редкий год подвод пятьдесят, а иногда до ста» губернатор отправлял из Тобольска в свою московскую резиденцию. При этом губернатор открыто признавался, что он не дает хода поступающим к нему жалобам на его подчиненных и не наказывает их за разного рода нарушения, так как «людей к порядочному отправлению должностей он не имеет и <...> ежели кому что ко исправлению от него поручается, то редкой обойдется без шалости и на него без жалобы, так что по строгости законов за то бы их и наказывать надлежало, но к погублению людей будучи он несроден, приказывает по просьбам их следовать и возвращать обидимым все по их показаниям, а осуждение их оставляет впредь рассмотрения»[65].

Н. М. Ядринцев, приводя длинный список неблаговидных деяний сибирских чиновников XVIII в., отмечал: «Развитие злоупотреблений являлось следствием настолько же громадной власти, сосредоточенной в одних руках, насколько и полной бесконтрольности. Правители пока жили в Сибири, не боялись никого и ничего. Часто они не обращали внимания на царские указы и действовали наперекор им <...> Власть над личностью и имуществом была полная». Отсюда следовал горький вывод сибирского патриота: «Нигде самовластие не достигало таких размеров, нигде правители не являлись такими всемогущими, как в Сибири в прошлом [восемнадцатом] столетии»[66].

* * *

Управление заморскими владениями Парижа (особенно после введения в Новой Франции королевского управления) было организовано в целом аналогично управлению французскими провинциями при Старом порядке. При этом жители колонии считались точно такими же подданными короля, как и жители метрополии. В одной из инструкций Людовика XIV подчеркивалось, что «король рассматривает всех своих канадских подданных — от первых и до последних — почти как своих собственных детей и желает выполнить [свои] обязательства, дав им вкусить сладость и радость его царствования, так же как и тем, которые находятся в сердце Франции»[67].

По сравнению с метрополией административная система Новой Франции была несколько упрощена, однако для нее были характерны те же черты, что и для всей французской системы управления эпохи абсолютизма. Во-первых, это отсутствие какого-либо разделения властей (исполнительной, законодательной и судебной); во-вторых, известная путаница и чересполосица в компетенции различных чиновников; в-третьих, относительно слабый контроль за их деятельностью и большие возможности для разного рода злоупотреблений (особенно в условиях колонии). Как мы только что видели, и то, и другое, и, особенно, третье было характерно и для системы управления Сибирью. Сходство усиливало и то обстоятельство, что в Канаде, как и в Сибири, не было крупных привилегированных земельных собственников (сеньоры Новой Франции были немногочисленны, неродовиты и не пользовались большим влиянием в обществе, что объективно способствовало усилению власти чиновников).

Во главе Новой Франции стоял генерал-губернатор — королевский наместник. Он был личным представителем короля и соответственно подчинялся непосредственно королю. Несколько раз французские власти назначали так называемых Верховных Наместников или Вице-королей, которые теоретически должны были быть верховными управителями всех владений Парижа в Западном полушарии; однако этот институт не прижился и на систему управления североамериканскими колониями Франции практически не влиял. Исключением были два кратких периода: 1632–1635 гг., когда в Акадии находился Верховный наместник командор Изаг Разийи (кстати, приходившийся родственником кардиналу Ришелье) и 1665–1666 гг. — время пребывания в Канаде вице-короля маркиза де Траси.

[65] Цит. по: Сибирский губернатор Д. И. Чичерин. Рапорт обер-штерн-кригс-комисcара Г. М. Осипова императрице Екатерине II. 1779 г. // Исторический архив. 1996. № 3.

[66] *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. С. 347–348.

[67] Rapport de l'Archiviste de la Province de Québec pour les années 1930/1931. Québec, 1931. P. 5–15.

При генерал-губернаторе находился аппарат, состоявший из королевского лейтенанта, майора и его помощника. Кроме того, генерал-губернатору подчинялись все коменданты фортов. Он был обязан поддерживать порядок в колонии, следить за отправлением правосудия. Также он отвечал за отношения с индейцами, заключал с ними договоры, контролировал и координировал продвижение французов в глубь континента.

Генерал-губернатор был высшим военным руководителем Новой Франции, отвечал за оборону ее границ, осуществлял общее руководство войсками и милицией, рекомендовал кандидатов на все офицерские должности. Многие губернаторы и даже генерал-губернаторы лично принимали участие в боевых действиях. Так, в годы войны Аугсбургской лиги генерал-губернатор граф Фронтенак не только успешно оборонял Квебек от англичан (в 1690 г.), но и лично возглавил военную экспедицию против союзных Англии племен Лиги ирокезов (в 1696 г.), несмотря на свой весьма преклонный возраст и тяжелые условия похода.

Отчитываться генерал-губернатор должен был только перед властями метрополии, что он делал ежегодно, отправляя в Париж пространные многостраничные отчеты, которые, как установлено историками, в столице далеко не всегда внимательно читали. Однако последнее обстоятельство не мешало правительству регулярно отправлять генерал-губернатору и губернаторам подробнейшие инструкции, детально регламентировавшие практически все стороны жизни колонии. В своем стремлении к мелочному контролю и опеке парижская бюрократия не уступала московской.

Внешне генерал-губернаторы Новой Франции, как и сибирские воеводы, были окружены «ореолом власти». Прибытие нового генерал-губернатора в Квебек представляло собой пышную церемонию, в которой были задействованы все высшие светские и духовные лидеры колонии. Корабль, на борту которого находился вновь назначенный глава Новой Франции, швартовался у причала под звуки орудийного салюта. Группа чиновников поднималась на борт, чтобы приветствовать генерал-губернатора. Затем он торжественно сходил на берег, где были выстроены войска, которые отдавали ему такие же почести, какие полагались маршалам Франции. После этого в сопровождении интенданта генерал-губернатор направлялся в городской собор — там его встречал епископ и другие представители духовенства, которые приветствовали его от имени колонии, после чего они служили торжественную мессу.

На первый взгляд, полномочия канадских генерал-губернаторов и губернаторов во многом напоминали полномочия сибирских воевод допетровской эпохи. Однако между первыми и вторым имелось очень важное отличие, связанное с характером и структурой русской и французской систем управления того времени. Сибирский воевода был действительно единоличным правителем, действовавшим по поручению и от имени царя, и все остальные чиновники, офицеры, да и все население в целом (опять-таки за исключением некоторых высших церковных иерархов) должны были ему беспрекословно подчиняться. В Канаде помимо института генерал-губернаторов и губернаторов во французских владениях существовал институт интендантов (для всей Новой Франции) и исполнительных комиссаров (для отдельных колоний), в ведении которых находились вопросы юстиции, общего управления (police) и финансов. Интендант, резиденция которого, так же как и генерал-губернатора, находилась в Квебеке, был «оком и рукой короля». Он возглавлял высшую судебную инстанцию Новой Франции — Высший совет, следил за исполнением законов, ведал всеми казенными средствами, включая расходы на военные нужды. Интенданты в колониальной столице и подчинявшиеся им исполнительные комиссары на местах также занимались вопросами текущего управления, включая промышленность, торговлю, сельское хозяйство, снабжение войск, строительство и т. п. При интендантах также состоял особый штат подчиненных им чиновников (секретарей, писцов и др.).

При этом, хотя губернатор и был высшим должностным лицом в колонии и занимал более высокое положение, чем интендант, последний, что очень важно, не был непосредственно подчинен губернатору. Система управления Новой Франции, по выражению современных специалистов, была «двухголовой»[68], хотя положение и статус этих «голов» были различны. Это придавало ей известную гибкость, хотя порой и создавало трудности. Между губернаторами и интендантами часто возникали конфликты из-за того, что они не могли разделить между собой сферы управления. В официальных документах и инструкциях это было никак не прописано. Наоборот, имело место известное противоречие между властью губернатора — высшего руководителя колонии и интенданта, который мог вмешиваться во все сферы управления, используя находившиеся в его руках финансовые рычаги. Сюда же добавлялись многочис-

[68] См.: *Havard G.*, *Vidal C.* Histoire de l'Amérique Française. P. 152, 156.

ленные межличностные конфликты губернаторов и интендантов, в которых и тот, и другой часто опирались на складывавшиеся вокруг них партии / клиентелы. Кроме того, на это накладывалось имевшее место определенное соперничество между военными и гражданскими чиновниками, уроженцами колонии и выходцами из метрополии и т. п.

Так, в 1670-е годы генерал-губернатор граф Фронтенак конфликтовал с интендантом Ж. Дюшено из-за председательства в Высшем Совете; в 1690-е годы тот же Фронтенак неоднократно сталкивался с интендантом Ж. Шампиньи. В середине 1720-х годов губернатор Шарль де Боарне оказался в ситуации, когда интендант К.-Т. Дюпюи фактически узурпировал его полномочия, и потребовалось вмешательство Парижа, чтобы урегулировать ситуацию (надо сказать, что власти метрополии однозначно встали на сторону губернатора). В Луисбуре (администрация островов Иль-Руайяль и Сен-Жан) дважды, в 1720 и 1732 гг., имели место случаи, когда отношения местного губернатора и исполнительного комиссара были столь напряженными, что они не могли согласовать текст ежегодного отчета, предназначенного для отправки в Париж (в итоге посылалось два отдельных отчета). В Луизиане в 1710-е годы открыто враждовали губернатор Ля Мотт Кадийяк и исполнительный комиссар Ж.-Б. Дюкло.

Говоря о конфликтах представителей власти во Французской Америке, нельзя обойти вниманием междоусобицу в Акадии в конце 1630-х — первой половине 1640-х годов, когда борьбу за власть в этой небольшой периферийной колонии вели Шарль д'Онэ и Шарль де Ля Тур. Их конфликт во многом напоминал вышеупомянутое столкновение мангазейских воевод Г. Кокорева и А. Ф. Палицына. Между д'Онэ и Ля Туром произошло несколько настоящих сражений на суше и на море, в которых порой принимали участие сотни человек. При этом обе стороны постоянно апеллировали к властям метрополии, а Ля Тур даже попытался заручиться поддержкой соседних английских колоний. В конце концов, в апреле 1645 г. после ожесточенной трехдневной схватки д'Онэ удалось захватить оплот своего противника форт Сен-Жан и утвердить свою власть в колонии. Однако, как и в случае с мангазейскими воеводами, конфликт почти никак не сказался на карьере «побежденного» Ля Тура, который благополучно перебрался в Канаду, а затем, после смерти д'Онэ, смог реабилитировать себя в глазах властей и получить заветный пост губернатора Акадии.

Рассматривая персональный состав генерал-губернаторов и губернаторов, мы видим картину, во многом аналогичную сибирской. За единственным исключением (Пьер Риго де Водрёй — канадец во втором поколении) все генерал-губернаторы были уроженцами Франции. В своем подавляющем большинстве они были представителями «дворянства шпаги» и выходцами из старинных дворянских родов (правда, часто не слишком богатых). Из дворянства мантии происходили только Жан де Лозон (1651–1656 гг.) и соответственно его сын Шарль де Лозон-Шарни (временно исполнявший обязанности губернатора в 1656–1657 гг.). Среди генерал-губернаторов (особенно после 1663 г.) было немало морских офицеров (Л.-А. Лефевр де Ля Барр, Л.-Э. де Кальер, Водрёй-старший, Ш. де Боарне, Ла Галиссоньер, Ля Жонкьер, Дюкен).

Официально генерал-губернатор назначался, естественно, королем, однако на практике до 1663 г. подбор кандидатуры, как правило, осуществлялся руководством управлявшей Новой Францией торговой компании, а затем морским министром / государственным секретарем второй должности. Впрочем, бывали случаи, когда в борьбу за то или иное назначение включались другие лица из королевского окружения, и тогда решающее слово, конечно, оставалось за монархом. Так, в 1699 г., когда надо было назначить преемника графа Фронтенака, скончавшегося на своем посту годом раньше, морской министр Поншартрен предложил назначить генерал-губернатором Новой Франции близкого ему Филиппа Риго де Водрёя (Водрёя-старшего). Однако в дело вмешался первый секретарь короля — «держатель пера» Его Величества Филипп де Кальер, который «пролоббировал» назначение на генерал-губернаторский пост своего брата — губернатора Монреаля Луи-Эктора де Кальера (правда, после смерти последнего Водрёю-старшему в 1703 г. все же удалось занять кресло генерал-губернатора). Однако чаще министрам удавалось добиваться назначения на высшие посты в Новой Франции своих людей. Особенно это стало заметно как раз при Фелипо-Поншартренах. С этим могущественным и разветвленным «кланом» был тесно связан Фронтенак (по линии своей матери, урожденной Анн Фелипо де Поншартрен), семья Боарне, семья Водрёй.

Что касается интенданта, то на этот пост также всегда назначались только французы. Как правило, это были представители дворянства мантии («судейского сословия»), рекрутировавшиеся опять-таки из клиентелы морского министра. Так, Ф. де Боарне,

Ж. и А. Родо и М. Бегон, последовательно занимавшие пост интенданта Новой Франции в период с 1702 по 1726 г., приходились родственниками Жерому де Поншартрену.

Как и воеводство в разрядных сибирских городах, в Новой Франции пост генерал-губернатора довольно часто либо «венчал» карьеру военного, либо был одним из ее промежуточных (но никогда не начальных) этапов. В то же время имели место случаи последовательного «восхождения» по колониальной служебной лестнице вплоть до генерал-губернаторства.

«Обычные» губернаторские посты, как и должности уездных воевод, также часто рассматривались как награда за службу для небогатого офицера. На эти посты могли назначаться не только выходцы из метрополии, но и уроженцы колонии (четверо из одиннадцати губернаторов Луизианы были канадцами). Жалование генерал-губернатора в конце XVII в. составляло 24 000 ливров в год. Рядовые губернаторы получали существенно меньше (Э. де Грaнфонтен, губернатор Акадии в 1670–1673 гг. получал всего 2400 ливров в год). Кроме того, перед отправкой к новому месту службы губернаторы могли получать разного рода вспомоществования (например, в виде выкупа государством их должностей на льготных условиях, уплаты их долгов и т. п.).

В отличие от губернаторских постов, на должности интендантов часто назначались относительно молодые чиновники морского ведомства. Для них служба в Канаде была, с одной стороны, ступенью к дальнейшему продвижению по служебной лестнице в метрополии, а с другой, возможностью поправить свое материальное положение.

Как и в русской Сибири, во Французской Америке центральные власти не были заинтересованы в том, чтобы назначаемые ими администраторы прочно «оседали» на месте своей службы, обзаводились собственностью, включались в хозяйственную деятельность и в итоге «креолизировались». Однако в отличие от Сибири сроки службы губернаторов и интендантов в Новой Франции варьировались сильнее. Правда Компания ста участников в 1630-е — начале 1660-х годов давала назначаемым ей губернаторам полномочия сроком на три года, однако по их истечении губернатор мог быть переназначен на новый срок (что неоднократно происходило).

Некоторые администраторы находились на своих постах достаточно долго. Так, вышеупомянутый Филипп де Водрёй занимал пост генерал-губернатора Новой Франции 22 года (с 1703 по 1725 г.), а граф Фронтенак — 19 лет, правда с перерывом (в 1672–1682 и 1689–1698 гг.). Жиль Окар был интендантом 17 лет (в 1731–1748 гг.). В то же время на всем протяжении рассматриваемого нами периода было немало губернаторов и интендантов, срок службы которых ограничивался всего несколькими годами (см. рис. 6 и 7).

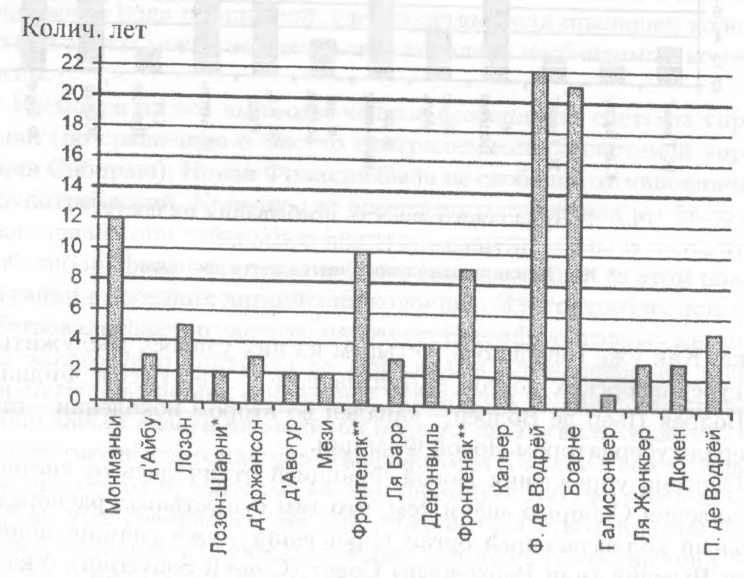

Рис. 6. Продолжительность пребывания на посту генерал-губернаторов Новой Франции

* Лозон-Шарни временно исполнял обязанности губернатора после отъезда своего отца во Францию

** Фронтенак занимал пост губернатора дважды

В 1719 г. французские власти издали специальный ордонанс, запрещавший чиновникам владеть плантациями в колониях. Этот ордонанс был в первую очередь адресован тем, кто служил на Антильских островах, но косвенно он имел отношение и к Северной Америке. Однако полностью предотвратить «креолизацию» колониальной администрации Новой Франции Парижу не удалось. Часть чиновников оседала в Канаде, завязывала прочные связи с формирующейся местной элитой. В свою очередь, с конца XVII в. уроженцы долины р. Св. Лаврентия уже сами начали играть определенную роль в управлении североамериканскими владениями Па-

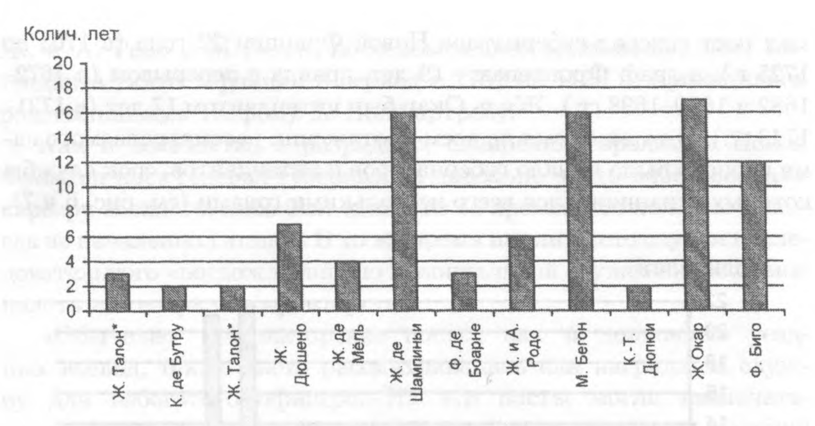

Рис. 7. Продолжительность пребывания на посту интендантов Новой Франции

* Ж. Талон занимал пост интенданта дважды

рижа. Как уже говорилось, четырем из них удалось дослужиться до губернаторских постов в Луизиане, а в 1754 г. сын Филиппа де Водрёя Пьер де Водрёй — канадец во втором поколении — стал генерал-губернатором Новой Франции.

Система управления Новой Францией отличалась от системы управления Сибирью еще и тем, что там существовал распорядительный коллегиальный орган управления — уже упоминавшийся нами Высший (или Верховный) Совет (Conseil Souverain). Указ о его создании был издан в апреле 1663 г. по инициативе Кольбера. Первоначально этот совет состоял из 8 человек: губернатора, епископа, королевского прокурора и еще пяти членов, которых губернатор и епископ должны были назначать «в добром согласии»[69]. В дальнейшем число членов совета было увеличено до 12; в частности, в его состав стал входить интендант колонии.

Высший Совет выполнял приблизительно те же функции, что и французские парламенты того времени. Он обладал правом регистрировать королевские законы и ордонансы, а также играл роль суда последней инстанции по всем уголовным и гражданским делам, за исключением небольшой группы особо тяжких преступлений, «требующих вмешательства короля» («recours au roi»). С

[69]Canadian Historical Documents Series: In 3 Vols. Vol. 1: The French Régime / Ed. by C. Nish. Scarborough, 1965. P. 51.

1675 г. в ведение Высшего Совета перешли также вопросы, связанные с землевладением.

Компетенция Высшего Совета никак не пересекалась с компетенцией губернатора и интенданта и не ограничивала их власть и полномочия. Однако сам факт наличия такого коллегиального органа объективно служил сдерживающим фактором для обоих высших должностных лиц колонии. Параллельно Высший совет служил своего рода площадкой, где представители правящей колониальной элиты могли встречаться и находить необходимые компромиссы.

Несмотря на все вышеотмеченные особенности системы управления (по сравнению с жестко централизованной системой управления Сибирью), Новая Франция была не свободна от чиновничьих злоупотреблений. Конечно, до воеводского произвола им было далеко, однако они также были весьма многочисленны и колоритны особенно на фоне существенно более благополучной (в этом плане) ситуации в соседних английских колониях. Злоупотреблениям способствовали фактор расстояния, отсутствие эффективных механизмов какого-либо контроля за действиями администрации сверху или снизу, специфика социальной структуры колонии, объективно усиливавшая власть чиновников (еще А. де Токвиль отметил, что «отсутствие высших классов ставит жителя Канады в еще большую зависимость от правительства, чем француза того же времени»)[70].

Как уже говорилось, многие губернаторы и интенданты стремились использовать свое положение для личного обогащения. Это делалось, в основном, двумя путями: либо участие в торговле пушниной (в том числе и в нелегальных сделках), либо разного рода финансовые махинации.

Одним из первых губернаторов, пошедших по первому пути был Жан де Лозон. Будучи тесно связан с Компанией ста участников (он сам стоял у истоков ее создания), Лозон попытался поставить всю торговлю пушниной в Новой Франции под свой контроль (как мы помним, само французское государство в мехоторговле не участвовало). В 1654 г. он издал распоряжение, запрещающее всем жителям колонии торговать с индейцами без специального письменного разрешения от губернатора (congé), получить которое было весьма непросто. В то же время активную коммерческую деятельность развернули его собственные агенты.

[70]*Токвиль А.*, де. Старый порядок и революция. М., 1997. С. 205–206.

Впоследствии в различных торговых сделках участвовали даже такие выдающиеся фигуры, как Фронтенак и Водрёй-старший. Еще более активно разного рода коммерческой деятельностью занимались «рядовые» губернаторы. Так, Николя Перро в бытность губернатором Монреаля успешно конкурировал в пушном бизнесе с самим генерал-губернатором Фронтенаком. Последнему удалось сместить чересчур зарвавшегося конкурента с должности, арестовать и отправить во Францию, где тот должен был предстать перед судом. Однако благодаря поддержке влиятельных родственников в метрополии Перро удалось не только избежать суда, но и получить новое назначение — на сей раз губернатором Акадии. Там Перро проявил себя с самой худшей стороны. Его управление этой колонией (к счастью, не слишком продолжительное) вошло в историю Акадии как время анархии, беспорядка и злоупотреблений. По словам французского путешественника того времени барона Ля Онтана, «Перро <...> сделал своим главным занятием пополнение своего собственного кошелька»[71]. Действительно, губернатор нелегально занимался торговлей с соседними английскими колониями, сбывая туда дефицитные французские товары (официально торговля с Английской Америкой была запрещена), продавал тем же англичанам лицензии на право торговать и ловить рыбу во французских владениях. Он также активно скупал пушнину у индейцев и при этом использовал свое служебное положение для устранения конкурентов (одного из них он просто арестовал и несколько месяцев продержал в тюрьме под надуманным предлогом[72]). Однако больше всего современников поразило то, что, «вообразив себя единственным торговцем в Акадии», Перро занялся розничной торговлей спиртным в своем собственном доме, «лично отмеряя на глазах у иностранцев пинты и полупинты бренди»[73]. В последнем случае напрашивается прямая параллель с вышеупомянутым «продажным вином» Кокорева мл. в Мангазее.

От начальников не отставали их подчиненные. В 1702 г. миссионер Этьен де Карей писал интенданту Шампиньи, что в западных фортах незаконно продается спиртное, процветает спекуляция, проституция, азартные игры, а их коменданты не только закрывают на это глаза, но и сами участвуют в этом и потворствуют этому, так как извлекают из этого выгоду[74].

По второму «финансовому» пути чаще шли интенданты (им это было проще уже в силу специфики сферы их компетенции). Так, крупные финансовые аферы проводили интендант М. Бегон и исполнительный комиссар Луисбура Л. Вергор. Однако всех превзошел последний интендант Новой Франции Франсуа Биго́, сколотивший за время своей службы в колонии совершенно фантастическое по тем временам состояние — 29 миллионов ливров![75] Это ему удалось в результате махинаций с поставками различных товаров для казенных нужд (прежде всего продовольствия войскам в годы Семилетней войны). Вместе с группой сообщников (многие из которых также стали миллионерами) Биго́ умудрялся продавать казне по многократно завышенным ценам одни и те же партии товаров по многу раз. Генерал-губернатор колонии Пьер де Водрёй закрывал глаза на подобную деятельность своего «коллеги» и всячески выгораживал его перед властями метрополии. Делал он это, естественно, небескорыстно — он также нажил колоссальную сумму — около 23 миллионов ливров. В итоге все дело закончилось грандиозным скандалом, следствием и судебным процессом, вошедшим в историю как «канадское дело».

* * *

Административная система Английской Америки не была однородна, так же как не была однородна сама Английская Америка, состоящая из полутора десятков отдельных колоний. Безусловно, говоря об организации управления колониями на Атлантическом побережье США, можно выделить ряд общих черт, которые отличали эти колонии и от Сибири, и Новой Франции, и от других владений Лондона на Североамериканском континенте. В свою очередь, последние (т. е. все английские колонии на территории Канады) по своему административному устройству были по некоторым показателям сходны с территориями, находившимися под управлением Москвы / Петербурга и Парижа.

[71] *La Hontan L.-A. de Lom d'Arce,* baron de. Voyages dans l'Amérique Septentrionale. T. II. La Haye, 1905. P. 29.

[72] *Parkman F.* France and England in North America: In 2 Vols. Vol. 2. New York, 1983. P. 249.

[73] *Lanctôt G.* A History of Canada: In 3 Vols. Vol. 2: From the Royal Régime to the Treaty of Utrecht, 1663–1713. Cambridge (Mass.), 1963. P. 171.

[74] *Frégault G.* Le XVIII-e siècle canadien: Etudes. Montréal, 1968. P. 90.

[75] О его деятельности подробнее см.: *Frégault G.* François Bigot, administrateur français. Ottawa, 1946.

В большинстве колоний-провинций (т.е. королевских и собственнических), как правило, имелись три основных органа управления: губернатор (назначаемый короной или лордами-собственниками), совет (также практически везде назначаемый) и ассамблея или палата представителей (избираемая населением). Внешне это был как бы слепок с британской системы управления, основные элементы которой составляли соответственно король, палата лордов и палата общин. Однако соотношение полномочий этих трех колониальных властных институтов заметно отличалось от британского оригинала[76].

Губернатор как представитель высшей власти обладал весьма широкими полномочиями. Он руководил всеми текущими делами и отвечал за проведение в жизнь инструкций властей метрополии. Губернатор командовал колониальной милицией, назначал чиновников, шерифов графств и т. п. Часто, особенно на первых порах, губернаторы выполняли различные обязанности, связанные с хозяйственной и коммерческой деятельностью (а иногда и затрагивавшие духовную сферу). В колонии Дэлавер губернатору принадлежало даже архаичное право наследования выморочных состояний. Губернаторы обладали также широкими полномочиями в законодательной и судебной сферах. Они созывали и распускали колониальные ассамблеи, а также имели право приостановить их деятельность и наложить вето на их решение. Губернаторы также создавали суды, назначали судей, имели право амнистии и помилования.

Однако в Английской Америке губернаторы не контролировали финансы, которые находились в ведении представительных органов. Это отчасти сближало их с генерал-губернаторами Новой Франции (которые тоже не заведовали финансами колонии) и в то же время отличало от сибирских губернаторов и воевод.

Колониальные советы чаще всего состояли из 12 членов, как правило, уроженцев колонии — представителей формирующейся местной элиты. Однако эта элита, конечно, заметно отличалась от наследственной земельной аристократии, которая была широко представлена в английской палате лордов. Функции советов были троякого рода: во-первых, советы были консультативными органами при губернаторах; во-вторых, они являлись «верхними палатами» местных легислатур (во всех колониях кроме Джорджии, а также Пенсильвании, где совета не было вообще); в-третьих, в ряде колоний советы представляли собой высшую судебную инстанцию. Последнее, безусловно, роднило их с Высшим советом Новой Франции. Как уже отмечалось, в большинстве колоний-провинций советы назначались, и только в Массачусетсе, когда он стал королевской колонией, совет выбирался ассамблеей.

[76]Подробнее см.: *Согрин В. В.* Политическая власть, демократия и олигархия в Северной Америке колониального периода // Новая и новейшая история. 2001. № 1.

Колониальные ассамблеи (нижние палаты легислатур) были представительными и законодательными органами. Их выбирало население колоний. Конечно, избирательно право в то время нигде не было всеобщим — оно принадлежало только мужчинам и было ограничено имущественным и вероисповедальным цензами. В разных колониях цензы были различные: в одних ценз устанавливали губернаторы, в других он был прописан в хартиях, в третьих господствовало фактически всеобщее избирательное право для всех, кто попадал в категорию «freeman» или «freeholder»[77]. Специалисты высказывают различные мнения по поводу того, какой процент населения в Английской Америке пользовался избирательными правами — оценки колеблются в пределах 50–75% (взрослых белых мужчин). При этом надо иметь в виду, что на кандидатов в депутаты накладывались более жесткие ограничения, и соответственно быть избранным в Ассамблею мог еще меньший процент населения.

Официально законодательная власть принадлежала ассамблеям не в полном объеме — на их решения мог наложить вето губернатор, а, кроме того, их вступление в силу могло быть задержано короной. Однако у ассамблей был чрезвычайно важный «козырь» — исключительное право облагать местное население налогами и вотировать бюджет колоний. С его помощью они могли достаточно эффективно влиять на политику губернаторов (которым они, кроме всего прочего, устанавливали жалование) и в целом воздействовать на различные сферы управления (в том числе и те, которые официально находились в исключительной компетенции исполнительной власти). На этой почве во многих колониях между губернаторами и ассамблеями регулярно возникали конфликты, однако, как правило, они заканчивались компромиссами (губернатору выделялись требуемые им средства, а за это он не препятствовал принятию

[77]Подробнее см.: *Bishop C. F.* History of Election in the American Colonies. New York, 1893. P. 46–47.

тех законов, на которых настаивала ассамблея, осуществлял назначения с ее согласия и т. п.). Бывали и более вопиющие случаи, когда под давлением ассамблей губернаторам приходилось идти на прямое нарушение королевских инструкций. В то же время есть множество примеров того, как губернаторы различными способами оказывали давление на ассамблеи. Кстати, последним на всем протяжении колониального периода так и не удалось добиться принятия закона о проведении регулярных выборов, что было чрезвычайно важно для обеспечения их стабильного положения.

В ряде периферийных английских колоний-провинций представительных органов либо вообще не было, либо они появились с заметным опозданием. Так, в основанной в 1732 г. Джорджии представительный орган был создан двадцать лет спустя — в 1752 г. В Новой Шотландии, которая в 1713 г. окончательно перешла под власть англичан, ассамблея вообще появилась только в 1758 г. Любопытно, что в последнем случае ассамблея (кстати, старейший представительный орган Канады) была создана не на основании парламентского акта, а согласно королевской инструкции. Соответственно до этого времени управление Новой Шотландией было сосредоточено в руках губернатора и назначаемого им совета. В целом до начала 1750-х годов порядки в этой колонии более всего напоминали вышеописанную систему колониального управления, существовавшую во французских (а отчасти и в русских) владениях. Что касается «далекой периферии» — малонаселенных Ньюфаундленда и владений Компании Гудзонова залива, то там на всем протяжении рассматриваемого нами периода никаких представительных органов не было вообще.

На самом Атлантическом побережье в небольших колониях политическая власть часто оказывалась под контролем очень узкой группы представителей местной элиты, державшей в своих руках и губернаторский пост, и совет, и ассамблею. Так, в Нью-Гемпшире в XVIII в. господствующее положение занимал клан Уэнтуортов. Еще в 1717–1730 гг. администрацию этой колонии (в ранге лейтенант-губернатора) возглавлял Джон Уэнтуорт; в 1741–1766 г. первым королевским губернатором Нью-Гемпшира был его сын Беннинг Уэнтуорт, а затем в 1767–1675 гг. — Джон Уэнтуорт-младший (внук Джона и племянник Беннинга). В 1740-е — первой половине 1770-х годов Уэнтуорты через своих людей практически полностью контролировали и ассамблею, и администрацию этой колонии.

В крупных южных колониях (в обеих Каролинах и особенно

в Вирджинии) местная плантаторская верхушка прочно закрепилась в колониальных советах и превратила их в инструмент своего влияния как на законодательную, так и на исполнительную власть (поскольку советы одновременно были одной из ветвей легислатур и имели административные полномочия). С наибольшей силой это проявилось на рубеже XVII–XVIII вв. В такой ситуации губернаторам для того, чтобы проводить свою линию, приходилось искать поддержки у колониальных ассамблей. Так, наиболее деятельные губернаторы этого периода Ф. Никольсон и А. Спотсвуд достаточно успешно изображали себя «защитниками народа» от «олигархического правления»[78].

В корпоративных колониях система управления была гораздо более демократичной. Там в наиболее чистом виде соблюдался принцип разделения властей. В Род-Айленде, Коннектикуте и до 1686 г. в Массачусетсе, а также в Новом Плимуте и Нью-Хейвене (до их объединения с Массачусетсом) губернаторов и других руководителей избирало население (сначала напрямую, а потом через своих представителей). В целом полномочия представительных органов в этих колониях были весьма широки. Так, согласно первой хартии Массачусетса (1629 г.) «Общее собрание» фрименов, созывавшееся четыре раза в год, могло вводить налоги, принимать законы, расширять состав фрименов и т. п. Уже в первые десятилетия существования колонии наметилось известное противостояние губернатора и «Общего собрания», отстаивавшего свои права. В 1641 г. «Общим собранием» был одобрен «Свод законов» Массачусетса, не только вводивший четкие общеобязательные юридические нормы, но и существенно ограничивавший сферу компетенции губернатора и всей исполнительной ветви власти. Позднее, когда Массачусетс получил новую хартию и стал королевской колонией (1691 г.), он сохранил многие прежние демократические завоевания.

В другой корпоративной колонии — Коннектикуте — в начале 1639 г. были приняты так называемые Основные законы (Fundamental Orders), представлявшие собой фактически полноценную писаную конституцию, вводившую режим, более всего напоминающий парламентскую республику. Представительный орган — Общее собрание — избирал губернатора и членов магистрата, прини-

[78] См.: *Abbot W. W.* The Colonial Origins of the United States: 1607–1763. New York; London; Sydney; Toronto, 1975. P. 82.

мал законы и постановления. В свою очередь, губернатор и другие должностные лица были подотчетны и подконтрольны общему собранию. О королевской власти в Основных законах нигде не упоминалось. В целом аналогичная ситуация сложилась в Род-Айленде, где также был установлен весьма либеральный режим. В частности, там впервые была узаконена достаточно широкая (для того времени) веротерпимость.

Правда, положение Коннектикута и Род-Айленда поначалу было довольно уязвимым, так как они, по сути, были самопровозглашенными образованиями, не имевшими какой-либо правовой связи с Англией. Однако в начале 1660-х годов обе эти колонии смогли получить соответствующие королевские хартии и при этом сохранить все свои основные демократические завоевания.

Важным элементом, связывающим колониальные администрации английских колоний и органы власти метрополии, был институт так называемых колониальных агентов, который начал вводится на постоянной основе в последние десятилетия XVII в. (эпизодически представители колоний направлялись в Лондон и раньше). Эти агенты представляли колонии и отстаивали их интересы в различных правительственных учреждениях (прежде всего в соответствующих комитетах Тайного совета). Агентами, как правило, назначались наиболее авторитетные и влиятельные представители колониальной верхушки (например, в 1688–1692 гг. интересы Массачусетса в Лондоне представлял выдающийся проповедник, один из религиозных лидеров колонии Инкриз Мэзер). Аналогов этому институт ни в русской, ни во французской системе колониального управления не было.

Безусловно, системы управления, существовавшие в корпоративных колониях, не были свободны от недостатков (достаточно вспомнить о весьма жестком теократическом режиме, господствовавшем в Массачусетсе с момента создания колонии до начала 1690-х годов). В то же время нельзя не признать, что для своей эпохи они были весьма передовыми и, конечно, имели мало общего с порядками, существовавшими в других рассматриваемых нами регионах.

Однако некоторые институты управления в Английской Америке вполне могут быть сопоставлены с аналогичными институтами, имевшимися в русских и французских владениях рассматриваемого нами периода. Так, представляет интерес сравнение происхождения, статуса, характера поведения и т. п. английских колониальных

губернаторов (прежде всего колоний-провинций) и их «коллег» из Сибири и Новой Франции.

В частности, если говорить о происхождении губернаторов североамериканских владений Лондона, то нужно отметить, что среди них встречались как представители высшей аристократии, так и выходцы из «среднего звена» правящего класса, а иногда даже люди из «низов». Титулованные особы чаще возглавляли администрации крупнейших колоний-провинций (Нью-Йорка, Вирджинии). В списке губернаторов Нью-Йорка фигурируют звучные имена Ричарда Кута, второго графа Белломонта; Эдварда Хайда, виконта Корнбери и впоследствии третьего графа Кларендона; Томаса Донгана, второго графа Лимерик и т. д. В Вирджинии одним из первых губернаторов был Томас Уэст, барон Де Ла Варр; позднее колонию возглавляли Томас Коулпепер, второй барон Коулпепер-оф-Торсуэй; Фрэнсис Хауард, пятый барон Хауард-оф-Эффингем и т. д.

Правда, бывали случаи, когда аристократы голубых кровей предпочитали, получив назначение, оставаться в Лондоне, а не плыть в далекий Новый Свет. В частности, так поступили назначенные губернаторами Вирджинии фельдмаршал Джордж Дуглас-Гамильтон, первый граф Оркнейский, и Виллем Ван Кеппел, второй граф Албемарл. В результате эта колония 46 лет — с 1710 по 1756 г. — управлялась лейтенант-губернаторами. Многие другие губернаторы (не только Вирджинии) появлялись в управляемых ими колониях лишь эпизодически. Так, Ричард Филипс официально находился в должности губернатора Новой Шотландии 32 года — с 1717 по 1749 г., однако за все это время он нанес туда лишь два кратких визита: в 1720–1722 и 1729–1731 гг.

В собственнических колониях губернаторами порой становились сами собственники или их родственники (прежде всего это относится к Мэриленду, за который цепко держалась семья Кэлвертов, отчасти — к Пенсильвании и Джорджии). В большинстве средних и мелких колоний-провинций состав губернаторов был более пестрым. То же самое можно сказать и о корпоративных колониях.

Уже в конце XVII в. исполняющими обязанности губернаторов (acting-governors), а иногда и губернаторами стали становиться уроженцы колоний. Наиболее ярким примером восхождения выходца из низов колониального общества к вершинам власти может служить история Уильяма Фипса, который родился в семье мелкого торговца в Мэне, в юности (по некоторым данным) был пастухом,

потом 4 года служил в подмастерьях у плотника и только в зрелом возрасте научился читать и писать. Однако благодаря своему упорству и не в последнюю очередь редкой удаче (ему посчастливилось найти на Багамах затонувший корабль с грузом золота), он смог сделать блестящую карьеру и в 1692 г. стал первым королевским губернатором Массачусетса.

В дальнейшем назначение уроженцев колонии на губернаторские посты стало достаточно распространенной практикой. В XVIII в. из десяти губернаторов Массачусетса четверо были его уроженцами. Сходной была ситуация в Нью-Гемпшире и Нью-Джерси после того, как в эти колонии стали назначаться отдельные губернаторы (до начала XVIII в. эти две колонии, как правило, управлялись губернаторами Массачусетса и Нью-Йорка соответственно, которые были представлены там лейтенант-губернаторами). Так, первым губернатором Нью-Гемпшира стал член господствующего местного клана, уже упоминавшийся нами Беннинг Уэнтуорт, а первым губернатором Нью-Джерси — его уроженец Льюис Моррис. Даже в Нью-Йорке в первой половине XVIII в. исполняющими обязанности губернатора несколько раз становились представители местной весьма разнородной по своему происхождению элиты: Рип Ван Дам, Джеймс ДеЛансей и др.

Назначение губернаторов королевских колоний было прерогативой короны. В собственнических колониях губернаторы, назначаемые лордами-собственниками, также должны были быть утверждены монархом. С конца XVII в. губернаторы королевских колоний обычно назначались по рекомендации Совета по торговле и колониям. При этом, как и в других рассматриваемых нами случаях, подбор кандидатур в значительной степени зависел от различных субъективных факторов. Так, пост губернатора Нью-Йорка при Якове II занимали близкие ему роялисты (Ричард Николс, Френсис Лавлейс). Джону Монтгомери этот пост достался по прихоти Георга II. Джордж Клинтон возглавил Нью-Йоркскую администрацию благодаря поддержке влиятельнейшего министра герцога Ньюкасла (с которым состоял в родстве его старший брат) и т. п. Подобная практика не осталась незамеченной для современников, которые обратили внимание на то, что «губернаторские посты обычно получаются по благоволению влиятельных людей по отношению к зависимым от них приближенным или родственникам, и они порой даются лицам, которые вынуждены делить доходы от них с теми [лицами], посредством которых эти посты были получены. Способность этих людей к губернаторству редко принимается во внимание»[79].

Продолжительность пребывания того или иного лица на посту губернатора могла варьироваться в зависимости от ситуации. Официальное ограничение сроков пребывания на губернаторском посту вводилось редко (в первые годы своего существования Вирджинская компания установила трехгодичный срок пребывания на губернаторском посту; он мог быть продлен по решению компании, но не более чем еще на три года). Более распространенными были случаи, когда инструкции четко определяли конкретный срок того или иного губернаторства, однако еще чаще встречалась традиционная английская формулировка «пока угодно Королю» («during the King's pleasure»). Бывали (хотя и редко) случаи официально пожизненного назначения на губернаторский пост. В частности, в 1675 г. пожизненные полномочия губернатора Вирджинии получил Томас Коулпепер (правда, несмотря на это, в 1683 г. король был вынужден сместить его с этого поста). Пожизненными полномочиями обладал еще один губернатор Вирджинии лорд Де Ла Варр (хотя на самом деле он руководил колонией очень не долго), а также один из губернаторов Нью-Джерси — Роберт Барклэй.

На практике продолжительность пребывания на губернаторском посту зависела от многих факторов — ситуации при дворе (часто после воцарения нового монарха происходила более или менее массовая смена губернаторов), деятельности самого губернатора и его покровителей, смены партий в метрополии и т. п. Все это приводило к известной нестабильности положения губернаторов, которые могли потерять место в любой момент (например, Уильям Бёрнет, весьма успешно руководивший администрацией Нью-Йорка, был смещен со своего поста, как только король пожелал назначить туда своего протеже Монтгомери).

Также бывали случаи, когда один и тот же человек последовательно занимал губернаторские посты в разных колониях. Так, в период с 1687 по 1719 г. Фрэнсис Никольсон последовательно побывал на посту лейтенант-губернатора Нью-Йорка, губернатора Нью-Йорка, лейтенант-губернатора Вирджинии, губернатора Мэриленда, губернатора Вирджинии, губернатора Новой Шотландии! Вышеупомянутый Уильям Бёрнет сначала был

[79] Цит. по: *Greene E. B.* The Provincial Governor in the English Colonies of North America. Cambridge (Mass.), 1898. P. 46–47.

губернатором Нью-Йорка и Нью-Джерси, а затем Массачусетса и т. п.

Как уже говорилось, жалование губернатора в большинстве колоний определялось местной ассамблеей и выплачивалось из местных налогов (иногда выплаты были ежегодными, иногда — единовременными). Только в Вирджинии и Мэриленде по условиям их хартий ассамблеи были обязаны выделять средства на содержание колониальных администраций (в первом случае королю, во втором — лорду-собственнику) и таким образом не могли серьезно влиять на финансовое положение губернаторов. Суммы губернаторского жалования были различными. Так, в Вирджинии и Нью-Йорке губернаторы ежегодно получали по 2000 фунтов. В остальных колониях жалование было вполовину меньше — обычно около 1000 фунтов. Правда, что немаловажно, жалование губернаторам всегда выплачивалось в звонкой монете. Кроме того, колониальные ассамблеи могли выделять губернаторам дополнительные средства за особые заслуги, за дополнительную службу, в качестве подарка и т. п. Иногда губернаторам выделяли товары (прежде всего табак) или земли (хотя королевские инструкции запрещали это). Кроме того, губернаторы во многих колониях получали дополнительные доходы от многочисленных сборов. Губернаторам платили за составление официальных писем, выдачу корабельных сертификатов, городских патентов, судейских лицензий, разрешений на покупку индейских земель, разрешений на совершение дальних заморских плаваний и даже за исправление ошибок на официальных документах. Причем вначале эти сборы не были фиксированы — они собирались «по английскому обычаю», что часто становилось источником злоупотреблений. В дальнейшем были установлены твердые ставки (от 3 до 20 шиллингов).

Что касается злоупотреблений английских колониальных губернаторов и других колониальных чиновников, то в рассматриваемый нами период они имели место, хотя в целом были менее масштабными, чем лихоимства и произвол сибирских воевод или миллионные махинации интенданта Биго и его приспешников.

Губернаторов Английской Америки периодически обвиняли во взяточничестве, казнокрадстве, а также «тираническом правлении». Наиболее одиозной фигурой традиционно считается виконт Корнбери, в 1701–1708 гг. занимавший пост губернатора Нью-Йорка и Нью-Джерси. Это был представитель аристократической верхушки: его дедом по отцовской линии был граф Кларендон — известный государственный деятель и историк, занимавший при Карле II пост лорда-канцлера и написавший одну из первых работ по истории английской революции; по другой линии Корнбери приходился двоюродным братом самой королеве Анне. Его карьера развивалась весьма успешно, чего, однако, нельзя было сказать о его финансовых делах. Именно желание поправить свое состояние и заставило Корнбери стремиться к получению губернаторского поста в Америке. Прибыв в Нью-Йорк, он сразу же стал добиваться от Ассамблеи выделения ему дополнительного вознаграждения. Благодаря поддержке нью-йоркских аристократов, ему удалось получить в качестве подарка 2000 фунтов. Этого Корнбери было явно мало, и он активно занялся разного рода махинациями. В это время шла война с Францией, и Ассамблея выделяла губернатору значительные суммы на военные расходы. Немалую часть этих денег Корнбери удалось прикарманить. Губернатор активно участвовал в земельных спекуляциях, брал взятки, притеснял неугодные ему религиозные общины. Особую скандальную известность Корнбери принесло его шокирующее поведение — на нескольких официальных церемониях губернатор появился в женском платье, объясняя свое поведение тем, что, будучи представителем королевы Анны, он должен как можно больше походить на нее. В итоге под давлением колониальных ассамблей и Нью-Йорка, и Нью-Джерси, заявивших протест (ремонстрацию) по поводу деятельности Корнбери, он был снят со своего поста и с большим трудом избежал долговой тюрьмы, куда его хотели посадить кредиторы. Позднее сами жители Нью-Йорка отмечали, что у них «никогда не было губернатора, которого бы столь единодушно ненавидели»[80]. Историки также оценили его весьма строго: «тщательное рассмотрение курса администрации Корнбери в Нью-Йорке превращает в реальность легенду, которая представляет его как расточителя, взяточника, нетерпимого угнетателя, пьяницу и самодовольного глупца»[81].

Другого губернатора Нью-Йорка, Уильяма Косби, обвиняли в незаконном захвате земель, назначении его приближенным

---

[80] См.: Dictionary of American Biography: In 23 Vols. / Ed. by A. Johnson and D. Malone. New York, 1957. Vol. II. P. 442.

[81] *Spenser Ch. W.* The Cornbury Legend // Proceedings of the New York State Historical Association. 1914. Vol. XIII. P. 309. Впрочем, недавно была предпринята попытка пересмотреть деятельность Корнбери (особенно связанную с его скандальным переодеванием); см.: *Bonomi P. U.* The Lord Cornbury Scandal: The Politics of Reputation in British America. Chapel Hill; London, 1998.

«неоправданно высокого» жалования, присвоении налогов, а также преследовании его противников (в том числе аресте редактора и издателя критиковавшей его газеты). Впрочем, против Косби в Нью-Йорке быстро сформировалась достаточно мощная оппозиция во главе с видными представителями местной элиты, и в итоге губернатору пришлось несколько умерить свой пыл.

Объективно для злоупотреблений больше возможностей было у губернаторов небольших периферийных колоний. Так, в Нью-Гемпшире уже известный нам Беннинг Уэнтуорт получал от своей «карманной» ассамблеи крупные денежные суммы (только в 1742 г. ему было выделено 6500 фунтов). В Новой Шотландии в 1710–40-е годы расквартированным там войскам и местным чиновникам регулярно недоплачивали жалование, — скорее всего, «сэкономленные» таким образом средства уходили в карман губернатора Филипса.

* * *

Сравнивая деятельность чиновников и всю систему управления в Сибири, Новой Франции и Английской Америке, безусловно, следует помнить о том, что мы имеем дело с разными типами организации власти, соответствующими разному уровню социально-экономического и политического развития метрополий. В то же время во всех трех случаях мы в той или иной мере сталкиваемся с элементами бюрократической системы управления, характерной для абсолютистского дворянско-чиновнического государства. Из трех рассматриваемых нами случаев в наиболее чистом виде эта система существовала в североамериканских владениях Парижа (особенно после 1663 г.). К ней были близки и некоторые периферийные английские колонии. Впрочем, в большинстве приатлантических колоний система управления приобретала черты, характерные для парламентского конституционного строя, утверждавшегося в это время на берегах Туманного Альбиона, а в некоторых из них (прежде всего в корпоративных колониях) установились и более передовые по сравнению с метрополией порядки. Иначе говоря, порядок управления в основной части Английской Америки соответствовал в том числе и более высокой ступени общественного развития, на которой в то время находилась Англия и ее «продолжение» по другую сторону Атлантического океана. Понятно, что уровень гражданских прав и свобод в Английской Америке просто не с чем сравнивать ни в Новой Франции, ни тем более в Сибири. В

то же время отдельные элементы вышеупомянутой бюрократической системы (например, наличие губернаторов, назначаемых короной по своему усмотрению) присутствовали практически во всей Английской Америке.

В русской Сибири до начала XVIII в. мы имеем дело с системой воеводского управления, в которой бюрократические черты сочетались с более архаическими, которые можно условно назвать *дорационально-бюрократическими.* К последним можно отнести и «бескрайний» характер воеводских полномочий, и специфику организации и функционирования всей административной системы (а также ее некоторую хаотичность), и присутствие многих элементов кормленческой практики, и засилье местнических подходов, и специфику правительственного контроля и т. д. Не случайно отечественные исследователи отмечают, что «воеводский аппарат XVII в. не представлял обезличенной структуры, основанной на четком разделении функций и иерархии должностей»[82]. Петровские преобразования способствовали ускорению перехода к рационально-бюрократической модели управления Сибирью (как и всей Россией). Однако вплоть до конца рассматриваемого нами периода отдельные элементы и / или черты прежней системы продолжали существовать. Таким образом, можно сказать, что система управления русскими владениями в Северной Азии до начала XVIII в. находилась в процессе подъема на ту ступень, на которой к тому времени была система управления Новой Францией, а затем окончательно утвердилась там (сохраняя при этом ряд особенностей).

В свое время А. де Токвиль обратил внимание на то, что «в Канаде не существовало препятствий, явно или скрыто противопоставляемых свободному развитию правительственного духа предшествующим историческим или социальным развитием <...> Ничто не препятствовало здесь центральной власти развивать свои естественные наклонности и придавать всем законам вид, сообразный ее собственному духу»[83]. В этом же ключе современный канадский историк П. Моог констатировал: «Французские колонии в Америке были идеальным объектом для централизаторского рвения королевской администрации. Колонии были практически чистым листом, на котором король мог изобразить все свои идеалы.

[82] Власть в Сибири... С. 68.
[83] *Токвиль А.*, де. Старый порядок и революция. С. 204–205.

Здесь не было старинных традиций, которые пришлось бы ломать, здесь среди европейских поселенцев (за исключением духовенства) было мало тесно спаянных групп интересов вроде старой феодальной знати или муниципальных корпораций, чтобы сопротивляться централизованному королевскому управлению»[84]. По всей видимости, эти утверждения можно также отнести к Сибири, а отчасти и к Английской Америке.

Действительно, центральные власти могли организовывать управление новоприобретенными / осваиваемыми / колонизуемыми землями по собственному усмотрению. Однако очевидно, что на практике они, конечно, исходили из имеющихся образцов и устоявшихся представлений. Видимо, это дало основание Е. В. Вершинину заметить: «При всей специфике сибирских условий воеводская администрация за Уралом не являлась каким-то особым колониальным аппаратом власти; она формировалась на тех же принципах и имела те же основные функции, что и в Европейской России»[85]. Это утверждение одновременно и справедливое, и ошибочное. С одной стороны, официально воеводы в Сибири по своему статусу, полномочиям и многим другим характеристикам мало отличались от своих «коллег» в Европейской России. Однако, с другой стороны, за Уралом воеводы находились в иных условиях (применительно к рассматриваемому нами периоду можно назвать эти условия колониальными) и должны были решать задачи, отличные от тех, которые стояли перед воеводами Европейской России. Именно эти обстоятельства и превращали воевод в колониальных администраторов. Собственно, на это обратил внимание еще Н. М. Ядринцев, говоря в свое время об «особенности управления» Сибирью[86].

В то же время про французское (а отчасти и английское) правительство того времени также нельзя сказать, что оно создавало в Северной Америке какой-то специальный «колониальный аппарат власти». Во всех случаях, когда колонизация была государственным предприятием, ее административное оформление происходило по образцу метрополии: за основу брались — пусть и в несколько модифицированном виде — уже имеющиеся административные институты и формы организации управления на местах (губернато-

[84] *Moogk P.* La Nouvelle-France: The Making of French Canada. A Cultural History. East Lansing, 2000. P. 59–60.

[85] *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири. С. 9.

[86] См.: *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония... С. 345.

ры, интенданты и т. п.), сформированные и действующие на основе тех же принципов, что и в метрополии. Однако затем под влиянием «среды» многие из этих институтов наполнялись новым содержанием, начинали выполнять новые функции, опять-таки превращаясь именно в колониальные властные структуры.

§ 3. Власти духовные

Рассматривая управление Сибирью, Новой Францией и Английской Америкой в интересующий нас период, невозможно обойти вопрос о взаимоотношениях светских и духовных властей. Эти отношения были обусловлены следующими факторами: 1) общей религиозной ситуацией в метрополиях; 2) сложившимися там отношениями между церковью / церквями; обществом и государством; 3) ролью тех или иных конкретных конфессий или деноминаций в колонизационных процессах и степенью самостоятельности этой роли. Эти факторы в интересующих нас регионах на первый взгляд заметно различались. Однако и в религиозной ситуации, и в церковно-государственных отношениях, имевших место в Северной Америке и Северной Азии конца XVI — второй половины XVIII в. присутствуют определенные элементы сходства.

Отметим, что и в России, и во Франции, и — с определенными оговорками — в Англии в интересующий нас период наблюдается господствующее положение «официальных» церквей, пользующихся поддержкой государства и, в свою очередь, поддерживающих его. Наибольшее сходство можно отметить между институциональным положением православной церкви в России и католической церкви во Франции. И в Московском государстве, и во Французском королевстве церковь и монархическое государство на протяжении веков были тесно связаны друг с другом. Существовавший на протяжении столетий союз трона и алтаря носил взаимовыгодный характер. Монархия основывалась на Божественном праве и освещалась авторитетом церкви. Ни в России, ни во Франции светская власть самостоятельно (опять-таки за некоторыми исключениями) не вмешивалась в вопросы, связанные с религиозной доктриной, и тем более никогда не подвергала сомнению основополагающие догмы православия или соответственно католицизма. В то же время в процессе становления и укрепления абсолютизма в обеих странах происходило более или менее существенное огра-

ничение автономии церкви и подчинение ее государству. Однако государство продолжало стоять на страже духовного авторитета церкви, рассматривая ее как один из важнейших инструментов социального контроля. Ереси или другие проявления религиозной оппозиции жестко подавлялись государством (здесь напрашивается параллель между преследованиями протестантов-гугенотов во Франции после окончательной отмены Нантского эдикта и гонениями на старообрядцев в России). Безусловно, между институциональным, экономическим, социальным статусом католической церкви в абсолютистской Франции и православной церкви в самодержавной России имелось немало различий (в том числе и таких, которые были перенесены в Новую Францию и Сибирь). В частности, они касались социального происхождения и положения духовенства — во Франции высшее духовенство практически полностью происходило из дворянского сословия и было очень тесно с ним связано (в том числе часто и родственными узами); в России и в допетровское и тем более в послепетровское время ситуация была иной. Существенная разница наблюдалась и в характере церковно-государственных отношений — во Франции церковь (в силу многих причин) пользовалась относительно большей автономией, чем в России (особенно после упразднения патриаршества).

Что же касается непосредственно интересующей нас колониальной проблематики, то здесь надо сразу отметить, что ни в России, ни во Франции колонизация не рассматривалась властями (ни духовными, ни светскими) как средство разрешения имевшихся религиозных конфликтов или более или менее мирного избавления от инаковерующих. Еще в 1627 г. (т. е. на 58 лет раньше, чем это произошло в самой Франции) французские власти запретили совершать в Канаде протестантские богослужения и официально закрыли гугенотам доступ в колонию (впрочем, сами гугеноты тоже не рассматривали североамериканские владения Парижа как потенциальное убежище от религиозных преследований). Таким образом, практически с самого начала в Новой Франции стало складываться моноконфессиональное сообщество.

Что касается Сибири, то первоначально все находившиеся там русские, естественно, были православными (вопроса о каким-либо образом попавших за Урал иностранцах мы сейчас не касаемся). После реформы Никона в Сибири стали появляться старообрядцы. Наиболее интенсивно процесс их проникновения за Урал пошел с последней четверти XVII в.[87] Однако это был результат отнюдь не целенаправленной государственной политики по разрешению религиозных конфликтов в центральной части страны, но следствие репрессивных мер против староверов. Иначе говоря, старообрядцы (а впоследствии и другие сектанты) либо сами тайно бежали в Сибирь, спасаясь от преследований, которым они подвергались в Европейской России, либо их высылали в Сибирь в виде наказания. Кроме того, реформу Никона изначально не приняла часть русских поселенцев в самой Сибири — особенно выходцев из Поморья. Свою роль играла и проповедь сосланных «расколоучителей» среди местного населения — знаменитый протопоп Аввакум, по его собственным словам, находясь в Сибири, стал «учити по градом и везде, еще же и ересь никониянскую со дерзновением обличал»[88].

При этом ни о каком свободном исповедовании «старой веры» в Сибири в то время говорить не приходится. Так называемые увещевания старообрядцев часто на практике оборачивались лишь новыми самосожжениями. Лишь в 1760-е годы, т. е. на рубеже интересующего нас периода, российское правительство несколько изменило свою позицию и стало более терпимо относиться к расселению старообрядцев на границах Сибири (в частности, на Алтае и в Забайкалье)[89].

В Англии ситуация отличалась от вышеописанной сразу по нескольким важным показателям. Да, на протяжении всего рассматриваемого нами временного отрезка, за исключением непродолжительного периода революции, республики и протектората, англиканская церковь занимала господствующее положение в государстве. Однако она была в известной степени творением самой английской монархии (результатом реформации, проведенной по инициативе Генриха VIII) и подчинялась непосредственно королю. При этом ее вероучение имело компромиссный и весьма эклектичный характер, что объективно создавало благоприятную почву для появления различных течений и «ересей». Последние не заставили себя ждать, и первые десятилетия XVII в. были временем расцвета

[87] См.: *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество: Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1991. С. 339.

[88] Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960. С. 87.

[89] См.: *Иванов К. Ю.* Старообрядческие миграции и Томский край // Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII — начале XX в. Кемерово, 1997. С. 57–58.

многочисленных новых деноминаций. В то же время можно сказать, что в XVII в. в Англии сначала de facto, а после Славной революции и de jure утвердилось (хотя и не без борьбы) религиозное многообразие в рамках протестантизма. Преследованиям (и то не слишком суровым, если сравнивать с тем, что происходило с теми же протестантами во Франции или старообрядцами в России) подвергались только члены радикальных сект и католики.

Что же касается колонизации, то в Англии и общество, и правительство почти с самого начала рассматривали ее в том числе и как средство компромиссного разрешения религиозных конфликтов и проблем, имевших место в метрополии. Английские власти если и не всегда поддерживали, то, по крайней мере, никогда особо не препятствовали колониальным предприятиям своих подданных, стремившихся создать в Новом Свете убежище для тех, кто подвергался в метрополии преследованиям или притеснениям по религиозным мотивам. В результате еще в 1620–30-е годы возникли пуританские колонии Новой Англии, католический Мэриленд, и совершенно уникальный Род-Айленд, где сначала фактически, а затем и юридически была установлена весьма широкая (для того времени) религиозная свобода.

В остальных английских колониях (тех, которые не были созданы в качестве убежища для той или иной религиозной группы) официальная англиканская церковь играла довольно скромную роль, хотя во многих из них она сохраняла официальный статус вплоть до Славной революции. В XVII в. основным оплотом англиканской церкви были южные колонии (Вирджиния, обе Каролины), однако и там она постепенно стала утрачивать господствующее положение в первой половине XVIII в. Этому объективно способствовало то, что англиканская церковь в Америке постоянно испытывала нехватку кадров и была несамостоятельной — в колониях не было собственного епископата, который мог бы составить какую-либо конкуренцию светским властям (и вообще не было никакого аналога английских «высокоцерковников», которые были важной частью элиты метрополии того времени). Карьеру англиканского священника выбирали очень немногие уроженцы колоний (не в последнюю очередь потому, что за поставлением надо было ехать в Англию).

Что касается центральных колоний, образовавшихся уже в эпоху Реставрации (Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания), то там с самого начала имело место религиозное многообразие, высокая степень терпимости и невмешательство церквей в светские дела. Так, Нью-Йорк был первой колонией, где свобода вероисповедания была распространена не только на всех христиан, но и на иудеев (последние пользовались там всеми правами, кроме политических)[90]. Основанная квакерами Пенсильвания с начала XVIII в. стала убежищем для приверженцев многих радикальных сект не только из Англии, но и из других стран.

Важной отличительной чертой Английской Америки было то, что утвердившиеся там (если не с одобрения, то, по крайней мере, с молчаливого согласия Лондона) радикальные протестантские деноминации — прежде всего, конечно, пуритане в Новой Англии — принесли туда помимо прочего свое собственное видение социальной организации, которое они стали активно претворять в жизнь. В колониях Новой Англии сложился своеобразный теократический режим, просуществовавший там с начала 1630-х до начала 1690-х годов[91]. В течение более полувека пуританские лидеры направляли и контролировали развитие Плимута, Массачусетса, Коннектикута, Нью-Хэйвена. Соответственно именно они, их идеи и подходы в значительной степени определяли развитие колонизационных процессов в этой части Английской Америки и их характер (что проявлялось и в теории, и на практике).

Так, именно пуританам Новой Англии были в наибольшей степени присущи мессианские идеи построения в Новом Свете нового, более совершенного общества в соответствии с божественными заповедями и установлениями («Града на холме», «Нового Израиля», нового источника света и истины для всего мира и т. п.). Они же принесли с собой так называемую договорную теологию, которая, с одной стороны, способствовала формированию представлений о богоизбранности членов пуританских общин (заключивших, подобно ветхозаветному избранному народу, особый договор с Богом — конвенант); а с другой — переносилась в сферу общественно-

[90]Кроме Нью-Йорка в колониальный период свободное исповедание иудаизма допускалось в Род-Айленде, Пенсильвании, Южной Каролине и Джорджии, хотя политические права не-христиан практически везде оставались ограниченными (они не могли участвовать в выборах, занимать официальные посты и т. п.). Подробнее см.: *Levinger L. J.* A History of the Jews in the United States. Cincinnati, 1952. P. 66–68, 72, 85, 92–94. В Новую Францию евреи, как и протестанты, не допускались (зафиксирован единственный случай появления там в 1738 г. еврейской девушки, которую безуспешно пытались обратить в католицизм, а затем выслали из колонии).

[91]См., напр.: *Wertenbaker T. J.* The Puritan Oligarchy. New York, 1947.

политических отношений и тем самым объективно способствовала становлению демократических институтов (в последнем случае важную роль играл также тезис о равенстве «спасенных»). Пуританизм также наложил сильнейший отпечаток на характер отношений жителей и властей Новой Англии к индейцам, которые рассматривались прежде всего как препятствие на пути реализации божественной миссии пуритан в Новом Свете, или, в крайнем случае, как орудие в руках Провидения, но не как какой-либо «полезный» элемент, который можно каким-то образом использовать (эксплуатировать, цивилизовывать, христианизировать и т. п.). Отсюда стремление пуритан любыми — в том числе и силовыми — способами избавиться от индейцев и весьма малая интенсивность их миссионерской деятельности (подробнее см. главу III, с. 311–328). Что касается последнего момента, то здесь свою роль, очевидно, играло и то обстоятельство, что для пуританина обращение индейца в свою веру означало признание за тем возможности спасения, а значит и полного равенства с собой — в том числе и политического (в соответствии с вышеназванным тезисом о равенстве спасенных), а этого пуритане допускать не хотели. В сословном обществе (русском или французском) такой проблемы не стояло, поскольку никакого равенства там не было — крещеный абориген просто ставился на определенную (как правило, невысокую) ступень социальной лестницы.

О различных аспектах отношений англичан, французов и русских к аборигенам речь пойдет в главе III, а пока мы отметим тот факт, что для пуританской Новой Англии (а в известной мере и для всей Английской Америки) был характерен подход к христианизации, который можно назвать пространственным. Иначе говоря, англичане и на словах, и на деле считали распространение христианства в Новом Свете одной из главных целей всех своих колониальных предприятий. Однако для них это распространение заключалось в освоении новых территорий в максимальном соответствии с пуританской доктриной, создании там новых «правильных» (или, по крайней мере, более совершенных) обществ, а не в обращении язычников.

«Пространственный подход» к распространению христианства отчасти был характерен и для русских в Сибири. Ее завоевание и колонизация первоначально рассматривались именно как «очищение» от «богомерзостей» и освящение светом истинной веры — «очистити место святыни, и победити бесерменскага царя Кучума, и разорити богомерзкая их капища...»[92]. При этом речь шла в первую очередь об утверждении в Сибири православия путем строительства церквей, монастырей и часовен именно для самих русских. Крещению в православие язычников вплоть до начала XVIII в. придавалось сугубо второстепенное значение (случаи перехода в православие представителей верхушки некоторых народов западной Сибири не меняли общей картины). Более того, светские власти в то время относились к этому весьма сдержанно, а церковь никакой самостоятельности в данном вопросе (как, впрочем, и в других) не проявляла. Лишь с 1700-х годов по указанию Петра I была развернута кампания по активной (хотя на практике порой формальной) христианизации аборигенов, растянувшаяся к тому же более чем на сто лет.

Соответственно с момента прихода русских в Сибирь на протяжении более чем столетия православная церковь там действовала, в основном, среди самих русских (т. е. в «колониальном» обществе). При этом какой-либо самостоятельной роли в освоении и исследовании Сибири православная церковь в целом и ее отдельные представители не играли. Можно сказать, что церковь шла в Сибирь либо вместе с русскими землепроходцами и поселенцами, либо следом за ними, но никогда не перед ними или отдельно от них. Конечно, в первых сибирских поселениях строились церкви и основывались монастыри, однако церковная жизнь находилась в зачаточном состоянии. Так, в 1611 г. сибирские воеводы писали:

> «... в Тобольске и во всех сибирских городах у многих приходских церквей попов нет и затем стоят без пенья, многие люди без попов помирают без причастья, а младенцы без крещенья, и многие церкви поставлены внове, а стоят неосвящены для того, что в сибирских городах антиминсов нет»[93].

Даже церковные историки отмечают, что «на первых порах Православие в Сибири развивалось практически стихийно, не оказывая должного благоприятного воздействия на поселенцев»[94]. Православные приходы в Сибири вплоть до 1621 г. формально входили в состав вологодской епархии, своей кафедры в Сибири не

---

[92] Хронографическая повесть «О победе на бесерменскаго царя Кучума Муртозелеева» // Летописи Сибирские. С. 38–39.

[93] Цит. по: *Макарий (Булгаков)*. История Русской церкви: В 7 кн. Кн. VI. М., 1996. С. 291.

[94] *Софронов В. Ю.* Светочи земли Сибирской... С. 8.

было, священников катастрофически не хватало, а имеющиеся в своей массе были полуграмотными и к тому же не отличались высокими морально-нравственными качествами. По своей воле в Сибирь ехали очень немногие лица духовного звания; по словам П. Н. Буцинского, посылка духовных лиц в Сибирь была в некотором роде повинностью для духовного сословия[95]. Со своей стороны первые русские поселенцы привыкли подолгу обходиться без служб и общения с духовными лицами, причем для большинства это не создавало особых неудобств и воспринималось как нормальное явление (свою роль играло то обстоятельство, что аналогичная ситуация имела место в Приморье, откуда многие первые сибиряки были родом). Соответственно сколько-нибудь значительного направленного воздействия на светскую власть в это время церковь в Сибири не оказывала.

Ситуация несколько изменилась после того, как в 1620 г. была основана Сибирская (Тобольская) епархия и назначен первый сибирский архиепископ — Киприан (Старорусенин). Впрочем, надо отметить, что в целом на всем протяжении рассматриваемого нами периода на социальной лестнице лица духовного звания в массе своей стояли явно ниже светской элиты и прежде всего государственных чиновников. Объясняется это просто — большинство сибирских священников происходило из крестьян, казаков и других непривилегированных сословий. В целом же духовная карьера, очевидно, была не слишком привлекательной, иначе архиепископ Нектарий вряд ли бы констатировал, что в Сибири «в попы ставиться охотников мало»[96]. Образовательный уровень священников оставался крайне низким (первая семинария в Сибири была открыта только при митрополите Антонии II в 1744 г.). В то же время хроническая нехватка людей заставляла церковное начальство дорожить даже весьма сомнительными кадрами. Еще архиепископ Киприан сетовал, что «в Сибири попы — воры и бражники, да и быть им нельзя, только быть им по великой нужде, потому что переменить некем»[97]. Известно много случаев, когда совершавших преступления и пытавшихся бежать из Сибири священнослужителей не наказывали, а просто насильно возвращали на прежние места[98].

[95] *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Тюмень, 1999. С. 185.

[96] Там же. С. 187.

[97] Цит. по: *Софронов В. Ю.* Светочи земли Сибирской... С. 17.

[98] Примеры этого см.: *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири... С. 184–185.

В посланиях многих сибирских владык постоянно встречаются очень похожие сетования на то, что «в Сибири попами скудно», «игуменами и черными попами скудно», «ставить в попы некого» и т. п. Так, архиепископ Нектарий в 1638 г. жаловался царю:

> «В Сибири теперь черными попами стала скудость великая. В Тобольске и во всем городе, и в монастыре и у меня только один черный поп, да и тот отец мне духовный, а в городах Мангазее, Пелыме, Кузнецке и в новых монастырях, что вновь строятся, нет ни одного черного попа, и тех людей, которые желают постричься некому постричь, и постоянно бьют мне челом о черных попах»[99].

В свою очередь, в Москве признавали, что «в Сибири попов надобно много», но при этом принимали весьма ограниченные меры к улучшению ситуации[100].

На местах светские власти часто смотрели на духовных лиц сверху вниз и требовали от них полного подчинения. Не случайно представители духовенства регулярно обращались в Москву с подобными жалобами:

> «В Сибирских городах твои государевы воеводы и приказные люди во всякие наши святительские и духовные дела и суды вступаются и церковников попов, дьяконов, дьячков, пономарей, и всяких причетников твоему государеву делу и письму и от твоего царского богомолья и от Божьих церквей насильно берут, во всем их судят и смиряют и от церквей Божьих отставляют и с попов скуфьи снимают, в тюрьмы сажают и батогами бьют и побивают»[101].

Действительно, воеводы порой позволяли себе поступать со священниками весьма жестоко. Достаточно вспомнить вышеупомянутого нарымского воеводу, который бил кнутом попа, написавшего на него жалобу по просьбе обиженных. Показательно, что в этом случае священник — духовный отец и пастырь — даже не пытался хоть как-то приструнить воеводу, перешедшего всякие границы христианской морали; он как грамотей лишь взялся писать жалобу и то, только когда его попросили об этом!

По значимости и статусу с воеводами могли сравниться лишь представители высшего духовенства, т. е. в первую очередь тобольские архиепископы (до 1666 г.) и митрополиты (в 1666–1768 гг.), святительская власть которых распространялась на всю террито-

[99] Цит. по: Там же. С. 186.

[100] См.: *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. VI. С. 320.

[101] Цит. по: Там же. С. 294.

рию Сибири (лишь в 1706 г. в Иркутске было открыто викариатство, а в 1727 г. создана отдельная Иркутская епархия, территория которой охватывала Восточную Сибирь). Тобольские владыки, безусловно, относились к числу «сильных людей» и оказывали (особенно в допетровский период) заметное влияние на мирские дела (если воевода по какой-либо причине отсутствовал — епископ оказывался «первым лицом» в столице Сибири). Некоторые из них имели значительный опыт церковной, а иногда и государственной деятельности, связи в столице, пользовались авторитетом в церковной среде и популярностью в народе и т. п. В допетровское время это прежде всего первый тобольский архиепископ Киприан (в будущем Новгородский митрополит), а также митрополиты Симеон и Корнилий. В первой половине — середине XVIII в. — первый «апостол Сибири» митрополит Филофей (Лещинский), Иоанн (Максимович), Павел II (Конюскевич или правильнее Конюшкевич) и др. (в соответствии с общерусской тенденцией петровского и послепетровского времени сибирской митрополией тогда управляли выходцы с Украины)[102].

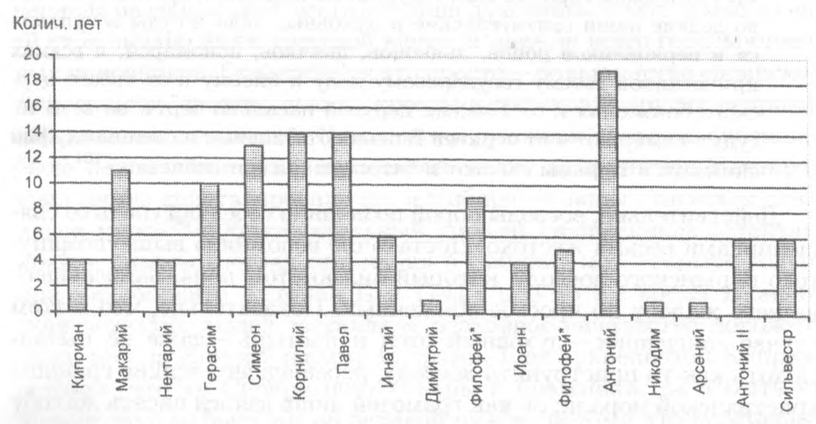

Рис. 8. Продолжительность пребывания архиепископов / митрополитов на Тобольской кафедре (1621–1755)

* Митрополит Филофей (Лещинский) возглавлял Тобольскую кафедру дважды: в 1702–1711 гг. и в 1715–1720 гг.

Впрочем, были случаи, когда на тобольской кафедре оказывались те священнослужители, от которых по разным причинам стремилось избавиться вышестоящее начальство, либо светское, либо церковное. Так, владыку Игнатия отправил в Сибирь недолюбливавший его патриарх Адриан, а Иоанн (Максимович) попал в Сибирь из-за конфликта со всесильным А. Д. Меншиковым.

[102] Сроки пребывания владык на Тобольской кафедре варьировались от нескольких месяцев до двух десятилетий (см. рис. 8).

В рассматриваемую нами эпоху зависимость церкви от государства в России в целом объективно росла. Само по себе создание кафедры в Тобольске было не только (а может быть, и не столько) церковным, но прежде всего государственным делом. По сути, это был один из важнейших элементов инкорпорации сибирских земель в состав русского государства. Что касается непосредственно системы управления, то Москва, естественно, рассчитывала и здесь использовать представителей духовенства и в первую очередь архиепископа в своих интересах. На него возлагались вполне определенные управленческие и контрольно-наблюдательные функции (в период до конца XVII в.), а сама его кандидатура фактически утверждалась лично царем.

В этом плане весьма показательны грамоты с инструкциями вышеупомянутому первому сибирскому архиепископу Киприану и его преемнику архиепископу Макарию (Кучину), назначенному на Тобольскую кафедру в 1625 г. Во многом они идентичны. И одному, и другому архиерею предписывалось следить за повседневной жизнью русского и инородческого населения, негласно собирать статистическую информацию, контролировать все аспекты деятельности воевод и других чиновников, участвовать в отправлении правосудия по всем делам (за исключением особо тяжких преступлений) и т. п. При этом особо подчеркивалось, что светские власти не должны вмешиваться в церковные дела, в том числе и в дела церковного суда и управления (отсюда можно предположить, что такие прецеденты, очевидно, были). Архиепископам официально разрешалось делать воеводам замечания и давать им указания; в случае, если те не подчинялись, владыка должен был докладывать об этом царю.

В грамоте, адресованной архиепископу Макарию, об этом говорилось так:

> «...и архимандритов, и игуменов, и протопопов, и попов, и диаконов, и чтецов и весь причт церковный судити во всяких духовных делах, а боярину и воеводам, князю Д. Тим. Трубецкому с товарищи, в то не вступатися; также и мирских людей во всяких духовных делах судити и исправляти по божественным канонам, а боярину и воеводам и дьякам у него в то потомуж не вступатися.

<…> Да держати архиепископу с бояриPом и воеводами и дьяки совет о великих государевых делах, опричь кровных и убийственных дел.

<…> А услышит архиепископ какое бесчинство в сибирских людях в детях боярских и в посадских во всяких людях, или в самих бояриPе и воеводах и в дьяках какое бесчинство к закону христианскому увидит, и архиепископу их о том поучати со умилением, а не учнут слушати, и архиепископу им говорит з запрещением, а не уймутца за его поучение и запрещение и архиепископу тогда писати о тех их бесчинствах ко государю царю…

<…> А о которых будет о государевых и всяких думных делах учнут с ним архиепископом, боярин и воеводы и дьяки советовати и архиепископу о том с ним советовати, и мысль своя им во всякие дела давати, опричь убийственных и кровавых всяких дел…

<…> А о береженье архиепископу боярину и воеводам и дьякам говорити по часту, чтобы они от огня и от корчем держали береженье великое, и в ночь ж дети боярские и всякие люди с огнем не сидели, и съездов бы у них ночных кормчего пития не было, и в день бы жили смирно, не бражничали и по городу и в воротах держали потомуж береженье великое. А уведает архиепископ у боярина и воевод и дьяков в городе какое небреженье и людям от кого насильство и налоги неподдельно и архиепископу о том боярину и воеводам говорити дважды и трижды, чтоб однолично они того берегли, и было б у них береженье и людям насильства и налоги не было; а не послушает боярин и воеводы и дьяки архиепископа, а архиепископу о том писати ко государю царю…»[103]

В такой ситуации воеводы были вынуждены не только оказывать владыке внешние почести (это тоже предписывалось в царских указах), но и «заискивать» перед ним и всячески показывать «свои службы государю». Однако делали они это, очевидно, вынужденно и явно считали именно себя носителями высшей власти. Эти настроения передавались и населению — не случайно в Москве были вынуждены констатировать, что «в сибирских городах служилые и всяких чинов люди в духовных делах архиепископа и его десятильников слушать и под суд к нему ходить не хотят, научают друг друга на архиепископа шуметь, и вы воеводы им в том потакаете»[104]. Вряд ли такое было бы возможно, если бы воевода стоял стеной на страже авторитета владыки.

[103]Цит. по: *Софронов В. Ю.* Светочи земли Сибирской… С. 32–34.
[104]Цит. по: *Соловьев С. М.* История России… Кн. V, т. 9–10. С. 324.

Бывали случаи, когда архипастыри открыто вступали в конфликты с воеводами, отстаивая личные, корпоративные или государственные интересы (так, как они их понимали). Так, владыка Киприан — человек жесткий, властный, сведущий не только в Священном писании, но и в политике — не нашел общего языка с воеводой М. М. Годуновым. Владыка неоднократно жаловался на него в Москву и в конце концов добился присылки специальной следственной комиссии для «обыска», по итогам которого М. М. Годунов был отстранен от должности. При этом нужно отметить, что хотя в своих челобитьях Киприан ссылался, в основном, на несоблюдение воеводскими людьми церковных уставов, причина конфликта заключалась не только в этом. У архиепископа и воеводы возникли имущественные разногласия (на земли и угодья, пожалованные владыке, претендовал сам воевода и близкие к нему люди); кроме того, Киприан явно не только пристально следил за действиями воеводы, но и пытался корректировать его деятельность.

В 1680–1681 гг. назначенный товарищем воеводы в Тобольск стольник М. В. Приклонский не поладил с митрополитом Павлом. Последний смог добиться того, что Приклонский был приведен на митрополичий двор и «выдан головою» владыке, который отлучил его от церкви «за преозорство, гордость, неистовое житье, блудодеяние и за непристойные и поносные речи»[105]. В самом конце XVII в. имел место конфликт между митрополитом Игнатием и воеводой А. Ф. Нарышкиным (последний был также отлучен от церкви). Уже в XVIII в. против вмешательства гражданских чиновников Сибири в духовные дела резко выступил знаменитый митрополит Арсений (Мациевич), который в конце 1741 — начале 1742 г. непродолжительное время занимал Тобольскую кафедру. Однако его выступления закончились безрезультатно.

В то же время власти отнюдь не всегда приветствовали чрезмерное вмешательство церкви в мирские дела. Известно несколько случаев, когда в конфликтах между воеводами и архиепископами Москва вставала на сторону воевод (как это было в конфликте архиепископа Симеона, с одной стороны, и воевод И. Хилкова и кн. Буйносова-Ростовского — с другой, который был разрешен в пользу последних)[106]. Уже к концу XVII в. контрольные функции тобольских владык постепенно сошли на нет.

[105]Цит. по: *Софронов В. Ю.* Светочи земли Сибирской… С. 69.
[106]См.: Правящая элита русского государства… С. 376.

В целом обстановка, в которой находились сибирские архиепископы, очевидно, часто бывала достаточно сложной и конфликтной. Владыки регулярно по самым разным поводам жаловались на воевод, а те, в свою очередь, на своих духовных пастырей. Тот же Киприан, по свидетельству современника, «от многих неискусных людей многую молву, мятеж и тесноту терпел»[107]. Другой сибирский архиепископ Нектарий (Телятин) писал царю: «Пожалуй, государь, меня богомольца твоего, вели мне быть в Ниловой пустыни, или где ты укажешь, а мне в Сибири от таких заводных доводов быть отнюдь невозможно никакими обычаями»[108]. Архиепископ Герасим в 1645 г. жаловался царю, что занимает тобольскую кафедру уже пятый год и все это время терпит «всякое бесчестье и позор от разных крамольников»[109]. Через некоторое время он же сделал по этому же поводу обобщающий вывод: «...ни один архиепископ в Сибири от таких ветров и крамольников и ложных изветчиков не пробыл без позору и без оглашения»[110].

Следует остановиться на еще одном важном моменте — материальном обеспечении архиепископа. Оно также (особенно на первом этапе) зависело от властей, но те в данном случае проводили иную политику, нежели в отношении воевод. С момента учреждения сибирской епархии, ей стали жаловаться земельные угодья, которые наряду с государевым денежным и хлебным жалованием, служили источником дохода владыки. Первому тобольскому архиепископу Киприану были пожалованы не только разнообразные угодья (земли, покосы, рыбные ловли), но и одеяния, посуда, дрова, соль и т. п. Воеводе было предписано построить для владыки дом строго определенных размеров (в инструкции была указана площадь каждой комнаты). В результате уже к началу 1640-х годов тобольский архиерейский дом стал крупнейшим и богатейшим землевладельцем Сибири, обладателем нескольких слобод и деревень, с 427 душами («мужеска полу») крестьян. Такая ситуация вызывала зависть и раздражение светских властей, которые сталкивались с острой нехваткой разработанных земель для государевой десятинной пашни. В 1641 г. из Москвы была прислана грамота, в которой тобольскому воеводе предписывалось «смотреть накрепко, чтоб никто никаких земель архиепископу вновь не давал и архиепископ бы ни-

[107]Цит. по: *Соловьев С. М.* История России... Кн. V, т. 9–10. С. 325.

[108]Цит. по: *Софронов В. Ю.* Светочи земли Сибирской... С. 45.

[109]См.: Там же. С. 53–54.

[110]Цит. по: Там же. С. 55.

чьих земель не захватывал»[111]. Впрочем, это не особенно помогло, и земельные владения сибирской епархии продолжали расти (путем пожалований, покупок, поминальных закладов, пожертвований и т. п.). То же самое касалось и роста численности крестьян на церковных землях. Хотя и здесь воеводы высказывали недовольство и как могли противились этому (в Сибири каждый потенциальный земледелец для государевой десятинной пашни был на счету), многие предпочитали селиться именно на церковных землях, где взимались меньшие подати, чем на государственных, да и в целом отношение к крестьянам было относительно более мягким.

Позднее, во второй половине 1760-х годов, когда правительством Екатерины II была начата секуляризация церковных земель, именно сибирский митрополит Павел II оказался (вместе со знаменитым ростовским митрополитом Арсением, который, как упоминалось выше, непродолжительное время также занимал тобольскую кафедру) одним из тех иерархов, которые выступили против политики правительства. При этом он ссылался на особые условия, в которых находится сибирская епархия. Впрочем, никакого успеха его демарши не имели и в конце концов он был отстранен от управления епархией.

* * *

По сравнению с православной церковью в Сибири католическая церковь в Новой Франции в интересующий нас период занимала в целом более самостоятельное и независимое положение. Во Французской Америке практически с самого начала колониального периода велась весьма активная миссионерская деятельность. Первые представители католического духовенства (особенно монашеских орденов — реколлектов и иезуитов) отправлялись в Канаду именно для того, чтобы проповедовать Слово Божье язычникам и спасать души «несчастных дикарей». В XVII в. (особенно в 1610–40-е годы) миссионеры находились «на острие» французской экспансии; они совершили множество важных географических открытий (о некоторых из них мы упоминали в главе I) и часто оказывались первыми европейцами, которые посещали те или иные индейские племена. К концу 1630-х годов отцам-иезуитам удалось обратить в христианство значительную часть племени гуронов (в их стране было со-

[111]Там же. С. 52.

здано больше всего миссий), а также часть алгонкинов и монтанье восточной Канады.

Параллельно представители духовенства активно и довольно успешно пропагандировали свои достижения во Франции. Они обращались к властям и к широким массам верующих, печатали статьи в газете «Меркюр де Франс» (как раз начавшей выходить в то время). С 1632 г. иезуиты стали ежегодно публиковать и широко распространять отчеты о деятельности своей миссии в Канаде — «Донесения», где содержались яркие описания неведомой страны, а также подвигов и приключений миссионеров[112].

Благодаря этому католической церкви удавалось привлекать значительные средства на продолжение своей деятельности и получать поддержку влиятельных лиц (заметим в скобках — часто минуя официальные правительственные структуры). Свою роль, безусловно, сыграло и определенное общее оживление религиозной жизни во Франции того времени, распространение в обществе эсхатологических настроений и т. п. Так, основание в 1639 г. в Квебеке монастыря урсулинок для индейских девушек произошло благодаря инициативе Мари де л'Энкарнасьон и мадам де Ля Пельтри. Обе они были знакомы с «Донесениями» иезуитов; кроме того, первая получила во сне приказание свыше отправиться проповедовать христианство в далекую страну (которую она потом узнала в Новой Франции), а вторая во время болезни дала обет открыть монастырь для обращения и просвещения язычников[113]. В том же 1639 г. в колонию прибыла группа августинцев, открывших в Квебеке первый госпиталь — деньги на это предприятие выделила активная и состоятельная почитательница иезуитов и читательница их «Донесений» — герцогиня д'Эгийон. Самым выдающимся событием, несомненно, была деятельность общества Монреальской Божьей матери, которое в 1642 г. основало на р. Св. Лаврентия поселение Виль-Мари (т. е. Город девы Марии), которое по замыслу членов общества должно было стать центром миссионерской деятельности. Правда, уже через два десятилетия это поселение, за которым закрепилось название Монреаль, превратилось в крупнейший центр французской мехоторговли, а впоследствии стало одним

[112]Полное издание всех «Донесений» на языке оригинала (французский, итальянский, латынь) с английским переводом см.: The Jesuit Relations and Allied Documents: In 73 Vols. / Ed. by R. G. Thwaites. Cleveland, 1896–1901.

[113]См.: *Feretti L.* Brève histoire de l'Eglise catholique au Québec. Montréal, 1999. P. 14.

из крупнейших городов Канады[114]. Всего же по подсчетам специалистов только в период до 1644 г. пожертвования на миссионерскую деятельность в Канаде составили 250 тыс. ливров[115].

Численность французских миссионеров в Северной Америке в интересующий нас период никогда не была особенно значительной, однако в своем большинстве это были настоящие подвижники, отправившиеся в Новый Свет исключительно по зову сердца. Этим они, конечно, разительно отличались от первых русских попов, в большинстве своем ехавших в Сибирь «по государеву указу», а не по доброй воле, и часто стремившихся при удобном случае вернуться оттуда обратно в Европейскую Россию[116]. Представление о рвении французских миссионеров дают их письма, частично публиковавшиеся в приложениях к «Донесениям».

> «Говорят, что те первые, которые основывают церкви, обычно являются святыми: эта мысль столь умилила мое сердце, что каким бы бесполезным я ни казался бы себе в этой пресловутой Новой Франции, я должен признать, что не могу воспрепятствовать одной мысли, которая тревожит мое сердце. *Cupio impendi, et superimpendi pro vobis*: [Я страстно желаю принести себя в жертву ради вас] Бедная Новая Франция, я желаю принести себя в жертву твоему благу. Я бы пожертвовал тысячью своих жизней, если бы мог помочь спасти одну-единственную душу»[117]

Действительно, в Канаде (особенно в первой половине XVII в.) действовал ряд выдающихся проповедников и подвижников. Многие из них погибли во время разгрома христианской Гуронии ирокезами и впоследствии были причислены к лику святых.

В 1630–50-е годы духовенство рассматривало французские посе-

[114]Об основании Монреаля см.: *Atherton W. H.* Montréal, 1535–1914: In 3 vols. Montréal; Vancouver; Chicago, 1914.

[115]См.: *Abenon L.-R., Dickinson J.-A.* Les Français en Amérique. Lyon, 1993. P. 46.

[116]Известно, что с митрополитом Киприаном было приказано отправить в Сибирь 59 священнослужителей — практически все они или отказались ехать или разбежались в пути — «попы ехали все по сторонам для самовольства и пьянства». Когда же их в конце концов собрали, «как съехались они в Верхотурье, то подняли шум и слезы и вопли с женами и детьми и говорили — Бог судит их разлучника, кто разлучил их с домами, родом и племенем, да и едучи с Верхотурья по всем сибирским городам и в Тобольске тех своих речей не переменили <...> говорили непригожие слова про патриарха, а мне бесчестие многое учинили» (*Буцинский П. Н.* Открытие Тобольской епархии и первый тобольский епископ Киприан. Харьков, 1891. С. 15).

[117]The Jesuit Relations... Vol. VIII. Cleveland, 1897. P. 179, 180–181, 182.

ления прежде всего как базу для своей миссионерской активности среди индейцев и стремилось направить развитие Новой Франции в соответствующее русло. Это не всегда встречало поддержку светских участников колонизационного процесса, так как шло вразрез с их интересами. Так, например, миссионеры в эти годы весьма настойчиво требовали, чтобы руководство Новой Франции оградило их индейскую паству от контактов со скупщиками пушнины, так как те дурно влияли на новообращенных, продавали им спиртное и т. п. Естественно, это вызывало недовольство мехоторговцев, заинтересованных в максимальных барышах и прекрасно знавших, что самые лучшие шкурки можно получить у индейцев именно в обмен на водку и бренди. Власти в этой ситуации оказались как бы меж двух огней, так как они, с одной стороны, нуждались в поддержке церкви, а с другой, были заинтересованы в развитии пушного промысла.

Однако деятельность миссионеров имела также определенное положительное значение для находящейся в процессе становления французской колонии. Так, еще в 1635 г. иезуиты основали в Квебеке семинарию для подготовки священников, ставшую самым первым высшим учебным заведением Северной Америки (к северу от Мексики). Позднее (в середине XIX в.) на базе этой семинарии был создан университет. Как уже отмечалось, стараниями миссионеров и их покровителей в Новой Франции создавались монастыри, школы, больницы и т. п.

В дальнейшем, после гибели миссий в Гуронии (1650-е годы), и перехода Новой Франции под прямое королевское управление, католическая церковь там уже не ставила перед собой каких-либо особых собственных сверхзадач. Однако она неуклонно стремилась максимально упрочить свое положение в самой французской колонии, и занять там более высокое и независимое положение нежели то, которое в то время занимала церковь в Старой Франции.

Важную роль в этом процессе играли квебекские епископы. Официально епископская кафедра в Новой Франции была создана в 1674 г., однако фактически она существовала с 1658 г., когда там был создан апостолический викариат (до этого приходы Новой Франции находились в ведении руанского архиепископа). Таким образом, католическая церковь в Канаде оказалась непосредственно и напрямую подчинена Риму, что также усиливало ее независимое положение по отношению к светским властям (в отличие от католической церкви в самой Франции, где галликанские вольно-

сти официально давали государству возможность вмешиваться в управление церковью).

Особо следует отметить роль первого квебекского викария, а затем и епископа — Ф.-К. Монморанси де Лаваля (до создания квебекской кафедры он носил титул епископа Петры). И по своему характеру, и по стилю поведения, и по взглядам на взаимоотношения светских и духовных властей он во многом напоминал вышеупомянутого митрополита Киприана. Лаваль был суровым и властным человеком, убежденным, что церковь в обществе должна стоять выше светских властей. Кроме того, он происходил из очень знатной семьи, имел обширные связи и пользовался немалым влиянием при дворе.

С момента своего прибытия в Канаду епископ стал всячески подчеркивать, что он занимает более высокое положение, чем губернатор. Лаваль занимал свой пост в течение почти 30 лет и ни один из семи сменившихся за это время генерал-губернаторов не смог избежать более или менее острого конфликта с ним. Некоторые губернаторы прямо заявляли, что они были вынуждены подать в отставку из-за жалоб и интриг епископа. Особенно трудным для светской власти был период до 1663 г., т. е. то время, когда в колонии еще не было введено прямое королевское управление. После этого власти метрополии стали более активно поддерживать губернаторов, которым давались секретные инструкции не допускать вмешательства епископа в мирские дела. Первая такая инструкция была дана губернатору Мези и прибывшему вместе с ними королевскому ревизору Годэ-Дюпону. Однако это не охладило пыл епископа. В 1674 г. он добился от короля Людовика XIV и папы Иннокентия IX согласия на учреждение в Квебеке полноценной епископской кафедры. В результате этого Новая Франция стала отдельным диоцезом и вообще перестала подчиняться французским иерархам. Квебекские епископы подчинялись только папе (хотя они в соответствии с вышеупомянутыми галликанскими вольностями назначались при участии короны и получали от нее содержание). Все это еще больше укрепило позиции Лаваля и положение католической церкви в Новой Франции в целом. В этом, конечно, состояло еще одно важное отличие ее положения от положения православной церкви в Сибири, которая не имела никакой автономии и всегда находилась в ведении Московского патриархата, а затем и Священного синода.

Епископ Лаваль и его преемники не только активно защищали

собственно церковные интересы, но и вмешивались в самые разнообразные дела, считая себя вправе давать указания колониальным властям по самым разным вопросам. Губернатор П. д'Аржансон, которому первым пришлось столкнуться с Лавалем, в 1660 г. писал, что тот обладает «рвением, которое часто выводит его за рамки его полномочий так, что для него не представляет никакой сложности присвоить власть других и с такой горячностью, что он не слушает никого»[118]. В следующем году из-за постоянных интриг епископа и столкновений с ним по самым различным поводам Аржансон был вынужден подать в отставку. Лаваль также активно вмешался в вышеупомянутый конфликт по поводу продажи индейцам алкоголя, из-за чего у него постоянно происходили столкновения с губернаторами и интендантами (подробнее см. главу III).

Епископ был официально «включен» в систему управления Новой Францией, так как был членом ее Высшего совета. Однако и здесь он не желал уступать первенства губернатору — на этой почве у него возник конфликт с губернатором Курселем[119]. По этому же поводу (а также по многим другим) Лаваль сталкивался с губернатором Фронтенаком — человеком не менее властным и амбициозным, чем епископ. Последний обвинял губернатора в «тирании», а тот, в свою очередь, жаловался, что «почти все беспорядки в Новой Франции происходят от амбиций священнослужителей, которые хотят присоединить к духовному авторитету абсолютную власть над мирскими делами и осуждают и преследуют всех тех, кто не поддерживает их полностью»[120].

В целом Квебекские епископы вплоть до конца эпохи французского колониального господства в Канаде играли заметную роль в управлении колонией. Они подолгу находились на своем посту (см. рис. 9) и часто обладали большим административным опытом. В отсутствие губернатора епископ фактически становился первым лицом Новой Франции, а Лаваль даже дважды официально исполнял обязанности губернатора (в июле и августе 1663 г. и с мая по октябрь 1682 г.).

Однако канадские священнослужители вмешивались не только в дела управления, но и в повседневную жизнь колонистов — от «верхов» до простых людей. Так, епископ Ж.-Б. Сен-Валье давал

[118]Цит. по: *Parkman F.* France and England in North America. Vol. 1. P. 1396.
[119]См.: *Bégin E.* François de Laval. Québec, 1959. P. 128.
[120]Цит. по: *Rochemonteix C.*, de. Les Jésuits et la Nouvelle-France: 3 t. Paris, 1895. T. III. P. 87.

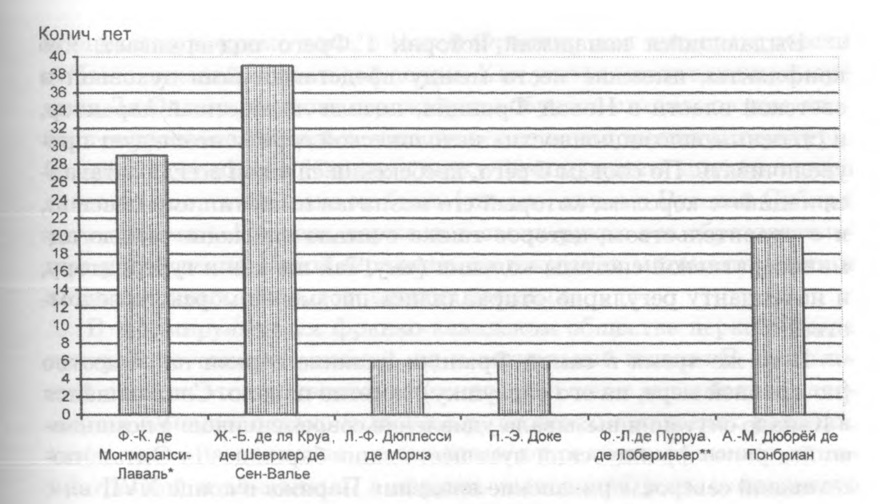

Рис 9. Продолжительность пребывания епископов на Квебекской кафедре (с момента прибытия в Новую Францию)

* Указана общая продолжительность пребывания Лаваля во главе католической церкви Новой Франции, включая и тот период, когда он был апостолическим викарием.

** Ф.-Л. де Пурруа де Лоберивьер скончался через несколько дней после своего прибытия в Квебек.

генерал-губернатору маркизу Денонвилю настоящие инструкции о том, как тот должен себя держать дабы подавать положительный пример подчиненным, как и в какое время ему следует принимать гостей, как должна одеваться его супруга, как должна вести себя его дочь и т. п. Монсеньер Сен-Валье — ревностный противник светских развлечений, также напоминал губернатору о том, что ему не следует давать балы и устраивать празднества, поскольку танцы вредны и «опасны по причине тех обстоятельств, которые их часто сопровождают»[121]. Позднее у Сен-Валье разгорелся настоящий скандал с вернувшимся на губернаторский пост Фронтенаком из-за того, что тот решил поставить у себя дома знаменитую комедию Мольера «Тартюф». Епископ был взбешен и объявил, что каждый, кто смотрит такие пьесы и тем более в них участвует, совершает смертный грех[122].

[121]См.: *Clark S. D.* The Social Development of Canada: An Introductory Study with Select Documents. Toronto, 1942. P. 82–84.
[122]*Eccles W. J.* Frontenac: The Courtier Governor. Toronto, 1965. P. 297.

Выдающийся канадский историк Г. Фрего подчеркивает, что конфликты, имевшие место между представителями духовной и светской власти в Новой Франции, носили личностный характер, и степень «оппозиционности» католической церкви не следует преувеличивать. По словам Фрего, квебекский епископ всегда оставался «един» с королем, который его назначал и платил ему пенсион, и с правительством, которое также считало епископа частью административной системы колонии (ему, так же как и губернатору, и интенданту регулярно отправлялись письма из морского ведомства)[123].

В то же время в самой Франции влияние церкви на общество (по крайней мере, на его верхушку) заметно падало. Сложившаяся в Канаде ситуация вызывала удивление современников. Упоминавшийся ранее французский путешественник барон де Ля Онтан, посетивший североамериканские владения Парижа в конце XVII в., с нескрываемым удивлением писал о том, что в Новой Франции вся политическая, военная и религиозная власть сосредоточена в одних руках — руках церкви, которая держит под своим контролем даже «мудрейших из губернаторов». По его словам, в колонии лица духовного звания выступают главными советниками всех королевских чиновников. Ля Онтан с удивлением отметил, что духовенство запрещает поселенцам, независимо от их положения в обществе, под страхом отлучения читать романы и пьесы, устраивать маскарады, играть в карты. Он с возмущением описал случай, когда в его отсутствие кюре проник в комнату, где он жил, и, «найдя на столе роман Петрония, набросился на него с невообразимой яростью и вырвал почти все листы». Ля Онтан отмечал, что в Канаде «строго следят за тем, чтобы люди не пропускали месс и проповеди без уважительной причины; священники знают всех своих прихожан по именам», они также «следят за поведением девушек и замужних женщин внимательнее их отцов и мужей»[124].

В XVIII в. положение католической церкви в североамериканских владениях Парижа продолжало оставаться чрезвычайно прочным. В отличие от метрополии там не получили распространения антиклерикальные идеи Просвещения. Поскольку духовная жизнь колонии жестко контролировалась церковью, они туда просто не

[123]См.: *Frégault G.* L'Eglise et la société canadienne // Le XVIIIe siècle canadien. Etudes. Montréal, 1968. P. 88–89.

[124]*La Hontan L.-A. de Lom d'Arce*, baron de. Voyages dans l'Amérique Septentrionale. La Haye, 1705. P. 68–69.

проникали, а, кроме того, в Новой Франции для них практически не было никакой социальной почвы. Как уже мы видели на примере книг Ля Онтана, церковь строжайшим образом следила за тем, чтобы в колонию не ввозилась «опасная» с ее точки зрения литература. Своей типографии в Канаде в эпоху французского колониального господства организовано не было (так же, как и в Русской Сибири того времени). Церковь держала в своих руках все образовательные учреждения Новой Франции, не исключая математических и навигационных школ, готовивших военных.

В формирующемся франко-канадском обществе церковь была центром не только духовной, но и социальной жизни. В наибольшей степени это проявилось, конечно, уже после английского завоевания Канады, однако и до 1763 г., особенно в сельских районах, кюре часто на практике оказывались посредниками между администрацией и абитанами, а церковь выполняла роль социального центра, объединявшего население. По словам французского историка Ж. Трамона, «этот рождающийся народ обрел коллективное существование прежде всего благодаря церкви, которая была первым центром, вокруг которого канадцы нашли самих себя»[125].

* *

Роль православной церкви в управлении Сибирью и католической церкви в управлении Новой Франции[126], безусловно, была неодинаковой. В североамериканских владениях Парижа в рассматриваемый нами период церковь была более активной, амбициозной и в то же время менее зависимой от светских властей. В Сибири высшие церковные иерархи, безусловно, входили в состав местной элиты, однако по собственной инициативе практически не вмешивались в процессы управления, отстаивая главным образом свои корпоративные интересы. Да и в целом в сибирском обществе церковь отнюдь не претендовала на какую-либо самостоятельную социальную роль. В то же время в Сибири (как и в Новой Франции) специфические «колониальные» условия объективно способствовали тому, что духовенство, прежде всего высшее, могло проявлять

[125]*Tramond J.* Canada après le Traité d'Utrecht // Hanotaux G., Martineau A. Histoire des colonies françaises et de l'expansion de la France dans le Monde: 4 t. Paris, 1929. T. I: L'Amérique. P. 114–115.

[126]О католической церкви в Новой Франции подробнее см.: *Акимов Ю. Г.* Католическая церковь в Канаде в эпоху французского колониального господства: начало XVII — середина XVIII в. // Вестник РХГА. 2006. Т. 7, вып. 1. С. 16–27.

относительно большую самостоятельность в отношениях со светскими властями. Конечно, личностный фактор, на который ссылался Фрего, в обоих случаях также играл большую роль, однако он был усилен опять-таки этими самыми «колониальными» условиями. Ведь на периферии (т.е. в Сибири и в Новой Франции) часто оказывались священнослужители, которые по разным причинам (неважно, положительного или отрицательного свойства) «не вписывались» в те рамки, которые были в то время приняты в центре.

В Английской Америке общая религиозная ситуация разительно отличалась и от Сибири, и от Новой Франции. В то же время положение англиканской церкви в североамериканских владениях Лондона по некоторым показателям было близко к положению православной церкви в Сибири. Это и нехватка кадров, и отсутствие претензий на какую-либо самостоятельную роль в колонизационных процессах, и невмешательство в дела светской власти, и определенная зависимость и подчиненность по отношению к ней.

* * *

Для Сибири и Новой Франции на всем протяжении рассматриваемого нами периода в целом была характерна достаточно высокая степень административной централизации и в известной степени бюрократизации всей системы управления. Вся полнота власти и в русских, и во французских владениях принадлежала назначаемым из центра чиновникам; при этом разделение властей практически отсутствовало, а возможности воздействия на колониальное управление у местного населения европейского происхождения были весьма ограниченными. В обоих случаях единственным институтом, способным составить конкуренцию светской власти, была церковь (в Новой Франции это проявилось особенно ярко), однако в целом она действовала сугубо в рамках имевшихся социальных структур и отношений. Ситуация в большинстве английских приатлантических колоний была несколько иной — там, хотя и в различной степени, присутствовали элементы территориального самоуправления, выборные институты, демократические процедуры и т.д. В то же время на периферии Английской Америки имели место порядки, во многом сходные если не с Сибирью, то с Канадой эпохи французского колониального господства.

Во всех рассматриваемых нами случаях (опять-таки за исключением английских колоний на Атлантическом побережье США) мы имеем дело со следующей ситуацией. С одной стороны, центральные правительства стремились к созданию как можно более сильной власти на местах (в лице воевод, губернаторов, интендантов) и изъявляли желание как можно более жестко контролировать эту власть и ее действия. С другой, мы видим, что под воздействием отмечавшихся нами специфических колониальных условий и в силу того, что проблемы заморских / периферийных территорий объективно занимали далеко не первое место в текущей политике метрополий, власть на местах начинала «давать сбои» (возникали конфликты, не в полном объеме выполнялись распоряжения центра, допускались злоупотребления, выходящие за считавшиеся «принятыми» рамки и т.п.). Все это отличало власть в Сибири, Новой Франции и периферийных колониях Английской Америки от власти соответственно в Европейской России, «старой» Франции и Туманном Альбионе и в то же время в определенной степени роднило все три вышеупомянутых региона.

Глава III

ЕВРОПЕЙЦЫ И АБОРИГЕНЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

§ 1. Аборигенные сообщества до и после прихода европейцев

Сибирская эпопея русских и североамериканские предприятия англичан и французов отнюдь не сводились к открытию, освоению и заселению новых пространств. Важнейшей составляющей рассматриваемых нами колонизационных процессов были контакты европейцев с аборигенным населением тех территорий, которые попали в орбиту их колониальной экспансии. Эти контакты были крайне разнородны, носили далеко не однозначный, зачастую деструктивный характер, и имели очень глубокие, необратимые, а во многих случаях трагические последствия и для коренных американцев, и для представителей коренных сибирских народов.

И русские, и англичане, и французы в конце XVI — начале XVII в. пришли на земли, которые уже за много тысячелетий до этого, стали осваиваться человеком. Да, по уровню развития своей материальной культуры и коренные жители Северной Азии, и североамериканские индейцы и инуиты заметно отставали от европейцев. Часть племен, обитавших на территории современных США и Канады, была знакома с примитивным земледелием (в основном на северо-востоке); остальные находились на уровне присваивающего хозяйства (различные виды охоты и рыбной ловли, собирательство). Что касается Сибири, то в отношении земледелия ситуация там была в целом аналогичной. Оседлое хлебопашество как основа материального производства имело место только у народов Приамурья — дауров и дюченов. Несколько шире было распространено примитивное земледелие «наездом», — как вспомогательная отрасль хозяйства оно встречалось у части манси, качинцев, аринов и др. Правда, в Сибири, в отличие от Северной Америки, значительное развитие среди коренных народов еще до прихода русских получило скотоводство. В более южных районах разводили лошадей и крупный рогатый скот (якуты, буряты, телеуты, телесы и др.), на севере — оленей (ненцы, энцы, нганасаны, юкагиры, ительмены, коряки, чукчи и др.). В Западном полушарии северный олень американских подвидов (карибу) служил только объектом охоты и никогда не был одомашнен (в XIX–XX вв. в США и Канаду специально завезли домашних северных оленей из России и Скандинавии). Значительная часть аборигенов в обоих рассматриваемых нами регионах вела кочевой или полукочевой образ жизни. Относительно крупные постоянные поселения встречались лишь у немногих народов.

Принято считать, что в доконтактную / доколонизационную эпоху большинство аборигенных сообществ Сибири и Северной Америки находились в состоянии своего рода баланса с окружающей средой. Они хорошо приспособились к ней и не изменяли ее, поэтому некоторые авторы называют индейцев «природными экологистами»[1]. В то же время с точки зрения теории этногенеза такое поведение аборигенов в обоих рассматриваемых нами регионах было обусловлено тем, что к моменту прихода европейцев они находились в стадии этнического гомеостаза[2].

По уровню своей материальной культуры и технической оснащенности сибирские и североамериканские аборигены также сильно уступали пришельцам. Индейцы, обитавшие в зоне английской и французской экспансии, вообще не использовали железа и не были знакомы с металлургией (они знали только самородную медь). В Сибири железо также было распространено отнюдь не повсеместно. Многие народы Восточной Сибири его практически не знали или имели к нему очень ограниченный доступ. Даже у относительно высокоразвитых якутов к моменту прихода русских железа было настолько мало, что из него изготовлялось только боевое оружие, в то время как косы и бытовые топоры делались из кости и камня[3].

[1] См., напр.: *Martin C.* Keepers of the Game: Indian-Animal Relationships and the Fur Trade. Berkeley, 1978.

[2] См., напр.: *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. Л., 1990. С. 300, 446.

[3] *Степанов Н. Н.* К истории национально-освободительной борьбы народно-

Уровень общественного развития подавляющего большинства народов Сибири и Северной Америки соответствовал различным стадиям родового строя. Исключением являлись сибирские татары и отчасти енисейские кыргызы, однако и тех и других можно отнести к сибирским аборигенам лишь с известной долей условности. Во всех остальных случаях можно говорить о различных типах доклассовых обществ, диапазон которых был чрезвычайно широк: от высокоразвитой «военной демократии» и крупных племенных союзов до достаточно примитивных промысловых групп. Конечно, у многих народов к приходу европейцев уже существовало определенное имущественное расслоение, встречалось патриархальное рабство, передававшаяся по наследству власть и т. п. Однако, говоря об этом, следует учитывать, что термины, применявшиеся европейцами для описания аборигенных сообществ, зачастую плохо соответствовали местным реалиям. Например, выборные вожди и старейшины фигурировали в качестве «князцов», «принцев», «капитанов», а порой даже «королей» и «императоров», хотя таковыми, конечно же, не были. Это признавали и сами европейцы. Так, русские служилые люди отмечали, что у тунгусов есть «родовые князцы и старейшины, однако они когда хотят, слушают, а ежели в чем только усмотрят проступок, то искореняют и убивают»[4]. Иезуиты в Канаде заметили, что власть индейских вождей над соплеменниками основывается лишь на силе убеждения, и что «они могущественны настолько, насколько они красноречивы», и соплеменники им подчиняются только добровольно и по желанию[5]. Исследователь и торговец Н. Перро писал: «Дикарь не знает, что значит подчиняться — его надо скорее просить, чем им командовать»[6].

Сравнивая аборигенную Северную Америку и Сибирь до прихода русских, можно сказать, что их объединяла важная общая черта. И там и там развитие производительных сил коренного населения шло достаточно медленно, по сравнению с другими регионами планеты (из этого, конечно, ни в коем случае не следует, что развития не было вообще — аборигенные сообщества развивались точно так же, как и все остальное человечество). Это замедление было связано со многими причинами. Так, производительные силы индейцев в течение долгого времени не столько прогрессировали, сколько приспосабливались к новой обстановке, что было связано с характером заселения всего Западного полушария человеком — в достаточно сжатые (по сравнению с Восточным полушарием) сроки, через «Берингов мост» и далее — с севера на юг, через различные природно-климатические зоны. По мнению авторов монографии «Три века колониальной Америки», это движение напоминало гигантскую экспедицию, в ходе которой основные усилия ее участников уходили на адаптацию к меняющимся условиям[7]. В Сибири сдерживающую роль играл прежде всего чрезвычайно суровый (особенно на северо-востоке) климат, в условиях которого простое выживание требовало исключительной мобилизации всех производительных (да и моральных) сил человеческого сообщества, оставляя при этом мало возможностей для поступательного развития.

Среди специалистов нет единого мнения ни по вопросу о том, какова была численность аборигенов Северной Америки к началу контактной эпохи, ни по вопросу о количестве жителей Большой Сибири в конце XVI в. Правда, и сами цифры, и широта разброса мнений относительно этих цифр в обоих случаях неодинакова. Численность коренного населения Сибири к моменту прихода русских, почти во всех случаях оказывается существенно ниже численности североамериканских индейцев и инуитов. Б. О. Долгих приводил цифру 236 тыс. человек, однако признавал, что она приуменьшена[8]. Часто встречаются также цифры 200–220 тыс. человек. В то же время есть мнение (правда, в основном в научно-популярной литературе и публицистике), что это сильно заниженные показатели[9]. Сейчас большинство специалистов склоняется к тому, что применявшаяся методика расчета численности несовершенна и

стей северо-востока Сибири в XVII в. // Памяти В. Г. Богораза (1865–1936): Сб. статей. М.; Л., 1937. С. 221.

[4] Цит. по: *Степанов Н. Н.* Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма) / Под ред. А. П. Окладникова. М., 1973. С. 112.

[5] См.: *Sokolow J. A.* The Great Encounter: Native Peoples and European Settlers in the Americas, 1492–1800. Armonk (NY); London, 2003. P. 161.

[6] *Perrot N.* Mémoire sur les mœurs, coustumes et religion des sauvages de l'Amérique septentrionale / Ed. par. J. Tailhan. Montréal, 1973. P. 78.

[7] См.: Три века колониальной Америки: О типологии феодализма в Западном полушарии / Б. Н. Комиссаров, А. А. Петрова, О. В. Саламатова, А. А. Рыгин. СПб., 1992. С. 6.

[8] *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 617.

[9] См., напр.: *Верхотуров Д.* Покорение Сибири: мифы и реальность. М., 2005. С. 170–180.

нуждается в пересмотре, а сама демографическая ситуация в Сибири, сложившаяся к приходу русских, требует серьезного изучения[10].

Однако в любом случае данные о численности аборигенов Северной Америки на рубеже XV–XVI вв. колеблются существенно сильнее. Пионер американской антропологии Дж. Муни в 1910 г. подсчитал, что около 1500 г. на Североамериканском континенте к северу от Рио-Гранде проживало 1 152 950 человек (из них около 846 000 – на территории современных США). Значительная часть историков первой половины XX в. соглашалась с выводами Муни, а некоторые даже считали выведенные им цифры несколько преувеличенными (А. Л. Кребер полагал, что аборигенов в доконтактной Северной Америке было не более 900 тыс.). Однако в середине — второй половине XX в. большинство специалистов стало склоняться к тому, что данные Дж. Муни следует считать заниженными, поскольку при подсчетах он не в полной мере учитывал разрушительный эффект эпидемий занесенных европейцами болезней на аборигенов. В результате проведения комплексных исследований в научной литературе в 1960–80-е годы появились цифры 3,5 млн (Х. Драйвер), 4,4 млн (У. Деневан), 7 млн (Р. Торнтон), 12 млн (А. Раменофски). Однако следует иметь в виду, что все они основываются на значительных допущениях. В 1983 г. Х. Добинс высказал точку зрения, что на рубеже XV–XVI вв. к северу от Мезоамерики проживало до 18 млн человек (ранее сам Добинс давал оценку 9,8–12,25 млн). Правда, большинство специалистов считают подсчеты Добинса не совсем корректными, а его данные – явно преувеличенными[11].

В то же время многие авторитетные исследователи продолжают придерживаться (с определенными корректировками) точки зрения Муни. В 1976 г. в фундаментальном «Справочнике по североамериканским индейцам» Д. Юбилейкер привел цифру 2 171 000, а в 1986 г. в новом издании этого же справочника, снизил ее до 1 894 000 человек. Кроме того, в 1990-е годы некоторые из названных специалистов пересмотрели свои выводы и изменили приведенные ими данные в меньшую сторону (так У. Деневан отказался от цифры 4,4 млн в пользу 3,8 млн)[12].

[10]См.: *Зуев А. С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. Новосибирск, 2002. С. 80; *Элерт А. Х.* Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. С. 105–106.

[11]См.: *Thornton R.* Population of Native North Americans // A Population History of North America / Ed. by M. R. Haines and R. H. Steckel. Cambridge; New York, 2000. P. 12–13.

В целом современные авторы сходятся на том, что, во-первых, численность аборигенного населения Северной Америки на рубеже XV–XVI вв. никак не могла быть меньше последних данных Д. Юбилейкера — т. е. 1 894 000 человек; во-вторых, бóльшая его часть (до 80 или даже 90%) проживала на территории современных США (численность индейцев и инуитов на территории современной Канады к началу контактной эпохи обычно оценивается в 200–220 тыс. человек, т. е. практически столько же, сколько в Сибири по «традиционным» оценкам).

Очевидно, что плотность аборигенного населения в различных районах Северной Азии и Северной Америки также была различной. В Сибири наиболее густо были заселены преимущественно западные и южные районы, Приамурье. На Североамериканском континенте – отдельные области на Тихоокеанском побережье, на востоке – район к югу от Великих озер.

Как мы уже видели, дать точный ответ на вопрос «Сколько было аборигенов к началу контактной эпохи?», невозможно применительно ни к Сибири, ни к Северной Америке. Однако нам важно сравнить субъективные подходы к оценке численности и плотности коренного населения интересующих нас регионов, так как с этим напрямую связан вопрос, если не «оправдания» европейской экспансии, то, по крайней мере, определения ее характера и оценки ее последствий.

Сначала обозначим две принципиально противоположные «крайние» точки зрения. Первая исходит из того, что численность аборигенов и соответственно плотность аборигенного населения была относительно невелика. Отсюда делается вывод о наличии большого количества свободных земель и о том, что европейцы пришли именно на эти «ничейные» «незанятые» «неиспользуемые» земли. Вторая состоит в том, что численность аборигенов была значительной и, что самое главное, плотность аборигенного населения была обусловлена типом хозяйства, которое требовало значительных территорий — для охоты, кочевого скотоводства (в особенности оленеводства, где оптимальный размер табуна 1500–1800 голов) и т. п.

[12]О дискуссиях последних десятилетий по этому поводу см.: *Alchon S. A.* A Pest in the Land: New World Epidemic in a Global Perspective. UNM Press, 2003. P. 159–160.

На основании этого делается вывод, что если все земли были так или иначе включены в систему хозяйства, то «свободных» земель практически не было.

Последнее время в работах по истории Западного полушария получила распространение своего рода промежуточная точка зрения. Согласно ей к началу контактной эпохи — рубеж XV–XVI вв. — численность аборигенов Западного полушария (в том числе и Северной Америки) и плотность аборигенного населения была более или менее значительной. Однако уже в XVI — начале XVII в. она стала очень резко сокращаться в результате ряда эпидемий различных инфекционных заболеваний, невольно занесенных европейскими экспедициями. Эти эпидемии шли волнами от одного племени к другому и буквально выкашивали лишенных иммунитета индейцев (смертность от этих эпидемий была беспрецедентно высокой — до 95%!). Таким образом, к моменту основания первых европейских поселений на Североамериканском континенте численность аборигенов действительно стала уже относительно небольшой, и там имелись «свободные», или точнее обезлюдевшие земли.

Подтверждением этой точки зрения могут служить отчеты европейских путешественников, посещавших одни и те же области с определенным временным интервалом и сообщавших различные сведения о численности их населения. Так, считается, что к моменту прихода испанской экспедиции Э. де Сото (1539–1542) в места расселения индейцев кэддо (на территории современных штатов Техас и Арканзас) — последних насчитывалось около 200 тыс. Однако, когда в этих местах спустя более чем сто лет появился Р. Р. Кавелье де Ла Саль (1682 и 1684 гг.), кэддо осталось не более 8,5 тыс., а к началу XVIII в. их стало еще в 6 раз меньше — всего 1400 человек[13]. Причем все это время территория кэддо не попадала в орбиту экспансии какой-либо колониальной державы, никаких военных столкновений между этими индейцами и белыми не происходило. Причиной катастрофического сокращения численности кэддо были болезни, занесенные экспедицией де Сото (причем разносчиками заразы были не только люди, но и животные,

[13] Подробнее см.: *Perttula T. K.* 1) The Long Term Effects of the de Soto Entrada on Aboriginal Caddoan Populations // The Expedition of Hernando de Soto West of the Mississippi, 1541–1543 / Ed. by G. A. Young and M. P. Hoffman. Fayetteville, 1993. P. 237–254; 2) European Contact and Its Effects on Aboriginal Caddoan Populations between A.D. 1520 and A.D. 1680 // Columbian Consequences: In 3 Vols. / Ed. by D. H. Thomas. Vol. 3. Washington, 1991. P. 501–518.

которые имелись у испанцев, особенно свиньи). Приблизительный список этих болезней, составленный американскими специалистами А. Раменофски и П. Галлоуэй, включает оспу, тиф, сифилис, коклюш, туберкулез, сибирскую язву, бруцеллез, лептоспироз, малярию, трихинелез, финноз (цистицеркоз). И это только те болезни, которые можно идентифицировать по отрывочным данным письменных источников общего характера и данным археологических находок[14].

Не все исследователи согласны с этими выводами — прежде из-за отсутствия прямых свидетельств того, что после появления де Сото среди индейцев начались массовые эпидемии болезней, занесенных испанцами. Как заметил Ч. Манн, выводы об эпидемиях основываются не столько на конкретных данных, сколько на том, о чем умалчивают отчеты европейских путешественников. Археологические данные тоже недостаточно убедительны. С одной стороны, находки подтверждают, что с середины XVI в. массовых захоронений у кэддо стало больше, с другой, невозможно точно определить, отчего именно умерли те, кто там похоронен. По мнению Ч. Манна, «предполагать, что визит де Сото вызвал последующий коллапс среди кэддо и куса, можно только на основании логического софизма *post hoc ergo propter hoc* [после этого — значит вследствие этого]»[15].

Однако по поводу этих возражений можно заметить, что пример с индейцами кэддо и экспедицией де Сото далеко не единственный. Аналогичные ситуации имели место и в других частях Североамериканского континента. Так, в 1604–1605 гг. французы предприняли попытку закрепиться на Атлантическом побережье. Экспедиция под руководством П. дю Га де Мона и будущего «Отца Новой Франции» С. де Шамплена в поисках удобного места для поселения тщательно исследовала участок американского и канадского берегов от полуострова Новая Шотландия до бухты Наусет (Массачусетс). Документально подтверждено, что французы заходили в чрезвычайно удобные Портсмутскую, Бостонскую и Плимутскую гавани, где спустя несколько десятилетий были основаны соответствующие английские поселения. Однако в итоге было принято решение обос-

[14] См.: *Ramenofsky A., Galloway P.* Disease and the de Soto Entrada // The Hernando de Soto Expedition: History, Historiography and «Discovery» in the Southeast / Ed. by P. Galloway. Lincoln; London, 1997. P. 274.

[15] *Mann Ch. C.* 1491: New Revelation of the Americas before Columbus. New York, 2005. P. 99–100.

новаться в одной из бухт залива Фанди, где в 1605 г. было основано поселение Пор-Руайяль (сейчас Аннаполис-Ройял, провинция Новая Шотландия). На первый взгляд кажется странным, что «королевский географ» Шамплен — опытный моряк и путешественник — выбрал для поселения место, пусть и удобное, но расположенное почти в самой северной точке пройденного им маршрута. Причина этого заключалась именно в том, что на побережье будущей Новой Англии французы обнаружили очень плотное индейское население. По отношению к белым аборигены были настроены весьма воинственно и агрессивно (после того как индейцы убили матроса, отправившегося на берег за водой, французы не решались вступать с ними в какие-либо контакты и высаживались только в безлюдных местах). Именно страх перед индейцами и заставил Шамплена и де Мона выбрать для поселения Новую Шотландию, где индейское население было более редким[16].

Однако спустя 15 лет — в 1620 г., когда в Плимутскую гавань прибыл знаменитый «Мэйфлауэр», ни с какими многочисленными и воинственными племенами отцам-пилигримам сталкиваться не пришлось. В середине 1610-х годов европейскими рыбаками или торговцами в эти места была занесена какая-то неизвестная аборигенам страшная болезнь (скорее всего, бубонная чума), в результате эпидемии которой буквально за несколько лет численность индейцев в Новой Англии сократилась на 90%![17] Например, полностью исчезло племя патуксет, из которого происходил Скуанто — индеец, прославившийся своими приключениями и тем, что он был помощником и своего рода наставником отцов-пилигримов, в первые годы существования поселения в Плимуте[18].

---

[16]Об экспедиции 1604–1605 гг. см. подробнее: *Акимов Ю. Г.* Поселение Сент-Круа (1604–1605): начальная страница французской колонизации Северной Америки // Американский ежегодник 2003. М., 2005.

[17]См.: *Тишков В. А.* К оценке исторических последствий индейско-европейских контактов // Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. М., 1992. С. 11.

[18]В 1605 г. место расселения патуксетов посетила английская экспедиция Дж. Уэймута, который захватил несколько индейцев, в том числе и Скуанто, и привез в Англию. Там Скуанто был взят под покровительство сэром Фердинандо Горджесом — одним из активных сторонников английской колонизации Северной Америки. В 1612 г. Скуанто был отправлен обратно в Америку вместе с Дж. Смитом, однако в 1614 г. был захвачен другим английским капитаном Т. Хантом и продан в рабство испанцам. Скуанто удалось освободиться и попасть в Англию, откуда с помощью Горджеса в 1618 г. он снова отправился в Америку. В 1619 г. ему, наконец, удалось добраться до родных мест, однако там

Применительно к аборигенам Сибири аналогичных данных нет (хотя и специальных исследований также не проводилось). Можно, однако, заметить, что ситуации, полностью аналогичной той, которая имела место в Северной Америке, в Северной Азии просто не могло быть уже хотя бы в силу того, что там аборигенное население все же не было абсолютно изолировано от контактов (пусть и опосредованных) с теми вирусами и инфекциями, которые были распространены в Европе. Есть сведения о том, что кочевые народы южных и западных окраин Сибири сталкивались с эпидемиями оспы, кори и других инфекционных заболеваний задолго до прихода русских. Данные археологических раскопок свидетельствуют, что сибирским аборигенам были также «знакомы» туберкулез, остеомелит и т. п.[19] Безусловно, приход русских по разным причинам способствовал распространению в Сибири многих болезней, которые оказали весьма разрушительное воздействие на коренные народы. Однако говорить о двигавшемся впереди русских каком-либо «фронте» эпидемий абсолютно неизвестных аборигенам заболеваний вряд ли возможно.

Однако в любом случае не подлежит сомнению, что появление европейцев оказало сильнейшее воздействие на очень многие стороны жизни аборигенных сообществ. Причем это воздействие далеко не всегда носило сознательный и направленный характер. Даже в том случае, если европейцы и не ставили перед собой задач каким-либо образом непосредственно повлиять на то или иное племя (приобщить к цивилизации, обратить в христианство, использовать в своих политических или экономических интересах как военного союзника или торгового партнера, переместить его, либо наконец просто физически уничтожить), все равно принесенные ими болезни, товары, оружие, алкоголь, коммерческие и властные отношения, наконец, сам по се-

---

Скуанто не обнаружил своего племени, которое поголовно вымерло. Он остался жить в соседнем племени вампаноагов. В 1620 г. на том самом месте, где когда-то жили патуксеты, высадились и основали поселение отцы-пилигримы. Скуанто подружился с ними и во многом именно благодаря его помощи и советам, поселенцы смогли выжить и адаптироваться к новым условиям. Подробнее см.: *Salisbury N.* Squanto: The Last of the Patuxets // Struggle and Survival in Colonial America / Ed. by D. G. Sweet and G. B. Nash. Berkeley (CA), 1989. P. 228–245.

[19]См.: *Скобелев С. Г.* Влияние заболеваемости на динамику численности коренного населения Сибири в XVII–XX вв. // Сибирская заимка. 2002. № 3. — http://www.zaimka.ru/03_2002/skobelev_epidemic/

бе факт появления и водворения ранее невиданных бледнолицых / бородатых людей изменяли существовавшие веками представления, системы ценностей, мироощущение и мировосприятие аборигенов, а также весьма существенно влияли на демографическую ситуацию в аборигенных сообществах, их повседневную жизнь и т. п.

Наиболее трагические последствия имело распространение европейских болезней, которое естественно только усилилось, после того как контакты русских, англичан и французов с аборигенами стали носить систематический характер. Так, по поводу русской колонизации еще П. А. Словцов отмечал, что «одно из последствий русского завладения Сибирью самое гибельное, как и неотвратимое, было внесение оспы в среду орд, которые не только по своему неведению, но и по образу житья должны были испытать всю жестокость заразы». По его данным (которые не оспаривают и другие исследователи), в первой половине XVII в. оспа продвигалась по Сибири с запада на восток: в 1610 г. она поразила остяков Нарымского уезда, в 1631 г. — свирепствовала среди остяков и самоедов около Туруханска, в 1651 г. — пришла в Якутию[20]. Сюда также нужно добавить Притомье и Причулымье, где эпидемия свирепствовала в 1630–1632 гг.[21]

П. А. Словцов также отметил, что смертность от оспы в Сибири была существенно выше, чем в Европейской России. Если там она обычно колебалась в пределах 10–20%, то в Сибири умирало от 1/3 до 3/4 заболевших. «Все отделы племен сократились в численности, и иные даже вымерли, если не во время, здесь означенное, то в последовавшие повторения болезни»[22]. Эти данные подтверждаются подсчетами Б. О. Долгих, согласно которым после вышеупомянутой эпидемии оспы 1631 г. по зимовьям Хантайскому, Леденкиному шару и Туруханскому в ясаке числилось 68, а умерших — 177 человек[23], т. е. смертность составила почти 2/3. Всего в начале 1630-х годов от оспы умерло около половины инбакских кетов и более двух третей хантайских энцев[24].

[20] *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. С. 73–74.
[21] См.: *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав... С. 97.
[22] *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. С. 74.
[23] *Долгих Б. О.* Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970. С. 142–143.
[24] См.: *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав... С. 128–129, 143–144.

Однако одной оспой дело не ограничивалось. Помимо нее в Сибири отмечались такие болезни, как тиф, корь, сибирская язва, туберкулез, холера, сифилис и др.

Во второй половине XVII–XVIII вв. эпидемии распространились уже по всей Большой Сибири, включая Восточную Сибирь и Дальний Восток. Наиболее сильно от них пострадали чукчи, коряки, юкагиры, чуванцы, нивхи, алеуты. Здесь, видимо, определенную роль сыграл как раз тот факт, что эти народы до момента прихода русских находились в относительно большей изоляции от внешнего мира. В 1715 и 1719 гг. в Анадырском крае свирепствовала оспа, от которой особенно сильно пострадали юкагиры (хотя смертельные исходы были и среди русских)[25]. На Камчатке три эпидемии «гнилой горячки» (скорее всего, тифа) и оспы (в 1767–1769, 1786 и 1799 гг.) привели к тому, что местное население там сократилось на 50%![26]

Эпидемии не обошли стороной Якутию и прилегающие к ней районы. Особенно страшной была первая крупная эпидемия оспы, пришедшаяся на первую половину 1650-х годов. В результате ее в некоторых местах аборигенное население просто исчезло. В дальнейшем различные эпидемии фиксировались в Якутии в 1659–1660, 1681, 1683, 1690–1691, 1695, 1714 гг. Среди тунгусов эпидемии оспы свирепствовали в 1688–1692 гг. и в 1720-е годы. Проезжавший через места их расселения Витус Беринг заметил, что в 1725 г. на Ангаре «народу тунгусов мало видели для воспы, от которой много их перемерло»[27].

Безусловно, многие данные о сокращение численности того или иного народа носят субъективный характер, что связано с отсутствием достоверных сведений о количестве аборигенного населения Сибири к моменту прихода русских. В этой ситуации исследователям приходится использовать разного рода косвенные свидетельства. Так, В. И. Огородников на основании расспросных речей русских землепроходцев, а также других официальных документов и этнографических материалов сделал вывод о том, что «юкагирское племя в XVII столетии было гораздо более многочисленно, нежели

[25] *Зуев А. С.* Русские и аборигены... С. 115–116.
[26] *Патканов С.* О приросте инородческого населения в Сибири. СПб., 1911. С. 138.
[27] Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984. С. 42.

позднее»[28]. Однако при этом остается неясным, как именно следует трактовать приводимые им замечания русских путешественников и чиновников типа «Юкагирская землица людна», «люди по тем рекам [Алазее, Колыме и Анадыре] живут многие», или поэтические слова юкагирского предания о том, что раньше «Юкагирских огней было так много, как звезд на небосклоне в ясную ночь. Перелетные птицы исчезали в дыму юкагирских очагов, и северное сияние было отражением их многочисленных костров»[29]

Однако в любом случае, даже самые осторожные в оценках авторы признают, что эпидемии «несомненно <...> были страшным бедствием для коренных жителей, для отдельных этнических групп, по своим последствиям даже превосходившим потери в ходе боевых действий в процессе присоединения Сибири к Русскому государству»[30]. Воздействие эпидемий на аборигенные сообщества было чрезвычайно глубоким и длительным и не ограничивалось только непосредственными людскими потерями. Эпидемии часто становились причинами миграций, слияний и поглощений различных этнических групп, изменения сложившегося баланса сил, новых межплеменных конфликтов и т. п. Кроме того, эпидемии продолжали преследовать аборигенов и в последующие периоды, когда воздействие других негативных факторов (например, военных) уже прекратилось. Еще в конце XVIII в. И. Г. Георги заметил по этому поводу:

> «Их [сибирские народы] и без того незаметное увеличение в численности оспа, когда она появляется, не только сводит к нулю, но и уменьшает численность нации в целом настолько, что теперь, хотя по их образу жизни и не ставится никаких препятствий, число мужчин далеко ниже числа их при завоевании»[31].

Представляется, что при этом не столь важен вопрос — была ли известна та или иная болезнь до прихода русских или нет? Очевидно, что в рассматриваемую нами эпоху ни в Сибирь, ни в Северную Америку никто вирусов и инфекций специально не завозил, и заразить аборигенов не стремился (отдельные случаи использования европейцами инфекционных заболеваний как своего рода бактериологического оружия имели место существенно позднее — в середине XVIII — первых десятилетиях XIX в.)[32]. Правда, помощь в борьбе с болезнями сибирским народам со стороны русских[33], а индейцам со стороны англичан и французов также была весьма незначительной. В Северной Америке кое-что в этом направлении пытались делать миссионеры (прежде всего в Новой Франции). В России же более или менее систематические мероприятия стали проводиться только в конце XVIII в. (первые попытки прививки оспы в 1770-е годы, карантины, раздача продовольствия из казенных магазинов и т. п.).

В Северной Америке в рассматриваемый нами период от эпидемий в наибольшей степени пострадали индейцы, проживавшие в восточных районах континента, которые первыми попали в орбиту европейской экспансии. Так, уже к концу XVII в. резко сократилось индейское население Новой Англии. Как мы уже упоминали, процесс вымирания новоанглийских аборигенов начался в середине 1610-х годов; в последующие десятилетия он продолжился весьма быстрыми темпами. В 1674 г. массачусетский чиновник Д. Гукин провел опрос старейшин племен, еще проживавших в то время на территории Новой Англии. Согласно их информации до прихода англичан племя наррагансетов могло выставить до 5 тыс. воинов, пекоты — 4 тыс., а массачусетсы и уамеситы — по 3 тыс. Теперь же (т. е. в 1674 г.) нарангансетских воинов оставалось около 1 тыс., массачусетских и пекотских — по 300, уамеситских — не более 250 человек[34]. Примерно за полвека численность этих племен сократилась таким образом в 10 раз! Причем крупных столкновений между ними и англичанами в это время не было, за исключением так называемой Пекотской войны 1637 г. Очевидно, параллельно шло сокращение численности других племенных объединений проживавших

[28] *Огородников В. И.* Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли. Чита, 1922. С. 25.

[29] Там же. С. 3, 4, 25.

[30] *Скобелев С. Г.* Влияние заболеваемости на динамику численности коренного населения Сибири в XVII–XX вв. // Сибирская заимка. 2002. № 3. — http://www.zaimka.ru/03_2002/skobelev_epidemic/

[31] *Georgi J. G.* Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich 1772–1774: In 2 Bd. Bd. I. St. Petersburg, 1775. S. 503.

[32] См.: *Parkman F.* The Oregon Trail. The Conspiracy of Pontiac. New York, 1991. P. 648; *Нефеджин А. К.* Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб., 2003. С. 238.

[33] В 1690–1691 гг. во время эпидемии оспы у тунгусов приказчик Охотского острога Г. Пушкин попытался лечить их сулемой, но напуганные тунгусы решили, что таким образом их наоборот хотят еще сильнее заразить и убили приказчика и его людей. См.: *Степанов Н. Н.* Присоединение... С. 115.

[34] *Gookin D.* Historical Collections of the Indians in New England... (1674) // Massachusetts Historical Society Collections: First Series. Vol. 1. Boston, 1792. P. 147–149.

на территории Новой Англии (могикан[35], сококи, поконокетов, пеннакуков). По подсчетам Ф. Дженнингса, за период с 1600 по 1674 г. индейское население всей Новой Англии сократилось с 90 тыс. до 10,75 тыс. человек[36].

В дальнейшем процесс сокращения численности индейцев Новой Англии продолжался — в результате как новых эпидемий, так и вооруженных конфликтов (особенно разрушительной для индейцев была Война короля Филиппа), о которых речь пойдет далее. О масштабах же всего этого процесса можно судить по примеру индейцев Блок-айленда (по ним имеется относительно точная статистика). За период с 1662 по 1774 г. его аборигенное население сократилось с 1500–1200 человек до 51 (т. е. в 50–60 раз!)[37].

В результате эпидемий также очень заметно сократилась численность индейцев в южных колониях, прежде всего в Вирджинии. Там этот процесс начался еще в конце 1580-х годов, после того как вирджинское побережье посетило несколько английских экспедиций. Один из их руководителей капитан А. Барлоу с простодушным удивлением заметил, что встречавшиеся ему раньше индейцы алгоникины «таинственным образом исчезли, и в некоторых местах эта страна стала безлюдной»[38]. Более прозорливым оказался ученый-натуралист Томас Хэриот, участвовавший в экспедиции 1588 г. Он прямо указал на то, что индейцы «начали очень быстро умирать» именно после того, как их селения посетили англичане[39]. После основания Джеймстауна вымирание индейцев продолжилось еще более быстрыми темпами. Уже через год (в 1608 г.) «странный смертельный недуг» уничтожил значительную часть племени аккомаке, жившего на берегу Чесапикского залива. Спустя сто лет в начале XVIII в. один из первых историков Вирджинии Р. Беверли писал, что если в момент прихода белых прибрежные племена насчитывали многие тысячи человек, то теперь их едва наберется

[35]Название этого племени правильнее было бы транслитерировать как «мбуикэн» (mohecan), но мы следуем устоявшейся традиции.

[36]*Jennings F.* The Invasion of America: Indians, Colonialism and the Cant of the Conquest. Chapel Hill, 1975. P. 29.

[37]*Livermore S. T.* History of Block Island, Rhode Island (1877) (facsimile reprint — Forge Village (MA), 1961. P. 63).

[38][*Barlow A.*] Arthur Barlow's Discourse of the First Voyage (1589) // The Roanoke Voyages, 1584–1590: In 2 Vols. / Ed. by D. B. Quinn. Vol. I. London, 1955. P. 113.

[39]*Hariot Th.* A Brief and True Report of the New Found Land of Virginia (1588) // Ibid. Vol. I. P. 378.

500[40]. Почти в это же время в 1709 г. Дж. Лоусон писал по поводу индейцев Каролины: «Я определенно полагаю, что на расстоянии двух сотен миль от наших поселений сейчас едва осталась шестая часть дикарей из тех, что жили там пятьдесят лет назад»[41].

Аналогичные процессы происходили в центральных колониях. Племя саскуэханна, обитавшее на территории Пенсильвании в 1647 г., по подсчетам миссионеров, насчитывало от 5200 до 6500 человек. Всего за пять лет его численность сократилась более чем в двое — в 1652 г. саскуэханна было от 2 до 3 тыс. К 1698 г. в племени осталось всего около 50 воинов — это значит всего в нем насчитывалось не более 200–250 человек![42]

Конечно, применительно к колониальной Северной Америке, так же как и в случае с Сибирью XVI–XVIII вв., далеко не всегда в распоряжении исследователей имеются точные данные о динамике численности тех или иных племен. Источники часто просто сообщают о значительном сокращении численности аборигенов после появления белых, не приводя никаких конкретных цифр. Так, в 1656 г. А. Ван дер Донк в своем «Описании Новых Нидерландов» отметил: «Индейцы <...> утверждают, что до прибытия христиан они были в десять раз более многочисленными, чем сейчас, и что их соплеменники были уничтожены той болезнью, от которой умерло девять десятых из них»[43].

Джон Хэкуэлдер — миссионер из секты моравских братьев, проповедовавший во второй половине XVIII в. среди делаваров, писал:

> «Трудно сказать сколь многочисленным был этот народ, когда европейцы впервые пришли в эту страну; все что я могу утверждать, так это то, что еще в 1760 г. самый старый человек из них [делаваров] мог бы сказать, что их были тогда не сотни, но тысячи»[44].

[40]См.: *Beverly R.* The History and Present State of Virginia: In 4 Parts. London, 1705.

[41]*Lawson J.* A New Voyage to Carolina (1709) // March of America Facsimile Series. Ann Arbor, 1966. No 35. P. 224.

[42]См.: The Jesuit Relations and Allied Documents: In 73 Vols / Ed. by R. G. Thwaites. Vol. XXXIII. Cleveland, 1898. P. 129; Vol. XIV. Cleveland, 1898. P. 9.

[43]*Van der Donck A.* A Description of the New Netherlands // New York Historical Society Collections: Second Series. Vol. I. New York, 1841. P. 183.

[44]*Heckewelder J.* An Account of the History, Manners, and Customs of the Indian Nations, Who Once Inhabited Pennsylvania and the Neighboring States // Memoirs of the Historical Society of Pennsylvania / Ed. by W. C. Reichel. Vol. XII. Philadelphia, 1881. P. 85.

В Новой Франции плотность индейского населения была относительно невысокой, что обусловило несколько меньший масштаб эпидемий по сравнению с приатлантическими колониями Англии. Однако и «французские индейцы» серьезно страдали от невиданных ранее недугов. В 1636–1639 гг. сильнейшая эпидемия оспы разразилась среди гуронов, обитавших на северном побережье одноименного озера. Хотя точных данных о численности умерших нет, большинство специалистов предполагает, что в результате ее численность племени могла сократиться на 50%. Так, У. Дж. Экклз считает, что при общей численности племени к началу 1630-х годов от 20 до 30 тыс. человек от оспы умерло до 15 тыс.[45] Дж. Соколоу приводит цифру 10 тыс.[46] В результате расстановка сил в «треугольнике» река Оттава — Великие озера — р. Св. Лаврентия, где ранее господствовали гуроны и их союзники, изменилась в пользу ирокезов[47].

Негативное воздействие неизвестных ранее болезней усугублялось тем, что аборигены не только не умели их лечить, но и не владели хотя бы элементарными навыками поведения в условиях эпидемий. Так, индейцы пытались помочь больным, дотрагиваясь до них и дыша на них; они также считали необходимым, чтобы как можно больше людей находилось рядом с заболевшим родственником или соплеменником[48]. Естественно, что все это только способствовало распространению инфекций. В Сибири тунгусы наоборот бросали больных на произвол судьбы, а сами стремились как можно скорее откочевать на новое место[49]. То же самое И. Г. Георги писал о якутах: «...боясь смерти такое имеют от больных отвращение, что не хотят за ними и ходить. Лежащим в оспе оставят только несколько и по большей части мало в юрты съестного запасу, а потом удаляются сами в леса...»[50]. В 1735 г. Г. Ф. Миллер на основе личных наблюдений отмечал, что живущие в Енисейском уезде аборигены сильно страдают от

[45]См.: *Eccles W. J.* The Canadian Frontier, 1534–1760. Hinsdale (Ill.), 1969. P. 52.
[46]*Sokolow J. A.* The Great Encounter... P. 152.
[47]См.: *Abenon L.-R., Dickinson J. A.* Les Français en Amérique. Lyon, 1993. P. 44.
[48]См.: *Axtell J.* Natives and Newcomers: The Cultural Origins of North America. New York; Oxford, 2001. P. 299.
[49]См.: *Зиннер Э. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968. С. 54.
[50]*Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов...: В 4 ч. Ч. 2: О народах татарского племени. СПб., 1799. С. 177.

оспы и других болезней, «от которых они не знают ни средств, ни возможности придерживаться во время болезни необходимой диеты»[51].

Численность аборигенов сокращалась и в результате разного рода военных конфликтов и столкновений. Причем это были как сражения с русскими, англичанами или французами, так и межплеменные войны. Конечно, последние имели место и до прихода европейцев, однако носили достаточно ограниченный характер; и потери в них были относительно невелики. В доконтактную эпоху аборигены воевали друг с другом, в основном, ради мести и/или захвата пленных (последних либо убивали, либо принимали в племя, компенсируя, таким образом, людские потери). Относительно реже велись войны с целью захвата территорий (охотничьих угодий), рабов или другой добычи. В целом между различными племенами сложился и поддерживался определенный баланс сил. Война часто обставлялась многочисленными ритуалами — ее заранее особым образом объявляли, затем стороны договаривались о времени и месте сражения, давали друг другу время на подготовку и т. п.[52] Первые поселенцы Новой Англии даже полагали, что война для местных индейцев была скорее «приятным времяпрепровождением, чем средством борьбы с врагами», поскольку «они могли воевать семь лет и при этом не убить и семи человек»[53].

Приход европейцев резко изменил эту ситуацию. Во-первых, свою отрицательную роль сыграло применение и распространение огнестрельного оружия. Сначала его использовали только европейцы, однако постепенно оно стало проникать и к аборигенам. Соответственно резко возросло число боевых потерь (даже если речь шла об «обычных» стычках, а не о специальных карательных экспедициях, которые тоже имели место). Во-вторых, изменился характер межплеменных войн. Теперь они часто велись за обладание какими-либо ресурсами (например, пушными угодьями), территориями (европейцы теснили одни племена, те, в свою очередь, стремились отнять земли у соседей и так далее по «принципу домино»). Неравномерное распределение огнестрельного оружия, большие у одних племен и меньшие у других потери в результате эпи-

[51]Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 45.
[52]См., например, описание военных ритуалов у чукчей: *Нефедкин А. К.* Военное дело чукчей... СПб., 2003. С. 135–136.
[53]Цит. по: *Sokolow J. A.* The Great Encounter... P. 159.

демий привели к нарушению традиционного баланса сил и сделали возможным ведение войн на уничтожение. В свою очередь, племена, пострадавшие в результате эпидемий, стремились восстановить свою численность путем инкорпорации в свой состав пленных — для чего опять-таки требовалось напасть на соседей[54]. Наконец, сами европейцы стали втягивать аборигенов в свои собственные конфликты друг с другом (англо-французские войны в Северной Америке плюс столкновения англичан с испанцами) или в конфликты с «внешним» противником (борьба русских с кочевыми народами на границах Сибири), а также использовать одни племена как инструмент для борьбы с другими.

Иначе говоря, теперь аборигенные сообщества могли участвовать в конфликтах четырех типов. Во-первых, в прямых столкновениях с европейскими пришельцами (это могли быть как довольно значительные войны, так и восстания, карательные экспедиции, партизанские операции и т. п.). Во-вторых, в войнах с другими аборигенами, вызванными как «традиционными», так и новыми причинами. В-третьих, в конфликтах между европейцами и другими аборигенами на стороне европейцев (например, в отряде В. Атласова, выступившем в 1697 г. на завоевание Камчатки, было поровну русских и юкагиров; в 1665–1666 гг. гуроны участвовали в походе де Траси против ирокезов; в 1637 г. могикане и наррангансеты воевали на стороне англичан против пекотов и т. д.). В-четвертых, в «больших» войнах, которые вели европейцы.

Что касается огнестрельного оружия, то на первых порах и в Сибири и в Северной Америке оно производило шоковое впечатление на аборигенов. В значительной степени именно «вогненный бой» принес русским победу над силами Кучума, открыл дорогу в Сибирь, а затем обеспечил ее завоевание. Вплоть до конца XVII в. (а в отдельных местах и позднее) русские продолжали использовать огнестрельное оружие не только по его прямому назначению, но и как средство устрашения (т. е. в Сибири еще имелись народы, не знакомые с ним). Так, в 1630-е годы якуты недоумевали: «Что это значит? — Прилетит какая-то муха, укусит, и человек умирает»[55]. В 1690-е годы буряты-эрехиты с ужасом рассказывали: «Из пустого и волшебного железа выходит дым и огонь, и мы умираем»[56]. Примерно в это же время завоеватель Камчатки Владимир Атласов сообщал, что тамошние аборигены «гораздо боятся» невиданного оружия русских, «против огненного ружья стоять не могут и бегут назад»[57]. Чукчи поначалу принимали выстрелы из ружей «за гром небесный и раны от пуль за ранения от молнии»[58].

[54]См.: *Axtell J.* Natives and Newcomers... P. 299.

[55]Цит. по: *Ионова О. В.* Из истории якутского народа. Якутск, 1945. С. 28.

[56]*Кудрявцев Ф. А.* История бурят-монгольского народа: От XVII в. до 60-х годов XIX в. Очерки. М.; Л., 1940. С. 77.

В Вирджинии первое знакомство местных индейцев с огнестрельным оружием состоялось во время разведывательного плавания капитана К. Ньюпорта вверх по р. Джеймс. Англичане пригласили нескольких аборигенов на борт своего судна и сделали несколько показательных выстрелов. Гром и дым европейских мушкетов произвел на индейцев такое сильное впечатление, что некоторые из них при первом же выстреле бросились в воду[59].

Хорошо известно, какой эффект произвели три аркебузы С. Шамплена и его спутников в ходе одной из стычек между союзными французам гуронами и алгонкинами, с одной стороны, и ирокезами, с другой. По просьбе своих союзников Шамплен летом 1609 г. отправился с ними в поход против одного из ирокезских племен. Первоначально события развивались так, как было положено в традиционной индейской войне — противники встретились, договорились о том, что будут сражаться, назначили время, провели соответствующие церемонии и т. п. Однако когда боевые порядки врагов стали сближаться, французы с расстояния 30 шагов сделали несколько прицельных выстрелов по ирокезским вождям (очевидно, заметно выделявшимся на фоне других воинов). В результате три вождя были убиты, а все остальные ирокезы в панике бежали (этот эпизод изображен на известном рисунке самого Шамплена)[60]. Последствия этого сражения оказались весьма серьезными и неоднозначными. В частности, они надолго осложнили отношения между французами и могущественной Лигой ирокезов — так называемым Союзом пяти племен, который в дальнейшем не раз выступал против «французских» индейцев и серьезно угрожал самой Новой Франции.

В 1650–60-е годы, когда П. Э. Радиссон и М. Ш. де Грозейе впер-

[57]Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. архивных материалов / Под ред. Я. П. Алькора и А. К. Дрезена. Л., 1935. С. 32.

[58]Цит по: *Нефедкин А. К.* Военное дело чукчей... С. 109.

[59]См.: *Axtell J.* Natives and Newcomers... P. 241.

[60]Описание этого сражения вместе с рисунком Шамплена см., напр.: Voyages of Samuel de Champlain, 1604–1618 / Ed. by W. L. Grant. New York, 1907 (reprinted, 1952). P. 163–165.

вые посетили индейцев оджибва, проживавших на территории современного штата Висконсин, то те настолько были поражены их ружьями, ножами и топорами, что стали в прямом смысле этого слова поклоняться им и окуривать их священным дымом. В 1680 г. огнестрельное оружие впервые увидели лесные сиу, при этом оно настолько их поразило, что они назвали его «железом, в котором живет дух»[61].

На первых порах и русские, и англичане, и французы стремились не допустить попадания европейского оружия (прежде всего огнестрельного) в руки аборигенов. Так, в Сибири оружие относилось к числу «заповедных товаров», которые запрещалось передавать местным жителям. Русские власти неоднократно издавали на этот счет распоряжения подобного содержания:

> «...тайно чтоб русские всяких чинов служилые люди и служилые и ясашные и всякие иноземцы пороху и свинцу, и пищалей, и сабель, копей, бердышев, ножей, топоров, пансырей, лат, шишаков, наручей и никакого ружья и ратные збруи <...> всяким иноземцам нигде не продавали и ни на что не променивали <...> а буде кто учинит мимо твоего государя указу, что кому заповедное продавать учнет, и за то тем людем чинить жестокое наказанье...»[62]

Все дела о продаже оружия сибирским аборигенам рассматривались как «изменные». Совершенные сделки считались не имеющими силы и аннулировались. Кроме того, они резко осуждались окружающими. Когда казак Андрей Щербаков продал одному тунгусу за 40 соболей панцирь, «стали на него Ондрюшку казаки шуметь, и он Ондрюшка тот пансырь взял назад»[63]. В наказах верхотурским воеводам, контролировавшим «въезд» в Сибирь, периодически говорилось о необходимости строго следить за ввозом туда оружия.

> «...а с сибирскими всякого чина служилыми людьми с Руси пропущать ружье и порох и свинец, кому, что по указу Великого Государя и по проезжим из Сибирского приказу пропустить будет велено, а что явится сверх тех проезжих грамот и указов у кого в лишке, что все имать в казну Великого Государя бесповоротно и записывать особ статьею, и о том писать в Сибирский приказ; а буде в Сибирь поедут по морских и иных городов торговые люди, и с ними будут ружья пропускать для их проезду на всякого человека по пищали, для продажи с ними больше того ружья не пропускать для того, чтоб они то ружье не продавали иноземцам и в улусы не отвозили, и имать у них в том за руками сказки, что назад из Сибири едучи им то ж ружье с собою привести, а больше того не пропускать, а лишние имать в казну Великого Государя и записывать в книгу особ статьею, а как те торговые люди из Сибири поворотятся, и у них то ружье по записи спрашивать»[64].

В Английской Америке в 1619 г. в Джеймстауне колониальная ассамблея приняла постановление, согласно которому всякий поселенец, допустивший чтобы в руки индейца попало «любое огнестрельное оружие, заряды, порох, или другое оборонительное или наступательное вооружение», должен был быть повешен![65]

В Новой Франции действовал ордонанс, изданный правительством метрополии в 1612 г., где запрещалось «всем нашим подданным и другим, кем бы они ни были, приносить отныне названным дикарям, обитающим в тех местах в Новой Франции, любое огнестрельное оружие под страхом штрафа в 10 000 ливров и телесного наказания». В 1622 г. власти в Париже приняли более суровый закон, согласно которому продажа огнестрельного оружия индейцам должна была караться смертной казнью[66].

Правда, постепенно европейское оружие (в том числе и огнестрельное) стало появляться и у сибирских народов и у американских индейцев. Во-первых, оно попадало к ним в качестве трофеев. Так, в русских документах часто встречаются упоминания о том, что «убили служилого человека <...> и пищаль его чукчи унесли», «убили в куяке и куяк с него унесли юкагири» и т. п.[67] Во-вторых, этого требовали интересы развивающейся пушной торговли с аборигенами — наряду с алкоголем оружие здесь было одним из самых ходовых и дорогих товаров. В-третьих, сказывалось отмеченное выше стремление европейцев использовать коренных жителей

[61] См.: *Axtell J.* Natives and Newcomers... P. 34.

[62] Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I–XII. Т. VII, № 71. СПб., 1859. С. 330–331.

[63] Цит по: *Степанов Н.Н.* К истории национально-освободительной борьбы... С. 223.

[64] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: В 46 т. / Под ред. М. М. Сперанского. Т. III. СПб., 1830. № 1595. С. 387–388.

[65] Цит. по: The American Indian, 1492–1970: A Chronology and Facts Book / Compiled and ed. by H.C. Dennis. Dolls Ferry (NY), 1971. P. 5.

[66] См.: *Lacoursière J.* Histoire populaire du Québec: 4 t. T. I: Des Origines à 1791. Sillery, 1995. P. 82–83.

[67] Дополнения к Актам историческим... Т. IV, № 4. СПб., 1851. С. 8.

Северной Азии / Северной Америки в своих военно-политических целях (в качестве военных союзников или наемной «ударной силы») и соответственно связанная с этим потребность защитить «своих» аборигенов от нападений соперников.

Например, якуты стали получать от русских оружие в качестве награды за участие в походах против враждебных, «немирных» племен. Впрочем, русские на всем протяжении XVII в., а в значительной степени и в XVIII в. раздавали в качестве наград и подарков, а также продавали аборигенам только холодное оружие, а то и просто куски железа. Так, юкагирам в 1639 г. было послано 3 куяка (доспеха из железных пластин) в разобранном виде, чтобы раздавать по 1–2 куячной «доски» на человека[68]. Надо сказать, что такая ситуация влияла на вооружение и экипировку самих русских — сталкиваясь с противником, не имевшим огнестрельного оружия, они часто использовали доспехи (практически исчезнувшие в европейских армиях того времени, в том числе и русской), а казаки — даже луки[69].

В XVIII в. кочевые народы, проживавшие на границах Сибири, правительство было вынуждено привлекать к пограничной службе. В 1764–1765 гг. было сформировано бурятское казачье войско (24 сотни), а в самом конце XVIII в. — башкирское войско (в 1798 г., после введения среди башкир так называемой кантонной системы). Однако при этом огнестрельного оружия у бойцов этих войск, т. е. иррегулярных подразделений русской армии, практически не было (буряты-казаки официально получили его только в 1840-е годы[70]). Известно, что даже башкирские и бурятские отряды, участвовавшие в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии, большей частью были вооружены только копьями, саблями, луками и стрелами (за что были прозваны французами «северными амурами»). Дольше же всего сохранялся запрет на продажу ружей чукчам — до конца первой четверти XIX в.[71]

В Северной Америке индейцы, непосредственно контактировавшие с европейцами, получили доступ к огнестрельному оружию быстрее, чем сибирские аборигены. Уже в 1621 г. жители Квебека жаловались, что торговцы из Ля-Рошели продают «дикарям» ружья. Основную стимулирующую роль здесь, несомненно, сыграли такие факторы, как конкуренция между торговцами и межколониальное соперничество. Так, французы в 1636 г. приняли решение разрешить продажу ружей крещеным индейцам, имея в виду в первую очередь своих союзников — гуронов, алгонкинов и монтанье. Такое решение было принято в связи с тем, что против этих племен в указанное время чрезвычайно жестокую войну на уничтожение начали ирокезы, уже получившие доступ к огнестрельному оружию благодаря голландским торговцам. В целом с конца 1630-х — начала 1660-х годов ружья стали стремительно распространяться среди племен американского лесного северо-востока (woodland). Их «цена» в различных факториях составляла от 2 до 6 бобровых шкур.

Конечно, огнестрельное оружие имело ценность, только если оно находилось в исправном состоянии и к нему имелись боеприпасы. В противном случае оно становилось бесполезным и годилось только на перековку (известно, что в XVII в. тунгусы перековывали захваченные ими в качестве трофеев пищали на наконечники для стрел). Соответственно теперь аборигены стали нуждаться в порохе и свинце, получить который они могли опять-таки только от европейцев.

Что касается холодного оружия, то наибольшей популярностью среди индейцев пользовались европейские топоры, которые очень быстро вытеснили каменные томагавки, а также разного рода ножи. Существенно реже встречались шпаги и сабли (хотя они также фигурировали в «прейскурантах» торговых постов). Аналогичная ситуация была и в Сибири, где русские топоры и ножи также быстро получили широкое распространение (сабли использовались гораздо меньше — народы северо-восточной Сибири их вообще не применяли).

В ходе многочисленных конфликтов различных типов, в которых стороны применяли европейское оружие, аборигены несли весьма серьезные потери, заметно превышавшие те, которые имели место в ходе их «традиционных» конфликтов доконтактной эпохи. Возросли как потери среди бойцов (убитыми и ранеными), так и среди нонкомбатантов. Так, в 1640-е годы ирокезы, к тому времени уже хорошо освоившие огнестрельное оружие, начали крупномасштабную войну с гуронами, значительно ослабленными эпидемиями. Одной из целей этой войны было установление контроля над речными коммуникациями, по которым в европейские фактории доставлялись меха с канадского севера. Со стороны ирокезов вой-

[68] См.: Дополнения к Актам историческим... Т. II, № 88. СПб., 1651. С. 242.
[69] См.: *Нефеджин А. К.* Военное дело чукчей... С. 236–237.
[70] См.: *Кудрявцев Ф. А.* История бурят-монгольского народа... С. 89.
[71] *Нефеджин А. К.* Военное дело чукчей... С. 110.

на велась крайне жестокими методами — в захваченных поселениях они вырезали всех жителей, не щадя никого. В результате бо́льшая часть гуронов была уничтожена, а из оставшихся 300 семей переселились поближе к французам в район Квебека (это были главным образом крещеные гуроны, которые впоследствии осели в миссии Лоретт), а еще около 1 тыс. человек ушли на запад, и присоединились там к другим племенам. Сами ирокезы в это время вели еще несколько «параллельных» войн с алгонкинскими племенами (ниписсингами, оттава, ирокетами) и так называемыми нейтральными индейцами, а позднее стали нападать и на французские поселения.

При этом первоначально сами ирокезы не несли сколько-нибудь значительных потерь, однако ближе к концу XVII в. они резко возросли, и численность могущественного племенного союза стала заметно сокращаться. Тогда всего за 10 лет непрерывных войн с французами, их индейскими союзниками, а также со своими «собственными» индейскими врагами Лига ирокезов потеряла больше половины своих воинов. В 1689 г. ее военные силы насчитывали 2800 бойцов, а спустя 10 лет — всего 1300 (по другим данным, 2550 и 1230 — но в любом случае сокращение в два раза налицо)[72].

Еще одним чрезвычайно негативным следствием появления европейцев стало распространение среди аборигенов европейского алкоголя. Правда, в Сибири это пришлось уже, в основном, не на рассматриваемый нами период, а на более позднее время. Кроме того, до прихода русских некоторые народы западной и южной Сибири сами умели делать спиртосодержащие напитки и таким образом, были несколько лучше «подготовлены» к знакомству с «огненной водой» русских[73]. Тем не менее и в Сибири бывали случаи, когда недобросовестные администраторы специально подпаивали аборигенов, чтобы их легче было обирать и обманывать. Так, про уже упоминавшегося нами Г. Кокорева его соперник А. Палицын говорил:

> «Приедут самоеды с ясаком, воевода и жена его посылают к ним с заповедными товарами, с вином, несчастные дикари пропиваются

[72]См.: Documents Relative to the Colonial History of the State of New York: In 15 Vols. / Ed. by E. B. O'Callaghan and B. Fernow. Vol. IV. Albany, 1854. P. 337–338.

[73]См.: *Элерт А. Х.* Алкоголь и галлюциногены в жизни аборигенов Сибири. По материалам Второй Камчатской экспедиции // Наука из первых рук. 2007. № 6 (18). С. 118–131.

> донага, ясак, который они привезли, соболи и бобры переходят к воеводе, а самоеды должны платить ясак кожами олеными, иные с себя и с жен своих снимают платье из оленьих кож и отдают за ясак, потому что все перепились и переграблены»[74].

В Северной Америке алкоголь оказывал чрезвычайно сильное деструктивное воздействие на индейское общество. Как и народы Северо-Восточной Сибири, индейцы вообще не были знакомы со спиртными напитками до прихода европейцев; в своем подавляющем большинстве аборигены США и Канады вообще не употребляли каких-либо опьяняющих / дурманящих веществ или галлюциногенов (последние были распространены — и то не слишком широко — только в южных районах нынешних США). Отсюда — чрезвычайно сильное опьяняющее воздействие спиртных напитков на индейцев.

Именно за это воздействие индейцы и ценили ту «алкогольную продукцию», которые им доставляли европейцы — обычно это был крепкий алкоголь — ром, тафия, бренди и т. п. Известно, что индейцам не нравился их вкус, однако они считали, что благодаря «огненной воде» они получают возможность общаться с духами и потусторонними силами, выйти за пределы собственного сознания и т. п. Они считали алкоголь «магическим напитком, в котором, по их словам, живет дух»[75]. Индейцы пили именно для того, чтобы как можно сильнее напиться и полностью потерять контроль над собой. При этом у них сложились собственные ритуалы употребления спиртного. Например, если индейца угощали порцией рома или бренди, он его не выпивал, а выливал в свою флягу, где «накапливал» количество, достаточное для «полноценной» выпивки. Если же алкоголь попадал к группе из нескольких индейцев, но его было мало для того, чтобы все они могли должным образом захмелеть, то тогда все отдавалось одному или двум, а остальные не пили вообще. Наоборот, если спиртного было достаточное количество — то возлияния продолжались до тех пор, пока не выпивалось все.

По замечанию известного канадского историка А. Вашона, «опьянение приводило индейца в физическое состояние, которое было способно удовлетворить — пусть искусственно — некоторые глубинные устремления его души: быть одержимым духом и

[74]Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. Кн. V, т. 9–10. М., 1961. С. 291.

[75]См.: *Vachon A.* L'eau-de-vie dans la société indienne // The Canadian Historical Association Report. 1960. P. 23.

таким образом соперничать по могуществу и престижу с шаманами и колдунами; приобрести своим красноречием, своей мудростью, своей храбростью власть, которая подменяла власть вождя»[76]. Отчасти это безусловно, справедливо, хотя можно предположить, что популярности алкоголя, очевидно, способствовали и другие факторы, в первую очередь тот колоссальный стресс, который испытывало индейское общество в результате появления европейцев и последовавшего за этим крушения всего привычного миропорядка.

В любом случае значительная часть индейцев быстро пристрастилась к алкоголю и всеми силами старалась его заполучить в максимально возможном количестве. Ради вожделенной «огненной воды» индейцы часто готовы были продавать последнее из имеющегося у них имущества (были зафиксированы даже случаи продажи детей). В состоянии опьянения индейцы полностью теряли контроль над собой и часто совершали всевозможные асоциальные действия, вплоть до членовредительства и убийства. По свидетельству современников, когда «огненная вода» прибывала в индейское селение в достаточном количестве, селение превращалось в ад. Пьяное «веселье» продолжалось несколько дней и часто имело весьма трагические последствия. Как говорил один миссионер, опьянение у индейцев «проявляется сначала песнями, танцами, одним словом, шумом, а заканчивается выстрелами...»[77]. Пьяные индейцы полностью теряли контроль над собой. По свидетельству тех же миссионеров, в состоянии опьянения, «став буйными, они переворачивают хижины со всем, что [находится] внутри, они разбивают все, что им попадается под руку, они бросаются часто одни на других, кусаются и рвут [друг друга] зубами, целя главным образом в лицо, и многие [лица] носят отпечаток этих безобразий; многие даже были убиты в этих схватках, которые всегда бывают кровопролитными»[78].

Протрезвев, индейцы искренне приходили в ужас от содеянного, но при этом никогда не возлагали вину на самого пьющего, утверждая, что во всем виноват либо сам напиток (т. е. его дух), либо тот человек, который им его продал (доставил, произвел и т. п.)[79].

Стремительная алкоголизация индейских сообществ вызывала тревогу и у части самих индейцев и у некоторых белых. Среди

[76]См.: Ibid. P. 24.
[77]The Jesuit Relations... Vol. LXX. Cleveland, 1900. P. 132.
[78]Ibid. Vol. LXVII. Cleveland, 1900. P. 224.
[79]См.: *Axtell J.* Natives and Newcomers... P. 136.

аборигенов озабоченность проявляли прежде всего вожди, старейшины и шаманы, т. е. те, кто был в наибольшей степени озабочен сохранением традиционных устоев и отношений; среди «бледнолицых» в первую очередь были миссионеры, проповедовавшие индейцам христианство. И те и другие обращали внимание на такие негативные последствия алкоголизации индейцев, как рост смертности (от отравления, от несчастных случаев), упадок «жизненного уровня», моральное разложение, крушение традиционных устоев и т. п. И те и другие неоднократно обращались к властям английских и французских колоний с просьбами запретить продажу спиртного индейцам. Некоторые вожди пытались воспрепятствовать торговцам доставлять алкоголь в индейские поселения, а священнослужители стремились ввести «сухой закон» в подконтрольных им миссиях.

Наибольшую активность в этом вопросе проявляли французские миссионеры и католическое духовенство Новой Франции в целом. Миссионеры жаловались, что пьянство уничтожает все плоды их усилий по христианизации индейцев и наносит урон, как самим аборигенам, так и церкви. Проповедники с искренней горечью говорили, что алкоголизация индейцев приводит к тому, что «в течение месяца [теряется] все, что создавалось изнурительным трудом в течение десятилетий»[80]. Глава канадских иезуитов отец Жером Ляльман в 1660 г. писал:

> «Невозможно представить те беспорядки, которые сей дьявольский порок вызвал в этой новой церкви; не находится ни времени, чтобы их [индейцев] вразумить, ни средства, чтобы им дать понять весь ужас этого греха — потому что они все время пьяные или голодные, то есть или не способны слушать, или им надо идти в лес за продовольствием»[81].

В первой половине XVII в. в Новой Франции официально существовал запрет на продажу индейцам спиртного, однако фактически он не соблюдался (на это постоянно обращали внимание канадские иезуиты). С конца 1650-х годов борьбу с распространением алкоголя возглавил знаменитый епископ Лаваль (о нем мы уже упоминали в главе II). В 1660 и 1662 гг. он дважды публично объявлял, что тот, кто спаивает индейцев, совершает смертный грех и в силу этого подлежит отлучению от церкви.

[80]The Jesuit Relations... Vol. XLVIII. Cleveland, 1899. P. 62.
[81]Ibid. Vol. XLVI. Cleveland, 1899. P. 104.

Однако светская власть в этом вопросе далеко не всегда поддерживала власть духовную. В 1662–1663 гг. на этой почве возник конфликт между епископом Лавалем и губернатором д'Авогуром. Последний первоначально согласился с доводами епископа и в 1660 г. запретил продажу горячительных напитков индейцам. Двое нарушителей этого запрета (очевидно, подвернувшиеся под горячую руку) были даже расстреляны, а еще один — публично выпорот. Однако когда губернатор приказал посадить в тюрьму торговку, открыто продававшую спиртное индейцам, за нее заступился вышеупомянутый глава канадских иезуитов (т. е. второй человек в церковной иерархии Новой Франции) отец Лальман. Тогда губернатор заявил, что законы должны быть одинаковы для всех и немедленно издал распоряжение, официально разрешающее всем жителям колонии продавать индейцам спиртное, вызвав тем самым ярость епископа[82].

В целом многие губернаторы и интенданты считали, что запрет на продажу алкоголя индейцам наносит ущерб интересам французских торговцев и колонии в целом. В 1668 г. Высший совет Новой Франции официально разрешил продавать аборигенам спиртное, хотя при этом и высказался против их спаивания. В пользу торговли спиртным, которая «привлекает» индейцев к французам, в 1670 г. высказался сам Кольбер[83]. Лаваль не сдавался и продолжал апеллировать к центральным властям и теологам из Сорбонны. От первых он добивался принятия соответствующих административных запретов, от вторых — подтверждения своего тезиса о греховности продажи индейцам алкоголя. В итоге в 1679 г. светские власти объявили о введении формального запрета на торговлю спиртным в Новой Франции, но только вне пределов французских поселений. Эта мера носила половинчатый компромиссный характер: с одной стороны, таким образом демонстрировалась поддержка благих устремлений церкви, а с другой, торговцам предоставлялась легальная возможность для ведения своего бизнеса.

В целом следует отдать должное французским священнослужителям, которые весьма упорно боролись с алкоголизацией индейцев. Хотя победить это зло в масштабе всей Новой Франции им не удалось, они тем не менее добились определенных тактических

[82]См.: Dubois Davaugour, Pierre // Dictionary of Canadian Biography–Dictionnaire biographique du Canada. Vol. I: 1000–1700. Toronto; Québec, 1966.

[83]См.: *Garneau F.-X.* Histoire du Canada: 9 t. 8e ed. Montréal, 1944. T. II. P. 74.

успехов. В частности, в ряде поселений крещенных индейцев (Сийери, Кап-де-ля-Мадлен, Ля-Прери, Лоретт), которые находились под контролем миссионеров, достаточно строго соблюдался «сухой закон». Например, в Лоретт полный отказ от спиртных напитков был одним из условий получения земельного надела. В случае нарушения этого условия надел могли отобрать, а самого нарушителя изгнать из поселения[84].

Что же касается бизнеса, то следует признать, что, несмотря на все периодически возникавшие угрозы небесных и земных кар, он функционировал и был чрезвычайно прибыльным. При определенной удаче всего за один бочонок бренди можно было выменять такое количество пушнины, которое стоило в 75 раз дороже этого бочонка! И это, несмотря на то что французское бренди всегда стоило существенно дороже английского рома (но зато было особенно «любимо» индейцами).

В Английской Америке ситуация очевидно была более серьезной, поскольку там алкоголь продавался индейцам без каких-либо ограничений. Ром и другие крепкие напитки, получаемые в результате перегонки сахарного тростника, в большом количестве доставлялись в Атлантические колонии с островов Вест-Индии. Стоили они достаточно дешево и всегда имелись в наличии у английских торговцев, занимавшихся скупкой пушнины у индейцев. Это давало англичанам определенное конкурентное преимущество — например, в 1689 г. за одного бобра они давали шесть кувшинов горячительного, а французы — только один (правда существенно более высокого качества).

Алкоголь использовался англичанами не только как ходовой товар, но и как средство воздействия, на индейцев в нужном для «бледнолицых» ключе. Известно, что многие сделки о так называемой продаже или уступке индейских земель и в колониальный период (да и позднее) нередко заключались вождями под сильным воздействием алкоголя.

П. Мэнколл, специально исследовавший проблему алкоголизации индейцев в Английской Америке, отметил, что жители английских колоний в своем большинстве не осуждали продажу спиртного индейцам, поскольку сами потребляли достаточно много алкоголя и считали это вполне нормальным. В их обществе осуждался не тот, кто много пил, а тот, кто в результате этого нарушал обще-

[84]См.: The Jesuit Relations... Vol. LX. Cleveland, 1899. P. 88.

принятые нормы. Это же отношение «переносилось» на индейцев. Англо-американцы осуждали не их пьянство как таковое, а лишь буйное поведение индейцев в состоянии опьянения (как не укладывающееся в «цивилизованные» рамки)[85]. Именно различные инциденты, возникавшие на почве злоупотребления аборигенов алкоголем, периодически вызывали озабоченность колониальных чиновников. Бывали случаи (правда, весьма редкие), когда сами белые поселенцы выступали против мошенников, специально спаивавших индейцев, для того чтобы обманом заставить их «продать» земли или другое имущество[86].

Однако в целом в Английской Америке продажа спиртного индейцам процветала, так как, во-первых, приносила значительные доходы; во-вторых, считалась необходимой для поддержки и защиты британских интересов в Северной Америке; в-третьих, рассматривалась как средство приобщения индейцев все к той же «цивилизации» посредством товарообмена (а алкоголь был тем «идеальным товаром», который пользовался наиболее устойчивым спросом). Таким образом, получался своего рода замкнутый круг — продажа спиртного индейцам набирала обороты, нанося им все более серьезный ущерб. Незадолго до начала Войны за независимость губернатор Вирджинии Уильям Нельсон обреченно признавал в официальном письме, что он «полностью разочарован в успехе любых попыток удержать торговцев от доставки им [индейцам] рома»[87]. В результате вместе с другими европейскими товарами алкоголь проникал все дальше на запад (уже со второй половины XVII в. торговлей спиртным стали заниматься и индейские торговцы).

Последствия этого не заставили себя ждать. Уже в 1740-е годы К. Колден, хорошо знакомый с жизнью ирокезов, утверждал, что пьянство среди различных племен, «уничтожило их большее число, чем все их войны и болезни вместе взятые»[88].

С приходом европейцев изменились и многие другие стороны жизни аборигенов. В их повседневный быт активно проникали ранее неизвестные материалы, орудия, продукты. Привозное оружие, орудия лова, утварь, украшения, ткани и т. д. заменяли те предметы, которые ранее изготавливались самими аборигенами. Эти процессы шли и в Северной Азии и в Северной Америке, хотя, конечно, в различных областях их интенсивность была различной. В целом в Сибири в рассматриваемый нами период, этот процесс, очевидно, шел несколько медленнее, чем на североамериканском континенте. Аборигены не всегда охотно вступали в товарообмен с русскими. Так, в первой половине 1640-х годов якутский воевода П. Головин сообщал, что якуты покупают (т. е. выменивают на меха) очень малое количество предлагаемых им «государевых товаров». То же самое он отмечал и по поводу юкагиров, которые «опричь одекую и железа <...> иных товаров никаких не покупают»[89]. Очевидно, это было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, русские изымали значительное количество пушнины — единственного товара и одновременно платежного средства, имевшегося у аборигенов — в качестве ясака, и последним часто было просто не на что покупать / выменивать русские товары. Во-вторых, у самих русских в Сибири и количество, и ассортимент товаров, которые могли бы пойти на продажу, был весьма ограничен (сказывался и фактор расстояния, и общий уровень экономического развития европейской России того времени). В-третьих, известно, что чиновники и торговцы часто силой заставляли «ясачных инородцев» брать европейские товары по многократно завышенным ценам. В воеводском наказе 1664 г. констатировалось:

> «И Костентин де Дунай с служивыми людьми в нижнем зимовье учал на них иноземцов порознь наметывать железные свои товары силно, полмишка по полуаршина по пятнадцати соболей, а которые полмишка в три четверти аршина, и те по двадцать соболей, а прут железной в три чети по пятнадцать соболей, топор по десять соболей, а прут железной в пол-аршина по десять соболей, и после де его Костянтина с тех мест и по ся места все приказные люди приезжают на Ковыму в нижнее ясачное зимовье и наметывают с войском на них свои железные товары силно по все годы...»[90].

Власти неоднократно издавали распоряжения «учинить заказ крепкий всем служивым и торговым промышленным людем, чтобы впредь отнюдь иноземцом ясачным людем никаких товаров в

---

[85] См.: *Mancall P.* Deadly Medicine: Indians and Alcohol in Early America. Ithaca; London, 1995. P. 14, 16, 21.

[86] См.: *Middleton R.* Colonial America. A History, 1607–1760. Cambridge (MA); Oxford, 1992. P. 296.

[87] Цит. по: *Mancall P.* Deddly Medicine... P. 26.

[88] *Calden C.* The History of Five Indian Nations of Canada, which are Dependent of the Province of New York in America, and are the Barrier Between the English and French in That Part of the World. London, 1747. P. 13–14.

[89] Дополнения к Актам историческим... Т. II, № 88. С. 242.

[90] Там же. Т. IV, № 144. С. 382–383.

неволю не давали»[91]. Однако полностью искоренить эту практику, видимо, не удалось.

Тем не менее русские товары все же входили в обиход сибирских аборигенов. В документах середины XVII в. среди этих товаров фигурируют «котлы, да олово, да сукно, красное летчина, да топоры и ножи»[92]. Постепенно все большим спросом начинали пользоваться русские продукты питания — прежде всего мука, хлеб; определенную популярность также получил табак. Определенную роль в распространении русских товаров играл товарообмен между различными сибирскими народами, — например, юкагиры в 1640-е годы стали получать железо не только от русских, но и от якутов[93].

В Северной Америке распространение европейских товаров шло в целом более интенсивно. Часто благодаря товарообмену между индейцами, различные европейские предметы «продвигались» в глубь континента гораздо быстрее, чем сами европейцы. То есть волна европейских изделий как бы катилась впереди самих европейцев, предвосхищая их появление (в Сибири это было выражено значительно слабее). Например, впервые встретившись в 1632–1633 гг. с индейцами племени монтанье-наскапи, французы с удивлением обнаружили у них плащи, одеяла, ткани, рубашки и медные котлы, изготовленные в Старом Свете. О том, что еще совсем недавно у индейцев этого племени была в ходу берестяная посуда, европейцы узнали лишь из их рассказов[94].

О стремительности распространения европейских изделий свидетельствуют также данные археологических раскопок в поселениях сенека и онондага (двух из пяти племен Лиги ирокезов). Согласно этим данным в первые два десятилетия XVII в. европейские предметы составляли около 10–15% всех орудий, которыми пользовались эти индейцы, тогда как в 1650–70-е годы — уже 75% (и это не считая текстиля)[95].

От англичан и французов индейцы помимо оружия и алкоголя получали разнообразные металлические предметы (топоры, ножи, котлы, капканы и т.п.); одежду (плащи, рубашки, чулки); одеяла (особой популярностью пользовались английские красные); украшения, стеклянные изделия (и женщины и мужчины очень полюбили зеркала, благодаря которым стали придавать большое значение своей внешности), продукты (зерно, муку, хлеб) и т.п. Следует признать, что в Северной Америке аборигенам предлагался в целом более богатый выбор товаров и по более низким «ценам», чем в Сибири. Свою роль здесь играли такие факторы, как конкуренция торговцев из разных стран, отсутствие какого-либо аналога ясачной политики, более высокий уровень промышленного развития метрополий и их колоний (последнее в особенности относится к Старой и Новой Англии).

Если в самом начале контактной эпохи за разного рода безделушки и мелочи, казавшиеся им диковинками, индейцы легко отдавали десятки бобровых шкурок, то уже к середине — второй половине XVII в. на американском северо-востоке установились достаточно твердые «цены» на наиболее ходовые товары. Как уже отмечалось, у французских торговцев они были более высокими. В 1665 г. большое белое нормандское одеяло стоило 6 бобровых шкурок, обычное шерстяное одеяло — 4, бочонок кукурузы — 6, большой плащ — 3 и т.д. На одну шкурку можно было приобрести 2 фунта пороха, 4 фунта свинца, 8 больших ножей, 10 складных ножей, 25 шил, два клинка или два топора. В свою очередь, англичане за одного бобра давали 8 фунтов пороха, красное одеяло, большой котел, четыре рубашки или шесть пар чулок[96].

Стремительное распространение европейских товаров, которые можно было получить в обмен на меха, повлекло за собой серьезные перемены в образе жизни многих племен, которые почти полностью «переключились» на пушной промысел. Вместо того чтобы тяжелым и малопроизводительным трудом добывать себе пропитание и изготавливать примитивные орудия труда и предметы первой необходимости, теперь им достаточно было добыть побольше бобровых шкурок, которые затем можно было обменять на европейские товары. Миссионер-иезуит отец Поль Ле Жён в 1634 г. услышал от одного индейца монтанье такие слова: «Бобр делает все чрезвычайно хорошо, он делает для нас котлы, топоры, клинки, ножи, хлеб, короче говоря — все»[97]. Индейцы, с одной стороны, втягивались в экономические процессы, происходившие в евроатлантическом мире, становясь одним из его элементов (потребителями евро-

[91] Там же.
[92] Там же. Т. III, № 112. СПб., 1848. С. 394.
[93] См.: *Гурвич И. С.* Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966. С. 17.
[94] *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 51–52.
[95] *Axtell J.* Natives and Newcomers... P. 117.
[96] См.: *Lacoursière J.* Histoire populaire du Québec. T. I. P. 83.
[97] The Jesuit Relations... Vol. VIII. Cleveland, 1897. P. 295.

пейских товаров и поставщиками мехов на европейский рынок). С другой — они попадали в зависимость от товарообмена с белыми и уже не могли нормально существовать без «импорта», так как многие навыки, техники, промыслы были утрачены. В 1768 г. Элизар Уилок — проповедник и учитель индейской школы в Коннектикуте хотел послать в подарок своему патрону графу Дартмауту какой-нибудь типично индейский предмет и с удивлением обнаружил, что немногочисленные оставшиеся в колонии ирокезы уже практически ничего сами не делают, а пользуются лишь тем, что приобретают у белых[98].

Уже в середине XVIII в. наблюдатели отмечали, что если индейцев лишить ружей и боеприпасов, то они просто умрут голодной смертью[99]. В свою очередь, это ставило индейцев в зависимость от колебаний численности пушного зверя. Когда в результате хищнического истребления, к которому приложили руку и индейские охотники и белые трапперы, поголовье бобров и других промысловых животных стало сокращаться (свою роль в этом сыграли также сокращение размеров пушных угодий, вырубка лесов и т. п.), экономика многих индейских сообществ оказалась в состоянии коллапса (в особенности это относится ко второй половине XVIII–XIX вв.).

В Сибири в рассматриваемый нами период зависимость аборигенов от русских товаров также имела место, но не была столь ярко выраженной, как в Английской и Французской Америке. В то же время сокращение поголовья соболя, начавшееся уже с 1640-х годов[100], безусловно, имело определенные негативные последствия для сибирских народов, а также для ясачной политики властей. Впрочем, здесь ситуация была не столько однозначной, тем более что добыча другой пушнины (лисиц, горностаев, речных бобров) в Сибири неуклонно возрастала вплоть до середины XIX в.[101]

* * *

Появление европейцев, привнесенные ими болезни, алкоголь, оружие, другие товары — оказывали сильнейшее воздействие на все

[98]См.: *Axtell J.* Natives and Newcomers... P. 117.

[99]См.: *Тишков В. А.* К оценке исторических последствий... С. 13.

[100]По мнению С.А. Токарева, это был в первую очередь результат деятельности русских промышленников, добывавших тогда во много раз больше соболей, чем ясачные «инородцы». См.: *Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа. М., 1940. С. 75.

[101]См.: *Дулов В. А.* Географическая среда и история России: конец XV — середина XIX в. М., 1983. С. 78–79.

стороны жизни аборигенных сообществ. Не менее значимым были и результаты непосредственных контактов с белыми — будь то воздействие на коллективном уровне (войны, союзы, вступление в подданство, уступка территорий и т. п.) или на индивидуальном уровне (принятие христианства, смешанные браки). Этих контактов и их последствий мы еще коснемся ниже, а пока отметим, что и в Сибири и в колониальной Северной Америке даже в тех случаях, когда между двумя «мирами» не было какого-либо прямого взаимодействия (неважно, конфликтного или мирного), аборигенные сообщества испытывали чрезвычайно серьезные потрясения, имевшие, в свою очередь, очень глубокие последствия. Разница состояла лишь в том, что в Северной Америке воздействие отмеченных нами факторов оказалось в целом более быстрым и радикальным, в Сибири — в силу отмеченных нами причин — более слабым и растянутым по времени. В обоих случаях этому воздействию сложно дать абсолютно однозначную оценку, хотя очевидно, что отрицательных моментов в нем было гораздо больше, чем положительных (хотя последние тоже присутствовали). В то же время следует учитывать, что то воздействие, о котором уже здесь шла речь, было не столько следствием целенаправленной политики (об этом речь еще впереди), сколько своего рода побочным эффектом столкновения двух различных цивилизаций, в котором та цивилизация, которую условно можно назвать вышестоящей (или сильнейшей) и которая была инициатором данного столкновения, на самом деле находилась еще на такой ступени развития, что нисколько не задумывалась (и не могла задуматься) о его последствиях.

§ 2. Идейно-правовая основа европейско-аборигенных контактов

Вступая в какое-либо более или менее устойчивое взаимодействие с аборигенами (неважно — мирное или немирное), европейцы должны были хотя бы приблизительно представлять себе, на каком идеологическом, моральном и правовом основании базируются их действия. Очевидно, что вопрос «По какому праву и с какой целью русские, англичане, французы куда-либо пришли, с кем-либо начали войну, от кого-либо требуют дань и т. п.?» — мог явно или неявно звучать с трех сторон. Во-первых, от самих участников колонизационного процесса (и жителей стран-колонизаторов в целом).

Во-вторых, от других государств-участников международных отношений (по крайней мере, тех, с которыми поддерживались контакты, и мнение которых было необходимо учитывать). В-третьих, от самих аборигенов. Ответ на подобный вопрос мог быть для всех один, а мог и варьироваться в зависимости от того, кто именно его задавал. Сейчас мы остановимся прежде всего на тех ответах и объяснительных схемах, которые имели «внутреннее» использование, т. е. были адресованы аборигенам и «самим себе» (проблема международно-правового обоснования «прав» той или иной державы на присоединение и колонизацию какой-либо территории не входит в проблематику этой главы, хотя ее отдельные элементы, безусловно, необходимо учитывать).

Как известно, основное содержание русской политики в отношении сибирских народов в рассматриваемый нами период заключалась в обложении их ясаком в пользу Москвы и установлении с ними торговых контактов. Других задач — обратить в христианство, русифицировать, «цивилизовать», привить качественно иной образ жизни и т. п. — первоначально не ставилось, так же как напрямую не ставились задачи по «очищению» от аборигенов тем или иным способом какой-либо территории. Соответственно нам надо выяснить: каким образом русские обосновывали свое право на наложение и сбор ясака с аборигенов и объясняли это самим себе и потенциальным «ясачным инородцам»?

Говоря о ясачной политике и о характере взаимодействия русских и аборигенов Сибири в целом, ряд исследователей (как отечественных, так и зарубежных) отталкивается от известного тезиса евразийцев о Московской Руси как преемнице монголов[102]. Так, Г. В. Вернадский утверждал, что с середины XVI в. «на новой фазе политического объединения Евразии московские цари выступали в роли наследников Чингисхана»[103]. Немного другими словами эту же мысль сформулировал Р. Пайпс, отметив, что признание Казани, Астрахани, Сибири неотъемлемыми вотчинами Московского царя «могло означать лишь одно — он [царь] смотрел на себя как на наследника Золотой Орды»[104]. Применительно к Сибири этот тезис взяла на вооружение Л. И. Шерстова, которая пишет, что «первые московские цари <...> на деле ощущали себя преемниками монгольских ханов». Отталкиваясь от этого, она делает вывод, что «население Сибири рассматривалось как наследственное владение (улус, вотчина), а предприятия Москвы по отношению к Кучуму и его Сибирскому ханству являлись не чем иным, как стремлением вернуть захваченное узурпатором достояние, примерно наказав "воровского царя-изменника"»[105]. По поводу сибирских аборигенов Л. И. Шерстова отмечает, что они считались «заведомо подданными», но как бы «отпавшими», в соответствии с чем их и надлежало «подвести под высокую государеву руку». Таким образом, в государственном понимании покорение Сибири сводилось к «возвращению» ее в подданство Московскому государю, прежде всего к механическому, желательно поголовному объясачиванию коренного населения[106]. В подкрепление своих выводов Л. В. Шерстова также указывает на то, что основные элементы «социально-административной и аборигенной политики» Москвы — присяга-шерть, аманатство, ясак, — во-первых, были известны в дорусской Сибири, а во-вторых, «в самой российской государственности они появились отнюдь не без воздействия Золотой орды или, во всяком случае, по ее примеру...»[107].

С некоторыми приведенными выводами Л. В. Шерстовой можно согласиться. Действительно в соответствии с русскими правовыми представлениями того времени завоеватель имел полное право обложить население завоеванных территорий данью, т. е. ясаком. Институт ясака при этом имел двойственный характер — материальный — как определенная совокупность материальных ценностей, переходивших от данника к завоевателю / покорителю, и нематериальный — как символ подчинения того или иного сообщества русской власти. Хотя этот институт был, безусловно, знаком русским еще с домонгольских времен, в рассматриваемую эпоху представления русских о ясаке, очевидно, базировались прежде всего на их тяжелом собственном опыте времен монголо-татарского ига, которое помимо прочего наложило свой отпечаток в том числе и на политические институты и политические представления Московской Руси, отпечаток, сохранявшийся в течение очень долго-

[102] См., напр.: Мир России — Евразия: Антология / Сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М., 1995. С. 11–12, 60–61.

[103] *Вернадский Г. В.* История России: Московское царство. Ч. I. Тверь; М., 2000. С. 10.

[104] *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 105.

[105] *Шерстова Л. И.* Русские и аборигены Сибири: евразийская основа этнокультурных контактов // Социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX в. Новосибирск, 2004. С. 62.

[106] Там же. С. 63.

[107] Там же. С. 64.

го времени. Соответственно перефразируя тезис Г. В. Вернадского, можно сказать, что на евразийском пространстве русские выступили также в качестве наследников тех институтов и политических практик (о методах пока речь не идет), которые применялись татаро-монголами — сбор дани-ясака с покоренных народов, взятие у них заложников-аманатов, принесение ими клятвы или присяги-шерти.

Применительно к Сибири чрезвычайно важным моментом был факт прибытия в Москву в 1555 г. послов сибирского хана Едигера, просившего царя принять его в подданство и обещавшего платить ясак. Просьба была удовлетворена — «Государь пожаловал, взял князя сибирского и всю землю в свою волю и под свою руку и дань на них положить велел»[108]. Это дало основание в том же году включить в царский титул фразу «и всея Сибирския земли повелитель» (до этого в титуле русских царей, а ранее великих князей упоминалось только о пограничных землях западной Сибири, притязания на которые были унаследованы еще от Новгорода). Соответственно с этого момента сибирское ханство (как часть «ордынского наследства») стало рассматриваться как законное владение московских царей, хотя при этом фактически оно оставалось независимым. Очевидно, что действия Едигера были продиктованы стремлением сохранить свою власть над Сибирским ханством, оказавшимся в то время в сложной внутренней и внешней ситуации, и получить от Москвы помощь в борьбе со своим соперником — Кучумом. Ради этого он в 1557 г. еще раз подтвердил, что будет находиться в «холопстве» у царя и платить ему дань. Однако расчеты Едигера не оправдались — никакой помощи ему оказано не было, в 1563 г. он потерпел поражение от Кучума и был убит[109].

Соответственно теперь, когда Кучум захватил власть в Сибирском ханстве и что самое главное — отказался признать свою зависимость от русского царя и выплачивать дань, Москва могла на законном основании начать с ним войну, как с «узурпатором» и «изменником», посягнувшим на права «законного» владельца и повелителя Сибирского ханства — русского царя. Соответственно после окончательного разгрома Кучума и водворения на территории Сибирского ханства русские считали себя в праве как победители

[108] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. Кн. III, т. 5–6. М., 1960. С. 687. См. также: *Скрынников Р. Г.* Ермак. М., 2008. С. 71.

[109] Подробнее см.: *Похлебкин В. В.* Татары и Русь: 360 лет отношений, 1238–1598 гг. М., 2000.

и законные владетели требовать с местного населения ясак аналогично тому, как это делали татары.

Однако Сибирское ханство Кучума занимало только небольшую часть территории Западной Сибири (земли в низовьях Тобола и по среднему течению Иртыша), и война с ним в целом завершилась никак не позднее конца XVI в. Русские же и после этого продолжали свое продвижение «встречь солнцу», объясачивая (по татарским лекалам) аборигенов — в том числе и тех, которые не имели никакого отношения ни к Сибирскому ханству, ни к татаро-монгольским государственным образованиям в целом. Здесь мы позволим себе возразить Л. И. Шерстовой и укажем, что далеко не все «иноземцы» были знакомы с понятием «ясак», в частности народы Восточной Сибири не имели о нем ни малейшего представления. Так, встретившись в середине 1640-х годов с тунгусами, русские обнаружили, что те «того не знают, что государю ясак платят». Аналогичные заявления русским приходилось слышать от чукчей, ительменов и др.[110]

Однако можно предположить, что и после разгрома Сибирского ханства, русские продолжали рассматривать свое продвижение по Северной Азии именно как процесс, по институциональной форме аналогичный монголо-татарскому завоеванию. Доказательством этого служит как раз объясачивание «инородцев», которое в любом случае представляло собой насильственное действие, на что указывал С. В. Бахрушин[111]. Право на ясак базировалось на силе, на праве завоевания («взять за саблею» — по выражению того времени). Да, это не обязательно было непосредственное применение силы — порой было достаточно угрозы ее применения или военной демонстрации. Однако сила в любом случае присутствовала — она одинаково подкрепляла и «ласку» и «жесточь» в отношении аборигенов.

Очевидно, здесь свою роль сыграли такие факторы, как известная неопределенность самого понятия «Сибирь», и объективно имевшаяся геополитическая возможность территориального «расширения», «растягивания» этого понятия. Если во второй половине XVI в. под Сибирью русские подразумевали прежде всего именно территорию «кучумова юрта», то затем Сибирью стали называть и другие земли Северной Азии, расположенные в сотнях и тысячах

[110] См.: *Зуев А. С.* Русские и аборигены... С. 120.

[111] См., напр.: *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды: В 4 т. Т. 4. М., 1959. С. 45.

километров к востоку и к северу от бывшего Сибирского ханства. И только во второй половине XVII в. это название, наконец, охватило ту территорию, которую принято называть исторической или Большой Сибирью. В этом «растягивании» понятия Сибирь заключался чрезвычайно важный политико-правовой смысл, поскольку русские считали, что они *имели право* на территорию с этим названием. Иначе говоря, русские считали, что они вели справедливую «законную» войну с Сибирским ханством Кучума, территорию которого они по праву могли оккупировать, а население — объясачивать. Соответственно земли, расположенные «за» Сибирским ханством с населением, не имевшим своей государственности и не находившимся под властью других государственных образований, по сути приписывались к нему, объявлялись «Сибирью» (т. е. как бы продолжением ханства) и именно на этом основании «законно» занимались («прискивались»), «приводились под государеву царскую высокую руку» и объясачивались русскими. Так продолжалось до тех пор, пока русские не достигли территорий, находившихся в сфере военно-политического влияния других государственных образований (Китая, Монголии, Джунгарии и т. п.). Это уже была не Сибирь — Сибирь «закончилась» там, докуда можно было добраться и где можно было утвердиться, не вступая в крупные конфликты с другими сильными игроками. При этом «подвижность» границы сохранялась на протяжении всего рассматриваемого нами периода (здесь Д. Я. Резун проводит аналогию с американским «фронтиром»[112]). При этом следует отметить, что в «буферной» зоне сложился и существовал вплоть до середины XIX в. феномен «двоеданничества»[113]. Конечно, свою огромную роль сыграл и тот факт, что народы, обитавшие во внутренних районах Северной Азии, не имели своей государственности.

Все это прекрасно осознавали в Москве, что подтверждается правительственными распоряжениями, подобными тому, что было дано в феврале 1651 г. кузнецкому воеводе Баскакову. Последнему приказывалось «ходить для промыслу на наших непослушников, на саянских киштымов <...> с нашими кузнецкими людьми войною» и привести их в подданство, но лишь в том случае, «а те будет Саянские киштымы не мунгальские и не колмацкие, и не киргизские,

[112]См.: *Резун Д. Я.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XIX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005. С. 24.

[113]Подробнее см.: *Боронин О. В.* Двоеданничество в Сибири: XVII — 60-е годы XIX в. Барнаул, 2002.

а живут они собою и под царскую высокую руку привести их мочно»[114]. Иначе говоря, «*нашими* непослушниками», которых надлежало «приводить под высокую царскую руку», считались только те аборигены, которые не зависели от других государственных образований (и естественно не имели своих), т. е. фактически с точки зрения представлений того времени были как бы «ничейными», а значит потенциально русскими. «Многие люди, а не владеют ими никто» — так в начале 1630-х годов писал о якутах упоминавшийся нами товарищ Мангазейского воеводы А. Ф. Палицын, активно выступавший за скорейшее подчинение Приленского края[115].

Говоря об изменении границ понятия «Сибирь», можно провести определенные параллели с тем, как расширялось (а иногда наоборот сужалось) толкование многих географических названий в колониальной Северной Америке. Например, термин «Канада», первоначально обозначавший лишь долину р. Св. Лаврентия, на которую французы имели законное, с их точки зрения, право, основанное на факте первого открытия и так называемого реального владения, постепенно стал ими распространяться на все более и более обширную территорию к северу от Великих озер вплоть до побережья Гудзонова залива (а уже в XIX в. вообще «добрался» до Тихого океана). В свою очередь, ассоциировавшийся с испанскими притязаниями термин «Флорида», первоначально обозначавший весь юго-восток современных США, по мере развития английской и французской экспансии в этом регионе «сузился» до собственно полуострова Флорида и небольшой полосы прилегающей к нему территории.

Итак, московская «объяснительная схема» в значительной степени основывалась на том представлении, что все не имеющие какого-либо четкого государственно оформления или не зависимые от третьих стран территории Северной Азии русскими автоматически «приписывались» к Сибири, т. е. рассматривались как «продолжение» Сибирского ханства, на которое русские имели законное право. Это право основывалось на принятии в подданство Едигера и на завоевании владений Кучума; результаты и того и другого были должным образом отражены в царском титуле. Все это давало русским право требовать ясак с населения Сибири — тер-

[114]Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею: В 5 т. Т. IV, № 46. СПб., 1842. С. 149.

[115]Цит. по: *Бахрушин С. В.* Андрей Федорович Палицын // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III, ч. 1. М., 1955. С. 192.

ритории, которая с правовой точки зрения уже рассматривалась ими как законно им принадлежащая (хотя на практике контроль над ней еще установлен не был), поскольку ими уже действительно было «юридически», а затем и фактически присоединено то, что они считали ее ядром — Сибирское ханство. Таким образом, с точки зрения русских аборигены жили на земле, которая уже была царской «вотчиной». Просто по своему неведению они еще не знали об этом и эту «ошибку» следовало исправить. Отсюда первоначальное отношение к сибирским аборигенам (в том числе к народам ранее абсолютно неизвестным русским), не только как к «иноземцам», но как к «немирным», «ослушникам», «изменникам» и т. п., которых надлежит привести в повиновение, символом которого и был ясак. То есть привести в то состояние, которое русские (опять-таки вслед за татаро-монголами) считали нормальным для населения справедливо присоединенной и завоеванной территории — пребывание в «холопстве» и уплата ясака. В таком подходе соединялись право и сила. Не случайно, когда в 1684 г. в Селенгинске посол от Очирой-хана требовал «отдать» ему бурят, которых он считал своими людьми, ему было сказано, что буряты «искони вечные холопы» русских царей, «взятые и покоренные в ясачный платеж из-за меча войною»[116]. На нынешний взгляд вневременная «вечность» холопства плохо вяжется с фактом «взятия и покорения», который должен иметь конкретную временную привязку (подразумевающую, что до этого статус похолопленных был иным). Однако очевидно, что для современников это было вполне естественно — «вечность» (пусть и декларируемая) царских прав органично соединялась с имевшим место и время применением силы, основанным на этих правах.

Выражением этого подхода на практике было так называемое Государево жалованное слово, которое отправлявшиеся на «поиск новых землиц» отряды должны были сказать повстречавшимся им «иноземцам». Его суть состояла в том, чтобы побудить аборигенов добровольно признать себя подданными царя и дать ясак. За это им обещалась защита и «милось» в виде подарков. В грамоте Петра Бекетова енисейскому воеводе Афанасию Пашкову об этом говорилось так:

> «А буде они служилые люди <...> найдут братских или тунгусских людей, и я по государеву указу велел им тех братских и тунгусских людей призывать под государеву царскую высокую руку и ясак с них государев собирать и велел им сказать государево жалованное слово, чтоб они братские и тунгусские люди и мунгальские люди были под государевою царскою высокою рукою и жили бы по своим урочищам <...> безстрашно, от государевых бы служилых людей не бегали»[117].

[116]Цит. по: *Кудрявцев Ф. А.* История бурят-монгольского народа... С. 50.

Варианты «жалованного слова» не сильно отличались друг от друга. Иногда в нем указывался его непосредственный адресат:

> «...а велели тебе, князю Богдою, сказать государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии милостивое жаловальное слово, чтоб ты, князь Богдой, был под его государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Русии самодержца, высокою руковю в вечном холопстве со всем своим родом и с-ыными даурскими князи, которые под твоим князь богдоевым княжением, и со всеми улусными людьми»[118].

Здесь вряд ли можно согласиться с утверждением американского историка Ю. Слезкина, который утверждал, что «нет оснований полагать, что царь и его служилые люди проявляли какой-либо интерес к заявлению своих прав на земли и людей так, как это делал Колумб в Новом Свете»[119]. Интерес был и вполне определенный. В этой связи более оправданна точка зрения другого американского специалиста — В. Кивельсон, которая указывает на неправомерность ссылок на «московское молчание» и полагает, что русские, точно так же как и другие народы, выработали определенный набор идей и практик, касающихся притязаний на сибирские земли, опираясь на свои собственные представления о собственности, власти и т. п. (правда, при этом нельзя не отметить, что сама В. Кивельсон основное внимание уделяет именно притязаниям на территории)[120].

Что же касается «жалованного слова», то здесь, на наш взгляд, явно напрашивается определенная параллель с тем подходом, ко-

[117]Дополнения к Актам историческим... Т. III, № 112. СПб., 1848. С. 392.

[118]Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы: В 2 т. Т. I: 1608–1683. М., 1969. С. 129.

[119]*Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Пер. с англ. М., 2008. С. 51.

[120]См.: *Kivelson V.* 1) Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca; London, 2006. P. 172–173; 2) Claming Siberia: Colonial Possession and Property Holding in the Seventeenth and Early Eighteenth Centuries // Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History / Ed. by N. B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. 2007. P. 21.

торого в эпоху Конкисты по отношению к индейцам придерживались испанцы. Они считали себя законными хозяевами Нового Света (на основании папских пожалований, международных договоров и права первого открытия[121]), а его жителей — подданными испанской короны. При вступлении во владение теми или иными землями испанцы зачитывали их жителям специальный документ «Requerimiento» («Предуведомление» или «Предписание»), написанный около 1512 г. известным юристом и знатоком колониальной проблематики Х. Паласиосом Рубиосом. В этом документе индейцам кратко «объяснялось» устройство миропорядка и говорилось, что их земли на «законном» основании переданы испанцам папой, который является носителем высшей власти в мире («el señor del mundo»); и, что «их высочества [католические короли, которые тогда еще не имели титула величеств] суть короли и господа этих островов и материков в силу указанного дара». Соответственно самим аборигенам предлагалось либо «добровольно» признать себя их подданными со всеми вытекающими отсюда последствиями — в том числе и с обязанностью принять католических миссионеров, платить налоги, подчиняться испанским законам и т. п., либо против них также на «законном» основании — как против бунтовщиков — должна была быть применена сила[122].

На первый взгляд чтение «Requerimiento», смысла которого индейцы, очевидно, не понимали, было абсурдом, на что обратили внимание еще современники, в частности Фернандес де Энсисо и Бартоломе де Лас Касас. Тем более что испанцы иногда действительно собирали местных жителей и зачитывали им этот текст, а иногда ограничивались тем, что выкрикивали его в сторону берега с борта корабля или читали ночью, обращаясь к спящему селению[123]. Однако очевидно, что этот документ создавался в первую очередь не для того, чтобы быть понятым аборигенами. Смысл его зачтения состоял в том, чтобы в глазах самих испанцев (и других европейцев) юридически «преобразовать» жителей Нового Света из неизвестного (а значит, может быть, и потенциально способного на государственную / политическую организацию) народа в испанских подданных, к которым можно и должно применять не международное, а внутреннее право. Соответственно любое сопротивление индейцев после этого превращалось в нарушение испанских законов, с которым испанские власти имели полное право бороться так, как они считали нужным. В целом же цель чтения «Requerimiento» была двоякой: с одной стороны, происходило наделение аборигенов правосубъектностью, позволяющее включить их в орбиту властных отношений, в центре которых стояла испанская корона; с другой, легитимация собственно испанских притязаний по отношению к потенциальным конкурентам (если они, конечно, обладали тем же складом юридического мышления).

[121] Об этих «трех основаниях» испанских притязаний подробнее см.: *Акимов Ю. Г.* От папских булл к первому разделу мира: международно-правовой статус колониальной экспансии европейцев во второй половине XV в. // Исследования международных отношений: Сб. статей. СПб., 2004. С. 4–16.

[122] *Herrera A.* Historia general de los hechos de los castellanos en las Islas i tierra firme del Mar océano: 2 vols. Vol. I. Madrid, 1601. P. 249–250.

[123] См.: *Лас Касас Б.*, де. История Индий. Л., 1968. С. 260–261.

Примерно ту же цель преследовало оглашение «государева жалованного слова». Разница состояла в том, что испанцы, возможно, не всегда хотели, чтобы их услышали и поняли (хотя здесь тоже встречались разные варианты), тогда как русские же все-таки стремились добиться понимания со стороны аборигенов (насколько им это удавалось — другой вопрос). Соответственно, если аборигены подчинялись требованиям казаков и служилых людей — платили ясак, приносили шерть, давали аманатов — с точки зрения русских они вливались в число законопослушных подданных царя, становясь «ясачными инородцами» Московского государства (о том, как все это воспринимали сами аборигены, речь пойдет далее). До этого момента они тоже считались подданными (так как жили на земле, которая была законным владением царя), но просто еще «не знающими» об этом. Теперь же им формально отводилось определенное место в российской социальной и государственной структуре, — опять-таки по юридическому статусу отчасти сходное с тем, которое занимали данники и улусники в татаро-монгольских государственных образованиях. Если же они оказывали сопротивление, то против них должна была применяться сила, причем именно как против «бунтовщиков», выступающих против законной власти, а не как против враждебного государства. Не случайно в инструкциях часто говорилось о лимитированном применении этой самой силы — приводить в подчинение, смирять «ослушников» следовало по возможности «небольшим разореньем», чтобы в конечном итоге их все-таки «под государеву царскую высокую руку приводить и ясак с них и аманатов имать и к шер-

ти, что им под государевой царской высокой рукой быть в ясачном холопстве, против иных таких же ясачных иноземцов приводить»[124].

Однако «Requerimiento» и «Государево жалованное слово» отличались по одному важному моменту. В последнем никак не прояснялся (т. е. не объяснялся аборигенам) вопрос о том, откуда у русских права на ясак. Видимо им это представлялось столь очевидным, что об этом не считалось нужным упоминать.

Приведение «инородцев» в «ясачный платеж» сопровождалось церемонией принесения ими присяги — шерти, также явно унаследованной русскими от татаро-монголов. С точки зрения русских это подтверждало переход аборигенов из «враждебного» состояния в «мирное». Шерть обычно содержала в себе следующую декларацию:

> «Яз, имерек, шертую по своей вере и за весь свой род государю своему и царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии на том: быти мне и всему моему роду под его государевою царскою рукою в вечном прямом холопстве навеки неотступным без измены и служыти мне ему <...> и прямити и добра хотети во всем в правду безо всякие хитрости, и его государьского здоровья оберегать, и никакова лиха ему, государю, не мыслить и ясак ему государю с себя и з своих детей, и братьи, и племянников, и с улусных людей, и с подросков, и з захребетников, по вся годы платить полной без недобору и ево государевых служилых людей в улусах своих не побивать и не грабить и от воров их от сторонных людей, которые государю чинятся непослушны, оберегать, и побивать их не давать и быть с его государевыми служилыми лудьми за один...»[125].

Некоторым народам Южной Сибири практика шертования была уже знакома (хотя понимали они ее по-своему), однако многие аборигенные сообщества сталкивались с ней впервые. В этом случае русским приходилось, во-первых, объяснять им ее суть и содержание, а во-вторых, адаптировать к имеющимся представлениям, верованиям, обрядам и т. п.

Так, в Кунгурской летописи о действиях соратника Ермака Богдана Брязги говорилось: «И ясак собрал "за саблею", и положил на стол кровавую и приказал в верности присягать государю-царю:

[124] Дополнения к Актам историческим... Т. IV, № 30. СПб., 1851. С. 76.
[125] Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора): В 3 ч. Ч. 3. М., 1970. С. 967–968.

что они должны служить, и ясак платить каждый год и не предать»[126].

В дальнейшем принесение шерть стало сопровождаться различными магическими обрядами — питьем собачьей крови, поеданием земли, произнесением присяги на медвежьей шкуре, где лежали ножи и топоры, хождением между половинами разрубленной собаки, питьем с золота и т. д. В 1636 г. енисейский казак Иван Колесников описывал принесение шерти на Лене: «...рассечет собаку на полы и раскинет ее надвое, а сам идет в тот промежуток и землю в теж поры в рот мечет»[127]. В 1689 г. после заключения договора с русскими табунутские сайты в знак присяги «пищаль целовали о дуло, саблю собак рубили, за тое кровавую саблю лизали, по чашке студеной воды пили и впредь до подтверждения к сим статьям они сайты руками своими закрепили»[128].

Очевидно, что эти обряды были не придуманы русскими, а заимствованы у аборигенов. В том же случае, когда заимствовать было нечего (как это было в северо-восточной Сибири) русские просто «приводили их [аборигенов] к присяге <...> к ружейному дулу с таким объяснением, что тому не миновать пули, кто присягнет неискренно»[129]. В то же время сами русские, чтобы подчеркнуть важность момента и произвести должное впечатление на аборигенов, во время принесения шерти также должны были присутствовать в возможно большем числе, с оружием и «в цветном платье». Это же происходило в дальнейшем при сборе ясака.

Что же касается прав собственно на землю, то считалось, что она находилась в полной собственности государя, который мог распоряжаться ими по своему усмотрению. Как отметил еще Н. А. Фирсов, «правительство не признавало за прежними владельцами инородческих земель права собственников: все было взято на Великого Государя и от него уже зависело, кому непосредственно владеть землею и на каких условиях. Сами инородцы должны были признать за государем это право и искать утверждения его властию своего права владения и пользования землей, которая до того бы-

[126] Ремезовская летопись: История Сибирская. Летопись Сибирская Краткая Кунгурская. Исследование. Текст и перевод. Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи Библиотеки Российской Академии наук [Санкт-Петербург]. Тобольск, 2006. С. 248.
[127] Цит. по: *Попов Г. А.* Очерки по истории Якутии. Якутск, 1924. С. 29.
[128] Цит. по: *Кудрявцев Ф. А.* История бурят-монгольского народа... С. 52.
[129] Цит. по: *Слезкин Ю.* Арктические зеркала... С. 35.

ла их полной собственностью»[130]. При этом следует добавить, в соответствии с вышеописанной логикой обоснования русских прав на Сибирь и до перехода аборигенов в русское подданство никаких прав на занимаемые ими земли формально не признавалось.

Справедливость и законность прав русских на подчинение сибирских земель (а следовательно и на объясачивание их населения) подкреплялась также религиозными аргументами. Правда, в наибольшей степени это относилось к завоеванию Сибирского ханства, а точнее, к оценкам этого завоевания в историописаниях того времени. Так, согласно Есиповской летописи, Сибирское ханство было «взято» русскими «изволением Божиим». Аналогичные утверждения встречаются и во многих других летописях: «Егда же изволи Бог передати християном Сибирское царство» (Хронографическая повесть «О победе на бесерменского царя Кучума Муртозелеева»), «Сибирь поручена Богом государю» (Строгановская летопись), «Область Бог покорил — Сибирское царство взяли» (Пустозерский летописец) и т. д.[131]

В летописях также подчеркивалось, что приход русских в Сибирь был карой для «басурман»: «Богу изволившу месть воздати бесерменом, стужаху бо сии на многое время православным християном»[132]; «Мню же, яко сего ради посла Бог гнев свой на сего царя Кучюма и иже под его властию быть, яко закона Божия не ведуще и покланяющеся идолом, и жрут бесом, а не Богу богом, их же не ведуще»[133]; «...так бо победиша окаянных бусорман, божий бог ев прииде на нъ за беззаконие их и кумиропокланяние» и т. д.

Соответственно приход русских в Сибирь — как уже упоминалось в главе II — трактовался как выполнение Божественной миссии по «очищению» Сибири от «скверны». В результате «начашася в Сибирстей земли городы и острожки ставити и великия места распространятися, и святые Божии церкви воздвизатися, и православныя християнская вера вкоренятися...»[134]. И в итоге, «аще

[130] *Фирсов Н. А.* Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 79.

[131] См.: Летописи сибирские / Сост. и общ. ред. Е. И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1991. С. 42–43, 150–151, 218–219.

[132] Хронографическая повесть «О победе на бесерменскаго сибирского царя Кучума Муртозелеева и о взятии Сибирскаго царства» // Там же. С. 38–39.

[133] Есиповская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 36. М., 1987. С. 49.

[134] Строгановская летопись // Летописи сибирские. С. 172–173.

древле Сибирская земля идоложертвием помрачися, ныне же благочестием сияя»[135].

В представлении русских аборигенное население жило либо вообще без веры или исповедовало «неправильную» веру («кумиропокланяние»). Так, в Хронографической повести говорилось:

> «...иных много разноязычных людей в том великопространном Сибирском царстве. Сии же люди, аща и подобни образом человеком, но нравом и житием подобны зверем, не имеют бо закона: овии бо кланяются камению, инии же медведю, инии же древию, инии птицам. Сотворише бо от дерева птицы и звери, и змеи и сим поклоняются...»[136]

В статье предшествующей Есиповской летописи содержалось несколько иное утверждение: «А ясачные люди остяки, язык у остяков нарымской и кедцкой один, *веры и грамоты нет* (курсив мой. — *Ю. А.*)»[137].

В этой ситуации русские как носители православия — единственно правильной веры — получали еще одно обоснование для своих действий по присоединению Сибири, по крайней мере, ее территории. Конечно, объяснять объясачивание инородцев тем фактом, что они не православные, затруднительно (тем более, что русские и не были заинтересованы в их переходе в православие, так как тогда они могли перестать быть плательщиками ясака), однако это позволяло объявлять любые выступления аборигенов против власти православного царя незаконными и бороться с ними под лозунгом восстановления «Богом данного» порядка. Не случайно, как отметил А. С. Зуев, когда в летописях идет речь о сопротивлении русским со стороны сибирских народов, то те зачастую фигурируют как «безбожники», «нечестивые», «поганые», «окаяннии», «злочестивые», «змеи», «ехидны», «звери», «волки», «псы», «свиньи» и т. д.[138]

Итак, идейно-правовое обоснование русской экспансии в Северной Азии базировалось как минимум на двух «опорах». Первая — «квази-юридическая», т. е. обоснование справедливости и законности «прав» на объясачивание аборигенов, тем, что эти права, с точки зрения русских, были унаследованы ими от Сибирского ханства,

[135] Есиповская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 36. С. 51.

[136] Хронографическая повесть... // Летописи сибирские. С. 44–45.

[137] Полное собрание русских летописей. Т. 36. С. 75.

[138] *Зуев А. С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007. С. 22.

в свою очередь, также законно ставшего владением Москвы. Вторая — религиозная, исходящая из представления о том, что Сибирь (как территория, пусть и с неопределенными границами) была передана русским непосредственно по воле Бога, и что русские там выполняют священную миссию по распространению православия в земле, где его не знали.

* * *

В ходе своей экспансии в Северной Америке англичане и французы столкнулись с несколькими идейно-правовыми проблемами. Во-первых, им нужно было легитимизировать свое право на колониальную экспансию в целом и притязания на те или иные территории (а также их население) в частности перед лицом друг друга, а также «третьих» стран (в первую очередь, Испании и Португалии). Во-вторых, им также нужно было обосновывать свои права на земли, которые были населены индейцами и которые европейцы иногда хотели просто поставить под свой контроль, а иногда стремились и полностью «очистить» от их прежних обитателей.

На начальном этапе (в период «исследования без колонизации», предшествовавший основанию первых постоянных поселений) перед англичанами и французами наиболее остро стояла первая проблема. И тем и другим нужно было опровергнуть подходы испанцев и португальцев, которые считали, что только они имеют законные права на земли, расположенные за пределами Европы (а также на жителей этих земель), и всеми способами, в том числе и выстраиванием юридических препон, пытались не допустить конкурентов к «колониальному пирогу». С конца 1520-х годов французы, а затем (уже в елизаветинское время) англичане начали выступать с критикой испанских и португальских монополистических притязаний, отстаивая свое право вести за пределами Европы поиск новых, еще неизвестных европейцам земель и превращать эти «ничейные» и никем (т. е. «никаким христианским государем») не занятые земли вместе с их жителями в свои владения.

Основным аргументом, который использовали англичане и французы для обоснования своих прав на те или иные земли, было право первого открытия. Под этим подразумевался не просто тот факт, что представители какой-либо державы первыми обнаружили какой-либо остров, берег, реку и т. п., но то,

что они сделали это «официально» — имея необходимые полномочия от властей, проведя при этом соответствующие церемонии, должным образом описали и зафиксировали свое открытие и т. п.

С одной стороны, европейцы понимали известную спорность притязаний, основанных на праве первого открытия. Не случайно появилось утверждение, что если следовать этой логике, то Европа должна принадлежать тому индейскому принцу, который первый отправит корабль к ее берегам[139]. С другой стороны, на протяжении всего рассматриваемого нами периода мир, в котором жили англичане и французы, оставался европоцентричным и поэтому и одни и другие всячески стремились доказать, что именно им принадлежит пальма первенства, как в открытии всего Североамериканского континента, так и тех или иных конкретных областей. Эту цель преследовали многочисленные исторические и географические работы о путешествиях и исследованиях, выходившие в обеих странах. В них зачастую причудливым образом переплетались достоверные факты и вымысел; достижения соотечественников преувеличивались, а все сделанное представителями других стран наоборот замалчивалось.

Так, англичане, отстаивая свой приоритет в открытии Северной Америки, конечно ссылались на не подлежащий сомнению факт плаваний Джона Кабота, действительно в 1497 г. достигшего восточного побережья континента и действовавшего при этом с разрешения короля. В то же время они часто упоминали и полумифического уэльского принца Мадока, якобы открывшего Новый Свет еще в 1170 г. (никаких доказательств этого нет, хотя легенда о Мадоке существует до сих пор). Соответственно это позволяло англичанам утверждать, что они опередили не только французов, но и испанцев.

При этом бросается в глаза, что многие английские авторы XVII–XVIII вв. в своих сочинениях вольно или невольно стремились прежде всего «задним числом» обосновать и подтвердить права Лондона на те земли, где уже существовали английские колонии. Так, во многих памфлетах (Р. Кашмен, У. Стрэчи и др.) подчеркивалось, что англичане (Дж. Кабот или кто-то другой) якобы первыми открыли все Атлантическое побережье североамериканского

139 *Washburn W. E.* The Moral and Legal Justifications for Dispossessing the Indians // Seventeenth-Century America: Essays in Colonial History / Ed. by J. M. Smith. Chapel Hill, 1959. P. 17.

континента от Флориды до Ньюфаундленда. На самом деле это не соответствовало действительности (первыми в этих местах побывали французы и испанцы), но появления таких утверждений требовала сложившаяся ситуация — речь шла о том регионе, где возникла основная цепочка английских колоний.

В свою очередь, французы апеллировали к приоритету Ж. Картье, который действительно был первым европейцем, проникшим в залив и устье р. Св. Лаврения (в 1534 г.), и при этом обладал официальными полномочиями для совершения открытий и провел церемонии вступления во владение открытыми им землями. В то же время часто звучали заявления о том, что французы посещали берега островов Ньюфаундленд и Кейп-Бретон еще задолго до Колумба (хотя прямых доказательств этого нет, многие специалисты считали и считают, что в принципе это вполне могло иметь место). Так, в работе известного космографа XVI в. А. Теве говорилось о том, что «старые документы и мореходные книги свидетельствуют о том, что французы открыли Америку еще в царствование Карла VIII»[140].

Для обоснования своих притязаний на те или иные районы Нового Света англичане и французы активно использовали такой инструмент, как географические карты и названия. Очень часто на них изображалось не столько действительное, сколько желаемое положение дел. Таким образом происходила визуальная репрезентация прав и притязаний той или иной державы.

Например, английские и отчасти голландские картографы в XVII — первой половине XVIII в. стремились «отодвинуть» французские названия («Канада» и «Новая Франция») как можно дальше к северу и, по возможности, поместить их только на территории долины р. Св. Лаврентия, а остальную территорию Северной Америки «закрыть» английскими названиями. Именно такую картину пытался донести до своих современников известный географ и историк Семюэл Пёрчес. На его карте, опубликованной в 1625 г., полуостров Лабрадор и побережье Гудзонова залива были обозначены как «Новая Британия», на Атлантическом побережье было крупно написано «Вирджиния» и «Новая Англия» и только вдоль р. Св. Лаврентия шла небольшая надпись «Канада»[141]. На французских и «профранцузских» картах наоборот все внутреннее пространство Североамериканского континента обозначалось как французское владение, о чем свидетельствовали «говорящие» надписи «Новая Франция», «Канада», «Луизиана» и т. п. Примером такого подхода может служить карта Н. Висхера (1680 г.), где английским владениям отведена только узкая прибрежная полоса[142].

«Законность» первого открытия подтверждалась разнообразными церемониями вступления во владение, которые проводили англичане и французы. Эти церемонии легитимизировали те ли иные колониальные предприятия как перед лицом «международного сообщества» того времени, так и в глазах самих их участников, а в определенной степени и индейцев (последнее прежде всего относилось к французским церемониям). При этом они были своего рода связующим звеном между теорией и практикой колониальной экспансии.

Французы, следуя примеру Картье, в знак вступления во владение теми или иными местностями устанавливали там столбы или кресты с геральдическими лилиями и соответствующими надписями. Так, в 1562 г. каменный столб в устье р. Сент-Джонс (сейчас штат Флорида) установил Жан Рибо. Позднее водружение этих знаков французского господства, стало, как правило, проводиться в присутствии местных индейцев. Оно также сопровождалось произнесением определенных заявлений, пением «Te Deum», торжественными молебнами, выкриками «Да здравствует король!» и ружейной пальбой. Затем обо всем произошедшем составлялся соответствующий акт, который передавался властям.

Так, Ла Саль во время своего знаменитого путешествия вниз по р. Миссисипи (см. главу I) 14 марта 1682 г. торжественно вступил во владение «Страной [индейцев] арканзасов». 9 апреля того же 1682 г., достигнув устья р. Миссисипи, он организовал еще более пышную церемонию вступления во владение всем бассейном величайшей реки Северной Америки. На берегу была установлена колонна с французским гербом и надписью: «Людовик Великий,

[140] *Thevet A.* Les singularitez de la France antarctique, autrement nommée Amérique, & de plusieurs terres et isles découvertes de nostre temps. Paris, 1558. — http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k109516t

[141] См.: Association of Canadian Map Libraries — Association des Carthotèques Canadiennes. Canada. Historical Maps — Cartes historiques. Ottawa, 1980. Facsimile No 11.

[142] См.: The New World / University of Georgia Libraries. Hargrett. Rare books & Manuscripts Library. Rare Maps Collection — http://www.libs.uga.edu/darchive/hargrett/maps

правящий король Франции и Наварры, девятого апреля 1682 г.». Французы в полном вооружении выстроились около нее и пропели «Te Deum», «Exaudiat» и «Domine salvum fac Regem». После этого Ла Саль произнес:

«Именем величайшего, могущественнейшего, неодолимого и победоносного монарха, Людовика Великого, Милостью Божьей короля Франции и Наварры, четырнадцатого под этим именем, я сего апреля девятого дня, года тысяча шестьсот восемьдесят второго, на основании полномочий от Его Величества, которые я держу в своей руке и которые могут увидеть все, к кому они имеют отношение, именем Его Величества и наследников Его короны взял и беру сейчас во владение эту страну Луизиану, с ее сопредельными морями, гаванями, портами, бухтами, проливами и всеми нациями, народами, провинциями, городами, селениями, деревнями, рудниками, залежами, рыбными ловлями, реками, на всем протяжении упомянутой Луизианы от устья великой реки Св. Людовика, иначе называемой Огайо <...> до устья реки Кольбера, или Миссисипи <...> вплоть до ее впадения в море или Мексиканский залив и также до устья реки [Палмз] на основании заверений, которые мы имели от жителей этой страны, что мы являемся первыми европейцами, которые спускались или поднимались по упомянутой реке Кольбера; сим отвергая всех тех, кто может в грядущем предпринять вторжение в любую из или во все упомянутые выше страны или земли в нарушение прав Его Величества, приобретенные с согласия наций здесь обитающих. О чем и обо всем остальном, что необходимо, я настоящим призываю в свидетелей всех, кто слышит меня и предъявляю нотариальный акт здесь составленный»[143].

Затем под ружейный салют и приветственные крики он установил рядом со столбом крест, а под него заложил свинцовую пластину с латинской надписью «Ludovicus Magnus regnat» («Людовик Великий правящий»). В завершение все присутствующие пропели гимн «Vexilla Regis»[144].

В этой церемонии и особенно в речи Ла Саля очень четко видны все ключевые аргументы, использовавшиеся французами для обоснования своих притязаний на земли Нового Света. В первую очередь речь шла о реке, что имело для французов очень большое значение (открывший реку считался собственником всего ее бассейна). Путешественник также упомянул о наличии у него официальных полномочий, и о факте первого открытия. Ла Саль достаточно четко обозначил границы территории, во владение которой он вступил. Церемония была проведена в присутствии индейцев, что должно было означать их согласие со всем ее смыслом и содержанием.

Англичане же практически не устраивали подобных «театрализованных представлений», хотя отдельные символические действия они все-таки совершали. Так, еще Джон Кабот во время своего плавания 1497 г. приказал водрузить флаги на месте своей первой и единственной высадки на североамериканском побережье. В 1583 г., когда сэр Хэмфри Гилбёрт прибыл на остров Ньюфаундленд, где он намеревался основать английскую колонию, он торжественно объявил о вступлении во владение этим островом от имени английской короны и приказал в знак этого преподнести ему «по английскому обычаю» кусок дерна и ветку дерева[145].

В то же время англичане придавали не только практическое, но и символическое значение своей хозяйственной деятельности. Английские поселенцы в Америке стремились вначале огородить хотя бы часть земли, на которую они претендовали, изгородью (причем она обязательно должна была быть не менее четырех с половиной футов высотой), что в соответствии с английским обычаем служило подтверждением их прав собственности[146].

Возведение изгородей, правда, было связано, скорее, не столько с самим правом первого открытия, сколько с подкреплявшим его так называемым принципом реального владения. Этот принцип заключался в том, что международно-признанные права на ту или иную территорию у какой-либо колониальной державы считались возникшими только в том случае, если эта территория была не просто открыта представителями этой державы и провозглашена ее владением, но действительно стала осваиваться ею (там существовали поселения, форты и т. п.). Первоначально этот принцип использовался для того, чтобы отвергать притязания испанцев, когда те, отстаивая свои права на Новый Свет, наряду с другими аргументами, ссылались на приоритет Колумба. Известно, что ко-

[143] Цит. по: *Parkman F.* France and England in North America: 2 Vols. Vol. 1. New York, 1983. P. 927–928.
[144] Ibid. P. 928.

[145] См.: *Seed P.* Ceremonies of Possession in Europe's Conquest of the New World, 1492–1640. Cambridge, 1995. P. 1, 4.
[146] *MacMillan K.* Common and Civil Law? Taking Possession of the English Empire in America, 1575–1630 // Canadian Journal of History / Annales canadiennes d'histoire. 2003. Vol. XXXVIII. Dec. P. 410–423. См. также: *Seed P.* Ceremonies of Possession in Europe's Conquest...

роль Франциск I в свое время заметил испанскому послу, что «проплыть мимо [какой-либо земли] и бросить на нее взгляд — это еще не значит получить на нее право владения»[147]. Королева Елизавета I неоднократно подчеркивала, что признает за испанцами и португальцами права только на те земли, которые находятся в их «реальном владении» (real possession), подчиняются им или платят дань[148].

В дальнейшем этот принцип получил большое распространение и в теории и в практике английской колониальной экспансии. Так, в начале XVII в., когда первые английские колонии в Северной Америке еще только создавались, англичане стремились доказать, что они «находятся здесь с давних пор», «без всякого перерыва» и именно это дает им право «управления или господства» («rule or dominion») в этих землях[149]. Спустя полтора века, когда могущественная Британская империя уже стала реальностью, Артур Юнг писал: «Ничто, кроме владения в виде колонии, поселения или крепости, не позволяет теперь давать права на открытые [земли]»[150].

Следующим важным моментом, уже непосредственно связанным с тем или иным конкретным колониальным предприятием, было издание для него соответствующих правоустанавливающих документов — хартий, патентов, пожалований и т. п. Там помимо прочего формулировались официальные цели создания той или иной колонии, а также обосновывались права метрополии на владение землями, выделенными для этой колонии земли. На протяжении рассматриваемого нами периода Лондон и Париж издали по нескольку десятков такого рода документов — правда, далеко не все они были реализованы на практике. В то же время издание этих хартий и патентов (в том числе и тех, за которыми не последовало основания каких-либо поселений, или они быстро прекратили свое существование) само по себе также рассматривалось как подтверждение прав и притязаний англичан и французов на земли в Новом Свете.

С середины XVI до середины XVIII в. английские власти в целом издали существенно больше колониальных пожалований, чем французские. Отчасти это было связано с объективно бо́льшим числом участников колонизационного процесса, отчасти — с тем, что согласно действовавшему в Англии обычному праву, английские подданные не могли от своего имени вступить во владение какой-либо территорией, пусть и расположенной за пределами страны. Считалось, что все, что они приобретали — они приобретали для короны. Соответственно для того, чтобы их действия считались законными, было необходимо, чтобы этим действиям предшествовало пожалование, исходящее от короны, как от верховного собственника всех земель[151].

Английские колониальные пожалования часто (особенно на начальном этапе колонизации) носили спекулятивный характер. Например, один из первых документов такого рода — патент, выданный в 1578 г. от имени Елизаветы I сэру Хэмфри Гилбёрту, вообще не содержал упоминания о каких-либо конкретных географических объектах. Там просто говорилось о том, что Гилбёрту предоставляются все права и полномочия, необходимые для основания колонии в любой «варварской» стране, не находящейся во владении другого христианского государя. После основания поселения в выбранном им месте все прилегающие земли в радиусе 200 лиг также должны были стать его владением. В 1584 г. аналогичный патент получил сэр Уолтер Рэли.

В дальнейшем в английских колониальных документах жалуемые территории стали получать более четкую географическую «привязку». В то же время ряд хартий и патентов, относящихся к Северной Америке, сохранял откровенно спекулятивные свойства. Прежде всего это относилось к тем пожалованиям, где говорилось о территориях, ограниченных только линиями параллелей и простирающихся от Атлантического побережья через весь континент на запад до «Южного моря» (т. е. Тихого океана). Следует учитывать, что на протяжении всего рассматриваемого нами периода представления о внутренних районах современных США и Канады, особенно о землях к западу от Миссисипи, а также об истинной протяженности Североамериканского континента с запада на восток оставались достаточно смутными (пересечь весь континент по суше в умеренных широтах европейцам впервые удалось только в

[147] A Collection of Documents Relating to Jacques Cartier and the Sieur de Roberval / Ed. by H. P. Biggar. Ottawa, 1930. P. 169–171.

[148] См.: Calendar of State Papers, Foreign Series, of the Reign of Elizabeth, 1562. London, 1867. P. 77, 95, 106.

[149] Nova Britannia: Offering Most Excellent Fruits by Planting in Virginia. London, 1609. P. 5.

[150] *Young A.* Political Essays Concerning the Present State of the British Empire. London, 1772. P. 472.

[151] См.: *Egerton H. A.* A Short History of British Colonial Policy: 7th ed. London, 1924. P. 17.

самом конце XVIII в.). Тем более это относилось к первой половине — середине XVII в., когда были изданы такие «трансконтинентальные» пожалования, как Вторая и Третья хартии Вирджинии (1609 и 1612 гг. соответственно), патент Совета Новой Англии (1620 г.), хартия Компании залива Массачусетс (1629 г.), хартия Коннектикута (1662 г.), хартии Каролины (1663 и 1665 гг.) и др. Одновременно в Лондоне издавалось множество других пожалований, в которых речь шла о более или менее четко определенных территориях в Северной Америке, прежде всего на ее Атлантическом побережье. Если все эти хартии и патенты буквально соотнести с географической картой, то получилась бы явная чересполосица — очень многие участки континента оказались бы в составе сразу нескольких английских колоний; владения испанцев в Мексике были бы существенно урезаны; для французских и голландских колоний вообще не осталось бы места. В целом английские пожалования (если понимать их хартии буквально) охватывали все пространство Североамериканского континента между 29-й и 52-й параллелью, а также все побережье Гудзонова залива.

Французские пожалования также носили весьма масштабный характер. Правда, о трансконтинентальных «полосах», подобных английским, речь там шла достаточно редко. О территории между двумя параллелями (40-й и 46-й) говорилось только в патенте основателя Акадии Пьера дю Га де Мона, выданном ему в 1603 г. Зато Компания Новой Франции в 1627 г. получила хартию, согласно которой ей в феодальную собственность жаловались следующие территории:

> «форт и поселение Квебек со всей страной Новая Франция, называемой Канада, весь берег Северной Америки, от Флориды, которая заселялась при предшественниках Его Величества, от берега моря до Полярного круга по широте, и от Ньюфаундленда до большого озера, называемого Тихим Морем, и оттуда вглубь земель и вдоль рек, которые там протекают и впадают в реку, называемую рекой Св. Лаврентия или Великой Рекой Канады, и всех других рек, которые впадают в море, земли, недра, реки, острова, пруды и все пространство этой страны в длину и ширину в той степени и столь далеко, как будет возможно распространить и сделать известным имя Его Величества»[152].

[152]Edits, ordonnances royaux, déclarations et arrêts du Conseil d'Etat du Roi, concernant le Canada: 3 t. T. I. Québec, 1854. P. 7–8.

В 1664 г. преемница Компании Новой Франции — Компания Западных Индий — получила в качестве феодального владения всю Новую Францию от Гудзонова залива до Вирджинии и Флориды (кроме того, ей были пожалованы обширные владения в других частях света).

Как видим, французские пожалования также охватывали практически всю территорию Североамериканского континента к северу от Мексики. Следует также подчеркнуть, что французы в отличие от англичан придавали особое значение рекам, так как придерживались той точки зрения, что открытие какой-либо реки и официальное вступление во владение ею автоматически обеспечивают права на весь бассейн этой реки и ее притоков. Не случайно многие патенты губернаторов и наместников Новой Франции содержали упоминание о р. Св. Лаврентия и ее притоках — ведь именно там располагалось ядро французской колонии. В дальнейшем французы считали, что факт открытия и вступления во владение Великими озерами и р. Миссисипи дает им право на огромные внутренние пространства Североамериканского континента — Луизиану и так называемую Верхнюю страну.

Что касается подтверждения прав на территории в Северной Америке религиозными аргументами, то этим наиболее активно пользовались англичане. Официально основной целью английских колониальных предприятий, почти всегда провозглашалось распространение христианства на новые пространства и / или среди языческих народов. Об этом говорилось в вышеупомянутых колониальных хартиях и патентах, это подчеркивалось в официальных заявлениях, об этом писалось в пропагандистской литературе того времени.

Так, в первой Хартии Вирджинии (1606 г.), говорилось, что инициаторы создания английской колонии в Северной Америке, были проникнуты «желанием свершения по воле Провидения столь благородного дела, какое только возможно». Это дело состояло в «распространении христианской религии тем народам, которые до сих пор живут во мраке и в плачевном неведении Божественной истины и Божественного слова». Во второй Хартии Вирджинии (1609 г.) указывалось, что «главный результат, который только можно желать или ожидать от этого предприятия (создания колонии. — *Ю. А.*) — это обращение людей в этих краях к почитанию истинного Бога и Христианской религии». Эта же са-

мая фраза дословно повторялась в Патенте Совета Новой Англии (1620 г.)[153].

В выпущенном в 1610 г. памфлете с красноречивым названием «Истинное и искреннее объяснение назначения и целей поселения, основанного в Вирджинии» говорилось: «Основная и главная задача [этой колонии] состоит в том, чтобы наставить и крестить в Христианскую Религию и распространением Слова Божья вырвать из рук дьявола множество бедных и отверженных душ, обреченных на погибель в почти неодолимом невежестве»[154].

Помимо необходимости распространения христианства, англичане ссылались также на то, что перед ними стоит задача распространения «цивилизации», поскольку индейцы с их точки зрения были «дикарями». Английские теоретики и пропагандисты колониальной экспансии постоянно подчеркивали, что аборигены «не трудолюбивы, у них нет ни искусства, ни науки, ни умения или способности использовать землю или ее дары, но [они могут лишь] все портить и гноить»[155]. Соответственно в английских официальных документах, начиная с Первой хартии Вирджинии, говорилось, что индейцев необходимо привести к «человеческой цивилизации и правильному мирному управлению»[156]. В одном из памфлетов начала XVII в. читаем: «...сколь счастлив будет тот муж, который сможет привести этот народ от животного состояния (brutishness) к цивилизации...»[157].

В различных французских официальных документах также достаточно много писалось о распространении христианства. Однако в отличие от англичан французы говорили об этом более сдер-

[153]См.: The Federal and State Constitutions, Colonial Charters and Other Organic Laws of the United States: In 2 Pts. / Compiled under an Order of the United States Senate by B. P. Poore. Washington, 1877. Тексты хартий см.: Colonial Charters, Grants and Related Documents / The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy — http://avalon.law.yale.edu/subject_menus/statech.asp

[154]A True and Sincere Declaration of the Purpose and Ends of the Plantation begun in Virginia. London, 1610. P. 2–3.

[155]*Cushman R.* Reasons and Considerations Touching the Lawfulness of Removing Out of England and into the Parts of America (1621) // The Puritans in America: A Narrative Anthology / Ed. by A. Heimert and A. Delbanco. Cambridge (Mass.), 1985. P. 43–44.

[156]Colonial Charters, Grants and Related Documents / The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy — http://avalon.law.yale.edu/17th_century/va01.asp

[157]Цит. по: *Debo A.* A History of the Indians of the United States. Norman, 1970. P. 40.

жанно и не «выпячивали» религиозные аргументы. Это тем более удивительно, если учесть, что на практике французы занимались миссионерской деятельностью среди индейцев существенно активнее и успешнее англичан. Однако в их хартиях и патентах также часто упоминалось о людях, которые «живут безо всякого знания Бога» и о том, что то или иное предприятие осуществляется ради «торжества Христианского имени» и «разрастания Католической веры»[158]. Например, среди задач, ставившихся перед сьёром де Моном согласно патенту 1603 г., на первом месте стояла следующая:

> «...с помощью Бога создателя, подателя и защитника всех королевств и государств обратить, привести и наставить в истинной вере людей, живущих в сей стране; тех людей — варваров, безбожников, без веры и религии привести к христианству к восприятию и исповеданию нашей веры и религии и извлечь их из неведения и неверности, в коей они пребывают»[159].

В то же время можно предположить, что англичане в какой-то степени отдавали себе отчет, что все эти заявления отчасти — отговорки и / или пропагандистские штампы (помимо распространения христианства в начале XVII в. в Англии много говорилось о необходимости «спасения» индейцев от угрозы установления над ними «испанской тирании»). При этом у англичан о распространении христианства упоминалось и в пожалованиях, выдававшихся приверженцам господствующей англиканской церкви, и в документах, адресатами которых были сторонники оппозиционных ей течений — католики (такие как владелец Мэриленда барон Балтимор) или представители различных пуританских сект. У французов это проявлялось в меньшей степени — их экспансия в Новом Свете носила преимущественно моноконфессиональный католический характер (хотя и тут имелись исключения).

С точки зрения англичан и французов распространение христианства было не только целью экспансии, но и одним из ее побудительных мотивов. Сам по себе факт, что индейцы не имели никакой информации об «истинном Боге» и пребывали во «тьме» и «невежестве» становился с точки зрения европейцев прекрасным поводом для водворения в Новом Свете. Еще Р. Хэклуйт патетически восклицал, что «индейцы взывают к нам [англичанам] — придите и помогите». В 1622 г. другой пропагандист английской экспансии в Се-

[158]См.: *Lescarbot M.* Histoire de la Nouvelle-France. Paris, 1609. P. 435–436.

[159]Ibid. P. 452–453.

верной Америке Роберт Кашмен писал, что для обращения язычников в христианство следует использовать все возможные средства, и так обосновывал законность создания колоний: «К нам [англичанам] они [индейцы] не могут прийти, так как наша земля полна, к ним мы можем прийти, так как их земля пуста»[160].

Известный исследователь и пропагандист английской экспансии Р. Хэклуйт еще в конце XVI в. выдвинул тезис, согласно которому английский король, как «защитник веры», облечен властью распространять свой суверенитет на другие земли для «расширения Христианской веры». Однако этот тезис, явно перекликавшийся с идеей о папском суверенитете и папских пожалованиях, распространения не получил (англичане в то время стремились полностью отмежеваться от католицизма и всего, что с ним было связано).

Более популярной в Англии стала идея, восходящая к так называемой кальвинистской теории революции. Она заключалась в том, что любое владение, будь то право собственности либо право суверенитета, исходит из Божественной милости (а не Божественного закона, как утверждала томистская теология). В соответствии с ней нехристиане и «неистинные» христиане не могли быть обладателями прав. Таким образом, отвергались все права индейцев (как нехристиан) и католиков — представителей других колониальных держав (Испании и Франции), которые, с точки зрения англичан, были лишены Божественной милости.

Теперь мы уже вплотную подошли к проблеме обоснования прав на индейские земли или точнее прав на лишение индейцев их земель. По понятным причинам наиболее остро эта проблема стояла перед англичанами в колониях на Атлантическом побережье США. Она решалась несколькими способами.

На самом раннем этапе (конец XVI — начало XVII в.) у англичан встречались упоминания о праве завоевания. Так, Р. Хэклуйт писал, что «нет более славных дел, чем завоевывать варваров, приводить дикарей и язычников к цивилизации»[161]. Термин «завоевание» использовался, когда речь шла об основании поселений в Вирджинии — первой английской колонии в Северной Америке. Однако

[160] *Cushman R.* Reasons and Considerations Touching the Lawfulness of Removing out of England into the Parts of America (London, 1622) // Massachusetts Historical Society Collections: Second Series. Vol. IX. Boston, 1832. P. 64–73.

[161] *Hakluyt R.* A Discourse of Western Planting: The Original Writings & Correspondence of two Richard Hakluyts / Ed. with an introd. and notes by E. G. R. Taylor. In 2 Vols. Vol. II. London, 1935. P. 368.

впоследствии англичане стали стремиться избегать ссылок на него. Отчасти это было связано с тем, что в конце XVII в. в английской политической мысли стало складываться представление о том, что завоевание само по себе не может быть законным основанием для каких-либо последующих действий. В наиболее четком виде эту мысль озвучил Дж. Локк в знаменитых «Двух трактатах о правлении»: «*завоевание* столь же далеко от установления какого-либо правления, как разрушение дома — от постройки нового на том же месте»[162].

Англичане предпочитали использовать другой аргумент — тезис о том, что земли Нового Света изначально были свободными и неиспользуемыми. Соответственно, придя на эти территории и вложив в них свой труд, англичане, таким образом, получали на них право собственности. Имеется много других свидетельств того, что англичане рассматривали Северную Америку именно как ничейную и пустую землю. Так, в изданной в 1610 г. хартии «Компании предпринимателей и колонизаторов городов Лондона и Бристоля для создания колонии или поселения на Ньюфаундленде» утверждалось, что король имеет право

> «по естественному закону и закону наций <...> королевской властью владеть и совершать пожалования не делая зла никакому другому монарху или государству, учитывая, что они не могут законно претендовать на суверенитет или право на те [земли], в связи с тем, что они остаются свободными и не находятся в реальном владении и не заселены какими-либо христианами или кем-нибудь еще»[163].

Десятилетие спустя в 1620 г. в Патенте Совета Новой Англии говорилось, что его получатели должны «расширять границы Наших Владений и *заполнять сии пустыни (to replenish those Deserts)* (курсив мой. — *Ю. А.*) людьми, управляемыми законами и магистратами»[164].

В аналогичном ключе еще с начала XVII в. высказывались многие теоретики английской экспансии. Так, в 1622 г. Джон Донн заявил членам Вирджинской компании: «По Закону Природы и по

[162] *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 365.

[163] Select Charters of Trading Companies, A. D. 1530–1707 / Ed. by C. T. Carr. New York, 1913 (reprint 1970). P. 51–62.

[164] Colonial Charters, Grants and Related Documents / The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. — http://avalon.law.yale.edu/17th_century/mass01.asp

Закону Наций земля, которую никогда никто не населял или которая была совершенно заброшена (utterly derelicted), забыта и покинута прежними жителями, становится собственностью того, кто завладевает ею»[165].

Коренное население при том в расчет не принималось, так как с точки зрения англичан индейцы находились в «природном состоянии» и не были «политическими сообществами», права которых аналогичны правам европейцев. Так, основатель Бостона и один из ведущих политических и духовных лидеров Новой Англии 1630–40-х годов Джон Уинтроп считал, что бóльшая часть земель в Северной Америке подходит под определение vacuum domicilium, т. е. является юридически незанятой и ничейной. Индейцы, которые там живут, не «подчинили» себе эту землю методами, признанными в английском праве, и таким образом не имеют на нее никаких естественных (natural) прав. Но они также не имеют на землю и гражданских (civil) прав, поскольку не имеют гражданского правления (civil government). Отсюда следовал вывод Уинтропа: «Если мы оставим им [индейцам] достаточно для их использования, мы можем законно взять остальное, это будет более чем достаточно для них и для нас»[166].

Позднее эти идеи были развиты знаменитым философом и политическим мыслителем Дж. Локком (имевшим самое непосредственное отношение к английским колониальным предприятиям в Северной Америке). В своих работах — прежде всего во «Втором трактате об управлении» — он доказывал, что, выстраивая отношения с индейцами, их на законных основаниях можно и должно не рассматривать как «нации». С точки зрения мыслителя отношения европейцев и аборигенов представляли собой контакты между легитимными политическими организациями, с одной стороны, и простыми индивидами, с другой. Локк также утверждал, что только труд превращает все предметы из «естественного» состояния в частную собственность. Он писал: «Что бы тогда человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим *трудом* и присоединяет к нему нечто принадлежащее лично ему и тем самым делает его своей *собственностью*»[167]. По мысли Локка, с изобретением денег собственность стала мобильной, и это дало возможность цивилизованным обществам приобретать гораздо больше прав, чем это могут отдельные нецивилизованные индивиды. Соответственно у индейцев, которые находятся в «докоммерческой» стадии развития, нет никаких прав на товары и земли, кроме той их части, которая нужна для их непосредственного выживания. Именно английские колонисты, которые, по словам Р. Кашмена, «пахали, сеяли, жали», в результате всего этого приобрели права на земли, которые они заняли.

Все это перекликалось еще с одним тезисом Дж. Локка, который утверждал, что земля дана людям только для «усердного и рационального» использования. В противном случае вступает в силу понятие «res nullis», которое подразумевает, что любая ничейная вещь, в том числе и незанятая земля, остается общей собственность человечества, до тех пор, пока не начинается это самое «усердное и рациональное» использование. Индейское же пользование землей англичане не считали ни усердным, ни рациональным. Ведь аборигены не возводили мощных строений, не имели многих других атрибутов, характерных для «цивилизованных» оседлых народов. С точки зрения англичан, индейцы, подобно диким зверям, только бродили по земле, что не давало им на нее никаких прав. Именно в этом смысле Северная Америка была «пустой» — и, основываясь на принципе Vacuum Domicilium, англичане, как они считали, вполне законно стали ее собственниками.

При этом тот факт, что некоторые индейские племена занимались примитивным земледелием и вроде бы тоже «преображали» землю, не брался англичанами в расчет. Как отметил, еще в конце 1960-х годов У. Джекобс, колониальные власти предпочитали рассматривать индейцев как кочевых охотников, не имеющих никакого постоянного жилья и бродящих по огромным пространствам диких лесов. Это был очень удобный аргумент, который в дальнейшем часто использовали американские власти вплоть до президентов — от Джона Адамса до Теодора Рузвельта[168].

Однако даже если англичане de facto признавали, что индейцы обрабатывают какие-то участки земли и значит все-таки владеют ими, то de jure собственностью индейцев эти земли все равно не

[165] A Sermon Preached to the Honourable Company of the Virginia Plantation, 13 Nov. 1622. London, 1623. P. 26.

[166] [*Winthrop J.*] The Journal of John Winthrop, 1630–1649 / Ed. by R. S. Dunn, J. Savage, L. Yeandle. Cambridge (MA), 1996. P. 122.

[167] *Локк Дж.* Два трактата о правлении... С. 277.

[168] *Jacobs W. R.* British-Colonial Attitudes and Policies toward the Indian in the American Colonies // Attitudes of Colonial Powers toward the American Indian / Ed. by H. Peckham and Ch. Gibson. Salt Lake City, 1969. P. 85.

считались. Например, в Новой Англии собственностью юридически признавались только те земли, на которые их владелец мог предъявить пожалование от Компании Массачусетского залива. То есть, несмотря на то что на ней обитали люди, индейская земля была *юридически* незанятой. Это кстати позволяло не только отвергать все индейские права и притязания, но и в определенной степени препятствовало попыткам отдельных колонистов приобретать землю в личную собственность путем покупки ее у индейцев. Такая сделка не имела смысла — была юридически ничтожной, так как индеец продавал то, что ему не принадлежало, на что не признавалось его права собственности.

Современные британские специалисты отмечают, что в XVII–XVIII вв. «мало англичан считало, что они пришли на земли, которые кому-то принадлежали или, что они лишили кого-то его наследственной собственности»[169]. В то же время именно в Англии и в ее североамериканских колониях со стороны отдельных выдающихся деятелей того времени впервые прозвучала критика вышеизложенного подхода к обоснованию прав собственности на индейские земли. Так, еще в середине XVII в. о несправедливости и незаконности королевских пожалований земель в Новом Свете заявлял выдающийся мыслитель и проповедник Роджер Уильямс. С его точки зрения, эти земли по естественному праву составляли собственность индейцев, и тот факт, что они не обрабатывались, значения не имел. Индейцы использовали свои земли для охоты, точно так же как это делали собственники охотничьих угодий в Англии того времени (права собственности которых, естественно, признавались и защищались английскими законами). По мнению Уильямса, единственным законным основанием для приобретения прав собственности на земли в Новом Свете была их покупка. Именно на купленной у индейцев земле Уильямсом и его соратниками и последователями были основаны поселения Провиденс, Портсмут, Ньюпорт, Уорик, положившие начало колонии Род-Айленд.

Аналогичной точки зрения придерживался и основатель Пенсильвании Уильям Пенн. Территория этой колонии была пожалована ему королем и являлась феодальным владением Пенна, однако он посчитал необходимым заключить с индейцами договор о покупке их земель. Существует красивая легенда о «великом до-

[169]The Oxford History of the British Empire: In 5 Vols. Vol. I: The Origins of Empire. British Overseas Enterprise to the Close of the Seventeenth Century / Ed. by N. Canny. Oxford; New York, 1998. P. 52.

говоре», якобы заключенном Пенном с индейцами в Кенсингтоне под старым вязом (эта сцена изображена на известной картине Б. Уэста). Однако на самом деле имело место несколько соглашений (где именно — точно не известно) с отдельными племенами, в результате которых те на бумаге уступили англичанам обширные территории. Таким образом, права Пенна оказались как бы двусторонними: с одной стороны они основывались на покупке, с другой — на феодальном пожаловании.

Кроме этого в Английской Америке имели место и другие случаи более или менее формальной «покупки» индейских земель колонистами. Однако они, как правило, делались не по идейным (как у Уильямса и Пенна), а по практическим соображениям — чтобы избежать конфликтов с индейцами, установить с ними мирные отношения и т. п. Безусловно, рассматривая все без исключения случаи «покупки» индейских земель (по крайней мере, в XVII–XVIII вв.), следует иметь в виду, что индейцы понимали и трактовали их совсем не так, как европейцы. Поэтому, естественно, ни о каких равноправных сделках здесь говорить не приходится.

В отличие от англичан, французы не считали земли Северной Америки пустыми. Основная причина здесь заключалась в специфике самой французской колонизации континента и прежде всего в таких двух ее отличительных чертах, как малая численность колонистов и огромная роль пушной торговли. Помимо прочего эти черты влияли и на отношение французов к проблеме собственности на землю. Англичанам была нужна земля без индейцев. Соответственно индейцы рассматривались ими как нечто внешнее, как своего рода часть природы Североамериканского континента (причем не самая приятная). От этой «части природы» англичане стремились по возможности избавиться. Поэтому им было важно обосновать свои права не просто на земли, но именно на индейские земли, которые они хотели у этих самых индейцев отнять, от индейцев очистить и сделать исключительно своими. Кстати, это стремление английских колонистов безраздельно владеть землей отметили и сами индейцы. Естественно, что их это не только удивляло, но и возмущало. Было несколько случаев, когда индейцы набивали убитым в стычках англичанам рты землей, поскольку те, по их словам были «столь до нее алчны».

В Новой Франции сложилась совсем другая ситуация. Да, французы также хотели владеть землями в Северной Америке, но им было нужно, чтобы это были земли, населенные индейцами. Огромные

пространства североамериканского континента сами по себе большой ценности для Парижа не представляли. Что же касается французских колонистов, то их было так мало, что им вполне хватало тех действительно свободных земель, которые имелись в долине р. Св. Лаврентия, где индейское население было крайне немногочисленно (ирокезы, которых там в 1535 г. встретил Картье — в последующие десятилетия откочевали к югу). Даже в относительно небольшой по территории колонии Акадия между французами и индейцами никогда не возникало конфликтов по поводу земли. Аборигены занимали в основном внутренние районы, а колонисты осваивали полосу плодородных прибрежных болот (маршей). Наоборот, на Атлантическом побережье нынешних США английские (и голландские) колонисты в большинстве случаев обустраивались на землях, которые были заселены гораздо плотнее.

Соответственно французам в отличие от англичан не нужно было обосновывать свои права на *индейские* земли (точнее, на земли, на самом деле находившиеся под контролем индейцев и использовавшиеся ими). Конечно, и в Новой Франции собственниками земли индейцев никто не считал. Вся земля считалась собственностью короля как верховного сюзерена. Кстати, случаев покупки земли у индейцев во французских владениях было даже меньше, чем в Английской Америке. Но зато в Новой Франции объективно сложилось гораздо более уважительное отношение к индейской собственности на землю (хотя, конечно бывали исключения). Контекст французской колонизации не предусматривал лишения индейцев «реально» занимаемых ими земель.

* * *

Европейско-аборигенные контакты в Сибири и Северной Америке, как и русская, английская и французская экспансия в целом, базировались на весьма разнородном комплексе идей, представлений, практик. Конечно, в первую очередь европейцы использовали то, что было им известно и что они уже применяли. В то же время имели место заимствования, а также создание новых объяснительных схем, новых подходов, церемоний и т. д.

Общим моментом для англичан, французов и русских было использование религиозной аргументации. И одни и другие и третьи, с одной стороны, на словах подчеркивали, что распространение христианства, принесение его на новые территории — важнейшая

цель их деятельности в новых землях; а с другой стороны, рассматривали факт отсутствия у аборигенов «истинной веры» как повод и законное основание для того, чтобы водвориться среди них.

Во всех трех рассматриваемых нами случаях мы видим стремление европейцев подвести под свои действия также определенный юридический базис. Он не был одинаковым — и в связи с тем, что русские, англичане и французы принадлежали к разным правовым культурам, и в связи с тем, что характер, цели их экспансии, обстановка, в которой она протекала, также были различными. Англичане, поскольку им были нужны индейские земли, прежде всего обосновывали свое право на захват этих земель и объясняли себе и всему миру, почему индейцы не обладают правом собственности. Со своей стороны русские, заинтересованные в первую очередь в объясачивании сибирских аборигенов, стремились обосновывать именно свое право требовать ясак. Французам не нужна была индейская земля, и они не собирали с коренного населения дань, однако им было важно закрепить за собой контроль над речными коммуникациями североамериканского континента — отсюда стремление провозгласить себя законными хозяевами крупнейших рек.

Русские, в отличие от французов и англичан, практически не апеллировали к праву первого открытия и реального владения. Во-первых, в России (по крайней мере, в допетровское время) понятие «открытие» и его содержание не нагружалось таким смыслом и не имело такого значения, как в Западной Европе[170]. Во-вторых, те государственные образования, с которыми русские сталкивались в ходе своего продвижения в глубь Северной Азии, также не апеллировали к праву первого открытия и не обосновывали им свои права. Лишь когда русские в середине — второй половине XVIII в. столкнулись с необходимостью отстаивать свои интересы и притязания перед лицом тех же англичан (в Русской Америке), то тогда они также стали ссылаться на право первого открытия.

То же самое касается и церемоний вступления во владения. В. Кивельсон проводит параллель между французскими церемо-

[170] Не случайно Н. М. Ядринцев, имея в виду XVI–XVII вв., отмечал, что «значение открытий на Востоке долго не осознавалось самим русским обществом» (*Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. С. 396). О трактовке понятия «открытия» в Западной Европе подробнее см.: *Mancall P. C.* The Age of Discovery // Reviews in American History. 1998. Vol. 26, No 1 (March). P. 26–53.

ниями и принесением шерти в Сибири[171], однако, с нашей точки зрения, несмотря на элементы внешнего сходства, это все же были явления различного порядка — русские заставляли аборигенов «в татарском стиле» приносить присягу сюзерену, а французы вступали во владение землями. Здесь опять-таки можно заметить, что русские стали использовать «вступление во владение», когда у них возникла необходимость обосновать свои территориальные притязания перед лицом европейцев — во второй половине XVIII в. на Чукотке и в Русской Америке стали устанавливаться различные символы своих притязаний (столбы с гербами и надписями, таблички и т. п.).

Все перечисленные нами аргументы придавали и русским, и англичанам, и французам уверенность в том, что у них есть законное право управлять аборигенами, применять против них силу, подчинять их своей власти, навязывать им определенную модель социального поведения и т. п.[172] Однако коренные жители Сибири и Северной Америки по-своему трактовали действия европейцев и далеко не всегда безропотно соглашались с предлагаемыми им схемами.

§ 3. Политика в отношении аборигенов: установки, реализация, восприятие

Взаимодействие русских, англичан и французов с коренным населением территорий, попавших в орбиту их экспансии, на практике далеко не всегда соответствовало тем идеальным схемам, которые создавались теоретиками и идеологами экспансии и колониализма, и отвечало тем исходным установкам, которые формулировали власти метрополий. Это было обусловлено множеством причин как «европейского», так и «аборигенного» свойства. В результате взаимодействия представителей двух сообществ часто принимали форму столкновений абсолютно не понимающих друг друга сторон. И те и другие при этом несли моральные и физические потери, однако в итоге безусловно сильнейшая в техническом и военном (хотя и не всегда в количественном) отношении европейская стороно брала верх, а аборигенам приходилось либо принимать навязываемые им правила игры, либо (пока это было возможно) пытаться как-то изолироваться от белых.

[171] *Kivelson V.* Cartographies of Tsardon... P. 173.

[172] Еще Генри Уитон в 30-е годы XIX в. заметил, что единственный принцип, по поводу которого европейские нации, осуществлявшие экспансию в Новом Свете, были единодушны, это «почти полное пренебрежение правами коренных жителей этих регионов» (цит. по: *Washburn W. E.* The Moral... P. 15).

В Сибири, как мы уже не раз упоминали, русские стремились привести аборигенов в первую очередь в «ясачный платеж». Это подразумевало не только собственно уплату дани, но также принесение присяги-шерти о том, что «иноземцы» признают себя подданными царя, а также выдачу русским заложников-аманатов, которые должны были служить гарантией того, что их соплеменники впредь будут покорны русским и станут регулярно вносить установленный им ясак.

Конечно, русские были не прочь добиться всего этого наиболее легким, мирным и безболезненным путем. В наказах и других официальных документах неоднократно повторялась известная фраза о том, что «приводить по государеву царскую высокую руку» аборигенов и «ясак на государя имать» следует «ласкою, а не жесточью». Аккуратных плательщиков ясака полагалось поощрять подарками и угощением. В наказе посланному на р. Анадырь стрелецкому сотнику Амосу Михайлову от 20 июля 1656 г. об этом говорилось так:

> «. . . и велеть тем служилым людям и с ним промышленным новых немирных землиц неясачных Юкагирей и всяких иноземцов розных языков, которые по тем рекам и иным сторонним рекам живут, призывая всякими мерами с великим радением, приводить под Государеву Царскую Высокую руку и ясак с них на государя имать ласкою, а не жесточью, и учинить те землицы впредь по Государевой царскою высокою рукою в прямом ясачном вечном холопстве на веки неотступными. . .
>
> . . . А как <. . .> в острожек с государевым ясаком Анадырские князцы и их улусные люди учнут приходить: и <. . .> тех князцей и их улусных людей велеть кормить и поить государевыми запасы <. . .> доволно и сказав им Государево жалованное слово отпустить их по кочевьям и приказывать им накрепко, чтоб они с себя государев ясак и поминки и с своих улусных людей, с детей и с братьи и племянников и с захребетников и с подростков, по вся годы платили полной без всякого недобору. . . »[173]

На практике объясачивание принимало различные формы. Далеко не все аборигены при первой же встрече с русскими соглаша-

[173] Дополнения к Актам историческим... Т. IV, № 30. С. 72, 76.

лись с выдвигавшимися теми требованиями. Бывали случаи, когда землепроходцы могли услышать в свой адрес ответ, аналогичный словам юкагирских князцов: «как вы де с нас ясаку прошаете, а землица та наша, а владеем де мы, а вас де мы и на берег не выпустим»[174]. В такой ситуации русские применяли силу, что опять-таки предписывалось им всеми официальными инструкциями:

«А которые будут на тех реках иноземцы государю учинятся непослушны <...> на них немирных землиц неясачных людей войною ходить смотря по людем, и тех немирных людей войною смирять и под Государеву царскую высокую руку приводить, и ясак с них и аманатов имать и к шерти, что им под Государевой царскою высокою рукою быть в ясачном холопстве, против иных прежних таких же ясачных иноземцов приводить, и имена их, кто которого роду, потому же в книги писать»[175].

По сути, если аборигены отказывались давать ясак, то русские начинали с ними войну, которая в соответствии с местными условиями велась в «партизанском» стиле, в форме стычек, набегов, карательных операций и т. п. Иногда эти войны оказывались скоротечными — было достаточно одного приступа или просто военной демонстрации, а иногда затягивались на годы и даже десятилетия. Так, когда отряд Петра Бекетова пришел на земли бетунских якутов и пытался донести до них «государево жалованное слово», то получил отказ. Их князец Ногуй «государское величество ни во что почал ставить и неподобные словеса почал говорить про государское величество». Однако уже после первого столкновения с казаками, князец согласился дать царю ясак[176]. В то же время столкновения русских с енисейскими кыргызами продолжались с перерывами около ста лет (с начала XVII до начала XVIII в.), а упорная борьба русских с чукчами шла вплоть до середины XVIII в., причем сломить сопротивление последних силой русским так и не удалось.

В этих войнах обе стороны часто действовали с большим ожесточением. Русские по их собственным словам «бились с инородцами сурово и немилостиво»[177] И хотя в наказах главам русских отрядов подчеркивалось, что их главная задача — опять-таки при-

[174] Цит. по: *Зуев А. С.* Русские и аборигены... С. 151.

[175] Дополнения к Актам историческим... Т. IV, № 30. С. 76.

[176] См.: *Иванов В. Н.* Вхождение Якутии в состав Русского государства // 360 лет совместной жизни. Якутск, 1994. С. 7. См. также: *Токарев С. А.* Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск, 1945.

[177] *Фирсов Н. Н.* Чтения по истории Сибири. Вып. 1. 1921. С. 14.

ведение иноземцев в «холопство» и «ясачный платеж» (а никак не их уничтожение или наказание), есть много свидетельств того, что русские устраивали жестокие расправы со своими противниками. Так, отряд сына боярского Василия Власьева, посланный зимой 1641 г. для приведения к покорности бурят, действовал по его же собственным словам таким образом: «Чепчугуев улус погромили да брата его Куржума Бурлаева <...> двадцать юрт взяли, в тех юртах брацких людей побили человек с тридцать, а живком взять не могли ни одного человека». А вот как обошлись с захваченными в плен женщинами и детьми: «...а ясырю взято поголовьем старых и молодых и робят, которые у грудей, двадцать восемь человек <...> ясырь побит из пищалей в юртах»[178]. Владимир Атласов, ведя боевые действия против аборигенов Камчатки, также действовал весьма жестко с целью устрашения противника: «И он де Володимер с служилыми людьми их камчадалов громили и небольших людей побили и посады их выжгли для того, чтоб было им встрех»[179]. Со своей стороны некоторые аборигенные сообщества также практиковали ритуальные пытки и убийства пленных — «всякими разными муками мучат, а достале смертью позорною кончают»[180], а также расправы над трупами врагов — «поругательство чинят многое, груди спарывают, и сердце вынимают, и руки обсекают, и глазы выковиривают, у рук персты обсекают...»[181].

В войнах с аборигенами русские (так же как англичане и французы) достаточно часто эффективно использовали в своих интересах вражду отдельных народов, кланов, родов и т. п. Это, безусловно, облегчало подчинение «иноземцев», с одной стороны, тем, что они были разобщены и действовали, как правило, изолированно друг от друга; а с другой, тем, что у русских подчас появлялись весьма ценные союзники, хорошо знакомые с местными условиями. Так, некоторые ханты участвовали в походах на ненцев, юкагиры и тунгусы — на коряков, коряки — на чукчей и т. д. Ю. Слезкин полагает, что «от Белого моря до Тихого океана русские завоевания стали возможными благодаря местным воинам, многие из которых с удовольствием принимали участие в расправе над своими сопер-

[178] Дополнения к Актам историческим... Т. II, № 91. СПб., 1846. С. 249–250. См. также: *Кудрявцев Ф. А.* История бурят-монгольского народа... С. 45.

[179] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. С. 27.

[180] Дополнения к Актам историческим... Т. VIII, № 3. СПб., 1862. С. 9.

[181] Там же. Т. VII, № 3. СПб., 1859. С. 32.

никами»[182]. В свою очередь, говоря об использовании русскими внутренней межклановой вражды среди одной этнической группы, А. С. Зуев обращает внимание на то, что оно зависело от конкретной ситуации, и соответственно не везде было одинаковым. Например, противоречия, существовавшие между отдельными общинами ительменов, с приходом русских только обострились — в результате одни общины выступали на стороне русских, другие боролись и против русских и против своих прорусски настроенных соплеменников (в изложении русских это выглядело как набеги «немирных иноземцев» на «ясачных»). В то же время у коряков межклановая вражда редко приводила к тому, что в нее втягивались русские; у чукчей этого не было вообще[183].

Навязав тем или иным способом свою волю аборигенам, русские брали с них ясак, приводили к присяге-шерти и рассматривали впредь как «ясачных иноземцев». Однако это далеко не всегда означало установления стабильных мирных отношений. В ряде районов (прежде всего Западной Сибири), где до прихода русских аборигены уже были знакомы с институтом ясака и платили его (сибирским татарам, енисейским киргизам, тубинцам, бурятам или еще кому-либо) — подчинение действительно часто происходило относительно легко, мирно и бескровно, хотя при этом и базировалось (по крайней мере, с точки зрения сибирских народов) на «праве сильного». Так, сравнительно легко прошло объясачивание Качинской и Каннской землиц, население которых до прихода русских платило дань степнякам[184]. Аборигенам в этом случае казалось, что речь шла об очередной «смене сюзерена», которая (по крайней мере, на первых порах) ничего не меняла в образе жизни их сообщества. Однако здесь важно подчеркнуть, что иногда подчинение русским, уплата ясака и принесение присяги-шерти могло рассматриваться как нечто временное. Это относится к народам, с одной стороны, знакомым со степными обычаями и традициями[185], с другой — территориально находившимся в «пограничном» положении. Так, к концу 1620-х годов алтайские племена (обитавшие в предгорьях Алтая, Кузнецкого Алатау и на отрогах Саян), считались подчиненными («навечно», «неоступно» и т. п.) и находились в ведении томского и кузнецкого воевод. Однако в начале 1630-х годов они «отложились», откочевали в «немирные землицы», и лишь к середине XVII в. снова подчинились русским[186].

Однако сами русские считали присягу аборигенов свидетельством признания ими верховной власти царя и перехода в русское подданство, о чем свидетельствовал текст шерти. Наглядным подтверждением этого опять-таки служило ежегодное внесение ясака, причем в соответствии с заранее определенными нормами. Первоначально ясак взимался сразу с группы или с территории — причем, если аборигены соглашались давать ясак добром, то русские в первые несколько лет довольствовались тем, что им приносили (брали «что принесут»). Однако затем следовала перепись населения, и ясак становился окладным, т. е. фиксированным и собиравшимся с каждого взрослого мужчины, записанного в ясачные (окладные) книги. Конкретный размер окладного ясака зависел от многих факторов (расстановка сил в регионе, степень богатства пушных угодий и т. п.). Так, в Енисейском уезде в 1621 г. с каждого плательщика взималось по 12 соболей, в 1669 г. приангарские тунгусы были обязаны приносить по 5–7 соболей, с якутов в 1630-е годы брали по 3 соболя с человека. Общей тенденцией было фактическое сокращение соболиного ясака к концу XVII в. и замена его мехами других животных — прежде всего лисиц (обычно 2 лисьих шкуры приравнивались к одной собольей), а также бобров, выдр и т. п.[187]

Те аборигенные сообщества, которые не были знакомы с ясаком, трактовали его по-иному. Когда шла война, и русские отбирали пушнину — с точки зрения аборигенов это была «законная» военная добыча победителей (хотя русские опять-таки считали, что лишь берут силой — «с боя» — положенный им государев ясак). Однако когда после окончания боевых действий (или вместо них) русские приводили аборигенов к шерти, то те воспринимали ее как своего рода мирный договор двух равных сторон, предусматривавший помимо прочего обмен подарками, торговлю и взаимную помощь. То есть теперь меха, которые русские считали ясаком, аборигены рассматривали либо как дары, за которые они требовали себе от

[182] *Слезкин Ю.* Арктические зеркала... С. 38–39.

[183] *Зуев А. С.* Русские и аборигены... С. 154–155.

[184] См.: *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. IV. С. 45.

[185] О традиции «смены сюзерена» см.: Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития // История и историки: Сборник. М., 1995. С. 38.

[186] См.: *Сатлаев Ф. А.* Основные этапы вхождения алтайских племен в состав России (XVII — вторая половина XIX в.) // Там же. С. 152.

[187] О нормах ясака и его «качественном» и «количественном» составе см.: *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав...

русских соответствующих ответных подношений (а может быть и каких-то других действий, например, участия в набегах на их врагов), либо как товары, которые они продают русским. Так, еще Н. Н. Степанов отметил, что «по существу, подарки («государево жалование») воспринимались тунгусами как эквивалент их соболям при всей их рыночной неравноценности»[188].

Со своей стороны русские были готовы оделять государевых «иноземцев», аккуратно плативших ясак, гостинцами (железными изделиями, бисером, тканями и т. п.), однако принципиально не принимали постановки вопроса об обязательности этого. Представителям власти на местах предписывалось напоминать «иноземцам», что «государю все земли ясак дают, а государева жалованья дают им понемногу <...> а оне б того, иноземцы, не плутали, государю они ясак дают, а не продают»[189].

Отсюда возникала тупиковая ситуация. Так, М. Перфильев сообщал о тунгусах:

> «...тунгусские <...> люди прошают <...> подарков олова и одекую, и себе корму, муки и масла и жиру, и как де им подарков олова и одекую дадут и их накормят, и они де против того, по упросу, с двух, с трех семей по соболю дадут. А бес подарков ничево давать не хотят <...> А как только станут им говорить, чтоб они ясак давали <...> и они их [ясачных сборщиков] побивают»[190].

Поскольку русским нужно было получить ясак, это провоцировало новые конфликты. Соответственно сбор ясака в этом случае превращался по сути в регулярный организованный грабеж аборигенов. Не случайно есть много свидетельств, аналогичных такому: «...Тот государев ясак с тех новых людей с тунгусов и с братов по вся годы имали за саблею и за кровью...»[191]. Говоря о Камчатке, С. Б. Окунь охарактеризовал эту практику таким образом: «Ясак на Камчатке в этот период носил неокладной характер, взыскание его каждый раз приходилось начинать с вооруженных нападений и лишь после того, как часть камчадалов того или иного острожка была перебита, остальные уплачивали ясак»[192].

[188] *Степанов Н. Н.* Присоединение Восточной Сибири... С. 108.

[189] Цит. по: *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III, ч. 2. М., 1955. С. 75.

[190] Цит. по: *Степанов Н. Н.* Присоединение Восточной Сибири... С. 108.

[191] *Кудрявцев Ф. А.* История бурят-монгольского народа... С. 46.

[192] *Окунь С. Б.* Очерки колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935. С. 16.

Для того чтобы привести аборигенов к покорности и обеспечить регулярное внесение ясака, русские практиковали взятие заложников — аманатов. Ю. Слезкин подчеркивает, что этот метод был распространен на южном пограничье и был родствен степной практике похищения с целью выкупа[193]. Отчасти это справедливо, однако главным все же было, скорее всего, то обстоятельство, что с практикой аманатства русские познакомились в период ига и перенесли ее в Сибирь (данное обстоятельство отмечает в своей статье Л. И. Шерстова[194]). Аманатство было распространено не повсеместно (например, якуты платили ясак без аманатов), но достаточно широко. В заложники старались брать «лутчих людей» или тех, кто казался русским таковыми. То есть иногда это действительно могли быть представители формирующейся родо-племенной знати или шаманы, а иногда — владельцы наиболее крупных стад, главы самых многочисленных семей, наконец, просто случайные люди, захваченные русскими. Конечно, далеко не всегда аманатов удавалось получить без применения силы; зачастую аманатами становились взятые в плен в ходе разного рода столкновений. С. Б. Окунь приводит пример, когда на Камчатке некий «иноземец Кушуга с родниками» отказывался платить ясак, и только когда «Кушугин острог» был казаками «крепким приступом взят», а сам Кушуга был «с бою» захвачен в аманаты — «из-за того аманатства с родников его ясак тебе Великому государю собирается»[195].

Аманатов содержали в специальных «аманатских избах» и демонстрировали их родственникам и соплеменникам, когда те приносили ясак (иногда аманатов даже возили напоказ по стойбищам). Если с ясаком было все в порядке, аманатов содержали в относительно сносных, хотя, конечно, тюремных условиях. Из Анадырского острога служилые люди сообщали, что в голодное время кормили «государева аманата», отдавая ему лучшую рыбу, которую могли поймать, «чтоб ему с нужи оцынжав, не помереть, и нам бы за то от государя в опале и казне не быти»[196]. Периодически (обычно раз в год, иногда — чаще) аманатов разрешалось менять.

Однако, как и в случае с ясаком, с практикой аманатства были знакомы не все сибирские аборигены. Некоторым народам Восточной Сибири она была неизвестна, и соответственно не оказывала

[193] См.: *Слезкин Ю.* Арктические зеркала... С. 36.

[194] См.: *Шерстова Л. И.* Русские и аборигены Сибири... С. 64.

[195] *Окунь С. Б.* Очерки колониальной политики... С. 16.

[196] Дополнения к Актам историческим... Т. IV, № 6. СПб., 1851. С. 19.

на них того эффекта, на который рассчитывали русские. То есть захват заложников-аманатов далеко не всегда обеспечивал внесение ясака их родственниками и / или соплеменниками, которые по разным причинам от них «отступались». Иногда это было связано с кочевым образом жизни, иногда — с особенностями менталитета и мировоззрения аборигенов. Так, у некоторых народов Восточной Сибири попадание в плен приравнивалось к смерти. Соответственно все попавшие в плен считались как бы умершими, и именно поэтому их судьба не интересовала их сородичей. Поэтому, во-первых, аманатов у таких аборигенов было сложно захватить — оказавшись в безвыходном положении, например, потерпев поражение в бою, они просто кончали с собой (мужчины закалывали женщин и детей, а затем себя)[197]. Во-вторых, взятые в плен часто также стремились свести счеты с жизнью — «сами давились и друг друга кололи до смерти». В-третьих, они были бесполезны для русских, так как не выполняли своей главной функции — обеспечения регулярной уплаты ясака. Последнее явно озлобляло ясачных сборщиков и охранников, которые часто обращались с таким аманатами крайне жестоко (морили голодом, пытали, казнили). Впрочем, известны случаи, когда таким «брошенным» аманатам удавалось найти общий язык с русскими, получить свободу и даже поступить на царскую службу.

В целом вплоть до начала XVIII в. политика московских властей по отношению к аборигенам, приведенным в ясачный платеж, состояла как бы из нескольких пластов. Прежде всего официально в ней декларировался патернализм — воеводам предписывалось по отношению к аборигенам «береженье и ласку держать великую, чтоб им в таком дальном месте нужи и тесноты никоторые не было»[198]. В обращенном к «сургуцким князьком, и остяком, и самоеди» «государевом жалованном слове» Василия Шуйского (1608 г.) должно было говориться, что

«царьское величество их пожаловал, велел их беретчи во всем, чтоб им насилства, и убытков, и продажи никоторые ни от кого не было, и ясаков лишних имати с них и вновь за посмех прибавливати не велел, и велел их во всем беретчи и лготить велел во всем, а велел ясаки имати рядовые, какому мочно заплатить, смотря по вотчинам и промыслам. А на кого будет ясак положен тяжел, не в силу и вперед того ясаку платить не мочно, и государь царь и великий

[197] Об этом обычае см.: *Зуев А. С.* Русские и аборигены... С. 161.

[198] *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа: В 4 ч. Ч. 4. СПб., 1902. С. 267.

князь Василей Иванович всеа Русии самодержец велел того сыскати, да будет ясак положен не в силу и в том им тягость, и царское величество, смотря по тамошнему делу, велел им в ясакех лготить. А з бедных людей, кому платить ясаков не мошно, по сыску имати ясаков не велел, чтоб им сибирским всяким людем, ни в чем нужи не было, и они б, Сибирские земли всякие люди, жили в царском жалованье в покое и тишине безо всякого сумненья и промыслы всякими промышляли, и государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии самодержцу служили и прямили во всем по своей шерти, на чом ему, великому государю шерть дали...»[199].

Следующим моментом было «невмешательство» во внутренние дела ясачных «иноземцев». Вплоть до начала XVIII в. власти не стремились без особой необходимости каким-либо образом насильственно нарушать их привычный жизненный уклад, менять что-либо в их общественном строе, обычаях и традициях (в том числе и в традиционном праве, за исключением тех случаев, когда затрагивались интересы русских), чему-либо их обучать, а также крестить. Говоря об этом, конечно, не надо забывать про объективные изменения различных сторон жизни аборигенных сообществ, происходившие в результате самого прихода русских.

На самых ранних этапах русской экспансии имели место отдельные попытки посадить на государеву десятинную пашню некоторые народы Западной Сибири, однако они были быстро свернуты из-за отсутствия необходимых навыков у аборигенов, а главное — из-за потребности государства в пушнине[200]. Как очень точно подметил Ю. Слезкин, «умелые звероловы приносили больше выгоды, чем неумелые крестьяне»[201].

В том, что касается вопросов веры, то здесь в допетровское время власти предоставляли аборигенам практически полную свободу исповедовать свои традиционные культы. Они строго следили только за тем, чтобы к этим культам ненароком не приобщились

[199] Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 38–41.

[200] Несмотря на это в советской историографии утверждалось, что в конце XVII — начале XVIII в. «в Сибири русские крестьяне *продолжали* (курсив мой. — *Ю. А.*) выполнять крупную цивилизующую роль распространителей земледельческой и ремесленной культуры», хотя на самом деле оседлых аборигенов, ведущих крестьянское хозяйство по русским образцам, в русских владениях в Северной Азии в это время еще практически не было. См. : Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 156.

[201] *Слезкин Ю.* Арктические зеркала. С. 40.

русские (а это порой случалось,— в частности, в Якутии в конце XVII в. были зафиксированы случаи, когда русские «шаманили», т. е. участвовали в камланиях[202]). Какой-либо систематической организованной миссионерской работы среди «иноземцев» вплоть до начала XVIII в. не велось. Каким-то образом просвещать их Москва также не стремилась — об учебных заведениях для «иноземцев» речи не было и в помине (собственно никаких учебных заведений в Сибири тогда еще просто не было), да и вообще случаев, когда кто-то из аборигенов выучивался грамоте, зафиксировано очень мало[203].

Следующая характеристика политики и отношения русских к аборигенным сообществам — высокая степень безразличия к разным элементам быта, культуры, верований и прочих этих самых сообществ. Русские в XVII в. в целом не воспринимали представителей сибирских народов как «дикарей» и соответственно не ставили себя выше их в «цивилизационном» плане[204]. Как отметил еще в начале XX в. В. И. Иохельсон, русские «довольно умеренно высказывали сознание своего расового превосходства над туземцами, которое у других белых существовало в гораздо более преувеличенном размере. Они в общем не относились презрительно к сибирским туземцам...»[205]. Действительно, уничижительные эпитеты по отношению к аборигенам (в том числе подчеркивающие их «скотство») встречались, в основном, лишь тогда, когда речь шла об их сопротивлении русским. В то же время русские не воспринимали сибирские народы как нечто экзотическое и диковинное. Аборигены Северной Азии были в глазах русских «немирными иноземцами»,

[202]См.: *Токарев С. А.* Шаманство у якутов в XVII в. // Советская этнография. 1938. № 2. С. 102–103.

[203]Одним из немногих исключений был чукча по имени Апа, взятый в аманаты, поступивший на русскую службу и в 1659 г. *собственноручно* (!) подписавший свою челобитную на имя царя. См.: *Бурыкин А. А.* О практике общения русских землепроходцев с коренным населением северо-восточной Азии в середине и второй половине XVII в. // Якутия — форпост освоения Северо-востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII–XX века). Якутск, 2004. С. 42.

[204]Эпитеты «дикий» и «варварский» встречались редко и, как правило, применительно к Сибири в целом, а не к ее обитателям. Например, протопоп Аввакум жаловался: «...страна варварская, иноземцы немирные» (см.: Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960. С. 78).

[205]*Иохельсон В. И.* Коряки: Материальная культура и социальная организация / Пер. с англ. СПб., 1997. С. 219.

которых надлежало сделать «ясачными», но которые при этом все равно оставались «иноземцами»[206].

Наконец, наиболее мощный пласт был связан с тем, что Москва, как мы знаем, была чрезвычайно сильно заинтересована в регулярном поступлении в распоряжение казны сибирской пушнины, одной из главных источников которой был ясак. Его сбор и доставка в центр была важнейшей задачей, ставившейся перед русскими чиновниками «на местах». В значительной степени именно по количеству и качеству отправленных в Москву соболей оценивалась эффективность и успешность деятельности того или иного воеводы. Те методы, которыми воеводы этого добивались, интересовали центр в значительно меньшей степени. Соответственно в этой ситуации аборигены рассматривались в первую очередь исключительно как подневольные поставщики мехов, что провоцировало по отношению к ним сугубо утилитарный подход русских чиновников, служилых людей и т. п. На практике этот подход оборачивался в лучшем случае равнодушием и формализмом, в худшем — насилием и злоупотреблениями, явно идущими вразрез с официальными заявлениями. На это обстоятельство обратил внимание еще Н. А. Фирсов, который писал: «Предписывая воеводам держать ласку и привет к инородцам, она [государственная власть] ясно давала знать, что эти люди существуют для увеличения казны, что воеводы и другие служилые люди посылаются к ним за тем, чтобы собирать с них доход и добыть самим себе корм»[207].

В то же время, как мы видели в главе II, сама административная система, существовавшая в Сибири, в целом была отнюдь не свободна от многочисленных изъянов и злоупотреблений. По понятным причинам «ясачные инородцы» — оказавшиеся в новой зачастую непривычной для себя ситуации — становились жертвами этих злоупотреблений в первую очередь — их было проще и безопаснее обманывать, от них не приходилось ожидать большого количества жалоб, их сопротивление было легче подавить силой и т. п.

Злоупотребления прежде всего были связаны со сбором ясака. При этом достаточно трудно определить, где заканчивался «официальный» грабеж аборигенов и начинался «неофициальный» произвол ясачных сборщиков. Особенно это касалось взимания неокладного ясака. Впрочем, в любом случае, даже у служилых людей,

[206]Подробнее об этом см.: *Слезкин Ю.* Арктические зеркала... С. 54–55.

[207]*Фирсов Н. А.* Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 236.

«имавших» ясак «кровью», явно не было инструкций пытать, насильничать, казнить пленных, обращать в рабство женщин и детей и т. п. Тем более это относится к сборщикам регулярного окладного ясака. Однако и они часто вели себя, подобно сургутским служилым людям, от насилий которых «ясашные люди с судов металися в воду и тонули», т. е. кончали с собой[208]

Стремясь получить как можно больше драгоценных шкурок, ясачные сборщики часто бессовестно обманывали и обирали аборигенов. Известно много случаев подделок ясачных книг, занижения стоимости сданной пушнины, вымогательства «поминков» (и себе и воеводе, от которого было получено выгодное назначение), требований уплаты ясака за умерших родственников и малолетних детей, двойного взимания ясака (когда к одним и тем же группам аборигенов приходили сборщики из разных уездов) и т. п. Еще П. Н. Буцинский, с одной стороны, отмечал, что сам по себе ясачный налог был невелик (в денежном эквиваленте инородцы должны были платить примерно столько же, сколько русские посадские люди); с другой, он признавал, что «если взять во внимание государевы и воеводские поминки, платеж за выбылых и затем ненадлежащую оценку мягкой рухляди, то окажется, что ясачный человек должен был уплачивать ясака, по крайней мере, в три раза больше положенной нормы»[209].

После сбора «государева ясака» остатки пушнины изымались путем также далеко не всегда честного и добровольного товарообмена. Продавать свои собственные меха «на сторону» (т. е. представителям других народов, у которых они могли получить более дешевые, качественные или нужные товары) аборигенам не разрешалось. Воеводы постоянно подчеркивали это в своих наказах. Так, якутский воевода В. Пушкин предписывал ясачному сборщику Р. Григорьеву:

> «...им ясачным тунгусам говорити, что они ясачные люди с своею соболиною и иною всякою мягкою рухлядью, которая у них за государевым ясаком и за поминки останется, и они б с тою рухлядбю приезжали к государевым торговым и промышленным людем и с ними тою своею рухлядью на всякие товары меняли и торговали, а в иные немирные землицы в браты и в мунгалы и в андауры и

[208]*Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. III. СПб., 1900. С. 175.

[209]См.: *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников // Буцинский П. Н. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Тюмень, 1999. С. 299, 301.

> иным к немирным людем с тою мягкою рухлядью не отъезжали и с ними тою рухлядью не торговали, а из государевой земли той своей рухляди в чужую землю не отвозили...»[210]

При этом специфика и реальные возможности присваивающего хозяйства аборигенов нисколько не брались (да и не могли браться) в расчет, что, в свою очередь, часто приводило к резкому истощению пушных ресурсов и обнищанию населения. С. А. Токарев, в частности, приводит примеры того, как многие якуты, будучи не в состоянии платить требуемый от них ясак, разорялись и шли в холопы[211]. Хищническое истребление соболя в той же Якутии привело к тому, что уже с 1680-х годов якуты и тунгусы стали ходить за соболем в Даурию и бассейн р. Зеи[212]. Также большие проблемы возникали у тех аборигенных групп, которые до прихода русских не занимались пушным промыслом, но с которых требовали соболиный ясак, так же как и со всех остальных. Например, пешие тунгусы — рыболовы и охотники на морского зверя были вынуждены покупать пушнину у своих соседей — оленных тунгусов. Некоторым «инородцам» приходилось даже выменивать соболей у русских промышленников[213].

Весьма наглядное представление о том, как происходил сбор ясака в Сибири, дает челобитная якутов, относящаяся приблизительно к 1685–1686 гг.:

> «...приезжают к нам холопем вашим в ясачные волости ясачные зборщики многолюдством, человек по четырнадцати и по пятнадцати, и ездят в году по трижды и по четырежды. Да к нам же холопем вашим приезжают в волости служилые люди для выбою с ясаком в город, и по ярлыкам подьячие и денщики, нас, холопей ваших, и родников наших грабят и разоряют и берут на себя соболи и лисицы добрые, и скот и шубы наши якуцкие, и санаяки, и торбосы, и малахаи, и поясы бисерные, и котлы, и топоры, и ножи, и пешни, и пальмы, и седла, и узды. А у кого у нужных [бедных] людей в посул взять нечево, и у тех берут жен и дочерей и держат у себя в холопстве и блуд с ними творят. А как ясачным зборщикам приносим в ясак соболи и лисицы в волостях, и они ясачные зборщики тех соболей и лисиц в вашу великих государей казну в

[210]Цит. по: *Степанов Н. Н.* К истории национально-освободительной борьбы народностей... С. 218.

[211]См.: *Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа... С. 60.

[212]Там же. С. 76.

[213]См.: *Слезкин Ю.* Арктические зеркала... С. 41.

ясак не кладут, берут себе в посул, а ясак пишут на нас холопей ваших в доимку, и от того их грабежу мы холопи ваши разорились без остатка...

<...> А которые наша братья иноземцы скудные, и дать им ясатчикам нечево, и тех скудных они ясатчики бьют на правеже без милости, и связанных водят с собой из волости в волость, а ночною порою вяжут тем иноземцам назад руки, нагих, и заворотя руки вешают ко грядкам и стегают плетьми. А как они ясатчики ездят по улусам, и тех битых иноземцов вяжут на аркан человеков по десять друг за друга и за собою водят...

<...> А мучат нашу братью в улусах и разоряют не за государев ясак, а за свою взятку, чтоб им выбрать воеводцкие посулы...»[214]

Настрой на сотрудничество с русскими властями отнюдь не был гарантией того, что та или иная группа аборигенов не станет жертвой злоупотреблений и насилия. «Инородцы» быстро это усвоили: «ясак казакам отдашь, а казаки все-таки грабят»[215]. Правительство на словах осуждало такую практику и декларировало заботу об «иноземцах» и в то же время, по сути, не просто мирилось со многими злоупотреблениями, но и создавало для них благоприятную среду.

Впрочем, злоупотреблениями при сборе ясака дело не ограничивалось. Бывали случаи, когда казаки, промышленники и служилые люди по собственной инициативе (т. е. без всяких санкций властей и без всякого отношения к сбору «государева ясака») организовывали уже исключительно грабительские набеги на аборигенов. Найти повод для этого было очень легко — достаточно было обвинить их в «измене» и враждебных намерениях. Целью таких набегов было уже не столько получение пушнины (видимо, ее после визитов ясачных сборщиков оставалось немного), сколько добыча продовольствия, угон скота и захват ясыря:

«В прошлом де 164 [1654] году зимою сын боярский Кирило Ванюков, собрав на Индигирке реке из-за всех зимовий многих служилых и торговых и промышленных людей для своей бездельной корысти сказал измену на ясачных индигирских юкагирей и послал на них служилых и торговых и промышленных людей <...> больше ста человек <...> и велел погромить. И служилые и торговые и промышленные люди по ево Кириллову велению тех индигирских ясачных людей погромили — жен и детей и оленей с триста на погроме взяли и иного юкагирского живота погромили...»[216]

[214] Цит. по: *Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа... С. 68–70.

[215] Цит. по: *Садовников Д.* Наши землепроходцы: рассказы о заселении Сибири, 1581–1712. М., 1898. С. 104.

Аборигены регулярно жаловались на то, что русские насильно забирают у них женщин («баб у них емлют силно»). Исследователи подтверждают, что в 1670–80-е годы 10% всех юкагирских женщин репродуктивного возраста жили среди русских (есть предположение, что в 1640–50-е годы этот показатель мог доходить до 20%)[217]. Однако это также свидетельствует о том, что русские позитивно относились к смешанным союзам (пусть далеко не все они были «официальными»). Дети от них в большинстве случаев считались русскими, а не «ясачными инородцами» и, как правило, наследовали социальный статус своих отцов (верстались в службу и т. п.).

Естественно, что поведение русских по отношению к «иноземцам» не везде было одинаковым. Наиболее одиозным оно было в самых отдаленных районах — на востоке и севере. Как писал Н. А. Фирсов, «чем дальше на северо-восток, тем больше разыгрывался произвол служилых людей, направляясь не только против собственности, но и личной свободы, чести и даже жизни инородцев»[218]. Действительно, здесь достаточно вспомнить, что на Камчатке в первые десятилетия XVIII в. русские служилые люди и казаки фактически превратили значительную часть аборигенов в рабов и эксплуатировали их самым жестоким способом[219]. Безусловно, встречались и бескорыстные землепроходцы, и совестливые сборщики ясака, и строгие и честные казачьи атаманы, однако в целом они были явно в меньшинстве. Даже многие выдающиеся исследователи (в том числе Е. П. Хабаров, М. В. Стадухин, В. В. Атласов и др.) запятнали себя различными жестокостями по отношению к аборигенам; к числу же немногочисленных светлых исключений относится такая яркая личность, как Семен Дежнев.

Поведение русских по отношению к аборигенам было обусловлено множеством различных факторов. Свою роль, несомненно, игра-

[216] Цит. по: *Гурвич И. С.* Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966. С. 18.

[217] См.: *Гурвич И. С.* Русские на северо-востоке Сибири в XVII в. // Сибирский этнографический сборник. Т. V. (Труды Института этнографии. Нов. сер. Кн. 84). М., 1963. С. 80; *Павлов П. Н.* Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974. С. 97; *Гурвич И. С.* Этническая история... С. 21; *Collins D. N.* Sexual Imbalance in Frontier Communities: Siberia and New France to 1760 // Sibirica. 2004. Vol. 4, No 2 (October). P. 172.

[218] *Фирсов Н. А.* Положение инородцев... С. 232.

[219] См.: *Зуев А. С.* Русские и аборигены... С. 136–137.

ла специфика всей системы управления Сибирью, на которую влияли такие факторы, как удаленность от центра, слабость или полное отсутствие эффективного контроля за деятельностью на местах, пережитки кормленческой практики, характер «личного состава» русских отрядов. В частности, говоря о последнем, следует отметить преобладание среди землепроходцев и ясачных сборщиков людей «пассионарных», т. е. решительных, предприимчивых, стойких к лишениям, но в то же время жестоких, грубых, зачастую склонных к девиантному поведению. Все это, естественно, сказывалось на их отношениях с аборигенами (заметим, что менее «пассионарные» русские крестьяне в целом относились к «иноземцам» гораздо более мягко и мирно; однако контакты между ними в этот период были достаточно редки и не были определяющими в русско-аборигенных отношениях).

Однако отмеченный характер отношений русских и коренных народов Северной Азии определялся не только корыстью чиновников, жадностью ясачных сборщиков и буйностью казаков. За всем этим стояло общее отношение к аборигенам именно как к данникам, как к «иноземцам», покорение которых произошло в значительной степени по образцам времен татаро-монгольского ига! Безусловно, прежде всего это отношение было присуще власти и всем, кто ее так или иначе олицетворял – от воевод до казаков в отдаленных острогах (не случайно исследователи отмечали, что «каждый казак в инородческой среде представлял в некотором роде начальство»[220]). Эта самая власть и ее носители заимствовали от времен татаро-монгольского ига не только «теорию» и «механизмы» подчинения, но также многие элементы практики взимания дани. Ясачный режим и конкретные действия ясачных сборщиков в Сибири часто и по форме и по содержанию напоминали взимание ордынского «выхода» татарскими баскаками. Параллели здесь можно провести и с взиманием окладного ясака (регулярная, более или менее фиксированная дань, иногда собираемая руками местной элиты) и неокладного (насильственное изъятие дани «наездами», по сути, мало отличающееся от регулярного грабежа), и с институтом аманатства (взятие татарами заложников, поездки князей в Орду и т. п.).

Некоторые исследователи, признавая использование русскими в Сибири монголо-татарского опыта, оценивают это, скорее, в нейтральном или даже позитивном ключе. Так, Л. И. Шерстова видит в этом общее «евразийское политическое наследие», которое «способствовало быстрому налаживанию этнокультурных отношений в Южной Сибири и в целом благоприятно влияло на формирование межэтнической толерантности в сибирском обществе»[221]. В свою очередь, С. Г. Скобелев отмечает, что «к приходу русских людей в Сибирь у государства уже имелся богатый опыт управления "иноземцами" <...> Этот опыт в своей основе базировался на практике управления подвластными народами, применявшейся здесь ранее монголо-татарами». Саму эту практику, и ее применение русскими С. Г. Скобелев рисует исключительно в розовых тонах. По его словам, «она заключалась в минимальном вмешательстве во внутренние дела, поддержке внутреннего самоуправления, обеспечении защиты от внешних врагов, невмешательстве в дела религий и взимании достаточно небольшой по размерам дани». Отсюда следует вывод: «Не происходило ломки устоявшихся традиций, не нарушались стереотипы поведения и местные жители испытывали по этому поводу минимум неудобств»[222].

Вряд ли вооруженные столкновения, разгром поселений, захват заложников, обращение в рабство женщин и детей, насилия и грабежи стоит называть «минимумом неудобств» (о занесенных эпидемиях, алкоголизации и т. п. сейчас речь не идет). Больших затруднений в связи с переходом в русское подданство, очевидно, действительно не испытывали только некоторые наиболее высокоразвитые народы Западной Сибири (ханты, манси), и то отнюдь не поголовно, а прежде всего в лице той части их элиты, которая перешла на русскую службу. Впрочем, объективно наличие сложившейся элиты, идущей на сотрудничество с русскими, порой не только облегчало подчинение того или иного народа, но и «амортизировало» некоторые негативные последствия этого подчинения[223].

[220] *Слюнин Н. В.* Охотско-камчатский край: Естественноисторическое описание. СПб., 1900. С. 14.

[221] *Шерстова Л. И.* Русские и аборигены Сибири... С. 70.

[222] *Скобелев С. Г.* Коренные народы Сибири: опыт управления в Российской империи и СССР (XVII–XX вв.) // Сибирская заимка. 1998–1999. – http://www.zaimka.ru/power/skobelev5.shtml

[223] Существуют разные точки зрения по вопросу об отношениях формирующейся элиты сибирских народов и русской власти. Так, С. А. Токарев считал, что в Якутии русская администрация опиралась на «князцов» (тойонов) и использовала их в своих интересах, т. е. местная элита в своем большинстве пошла на сотрудничество с русскими. См.: *Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа. Другой точки зрения придерживался Л. Мамет. Он считал, что тойоны рассматривались русскими, скорее, как конкуренты, и одной из целей политики

Однако в любом случае можно отметить, что в целом для очень многих народов Северной Азии взаимодействие с русскими на протяжении «пушной лихорадки» XVII в. было связано с весьма значительными и болезненными неудобствами. И одна из причин этого как раз и заключалась в том, что русские действовали по татаро-монгольским образцам. Осуждать их за это совершенно бессмысленно — они просто использовали тот опыт, который у них, к сожалению, имелся после двух с половиной столетий ига. Просто надо понимать, что этот опыт был, во-первых, отрицательным, а во-вторых, объективно далеко не лучшим — монголо-татары практиковали весьма жестокие формы и методы подчинения и контроля. Теперь, став в известном смысле их «наследниками», русские (конечно, не поголовно, не всегда и не на всех уровнях) стали действовать в таком же духе по отношению к сибирским «ясачным иноземцам», просто потому, что не представляли себе, что можно действовать по-другому. Отсюда — трагизм отдельных ситуаций и на первый взгляд противоречивое сочетание отмеченного историками еще полтора века назад, отсутствия «племенной неприязни русского к дикарю», с одной стороны, и всплесков «бесчеловечной жестокости, которая <...> употреблялась даже без всякого грабительского побуждения, а так, ради нее самой» — с другой[224].

Как мы уже видели, приход русских далеко не всегда воспринимался сибирскими народами мирно. В дальнейшем они также продолжали оказывать сопротивление пришельцам, нападая на ясачных сборщиков, атакуя русские зимовья и острожки. Это сопротивление, конечно, было достаточно разрозненным — просто в силу уровня развития большинства аборигенных сообществ оно не могло носить сколько-нибудь организованного характера — однако как минимум вплоть до начала XVIII в. оно оставалось весьма интенсивным.

русской администрации было «подорвать экономическое и политическое значение тойоната». См.: *Мамет Л.* Колониальная политика царизма в Якутии в XVII — XIX веках // 100 лет якутской ссылки: Сб. якутского землячества. М., 1934. С. 33.

[224]См.: *Фирсов Н. А.* Положение нородцев... С. 233. В то же время нельзя согласиться с Р. Н. Зинуровым, который пишет об «общем, пренебрежительном и агрессивно-мстительном духе победителей (каковым себя русский народ, очевидно, считал), основанном на чувстве этнического превосходства бо́льшей части русского общества XVI века в отношении покоренных инородцев...» (*Зинуров Р. Н.* Башкирские восстания и индейские войны — феномен в мировой истории. Уфа, 2001. С. 87).

К числу относительно крупных выступлений можно отнести события 1642 г. в Якутии. Спровоцированные злоупотреблениями воеводы П. Головина и его администрации, они охватили достаточно большую территорию и широкие слои населения — якуты отказывались платить ясак, нападали на сборщиков; была даже идея организовать покушение на воеводу (для этого планировалось использовать раба, который должен был сыграть роль убийцы-смертника). Однако восстание было достаточно быстро и жестоко подавлено. Против «острожков» мятежников были посланы казачьи отряды, которые «многих изменников побили». Так, отряд В. Пояркова атаковал поселение князца Камыка, где находилось несколько сотен человек. Якуты пытались вступить с Поярковым в переговоры и послали ему 50 соболей. Однако тот «соболи у них взял, а в вине их якутов челобитья не принял и к городку с их служилыми людьми приступал и городок их якуцкой зжог». При этом более 300 жителей острожка было убито или сгорело заживо, а остальные были взяты в плен[225]. В Якутске П. Головин устроил жестокую расправу с попавшими к нему участниками восстания — «пытал и огнем жег и кнутом бил больше месяца в три палача без пощады». Показательно, что при этом Головин пытался использовать факт восстания в целях борьбы со своими соперниками — вторым воеводой М. Глебовым и дьяком Е. Филатовым. По свидетельству челобитной, поданной преемникам Головина — В. Н. Пушкину и К. Супоневу:

> «И Петр же Головин после того своего сыску тех якутов лутчих людей и аманатов повесил 23 человека, а иных выбрав же лутчих людей бил кнутьем без пощады, и с того кнутья многие якуты померли, и тех мертвых Петр вешал же <...>
>
> Да в том же изменном деле многие якуты с пыток и с холоду в тюрьмах померли <...> и Петр их якутов бил и морил голодом, чтоб они якуты измену и в убойстве говорили на них Матвея [Глебова] и [Еуфимья] Филатова...»[226]

Однако такие сравнительно крупные и массовые выступления случались относительно редко и, в основном, на ранних стадиях становления русского господства в том или ином регионе. Так, в конце 1640-х — начале 1650-х годов упорную борьбу с русскими ве-

[225]*Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа. С. 58.

[226]Цит. по: Там же. С. 59.

ли охотские тунгусы[227]). С упорным сопротивлением русским пришлось столкнуться в Прибайкалье[228]. Гораздо чаще имели место отдельные бунты и стычки. При этом удары аборигенов могли быть весьма ощутимыми. Так, Н. Н. Оглоблин упоминает документ, «об истреблении в 149 г. [1640–1641 гг.] Березовской "самоядью" отряда Енисейского казачьего атамана Максима Перфильева, сопровождавшего соболиную казну (из Енисейска, Красноярска, Нарыма, Березова), которую отгромили самоеды»[229]. Можно предположить, что эта казна была весьма немалой. На русском севере против русских — неоднократно выступала часть ненцев — «юрацкая самоядь». Они регулярно нападали на русские караваны с хлебом, в 1644 г. разорили посад Пустозерска, зимой 1662–1663 гг. захватили и сожгли сам Пустозерский острог, в 1679 г. осаждали Обдорск и т. д.[230]

Вооруженные конфликты русских и аборигенов вплоть до начала XVIII в. происходили почти повсеместно, хотя наиболее напряженной ситуация была на южных границах Сибири, а также на северо-востоке, где русских было относительно немного и их позиции были более слабы. Различные конфликты там зачастую смешивались и накладывались один на другой. Потери русских в них были весьма значительны. Н. В. Слюнин приводит информацию из синодика Охотской церкви, где поминались казаки и служилые люди, погибшие от рук аборигенов. В нем говорится, что в 1662 г. на реках Юдоме, Охоте и Инде было убито 66 человек; в 1663 г. — от рук «иноземцев» погиб ясачный сборщик Мухоплев с 50 товарищами; в 1670 г. потери составили 52 человека; в 1678 г. на р. Ураке был убит сборщик Томилов с 87 людьми; в 1680 г. на р. Юдоме убили Данилу Бибикова и с ним еще 62 человека[231].

В начале XVIII в. регулярно происходили стычки между рус-

[227]См.: *Степанов Н. Н.* Присоединение Восточной Сибири. С. 114.

[228]Кроме того там имели место случаи, когда значительные группы населения (например, сойоты, хаасуты), спасаясь от русских, откочевывали в Монголию. См.: *Павлинская Л. Р.* Кочевники голубых гор. СПб., 2002. С. 44–47).

[229]*Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. III. СПб., 1900. С. 179.

[230]См.: *Бахрушин С. В.* Самоеды в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III, ч. 2. С. 6.

[231]См.: *Слюнин Н. В.* Охотско-камчатский край. С. 13. О многочисленных конфликтах русских и аборигенов свидетельствуют документы, опубликованные в приложении к «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера. См., напр.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири: В 3 т. Т. III. М., 2005. Приложения №2, 13, 25, 26, 29, 37, 45, 51. С. 130, 154, 156–157, 181–190, 194, 210–211, 227–229, 233.

скими и считавшимися уже «приведенными в ясачный платеж» коряками. В частности, последние регулярно нападали на отряды казаков, шедших с Камчатки с ясаком в Якутск[232]. Так, в 1705 г. коряки убили приказчика сына боярского Протопопова и с ним 7 казаков, а затем В. Шелковникова с 10 казаками[233]. Выступления коренных жителей Камчатки продолжались и в последующие годы[234].

На все это русские отвечали карательными экспедициями, которые часто оборачивались кровопролитием и жестокостями с обеих сторон. Так, в 1720 г. с Камчатки для наказания коряков Паланы, отказавшихся платить ясак, был послан сын боярский Харитонов с 60 казаками. Коряки встретили их с притворной покорностью, но ночью напали на спящих русских. Сам Харитонов и с ним 9 человек были убиты, а еще 14 казаков ранено, однако оставшиеся в живых смогли взять верх над коряками, и в отместку сожгли все их поселение[235]. Во время другой карательной экспедиции против коряков А. Шестаков сжег селение Таватум вместе со всеми его жителями[236].

Подобных примеров можно привести достаточно много. А. А. Бродников, специально рассматривавший различные аспекты процесса объясачивания народов Восточной Сибири (в частности тунгусов) отмечает, что в XVII в. «сопротивление ясачным сборщикам было, может быть, не очень интенсивным, но стабильным. Убийства служилых и промышленных людей происходили регулярно, и причины их были в стремлении тунгусов отстоять свои охотничьи территории от нахлынувших в тайгу промышленных людей или освободить своих аманатов. Довольно часто потерявших бдительность казаков в зимовьях побивали сами аманаты, которые нередко по численности превышали своих охранников»[237]. Однако вслед за этой констатацией А. А. Бродников делает странный вывод о том, что «нет необходимости видеть в этих действиях борьбу угнетен-

[232]*Иохельсон В. И.* Коряки: Материальная культура и социальная организация. СПб., 1997. С. 212.

[233]*Слюнин Н. В.* Охотско-камчатский край. С. 19

[234]См.: *Окунь С. Б.* Очерки колониальной политики... С. 17.

[235]*Иохельсон В. И.* Коряки. С. 213.

[236]См.: Там же.

[237]*Бродников А. А.* Сбор ясака: зависимость процесса объясачивания от потестарно-политичской ситуации в регионе. По материалам Восточной Сибири XVII в. // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Новосибирск, 1999. С. 119–123. — www.zaimka.ru/power/brodnikov3.shtml

ных с завоевателями: на протяжении всего рассматриваемого периода у тунгусов происходили не только межплеменные, но и межродовые столкновения, причем достаточно кровопролитные. Поэтому их борьба с ясачными сборщиками принимает "нормальные" для общества, где еще не вызрели даже зачатки государственности, очертания войны всех против всех»!?[238] Если следовать этой логике, то получается, что ни один народ или этническая группа, находящаяся на догосударственной стадии развития, не способна оказать сопротивление чужакам, вторгшимся на занимаемые ей территории, и насильно навязывающим ей свои правила игры, а этих чужаков, соответственно нельзя называть «завоевателями». Тогда получается, что и индейцы Северной Америки, о которых речь пойдет ниже, не могли бороться с европейскими колонизаторами в силу того, что у индейцев к началу контактов с белыми еще не сложилось государственности, и среди них происходили межплеменные и межродовые столкновения[239].

В первые десятилетия XVIII в. русская политика в отношении аборигенов претерпевает некоторые изменения. С одной стороны, к этому времени во многих районах из-за резкого сокращения поголовья соболя несколько поутихла пушная лихорадка. Это объективно привело к сокращению масштабов активности в первую очередь на севере ясачных сборщиков и особенно промышленников. Как отметил Ю. Слезкин, «чем меньше становилось шкурок, тем меньше становилось русских»[240] (конечно, к районам земледельческой колонизации эти слова не относятся). В большинстве районов (за исключением самых отдаленных — Камчатки, Чукотки, а также пограничных территорий) прекратились или, по крайней мере, стали существенно более редкими открытые столкновения русских и аборигенов.

[238] Там же.

[239] Еще более странные заявления можно встретить в исторической публицистике. Так, автор ряда работ о присоединении Сибири Н. Никитин утверждает, что «Россия в XVI–XVII вв. <...> подвергалась постоянному давлению "варварского окружения"» и при этом ссылается на вышеупомянутые нападения ненцев на русских (хотя ненцы действовали исключительно в пределах территории своего исторического ареала, куда вторглись русские). Если следовать этой логике, то нападения индейцев на английские и французские поселения тоже можно квалифицировать как давление «варварской периферии» на очаги «цивилизации». См.: *Никитин Н.* Страсти вокруг Ермака // Москва. 1992. № 7–8 (Июль–Август). С. 112.

[240] *Слезкин Ю.* Арктические зеркала... С. 46.

С другой стороны, Петр I провозгласил курс на массовую христианизацию аборигенов, реализация которого была поручена сибирскому митрополиту Филофею (Лещинскому). В 1706 г. ему было приказано царем: «ехать во всю землю вогульскую и остяцкую и в татары, в тунгусы и якуты, и в волостях, где найдет их кумиры и кумирницы и нечестивыя их жилища, и то все пожечь, и их вогулов и остяков Божиею помощью и своими труды приводить в Христову веру»[241]. Светской администрации предписывалось оказывать миссионерам всяческое содействие. В то же время важно отметить, что если раньше добровольное крещение «иноземца» означало его переход в качественно новое состояние — он переставал платить ясак и мог быть фактически приравнен к русским (отчасти именно поэтому в XVII в. власти особо не стремились поощрять проповедь христианства), то теперь в его статусе ничего не менялось — крещеный «иноземец» получал лишь некоторые временные льготы (освобождение от ясака на три года).

В результате деятельности православных миссионеров, шедшей двумя «волнами» (первая пришлась на 1700-е — 1710-е годы, а вторая — на 40–50-е годы XVIII в.[242]), произошло массовое обращение сибирских «иноземцев». Однако это обращение носило достаточно поверхностный и во многом формальный характер. Количество русских миссионеров было невелико, подробным разъяснением догматов христианства аборигенам и тем более переводом Священного писания на их языки они не занимались. Для побуждения к принятию крещения в качестве кнута использовалась угроза репрессий, а в качестве пряника — обещание подарков и льгот. Миссионеры также уничтожали изображения божеств, разрушали капища, старались искоренить обычаи, явно идущие в разрез с христианской моралью (в первую очередь многоженство).

Безусловно, среди миссионеров встречались и искренние подвижники — в первые десятилетия XVIII в. это был сам «апостол Сибири» митрополит Филофей, позднее — Иннокентий Кульчицкий, Иннокентий Нерунович и др. Однако большинство из тех, кто проповедовал аборигенам христианство, составляли священнослужители, сосланные в Сибирь за какие-либо прегрешения и не слишком заинтересованные в добросовестном исполнении возложенной на них миссии.

[241] Цит. по: *Софронов В. Ю.* Светочи земли сибирской: Биографии архипастырей Тобольских и Сибирских (1620–1918 гг.). Екатеринбург, 1998. С. 81.

[242] См.: *Знаменский П. В.* История русской церкви. М., 1996. С. 360–361.

Неудивительно, что большинство новообращенных «иноземцев» были «некрепки» в новой вере и по-прежнему не слишком скрывали своей приверженности традиционным верованиям — они обращались к шаманам, верили в духов, поклонялись идолам и приносили им жертвы и т. д. При этом они пытались включить новые для них элементы православной обрядности и культа в традиционные практики (помещали иконы рядом с «истуканами», изображали христианские символы на шаманских бубнах). Православные священники в некоторых случаях старались бороться с этим — уничтожали «шайтанчиков», наказывали новокрещенных кнутом за неисполнение церковного устава, в особо серьезных делах обращались за помощью к светским властям. Впрочем, последние применяли силу весьма редко — только против особо упорствующих «колдунов» (некоторых сажали в тюрьмы, а один шаман был даже сожжен на костре). В то же время бывали случаи, когда священники за известную мзду закрывали глаза на те или иные языческие обряды, или даже сами вступали в контакты с шаманами. Так, в 1723 г. стал достоянием гласности случай, когда священник Троицкой церкви Богородской волости Дорофей Скосырев даже «побратался» с остяцким «идолом»[243].

Что касается религиозных представлений аборигенов, то в их сознании христианство накладывалось на традиционные верования, и в результате формировался тот самый синкретизм, элементы которого у некоторых коренных народов Сибири сохраняются по сей день.

В Петровскую эпоху в России наряду с утилитарно-практическим интересом к аборигенам Северной Азии появляются первые ростки научного интереса, а также элементарного любопытства. В частности, сам царь-реформатор неоднократно требовал присылки не только сибирских диковинок, но также «шаманов, которые бы совершенно шаманить умели», и при этом предписывал «велеть, что им к шаманству надобно взять с собою»[244]. Любопытно, что в 1703 г. подобное распоряжение поставило в совершеннейший тупик Березовского воеводу, который считал, что в шаманах нет и не может быть ничего интересного[245] (дальнейшие распоряжения о

[243] Об этом подробнее см.: *Акишин М. О.* Побратался поп с шайтаном... Православные идолопоклонники в Сибири XVIII века // Родина. 1997. № 5. — http://www.zaimka.ru/religion/shaitan.shtml

[244] Памятники сибирской истории XVIII века: В 2 кн. Кн. 1. СПб., 1882. С. 240.

[245] См.: Там же. С. 241, 242.

присылке шаманов и «мужиков Шитых Рож»[246], очевидно, уже не обсуждались). В последние годы царствования Петра I в Сибирь была отправлена первая научная экспедиция (под руководством Д. Г. Мессершмидта), которая помимо разыскания «раритетов и аптекарских вещей» должна была заниматься изучением сибирских народов и их языков. Работу, начатую Д. Г. Мессершмидтом и его сотрудниками (в первую очередь И. Ф. Страленбергом), в последующие десятилетия продолжили участники Академического отряда Великой северной экспедиции (Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин и др.).

Однако важно отметить, что в допетровское время коренное население Северной Азии воспринималось русскими хотя и безразлично-утилитарно, но именно в качестве «иноземцев», положение которых и отношение к которым определялось прежде всего фактом их завоевания. Это восприятие не включало каких-либо элементов того, что можно назвать цивилизационным превосходством. Теперь на смену «татаро-монгольскому» взгляду на аборигенов Сибири, как на неких абстрактных данников (отличающихся от остального населения прежде всего тем, что они должны платить ясак), постепенно приходит «европейский» взгляд на них как на «дикарей», находящихся на более низкой ступени развития, по сравнению с русскими и другими народами Российской империи (естественно, это было связано с теми общими изменениями российского самосознания и притязаниями России на «европейскость», которые происходили в начале XVIII в.). В то же время одновременно они как бы инкорпорировались в имперское пространство, и из «иноземцев» превратились в «инородцев»[247]. Соответственно возникла мысль о необходимости преодоления этой «дикости» с помощью не только христианизации, но также просвещения и воспитания в «правильном» духе.

Однако вплоть до конца рассматриваемого нами периода (да и гораздо позднее) на местах в этом направлении практически ничего не делалось. По-прежнему, аборигены контактировали, в основном, с ясачными сборщиками и купцами, поведение которых не претерпело существенных изменений по сравнению с допетровским временем. Само взимание ясака приобрело несколько более упорядоченную и мирную форму, однако злоупотребления сборщиков не

[246] См.: Там же. Кн. 2. СПб., 1885. С. 365, 436–442.

[247] О замене одного понятия другим и о содержании этих понятий подробнее см.: *Слезкин Ю.* Арктические зеркала... С. 73.

прекратились (при этом страдали не только аборигены, но и интересы казны).

Правда, во второй половине 1720-х годов правительство разрешило уплату ясака деньгами, что несколько стимулировало товарообмен между аборигенами и русскими. В то же время центр был озабочен неуклонным сокращением объемов ясачного сбора и ухудшением его качества. Чтобы воспрепятствовать этому, неоднократно издавались распоряжения, запрещающие вмешательство во внутренние дела аборигенных сообществ, промысел на их охотничьих угодьях и даже посещение территорий их проживания. Однако далеко не всегда они давали должный эффект.

В целом в первой половине XVIII в. русская политика по отношению к аборигенам стала более многоплановой (по сравнению с достаточно примитивным сочетанием утилитаризма, безразличия и декларируемого патернализма, характерным для предшествующей эпохи). Представители коренных народов рассматривались теперь не только как абстрактный источник ясака (хотя это тоже никуда не делось), но также как существа, стоящие на более низкой ступени развития, которых должно христианизировать, воспитывать, просвещать и т. д. В то же время эта политика оставалась (быть может, к счастью для ее адресатов) достаточно невнятной, не всегда последовательной и далеко не первоочередной для властей[248].

* * *

Коренные жители Нового Света отнеслись к высадке первых английских и французских колонистов в целом достаточно доброжелательно или, по крайней мере, нейтрально. Каких-либо попыток воспрепятствовать высадке европейцев или строительству их первых поселений индейцы в большинстве случаев не предпринимали. Впрочем, сами колонисты также не стремились обосноваться «в гуще» аборигенов и выбирали для своих первых опорных пунктов действительно свободные или очистившиеся в результате эпидемий участки (например, Бостон был основан на землях, где раньше жило племя массачусетсов, практически полностью уничтоженное эпидемиями 1616–1617 гг.[249]). По отношению к соседним племенам они также первоначально вели себя достаточно осторожно,

[248] Определенные изменения здесь стали происходить уже в Екатерининскую эпоху, рассмотрение которой выходит за рамки интересующего нас периода.

[249] См. подробнее: *Vaughan A. T.* The New England Frontier: Puritans and Indians, 1620–1675. 3rd ed. 1995. P. 103.

так как ясно осознавали всю хрупкость своего положения в незнакомой стране, чуждых условиях и т. п. Возможно, это отношение порой было вынужденным, однако в противном случае колониальное предприятие было обречено на провал. Во многом именно из-за того, что англичане с самого начала не смогли установить нормальных отношений с индейцами, потерпела крах так называемая колония Пофема (или колония Сагадахок), которую Плимутская Вирджинская компания пыталась основать на территории современного штата Мэн в 1607–1608 гг. Посетивший эти края несколько лет спустя и общавшийся с местными индейцами французский миссионер о. Пьер Биар отметил:

> «Они [англичане] совершенно бесцеремонно прогоняли дикарей, они били их, возмутительно жестоко и дурно обращались с ними, никак себя не сдерживая; в результате эти бедные измученные люди, обеспокоенные своим настоящим и опасаясь еще более худшего будущего, решили, как они сказали, убить волчонка пока его зубы и когти не станут сильнее»[250].

Впрочем, во всех других случаях и англичанам и французам удавалось устанавливать в целом мирные и дружественные отношения с индейцами или на худой конец просто избегать каких-либо контактов с ними. В некоторых случаях помощь индейцев в буквальном смысле спасала пионеров от голодной смерти — в частности, такое было несколько раз на заре истории Вирджинии и Нового Плимута.

Однако, вскоре после того как поселенцам удалось «встать на ноги», между ними и «краснокожими» в ряде точек Североамериканского континента стали происходить конфликты и столкновения. Наиболее напряженная ситуация складывалась в английских приатлантических колониях. На протяжении всего рассматриваемого нами периода эти колонии сами определяли свою политику по отношению к аборигенам; роль метрополии в этом вопросе была не слишком большой. Только в 1755 г. Лондон попытался установить общий контроль над отношениями своих колонистов с индейцами путем учреждения специальной должности суперинтендантов по индейским делам (одного на севере и одного на юге), однако на практике их деятельность имела ограниченный эффект.

В своем большинстве английские поселенцы изначально относились к индейцам, с одной стороны, с презрением и высокомери-

[250] The Jesuit Relations... Vol. II. Cleveland, 1896. P. 44–46.

ем, а с другой, с очень большим недоверием, подозрительностью и враждебностью. Эти последние черты они приписывали и отношению индейцев к белым. Причем дело не менялось даже тогда, когда «краснокожие» вели себя подчеркнуто мирно и дружелюбно. Еще в 1607 г. один из основателей Вирджинии К. Ньюпорт признавая доброжелательность индейцев поухаттанов к колонистам, все равно оставался убежден в том, что все они «по своей природе склонны к вероломству»[251]. Причину же тех или иных благоприятных для них действий «краснокожих» англичане предпочитали усматривать в воле Провидения. Вот очень характерный пассаж, относящийся к первым годам существования Вирджинии: «Бог, видя нашу крайнюю нужду, соблаговолил растрогать индейцев, и они принесли нам зерна, правда, недозрелого, чтобы поддержать нас, хотя мы более ожидали, что они нас уничтожат»[252]. Отцы-пилигримы Нового Плимута считали помогавшего им индейца Скуанто, о котором шла речь выше, «особым орудием, посланным Господом для их блага»[253]. В записках капитана Р. Клэпа есть такая фраза: «Бог повелел индейцам помочь нам — принести нам рыбу по очень дешевой цене»[254].

Хотя идеологи английской экспансии много говорили о необходимости приобщения индейцев — «варваров» и «язычников» к христианству и цивилизации, на практике первые поселенцы часто забывали об этом. Как отметил американский историк А. Дебо, «убеждение в необходимости развития аборигенов более явно присутствовало в метрополии, чем в самой колонии»[255]. Деятельность отдельных энтузиастов-проповедников (вроде Дж. Торпа в Вирджинии) не слишком влияла на общую картину. В то же время большинство английских поселенцев негативно и с отвращением относились к самым разным сторонам жизни индейцев. Это касалось и их верований, их моральных норм, их представлений об одежде, их поведения и т. д. Как отметил У. Джекобс, индейцев часто описывали как людей развращенных, наделенных животными инстинктами, нечестивых мошенников, которые живут в грязи и едят отвратительную пищу (в России подобные описания сибирских аборигенов, которые «никакой чистоты не наблюдают» появились спустя сто лет — в первой половине XVIII в.). Лондон, в свою очередь, не имел ни возможности, ни большого желания направлять или корректировать индейскую политику своих колоний (особенно крупнейших), предоставив им здесь фактически полную свободу действий. Колониальные же власти абстрактно считали, что индейцы в будущем, конечно, должны обратиться в христианство и кардинальным образом изменить свой образ жизни: выучить английский язык, начать носить европейскую одежду, заняться оседлым земледелием, перейти к моногамии и т. д., т. е. по сути, превратиться в англичан. Пока же индейцы должны были, во-первых, «не мешать» колонистам — ни коим образом не препятствовать их деятельности; во-вторых, помогать им или, лучше сказать, служить для них подспорьем — поставлять нужные англичанам товары (от продовольствия до рабов), безропотно уступать им свои земли, в случае необходимости защищать их от врагов и т. п.

[251] *Jacobs W. R.* British-Colonial Attitudes... P. 84.
[252] Цит. по: *Слезкин Л. Ю.* У истоков американской истории. Виргиния, Новый Плимут, 1606–1642. М., 1978. С. 44.
[253] *Debo A.* A History of the Indians... P. 45.
[254] [*Clap R.*] Memoirs of Capt. Roger Clap. Pittsfield, 1824. P. 21.
[255] *Debo A.* A History of the Indians... P. 41.

Очевидно, что такая перспектива устраивала не всех индейцев, проживавших в зонах интенсивной английской колонизации. Однако многие племена также стремились использовать появление английского «племени» в своих интересах и охотно вступали с ним в союзы. Поэтому применительно к рассматриваемому нами периоду не совсем верно говорить о конфликтах между «бледнолицыми», с одной стороны, и «краснокожими», с другой, — в большинстве случаев это были конфликты англичан и их индейских союзников с другими индейцами (не говоря уже о межколониальных войнах, где обе стороны, как правило, активно использовали поддержку индейцев).

Одним из немногих собственно англо-индейских столкновений была «Великая резня» в Вирджинии, когда поухаттаны, по соседству с которыми обосновались английские поселенцы, решили избавиться от непрошенных, неведомо откуда взявшихся и очень беспокойных соседей, которые не только торговали с ними, но также не гнушались вымогательством и грабежом. Непосредственным поводом, вероятно, послужил отказ вирджинцев разобраться с делом об убийстве поселенцами одного из вождей. 22 марта 1622 г. индейцы стали повсеместно нападать на английские поселения, убив в общей сложности 347 человек (т. е. около четверти всех жителей колонии). Жертв могло быть и больше, если бы жители колониальной «столицы» — Джеймстауна не были заранее предупреждены о

готовящемся нападении неким Чанко — одним из немногих крещеных индейцев.

Показательно, что поухаттаны действовали в соответствии с индейской традицией ведения войны. Нанеся внезапный удар, они прекратили боевые действия, ожидая ответной реакции английского «племени» (переселения на другое место, предложения начать переговоры). Однако вирджинцы, мобилизовали все имеющиеся силы и предприняли крупномасштабную карательную операцию против поухаттанов, заявив, что своими действиями те сами поставили себя вне закона и теперь по отношению к ним позволены любые действия. В одном из памфлетов того времени говорилось:

> «Нашим рукам, которые раньше были связаны добротой и честным обращением, теперь вероломным насилием дикарей дана свобода <...>
>
> Итак дабы мы, которые по сию пору имели основанием нашего владения [землями] их пустынность и покупку нами за достойную плату к их [индейцев] собственному удовлетворению, можем теперь по праву войны и закону наций, вторгнуться в ту страну и истреблять тех, кто собирался истребить нас <...> Теперь расчищенные участки во всех их селениях (которые расположены на плодороднейших землях) будут заселены нами, поскольку прежде корчевание леса было величайшим трудом»[256].

С весны до осени 1622 г. английские поселенцы провели несколько рейдов против поселений поухаттанов, убивая всех, кто попадался им под руку. Обескураженные индейцы предложили начать переговоры. Вирджинцы притворно согласились, но во время церемонии заключения мира напоили явившихся к ним поухаттанов отравленным алкоголем. Из 250 участвовавших в этой церемонии индейцев около 200 умерло сразу, а остальные были перебиты колонистами. Карательные операции продолжались до 1632 г.

В аналогичном ключе развивались события второй войны между вирджинцами и поухаттанами (1644–1646 гг.), когда в результате внезапной атаки индейцев было убито около 500 поселенцев. Однако поскольку численность «бледнолицых» в Вирджинии все эти годы стремительно росла, этот удар не мог оказаться для колонии смертельным (потери составили не более 10% от общего количества ее жителей). Наоборот, ответный удар вирджинцев по поухаттанам

[256] The Records of the Virginia Company of London: In 4 Vols. / Ed. by S. M. Kingsbury. Vol. III. Washington, 1933. P. 556–557.

имел для этого племенного объединения весьма тяжелые последствия — оно фактически перестало существовать.

В Новой Англии события развивались по несколько иному сценарию. С рядом местных племен колонисты заключили союзы, оказавшиеся достаточно прочными (союз Нового Плимута с вампаноагами сохранялся более полувека). Естественно, что эти союзы они использовали в своих интересах — для обеспечения собственной безопасности, борьбы с теми индейцами, которых считали опасными и враждебными, захвата территорий и т. п. Однако индейские союзники англичан также стремились (хотя и не всегда удачно) извлечь из сложившейся ситуации определенную выгоду для себя.

Примером этого может служить знаменитая Пекотская война 1637 г. Решение о начале боевых действий против племени пекотов, обитавшего в долине р. Коннектикут (к западу от бухты Наррагансет), было принято властями Массачусетса (поводом послужила весьма темная история с убийством английского торговца, последовавшая за ней карательная экспедиция и стычки индейцев с английскими поселенцами). Однако в походе на пекотов наряду со 110 новоанглийскими ополченцами участвовал также отряд их союзников могикан и насчитывавшая до 500 человек «армия» наррагансетов. Ночью объединенные силы окружили и подожгли крупнейшее селение пекотов на р. Мистик. По разным данным от 400 до 700 человек сгорело заживо или было убито нападавшими на месте, а оставшиеся — взяты в плен. Показательно, что союзники англичан — наррагансеты — были поражены жестокостью белых, заявив, что это не «правильная» война, а убийство. Уцелевшие в резне и проживавшие в других селениях пекоты пытались продолжить сопротивление, однако быстро потерпели поражение и были частично уничтожены, частично пленены (некоторых пленных обратили в рабство, некоторых отдали другим племенам для «усыновления»). За немногими уцелевшими пекотами охотились могикане, наррагансеты и другие племена, которым англичане обещали награду за пекотские скальпы. В результате племя, которое до начала конфликта насчитывало около 3–3,5 тыс. человек, было почти полностью уничтожено (лишь нескольким десяткам удалось откочевать на новое место). Естественно это коренным образом изменило баланс сил среди индейцев Новой Англии.

Уже эти первые конфликты вскрыли всю сложность и трагизм складывавшейся ситуации. Вряд ли можно говорить о том, что у английских поселенцев на Атлантическом побережье в тот момент

имелся какой-то четкий план уничтожения индейцев, оказавшихся в зонах наиболее интенсивной колонизации, или их вытеснения оттуда. Однако объективно специфика развития колонизационного процесса в этой части Английской Америки практически не оставляла шансов на то, что «бледнолицым» и «краснокожим» удастся найти какой-либо способ взаимодействия, который позволил бы им сосуществовать в пределах достаточно ограниченной территории. И в Новой Англии и в Вирджинии и в других приатлантических колониях жителей с каждым десятилетием становилось все больше, соответственно им было нужно все больше земли, свободной от чьего-либо присутствия.

Как уже отмечалось, свою роль в «очищении» земель Североамериканского континента от индейцев играли занесенные европейцами болезни и алкоголь. Колонисты, особенно новоанглийские пуритане, рассматривали вымирание аборигенов как проявление Божественной воли — «Бог покончил с этим спором [«бедблолицых» и «краснокожих»], наслав на индейцев оспу», а также как знак благоволения небес по отношению к их собственной деятельности. Дж. Уинтроп риторически спрашивал: «Если бы Господу было неугодно, чтобы мы наследовали эту страну, разве стал бы Он изгонять ее первых жителей перед нашим приходом? И почему Он также создал пространство для нас, уменьшив их [численность], когда наша [численность] возросла». По поводу очередной эпидемии оспы, выкосившей значительную часть племени нарангансетов он писал: «...без этого поразительного и ужасного удара Господа по первым жителям [нам] было бы гораздо труднее найти место и [нам] бы пришлось получать и приобретать земли с гораздо большими затратами»[257].

Однако индейцы вымирали все же не так быстро, как, может быть, хотелось некоторым английским поселенцам и поэтому последним приходилось прибегать к другим способам приобретения земель аборигенов. Безусловно, англичане были не прочь достичь своих целей мирным путем. Хотя, как уже отмечалось, они в целом не признавали за индейцами каких-либо юридических прав на занимаемые теми территории, колонисты тем не менее заключали договоры о покупке de facto занимаемых / контролируемых / используемых аборигенами земель, так как считали, что такие договоры будут залогом более или менее мирного развития событий.

[257]Цит. по: *Jennings F.* The Invasion of America... P. 134.

Конечно, юридический статус этих договоров — даже если они были письменными (а встречались и устные) — был весьма неопределенным[258].

Обычно в этих документах речь шла о том, что то или иное племя уступает или продает англичанам определенную (или неопределенную) территорию за некую плату. Например, 8 февраля 1673 г. небольшой участок земли на берегу р. Дэлавер (700 акров) был с разрешения губернатора Нью-Джерси куплен у индейцев двумя частными лицами, которые дали за него пол-анкера (15,5 литра) алкоголя, два плаща, два топора, два куска сала, четыре горсти пороха, два ножа и немного краски[259].

Часто договоры содержали различные юридические тонкости, в которых индейцы, естественно, не разбирались; в итоге часто оказывалось, что индейцы «уступили» гораздо больше земли, чем они предполагали и/или за гораздо меньшую цену. Так, в частности, было в случае с двумя сделками, заключенными с наррангансетами администрациями Массачусетса и Коннектикута в 1659 г. В результате этих сделок племя лишилось половины своей территории, а когда индейцы попытались воспротивиться этому, англичане повернули дело так, что тем пришлось еще платить компенсацию вампумами (эти ожерелья из раковин использовались тогда в качестве своеобразной «валюты») компании-посреднику[260].

В то же время были и случаи, когда белые заключали вполне честные (без какого-либо обмана или подвоха) договоры с индейцами о продаже или уступке их земель. К их числу относится приобретение земли Роджером Уильямсом для колонии Провиденс, а также вызывавшие восхищение Вольтера соглашения Уильяма Пенна с делаварами (ленапе) и саскуэханноками.

Что касается индейцев, то они придерживались иных, чем белые, взглядов на землю вообще и земельную собственность в частности, однако это ни в коем случае не означает, что таких взглядов у них не было вообще. Например, индейцы Новой Англии очень четко представляли границы владений того или иного племени и в принципе допускали возможность их изменения[261]. В то же время другие племена полагали, что земля не может быть отчуждена

[258]См.: *Dickason O. P.* Canada's First Nations: A History of Founding Peoples from the Earliest Times. 2nd ed. Toronto, 1997. P. 151.

[259]The American Indian, 1492–1970... P. 9.

[260]Подробнее см.: *Leach D. E.* Flintlock and Tomahawk. New York, 1966. P. 17.

[261]См.: *Vaughan A.* The New England Frontier... P. 105.

(в том числе и в пользу белых), и что речь может идти лишь о регламентации пользования ею[262].

Возвращаясь к индейской политике, проводившейся властями Массачусетса, следует отметить, что после Пекотской войны, ими была начата кампания по христианизации племен, проживавших на территории Новой Англии (это был редкий случай для Английской Америки рассматриваемого нами периода). В 1646 г. соответствующее решение (Act for the Propagation of the Gospel amongst the Indians) было принято колониальной Ассамблеей. Определенную поддержку этому начинанию оказали также власти метрополии — в 1649 г. Долгий парламент принял решение о создании «Корпорации для продвижения и распространения евангельской веры в Иисуса Христа в Новой Англии» (всего корпорацией было собрано более 12 тыс. фунтов пожертвований).

Собственно миссионерскую работу возглавил Джон Элиот — пастор церкви в Роксбери. Он искренне симпатизировал индейцам и стремился не только проповедовать им христианство, но и приводить их к цивилизации, не стараясь при этом полностью «переделать» их в англичан, а, наоборот, выступая за сохранение индейских языков, культуры и т. п. Элиот выучил один из алгонкинских диалектов и произносил на нем проповеди, перевел на него Библию и в 1663 г. издал ее. Для подготовки индейских проповедников Элиот основал «на Гарвардском дворе» индейский колледж. Стараниями Элиота и его помощников к 1674 г. около 1100 индейцев Новой Англии приняли христианство (есть и другие цифры, — в частности, весьма популярно утверждение о том, что крестилось около 20% тогдашнего индейского населения Новой Англии, а это около 4 тыс. человек). Эти «молящиеся индейцы» (Praying Indians) обосновались в 14 небольших поселках, расположенных на «границе» между территориями, занимаемыми «бледнолицыми» и «краснокожими», образовав своего рода «буфер» между ними.

Появление «молящихся индейцев» было свидетельством глубокого кризиса и раскола, наметившегося в 1660-е — первой половине 1670-х годов среди индейцев Новой Англии. К этому времени белые поселенцы уже как минимум в два с половиной раза превосходили их по численности. Страна в буквальном смысле слова изменилась до неузнаваемости — индейские селения были со всех сторон окружены территориями, которые белые считали принадлежащими им;

[262]См.: *Рулан Н.* Историческое введение в право. М., 2005. С. 418.

значительная часть лесов была сведена; количество дичи резко сократилось; даже климат стал не таким, как раньше (более мягким и влажным — это произошло из-за массовой вырубки леса). Соотношение сил «краснокожих» и «бледнолицых» изменилось коренным образом — если раньше белые зависели от индейцев, то теперь индейцы оказались в зависимости от белых (от их товаров, от торговли с ними и т. п.), так как лишились многих прежних традиционных навыков и источников существования. Неудивительно, что в этой ситуации определенная часть индейцев искала для себя выход в принятии религии белого человека, полагая, что она поможет им выжить в изменившемся мире. Другая часть, наоборот, относилась к белым все более враждебно.

В 1675 г. индейцы Новой Англии подняли восстание против белых, вошедшее в историю как Война короля Филиппа. Его лидер — вождь вампаноагов Метаком (которого англичане называли королем Филиппом) смог создать союз с наррангансетами и некоторыми другими племенами. Он говорил своим соратникам: «...от владений моих предков осталось так мало. Я решил не ждать того дня, когда у нас не будет страны...»[263]. Война началась в индейском стиле с внезапного нападения. Летом 1675 г. индейцы атаковали и полностью уничтожили двенадцать английских поселений и множество ферм, убив при этом около 600 колонистов. «Краснокожие» угрожали даже Плимуту — старейшему поселению Новой Англии. Однако колонисты быстро собрали против них значительные силы. На стороне Новой Англии также выступили ее традиционные союзники могикане, часть ирокезов и что удивительно — уцелевшие пекоты.

«Молящиеся индейцы», принадлежавшие в своем большинстве к восставшим племенам вампаноагов и нарангансетов, оказались в драматическом положении. Некоторые присоединились к восставшим, но многие сохранили лояльность к англичанам. Известно, что представители «молящихся индейцев» неоднократно предупреждали белых о готовящемся восстании и даже называли приблизительную дату его начала, однако англичане им не верили. После начала войны власти Массачусетса предприняли попытку использовать «молящихся индейцев» в своих интересах — из них была сформирована рота разведчиков, которая в июле–августе 1675 г. оказала очень большую помощь колониальной милиции. Однако под давле-

[263]Цит. по: *Debo A.* A History of the Indians... P. 47.

нием населения, относившегося к «молящимся индейцам» с враждебностью и недоверием, уже через два месяца эта рота была распущена, а самим «молящимся индейцам» было приказано находиться в своих поселениях и не отходить от них дальше, чем на одну милю (причем даже это им разрешалось делать только в сопровождении англичан). Еще через два месяца — в октябре 1675 г. колониальная администрация приняла решение переместить всех «молящихся индейцев» на небольшой Олений остров (Deer-Island), находящийся в Бостонской гавани, дабы изолировать их в равной степени и от белых и от их соплеменников. В итоге 500 человек были отправлены на этот остров, где их продержали в очень тяжелых условиях до 1677 г.

Впрочем, положение тех «молящихся индейцев», которые избежали депортации, было еще хуже. С одной стороны, их поселения подверглись нападениям со стороны восставших, с другой, они также стали жертвой карательных операций англичан. При этом и те и другие обвиняли «молящихся индейцев» в предательстве. Последние в буквальном смысле слова оказались меж двух огней. В итоге к моменту окончания войны короля Филиппа численность «молящихся индейцев» сократилась до нескольких сотен человек (те из них, кто участвовал в восстании и попал в плен, предстали перед английским судом, который вынес им смертные приговоры). После этого власти Новой Англии потеряли к ним и вообще к делу обращения язычников всякий интерес (единственным кто пытался их поддерживать и защищать оставался престарелый Джон Элиот).

Что касается самого восстания, то, несмотря на упорное сопротивление Метакома и его соратников, оно было подавлено англичанами и их союзниками уже в 1676 г. Борьба носила чрезвычайно ожесточенный характер с многочисленными эксцессами с обеих сторон (к милосердию и миру призывали только Дж. Элиот и Р. Уильямс, но их никто не слушал). Сам Метаком был убит индейскими союзниками англичан, а его голова двадцать лет торчала на колу в Плимуте. Жена и сын мятежного вождя, как и многие другие захваченные в плен участники восстания, были проданы в рабство на Бермудские острова. Общая численность индейского населения Новой Англии резко сократилась.

Война короля Филиппа на практике была серией отдельных стычек, диверсий, партизанских рейдов; Метаком вел бои не только с англичанами, но также с другими индейскими племенами, по разным причинам выступившими против него на стороне «бледнолицых». И все же это все-таки была именно национально-освободительная борьба, происходившая в том виде, в котором она только и могла происходить в то время.

В зонах интенсивной колонизации основной целью политики англичан по отношению к индейцам было обеспечение приобретения их земель или, лучше сказать, «очищения» тех или иных территорий от «краснокожих» (в более мягких или более жестких формах это происходило в Новой Англии, Вирджинии, Каролинах, Мэриленде и т. д.). В то же время на периферии Английской Америки в рассматриваемый нами период индейская политика строилась несколько в ином ключе. Там земельный вопрос либо вообще не ставился (как, например, на канадском севере) или пока еще не приобрел большой остроты. В такой ситуации от тех индейских племен, с которыми контактировали англичане, требовалось следующее. Во-первых, чтобы они не угрожали безопасности белых поселенцев; во-вторых, чтобы они, там где это было возможно и/или необходимо, поставляли «бледнолицым» нужные им продукты (продовольствие, меха); в-третьих, чтобы они могли выступать в качестве военных союзников англичан в случае возникновения у тех конфликтов с другими индейцами или европейцами. Именно в этом ключе строились отношения англичан с большинством племен, обитавших к западу от основных приатлантических очагов колонизации, а также с индейцами канадского севера. Свою роль здесь играли также такие факторы, как уровень развития того или иного племени, степень его военной мощи, хозяйственные возможности занимаемой им территории, стратегическое значение последней и т. д.

Так, на протяжении длительного времени (с 1670-х годов и до Войны за независимость США) англичане поддерживали союзнические отношения с могущественной Лигой ирокезов. Это было связано с такими моментами, как исключительная стратегическая важность территории, занимаемой племенами Лиги (между английскими и французскими колониями), высокий уровень развития ирокезского общества, значительная военная мощь Лиги, ее традиционно враждебное отношение ко многим племенам, находившимся в орбите французского влияния, а также к самим французским поселенцам, наконец, наличие устойчивых торговых связей между ирокезами и европейскими (сначала голландскими, затем английскими) поселениями долины Гудзона.

Еще голландские торговцы из Нового Амстердама и форта Оранж установили тесные торговые контакты с ирокезами. Эти

контакты не прервались, а наоборот продолжали развиваться и после английского завоевания Новых Нидерландов. Дополнительный стимул им придало обострение отношений англичан с французами. В этой ситуации в 1677 г. было положено начало формированию так называемой Договорной цепи (или Цепи завета — Covenant Chain), которая представляла своего рода сложносоставной иерархический союз, включавший Лигу ирокезов, зависимые от нее племена и ряд английских колоний[264]. Безусловно, ирокезы и англичане трактовали установившиеся между ними отношения по-разному. Индейцы, например, считали заключавшиеся ими договоры обязательными только для тех племен, кланов и родов, представители которых участвовали в церемонии их подписания. Они также по-своему трактовали факт существования различных английских колоний (например, считали возможным, находясь в мире с одной из них, воевать с другой). Англичане, со своей стороны, считали, что договор дает им право считать ирокезов подданными британской короны (что не осознавали ирокезы и против чего долгое время выступали французы). Тем не менее союз англичан и ирокезов стал реальностью и сыграл значительную роль в ходе англо-французского соперничества в Северной Америке (большинство ирокезов встало на сторону британцев также и во время Войны за Независимость, что имело для Лиги весьма тяжелые последствия). Французы же неоднократно пытались расколоть этот союз — в 1701 г. им удалось добиться определенного успеха, когда в Монреале при французском посредничестве был заключен так называемый Великий мир; однако в целом большинство ирокезов оставалось на пробританских позициях. Зимой 1709–1710 гг. властями колонии Нью-Йорк была организована поездка четырех ирокезских вождей в Лондон — это был первый в истории Английской Америки «официальный» визит представителей индейцев в метрополию (до этого их привозили в Англию только в качестве диковинок, рабов и т. п.).

На южных границах, где англичане столкнулись с испанской и французской конкуренцией, они, с одной стороны, были не прочь опереться на индейцев, а с другой, стремились не дать сделать этого своим соперникам. В то же время там, где поселенцам требовалась земля — по мере расширения ареала сельскохозяйственной колонизации, неизбежно возникали конфликты по этому поводу.

[264]См.: Beyond the Covenant Chain: The Iroquois and Their Neighbors in Indian North America, 1600–1800 / Ed. by D. K. Richter and J. H. Merrell. University Park (PA). 2003. P. 41–43.

В этом плане весьма показательна ситуация, сложившаяся в Северной и Южной Каролине. Северная Каролина в течение первых десятилетий своего существования поддерживала мирные нейтральные отношения с соседними племенами, наиболее могущественным из которых было племя тускарора. Однако развитие плантационного хозяйства и продвижение белых на индейские земли привело к конфликту, который развивался приблизительно по тому же сценарию, что и Война короля Филиппа. Вождь южной группы тускарора Хэнкок в 1711 г. начал войну с белыми внезапной атакой на их поселения. Как и в Новой Англии, первый удар индейцев обескуражил белых (погибло около 100 человек), однако не был (да уже и не мог быть) для них смертельным. Так же как и в Новой Англии, власти Северной Каролины смогли эффективно использовать в своих интересах межплеменную и межклановую вражду индейцев. Из Южной Каролины на помощь дважды приходили отряды, состоящие из нескольких десятков ополченцев и сотен индейцев (первый раз ямасси, второй — чероков, криков и катоба). Кроме того, северная группа самих тускарора во главе с вождем Блантом сначала не вмешивалась в конфликт, а на заключительном этапе перешла на сторону белых и приняла участие в разгроме своих соплеменников. В итоге южные тускарора были разгромлена (впоследствии они откочевали далеко на север и были приняты в состав Лиги ирокезов), северные — заключили с белыми мир, «уступив» им при этом значительную часть своих земель.

Южными и западными соседями английских поселенцев в Южной Каролине были высокоразвитые племена апалаче, ямасси, криков, чероков, чокто, чикасов, которые наряду с охотой занимались сельским хозяйством и вели преимущественно оседлый образ жизни. Еще с конца XVI в. эти племена стали контактировать с испанцами из Флориды, которые пытались втянуть их в орбиту своего влияния посредством торговли и особенно миссионерской деятельности. В так называемой Стране апалаче испанцами было сооружено несколько десятков миссий. Позднее, на рубеже XVII–XVIII вв., в этом регионе появился еще один игрок — французы, обосновавшиеся на западе — в Луизиане и также стремившиеся опереться на индейцев. Все это создавало весьма непростую ситуацию для англичан, так как им, во-первых, нужны были индейские земли (причем в гораздо большем количестве, чем французам и испанцам). Во-вторых, им было необходимо обеспечивать безопасность своих границ как от индейцев, так и от своих европейских соседей.

В-третьих, они были заинтересованы в торговле с аборигенами; так, до конца колониального периода англичане из Южной Каролины активно занимались скупкой оленьих шкур (например, в 1748 г. было закуплено 160 000). В-четвертых, у них у самих имелись определенные агрессивные намерения, и они были не прочь использовать индейцев в качестве не только оборонительного, но и наступательного «орудия». В результате индейская политика англичан в этом регионе оказалась весьма жесткой, а порой откровенно беспринципной, коварной и жестокой.

В годы войны за Испанское наследство (1701–1713/14) англичане из Южной Каролины с помощью своих индейских союзников нанесли ряд ударов по «испанским» и «французским» индейцам. Так, в 1703–1704 гг. была организована крупномасштабная экспедиция в Страну апалаче, в которой приняло участие 50 ополченцев и более тысячи индейских воинов. В результате были разгромлены практически все испанские миссии к северу от полуострова Флорида, а их обитатели либо перебиты, либо обращены в рабство. Зверства англичан и их союзников были столь вопиющими, что этот эпизод вошел в историю как «одна из самых черных страниц» колониальных войн. В 1705–1706 гг. англичанам удалось спровоцировать конфликт между своими союзниками чикасо и племенами, державшими сторону французов (чокто, таэнса, туника и др.). В 1711 г. был организован еще один поход против чокто — на сей раз уже объединенными силами англичан и «английских» индейцев (чикасов, криков и др.), правда, успеха он не имел.

В 1715 г. произошло одно из крупнейших антианглийских выступлений индейцев на юго-востоке — война ямасси. Это племя первоначально поддерживало дружественные отношения с жителями Южной Каролины и даже участвовало вместе с ними в походе против тускарора Северной Каролины, сыграв очень большую роль в разгроме этого племени. Однако продвижение английских поселенцев на земли ямасси спровоцировало их выступление, начавшееся по уже известной нам схеме — внезапными нападениями на белых поселенцев, разгромом отдельных плантаций и т. п. Всего было убито до 400 белых. Поселенцы были в панике — индейцы «убивают всех, кто им встретится, разрушают и опустошают плантации, куда они приходят грабить и сжигать дома; скрываются в засадах в зарослях и болотах <...> мы не знаем, где искать их, и не можем преследовать их — это все равно, что идти на войну с волками и

медведями»[265]. Ямасси подержали крики и некоторые другие племена. Однако белых поселенцев в Южной Каролине фактически спасли чероки — одно из крупнейших племен региона, которое сначала объявило о своем нейтралитете, а затем выступило на стороне белых против своих заклятых врагов — криков и ямасси. В 1716 г. ямасси и крики были побеждены. Однако после этого до половины земель в колонии оказались заброшенными в течение многих десятилетий.

В дальнейшем англичане в Южной Каролине продолжали достаточно эффективно использовать в своих интересах вражду местных племен. Как говорилось в одном из официальных донесений, отправленных из колонии в Лондон в 1717 г., задача англичан состоит в том, чтобы стараться сохранять дружественные отношения со всеми индейцами «и, не принимая чьей-либо стороны, помогать им перерезать глотки друг друга. Это та игра, которую если будет возможно, мы [англичане] намереваемся играть, и которая, если вести ее с толком, в короткое время облегчит наше положение, поскольку, если мы не сможем разрушать одну нацию индейцев руками другой, наша страна может быть потеряна»[266]. Действуя в этом ключе, англичане смогли в целом обезопасить свои позиции на юго-востоке и обеспечить жителей Южной Каролины, а затем и Джорджии землей. В первой половине XVIII в. их основной опорой служили союзы с чероками и криками — вожди этих племен также посещали Лондон (в 1730 и 1734 гг. соответственно). В то же время продвижение англичан в глубь континента вплоть до конца Семилетней войны здесь сдерживал «французский фактор».

Наконец еще один сценарий взаимодействия англичан и индейцев был реализован далеко на канадском севере — на территориях, контролировавшихся Компанией Гудзонова залива. Специфика этого региона состояла в том, что, во-первых, в силу особенностей его климата ведение сельского хозяйства там было абсолютно невозможно, и, следовательно, вопрос о земледельческой колонии и о земле вообще там не возникал. Во-вторых, только в начальный период освоения этого региона европейцами (с конца 1660-х годов и до первых лет XVIII в.) там имело место соперничество между англичанами и французами, которое могло затрагивать индейцев. Однако уже в 1713 г. по условиям Утрехтского мира побе-

[265] Цит. по: *Weir R. M.* Colonial South Carolina: A History. Millwood, 1997. P. 84.
[266] Calendar of State Papers, Colonial Series: America and West Indies. Vol. 29: 1716–1717. London, 1930. P. 280–293.

режье Гудзонова залива (Земля Руперта) было закреплено за Англией. В-третьих, поскольку основной целью английского присутствия здесь была добыча пушнины, поставщиками которой были индейцы, перед англичанами неизбежно возникала проблема налаживания с ними дружественных или, по крайней мере, мирных и деловых связей.

На всем протяжении рассматриваемого нами периода все английское присутствие на побережье Гудзонова залива сводилось к нескольким фортам и факториям, в которых находилось очень небольшое количество служащих одноименной компании — к началу 1770-х годов их общая численность не превышала 200 человек[267] (а других белых там не было). Однако эта горстка англичан с успехом контролировала обширную сеть поставщиков, роль которых выполняли племена канадского севера — кри, оджибва, ассинибойны, чиппева. Под воздействием торговли с англичанами в самых различных сферах их жизни произошли весьма значительные изменения, касающиеся не только их быта, но также путей сезонных миграций, отношений с соседями, не имеющими прямых контактов с европейцами и т. п. Например, некоторые группы кри обосновались вблизи английских факторий и выполняли функции своего рода обслуживающего персонала — снабжали англичан не только мехами, но также продовольствием (мясом, жиром), часто служили в качестве проводников, посредников и т. п.

Однако и на побережье Гудзонова залива контакты англичан и индейцев носили, в основном, «деловой» характер — какого-либо иного взаимодействия (военные союзы, миссионерская деятельность) там не было. Основная «торговля» происходила летом в течение нескольких недель, около стен того или иного форта — иногда через специальные окна, так как внутрь индейцев, как правило, не пускали. Какого-либо неформального общения между англичанами и индейцами (даже на уровне разговоров) также не происходило, — по крайней мере, оно явно не поощрялось руководством компании. Впрочем, в некоторых факториях имели место случаи, когда служащие Компании Гудзонова залива вступали в браки или хотя бы во временные союзы с индеанками (свою роль играло то обстоятельство, что Компания долгое время не позволяла своим работникам, даже высшего звена, привозить с собой жен[268]). Од-

[267] *Hornsby S. J.* British Atlantic, American Frontier: Spaces of Power in Early Modern British America. Hanover; London, 2004. P. 65.

[268] *Collins D. N.* Sexual Imbalance in Frontier Communities... P. 169.

нако весьма показательно, что дети от этих союзов, как правило, не инкорпорировались в английское общество и не считались англичанами, а оставались со своими матерями (большинство союзов распадалось, когда у мужчин заканчивался срок контракта и они уезжали в Англию).

В Английской Америке в целом количество смешанных браков (или хотя бы временных союзов) белых с индейцами было невелико и отношение к ним было, скорее, негативным. Причем в этом случае дело не ограничивалось отмеченными нами в главе I чисто утилитарными соображениями колонистов-земледельцев, полагавших, что индеанки — «бесполезные жены». По словам У. Джекобса, дело было в барьерах, «воздвигнутых верой белого человека в его собственное превосходство»[269].

На почти полное отсутствие смешанных браков между англичанами и индейцами обратили внимание современники. В 1717 г. лейтенант-губернатор Вирджинии А. Спотсвуд писал в Совет по торговле и колониям:

> «...в том, что касается начала более тесной дружбы, посредством смешанных браков (что является обычаем у французов), наклонности наших людей здесь не такие как у этой нации; несмотря на длительное общение между жителями этой страны и индейцами, и их проживание среди друг друга на протяжении столь многих лет, я не могу найти ни одного англичанина, который имел бы индейскую жену, или одного индейца, который был бы женат на белой женщине»[270].

Несколько лет спустя вирджинский плантатор и историк-любитель У. Бёрд констатировал: «Индейцы не могли никакими средствами убедить себя в том, что англичане являются их искренними друзьями, поскольку те пренебрегали браками с ними <...> Ибо, в конце концов, истинная Любовь — самый действенный Миссионер, какого можно послать к ним или к любым другим язычникам». При этом Бёрд с иронией замечал, что индейцы могли бы уступить свои земли мирно в форме приданого, если бы они были уверены, что их дочери будут приняты в белое общество как равные[271].

[269] *Jacobs W. R.* British Colonial Attitudes... P. 91.

[270] The Official Letters of Alexander Spotswood. Lieutenant-Governor of the Colony of Virginia, 1710–1722 / With an Introd. and Notes by R. A. Brock: In 2 vols. Vol. 2. Richmond, 1885. P. 227.

[271] См.: *Byrd W.* History of the Dividing Line betwixt Virginia and North Carolina

Со своей стороны власти метрополии предпринимали попытки (впрочем, не слишком активные) поощрять смешанные браки. В 1721 г. Совет по торговле и колониям обратился к королю с таким предложением:

«Именно по этой причине в проекте Инструкций для губернатора Новой Шотландии мы позволили себе предложить Вашему Величеству надлежащим образом поощрять тех подданных Вашего величества, которые вступят в брак с индейцами; и мы полагаем, что для пользы Вашего Величества названные инструкции надобно распространить на все остальные Британские колонии»[272].

Политика англичан в отношении индейцев варьировалась в зависимости от конкретной ситуации в той или иной колонии. Однако в ее основе лежало ощущение превосходства, пренебрежения и враждебности. Большинство рядовых английских поселенцев и большинство представителей колониальной элиты, определявшей эту политику, ставило себя выше «дикарей» и в то же время не считало, что этих «дикарей» можно и / или нужно стремиться каким-то образом специально «поднимать» до уровня белого человека. Безусловно, имеется множество примеров уважительного и доброжелательного отношения англичан к индейцам на уровне как индивидов, так и сообществ (в частности, до середины XVIII в. весьма достойные отношения с индейцами поддерживала квакерская Пенсильвания), однако в Английской Америке оно все же не было господствующим. Англичане использовали индейцев — как военных союзников, торговых партнеров и т. п. — в тех случаях, когда это было им нужно (и иногда это объективно шло на пользу индейцам). Однако в большинстве случаев индейцы рассматривались ими как враждебная сила и ненужная помеха, которую следовало устранить любым способом — от «мирного» оттеснения на запад (пока это было возможно) до физического уничтожения. Так, в 1763 г. во время подавления восстания Понтиака генерал Джефри Эмхёрст высказал следующую мысль: «Нельзя ли подумать о распространении оспы среди этих предательских племен? Мы должны в этих обстоятельствах использовать любую возможность, которая у нас есть для того, чтобы покорить их»[273].

(1728) // The Prose Works of William Byrd of Westover / Ed. by L. B. Wright. Cambridge: Belknap Press, 1966.

[272] Documents Relative to the Colonial History of the State of New York: In 15 Vols. / Ed. by E. B. O'Callaghan and B. Fernow. Vol. V. Albany, 1855. P. 627.

[273] Цит. по: *Parkman F.* The Conspiracy of Pontiac // Parkman F. The Ore-

* * *

Взаимодействие индейцев с французами с самого начала стало развиваться несколько иначе, чем в Английской Америке. Если говорить об официальных установках, то следует отметить, что в патентах и хартиях, которые выдавались организаторам первых колониальных предприятий в Париже, содержались положения, во многом напоминающие наказы Москвы русским землепроходцам. С одной стороны, предписывалось с жителями новых земель «вести переговоры, поддерживать мир, союз, добрые отношения, дружбу и общение <...> Поддерживать, уважать, тщательно соблюдать договоры и союзы, которые будут с ними заключены». С другой — разрешалось «вести с ними открытую войну <...> для того, чтобы обеспечить установление, поддержание и сохранение нашей [французской] власти среди них»[274].

Власти метрополии также предписывали колониальным администраторам обходится с аборигенами «ласкою». В королевских инструкциях неоднократно говорилось, что «офицеры, солдаты и все другие его [короля] подданные должны обходиться с индейцами с мягкостью и справедливостью, не причиняя им никакого вреда или насилия...». По поводу торговли с индейцами король писал, что «его намерение таково, чтобы все это осуществлялось добровольно и чтобы названные индейцы участвовали в ней, руководствуясь своим собственным интересом»[275]. Центральные власти стремились также защитить аборигенов от злоупотреблений со стороны властей рядовых поселенцев. В 1681 г. Людовик XIV писал интенданту Дюшено:

«...также очень важно обходиться с дикарями с <...> мягкостью, препятствовать тому, чтобы губернаторы требовали с них какие-либо подарки, следить за тем, чтобы судьи сурово наказывали жителей, которые допускают против них какое-либо насилие. Именно таким поведением можно добиться их приручения»[276].

gon Trail. The Conspiracy of Pontiac (Library of America). New York, 1991. P. 648.

[274] Collection de manuscrits contenant lettres, mémoires et autres documents historiques relatifs à l'histoire de la Nouvelle-France, recueillis aux Archives de la Province de Québec ou copies à l'étranger: 4 t. T. I. Québec, 1883. P. 30–36.

[275] Цит. по: *Havard G., Vidal C.* Histoire de l'Amérique Française. Paris, 2003. P. 278–279.

[276] Цит. по: *Havard G.* Empire et métissages: Indiens et les Français dans le Pays d'en Haut, 1660–1715. Paris, 2003. P. 362.

Однако практика и здесь существенно отличалась от теории и не всегда следовала правительственным установкам. Прежде всего следует подчеркнуть, что установление «французской власти» среди индейцев означало скорее своеобразные союзнические и партнерские отношения («консенсусный колониализм», по определению П. Сид[277]), нежели прямое подчинение. Это было обусловлено рядом факторов. Во-первых, свою роль играла отмеченная нами специфика французской колонизации — малое число ее участников в целом и колонистов-аграриев, которым были бы нужны «свободные» земли, в частности, ориентация колониальной экономики на мехоторговлю, а значит на взаимодействие с индейцами и т. п. Во-вторых, сказывалась особенность политической ситуации на Североамериканском континенте в рассматриваемый нами период, где французам в той или иной форме приходилось сталкиваться с существенно более сильными английскими колониями и для борьбы с которыми военные союзы с индейцами были жизненно необходимы. Наконец, в-третьих, французы в отличие от англичан были в большей степени открыты для контактов с индейцами, да и в целом относились к ним существенно более доброжелательно.

В первые десятилетия существования Новой Франции взаимодействие французов с индейцами развивалось по следующим основным направлениям — торговля пушниной, миссионерская и просветительская деятельность, а также тесно связанное с ними исследование внутренних районов континента. С середины XVII в. к ним добавилось еще одно направление — военное сотрудничество.

Что касается торговли, то в отличие от англичан на Гудзоновом заливе, французские скупщики пушнины в рассматриваемый нами период не ограничивались строительством факторий на побережье, а активно продвигались в глубь континента. Естественно, это было возможно только при условии установления дружественных отношений с индейцами, которые могли выступать в качестве проводников, переводчиков, посредников и т. п. Чтобы облегчить налаживание этих отношений, еще С. де Шамплен стал отправлять к различным племенам, обитавшим в непосредственной близости от долины р. Св. Лаврентия, молодых колонистов, чтобы те изучали их языки и в целом знакомились с индейской жизнью «изнутри». Сам «Отец Новой Франции» описывал первый такой опыт, имевший место в 1611 г., так:

[277] *Seed P.* Ceremonies of Possession in Europe's Conquest... P. 65.

«У меня был парень, который уже два раза зимовал в Квебеке и который хотел уйти к алгонкинам, чтобы изучить их язык. Понграве и я подумали, что если у него есть такое желание, то было бы лучше всего отправить его туда, чем куда-либо еще, чтобы [он мог] узнать какова их страна, увидеть Большое озеро [озеро Гурон], выяснить, куда текут реки, какие народы там обитают, какие там имеются залежи и диковинные вещи <...> чтобы по его возвращении мы смогли бы получить достоверные сведения»[278].

Опыт удался и вслед за первым «стажером» (рассказывая о нем, Шамплен не назвал его имени, но предположительно это был будущий известный путешественник и «лесной бродяга» Этьен Брюле) к индейцам отправились другие. В результате французы получили множество ценной информации самого разнообразного свойства, а также «кадры» толмачей (truchement), которые могли не просто изъясняться на индейских языках, но и ориентировались в реалиях индейской жизни.

Первыми торговыми партнерами французов стали в Канаде — гуроны, алгонкины и монтанье, а в Акадии — микмаки и абенаки. Особенно важной была роль гуронов, которые к началу 1630-х годов стали главными посредниками между французскими скупщиками пушнины и индейскими племенами, обитавшими в районе Великих озер. В 1646 г. ирокезы начали серию войн против гуронов, стремясь полностью уничтожить это племя. Одной из причин этих войн (их иногда называют «Бобровыми войнами») было желание ирокезов отобрать у гуронов их посреднические функции и самим играть выгодную роль посредника — только по отношению к голландцам из Новых Нидерландов. В этой ситуации в середине XVII в. французским торговцам пришлось искать себе новых торговых партнеров — теперь ими стали индейцы, обитавшие в долине р. Оттава, а также в районе оз. Верхнее — алгонкины, петуны, «нейтральные», оджибва и др., а роль главных посредников перешла к оттава. В дальнейшем, по мере развития французской экспансии в товарообмен с коммерсантами из Квебека и Монреаля (а с начала XVIII в. и из Луизианы) втягивалось все большее количество племен внутренних районов Североамериканского континента. Определенную роль в растягивании французских торговых коммуникаций в последний период существования Новой Франции сыг-

[278] Œuvres de Champlain / Ed. par C.-H. Laverdière: 3 t. 2ᵉ ed. T. III. Québec, 1870. P. 220, 368.

рала конкуренция английских торговцев из Компании Гудзонова залива, стремившихся перенаправить потоки пушнины в северном направлении. Для противодействия этому французы в 1730-е — первой половине 1750-х годов установили торговые контакты с племенами прерий (кри, ассинибойнами, сиу, черноногими и др.), где ими было построено несколько фортов, служивших одновременно торговыми постами (самым отдаленным из них был форт Ля Корн на р. Саскачеван).

Следует подчеркнуть, что важнейшим условием нормального функционирования товарообмена был внутренний мир в «индейской стране». Поэтому французы стремились не просто к установлению торговых контактов с максимально возможным количеством племен, но и к тому, чтобы между ними не возникало конфликтов. Добиться последнего было достаточно сложно, учитывая и наличие традиционного межплеменного соперничества (восходящего еще к доконтактной эпохе), и возникновение новых столкновений, связанных с появлением «бледнолицых», и втягивание индейцев в борьбу самих европейцев друг с другом. Тем не менее французам в ряде случаев удавалось если не полностью прекращать, то, по крайней мере, несколько сглаживать конфликты среди аборигенов, тем более, что этого часто требовали не только интересы торговли, но и французской экспансии в целом (как это было в случае с уже упоминавшимся «Великим миром» 1701 г. или с попытками первого губернатора Луизианы Ж.-Б. Ле Муан де Бьенвиля положить конец вражде чикасо и чокто). Более «коммерческие» цели преследовали торговцы и исследователи из семьи Вареннов де Ла Верандри, стремившиеся в 1740-е годы примирить сиу с их традиционными врагами — кри и ассинибойнами.

Товарообмен с индейцами носил неэквивалентный характер, поскольку и для французов и для англичан стоимость мехов многократно превышала стоимость тех предметов, которые они отдавали взамен (особенно на первых порах). Поэтому, с одной стороны, его можно считать эксплуатацией более высокоразвитой (в экономическом и хозяйственном отношении) цивилизацией менее развитой. С другой стороны, следует признать, что торговля с белыми все же в определенной степени была выгодна и для участвовавших в ней индейцев. Причем многие из них со временем стали достаточно хорошо разбираться в «ценах» на те или иные товары, научились извлекать выгоду из наличия конкуренции между французами и англичанами и т. п. Следует также отметить, что предметы, которые индейцы получали в обмен на меха, имели для них двоякое значение. Первое заключалось в том, что они были ценны сами по себе — приносили пользу в хозяйстве, повышали его продуктивность, обеспечивали военное преимущество и т. п. (хотя, конечно, ненужных бесполезных, а также откровенно вредных товаров у европейских торговцев тоже всегда хватало). Второе касалось их символического значения в индейском сообществе — наличие котлов, ножей, зеркал и т. п. часто свидетельствовало о статусе того или иного племени в целом, или какого-то отдельного вождя и использовалось для поддержания союзов, укрепления власти и авторитета и т. п.[279]

Миссионерская деятельность французов среди индейцев началась в первые десятилетия после основания Новой Франции и достигла своего апогея уже в 1630–40-е годы. Основные усилия проповедников были направлены на обращение в христианство племен, обитавших в непосредственной близости от первых французских поселений — алгонкинов, монтанье и особенно гуронов. В Стране гуронов (район между озером Симко и бухтой Джорджиан-бей, представляющей собой залив оз. Гурон) в 1630-е годы было основано более десятка миссионерских станций; кроме того, для других лаврентийских племен была создана миссия в Сийери (недалеко от Квебека).

На первых порах миссионеры столкнулись со множеством трудностей самого различного свойства. Для начала проповедникам пришлось взяться за изучение индейских языков, так как тех знаний, которыми располагали имевшиеся в колонии толмачи, как правило, было недостаточно для объяснения догматов христианства (а во многих аборигенных языках просто не было слов для обозначения отвлеченных понятий, собирательных терминов, абстракций и т. п.). Появление миссионеров далеко не всеми индейцами воспринималось положительно. Многие считали, что именно «черные рясы» (robes noires) — виновники всех катаклизмов и потрясений, которые обрушились на индейские сообщества с началом контактной эпохи. При этом, хотя объективно цели и интересы миссионеров и торговцев пушниной часто были диаметрально противоположны (одни стремились склонить индейцев к оседлому образу жизни, другие — к кочевому; одни хотели максимально изолировать аборигенов от

[279] Подробнее см.: *White R.* The Middle Ground: Indians, Empires and Republics in the Great Lakes Region, 1650–1815. Cambridge, 1991.

пороков цивилизации, другие были заинтересованы в том, чтобы они потребляли ее плоды и т. п.), на первых порах именно желание сохранить торговые контакты с французами часто удерживало индейцев от физической расправы с проповедниками[280].

Однако миссионеры достаточно быстро освоились в индейской среде и добились определенных успехов в деле обращения «язычников». Этому, безусловно, способствовали как выдающиеся качества ряда французских священнослужителей, так и те подходы к христианизации, которых они придерживались. В частности, иезуиты (в отличие от протестантских проповедников Английской Америки) в целом уважительно относились к индейским обычаям и образу жизни, не стремились сразу навязать аборигенам чуждый и непривычный для них стереотип поведения, старались не осуждать их манеры, поступки и т. п. Кроме того, они часто апеллировали к традиционным верованиям индейцев (вера в духов, души предков и т. п.), стараясь придать им христианский характер. Важным моментом было то, что миссионеры активно занимались благотворительностью — раздавали нуждающимся пищу, пытались бороться с эпидемиями и т. п. Как признают современные исследователи, иезуиты были «относительно прогрессивнее» других миссионеров того времени, хотя конечно руководствовались европейскими культурными практиками[281].

Наконец, следует признать, что католицизм (особенно в его «упрощенной» форме), который проповедовали французы, был более доступен для восприятия индейцев, нежели протестантизм. Ж. Авар и С. Видаль отмечают три момента, которые в глазах индейцев «сближали» католицизм с их верованиями. Во-первых, его «квази-политеистический» характер — Богородицу, святых и ангелов язычники воспринимали как знакомый им пантеон языческих божеств. Во-вторых, наличие элементов, которые можно было принять за «магию», — обращения к ангелам и святым, благословления и т. д. В-третьих, наличие «посредников» между Богом и человеком в виде священников и в целом менее индивидуалистический и менее рациональный характер католицизма по сравнению с протестантизмом[282].

За полтора десятилетия (1634–1649 гг.) французским миссионерам удалось крестить в общей сложности до 10 тыс. индейцев. Правда, значительную часть из них составляли находящиеся при смерти больные, старики и младенцы. Тем не менее были и взрослые люди, которые сознательно решили принять христианство. Часто это решение было продиктовано более или менее прагматическими соображениями: некоторые считали, что «боги» и вера «бледнолицых» лучше защитят их и позволят выжить в меняющемся мире; другие полагали, что обращение позволит получить определенные материальные выгоды (крещеным индейцам раздавали подарки, им было легче купить огнестрельное оружие и т. п.). В то же время среди крещеных индейцев были и искренне верующие, рвение которых отмечали сами миссионеры. Некоторые из неофитов сами стали проповедниками, другие — прославились своим аскетизмом.

Христианская Гурония просуществовала недолго — в конце 1640-х годов она была разгромлена ирокезами. Практически все миссии были уничтожены или (как крупнейшая миссия Сент-Мари) разрушены самими миссионерами, с тем, чтобы они не достались язычникам. После этого интенсивность миссионерской деятельности французов несколько сократилась, однако она продолжалась вплоть до самого падения Новой Франции. Власти метрополии периодически напоминали, что главная задача французов в отношении индейцев состоит в том, чтобы «обеспечить их обращение в христианскую веру так быстро, как это будет возможно».

Священнослужители отправлялись к самым разным племенам — в том числе и к недружественным французам. Они действовали даже среди племен Лиги ирокезов и смогли обратить в христианство группу мохоук — правда, остальные ирокезы сочли их предателями, и им пришлось переселиться поближе к французам (ирокезы-католики обосновались на южном берегу р. Св. Лаврентия, где до сих пор существует их резервация Каухнаваке). Кстати именно из мохоук происходила блаженная Катери (Екатерина) Текаквита (ок. 1656–1680) — индейская подвижница, прославившаяся своей аскезой (ее чудовищные самоистязания поражали даже отцов-иезуитов). Впоследствии она стала почитаться католической церковью (в 1884 г. был начат процесс ее канонизации, в 1943 г. она была объявлена преподобной, а в 1980 г. — причислена к лику святых).

В целом проповедь французских миссионеров оказала значительное влияние на религиозную жизнь индейцев Новой Франции.

[280] См., например: *Abenon L.-R., Dickinson J. A.* Les Français en Amérique. P. 45.
[281] См.: *Starkey A.* European and Native American Warfare, 1675–1815. London, 1998. P. 8.
[282] *Havard G., Vidal C.* Histoire de l'Amérique Française. P. 339.

Даже противники католицизма апеллировали к его отдельным догматам. Например, не желавшие креститься гуроны распространяли слух о том, что души умерших, вернувшиеся с неба, рассказывают, как в раю французы мучают крещеных индейцев, а некрещеные вкушают блаженство[283] (при том, что у самих индейцев до контактов с миссионерами не существовало представлений о загробном воздаянии!). Во время очередной эпидемии оспы в Стране гуронов среди индейцев получило распространение известие о том, что одному юноше приснился дух или божество, которое сказало ему следующее:

«Я хозяин земли, которого, вы, гуроны, знаете под именем Иускеха (Iouskeha). Я тот, которого французы ошибочно называют Иисусом, но они не знают меня. Мне жаль вашу страну, которую я взял под свою защиту. Я пришел, чтобы открыть вам разом и причину ваших несчастий и средство от них. Это чужеземцы — они одни корень всего. Они путешествуют по этой стране, с замыслом везде распространять болезни. Они не остановятся на этом. После оспы, которая сейчас делает безлюдными ваши жилища, появятся колики, которые меньше, чем в три дня сведут в могилу, всех тех, кого не уничтожила эта болезнь. Вы можете предупредить эти несчастья — выгоните из вашей деревни двух людей в черных рясах, которые сейчас находятся там...»[284].

У большинства крещеных индейцев в рассматриваемый нами период католицизм в целом достаточно мирно уживался с традиционными верованиями — так же как в XVIII в. это происходило у сибирских народов с православием и шаманизмом. Известные французские специалисты М. и Ж. Руссо отмечали, что в сознании индейцев «обе религии — христианство и язычество — развивались параллельно, без взаимного проникновения» и сделали вывод о религиозном дуализме у индейцев[285]. Применительно к Северной Америке (а отчасти и к Сибири), с нашей точки зрения, правильнее говорить о религиозном синкретизме, так как отдельные элементы христианства влились в аборигенные культы. Кроме того, в

[283] *Jaenen C. J.* Friend and Foe: Aspects of French-Amerindian Cultural Contacts in the Sixteenth and Seventeenth Century. New York, 1976. P. 57.
[284] The Jesuit Relations... Vol. XX. Cleveland, 1898. P. 27–29.
[285] *Rousseau M., Rousseau J.* Le dualisme religieux des peuplades de la forêt boréale // Acculturation in the Americas. Proceedings and Select Papers of the XXIXth International Congress of Americanists / Ed. by S. Tax. Chicago, 1952. P. 118.

Северной Америке у некоторых народов в дальнейшем появились религиозные учения, с одной стороны, реформаторские, а с другой, явно несущие в себе и христианский, и языческий субстрат (учение пророка Прекрасное озеро и др.).

Практически на всем протяжении существования Новой Франции важнейшей заботой ее властей было поддержание союзнических отношений с индейцами. В первые десятилетия XVII в. острота этой проблемы осознавалась, быть может, еще не полностью, однако затем колониальным администраторам стало ясно, что без использования аборигенов в качестве военной силы Новая Франция не сможет выжить и тем более осуществить те амбициозные планы, которые строились в Париже. С 1680-х годов это уже никем не подвергалось сомнению. Как говорилось в одном из официальных донесений, отправленных из Канады во Францию в 1708 г., «Поддержание прочного союза со всеми дикарями» — это ключ к обеспечению «благоденствия и безопасности этой колонии»[286].

Следует признать, что в целом французам это неплохо удавалось (хотя отдельные сбои и имели место). Во всех колониальных войнах в Северной Америке между англичанами и французами на стороне последних всегда выступало существенно большее число индейских племен. Большинство специалистов сходятся на том, что союз с индейцами был одной из ключевых причин того, что Новая Франция, существенно более слабая по сравнению с соседними английскими колониями, многие десятилетия вела с ними упорную борьбу и наносила по ним весьма чувствительные удары[287]. Это же отмечали и некоторые современники. Так, Л.-А. де Бугенвиль — будущий знаменитый мореплаватель, служивший в Северной Америке в годы Семилетней войны, — писал, что «Именно та привязанность, которую они [индейцы] к нам [французам] испытывают, сохранила Канаду до настоящего времени»[288].

Военные союзы французов с индейцами — гуронами, абенаки, алгонкинами, оттава, чокто, иллинойсами и др. — часто накладывались на те торговые контакты, которые эти племена поддерживали с торговцами из Квебека и Монреаля. Однако жесткой зависимости

[286] Цит. по: *Havard G., Vidal C.* Histoire de l'Amérique Française. P. 255.
[287] Обзор высказываний по этой теме см.: *Delâge D.* War and the French–Indian Alliance // European Review of Native American Studies. 1991. Vol. XV, No 1. P. 15–20.
[288] *Bougainville L.-A.*, de. Ecrits sur le Canada. Mémoires — Journal — Lettres. Montréal, 1993. P. 96.

между этими двумя формами взаимодействия «бледнолицых» и «краснокожих» в Северной Америке не было! Известны случаи, когда племена — союзники французов, воевавшие на их стороне против англичан, в то же время продолжали приобретать более дешевые и / или более качественные английские товары (обычно через посредников, но иногда и напрямую — у пограничных торговцев). Сами англичане неоднократно с негодованием отмечали, что нападавшие на них вместе с французами индейцы были вооружены английскими ружьями.

Установление, а затем поддержание союзнических отношений с индейцами требовало от французов определенных моральных усилий и материальных затрат. При заключении союзов и перед началом совместных военных операций нужно было проводить церемонии в соответствии с индейскими представлениями и обычаями (взаимные клятвы, обмен вампумами, ритуальные действия, пиршества и т. п.). От того, насколько тщательно это делалось, часто зависела судьба переговоров. В 1690 г. во время Войны Аугсбургской лиги, когда готовилось нападение англичан на Новую Францию и властям последней было жизненно необходимо обеспечить себе поддержку со стороны индейцев, — генерал-губернатор граф Фронтенак во время встречи в Монреале с гуронами, оттава, оджибва, потоватоми, кри и ниписсингами лично исполнял «военную песнь», размахивая топором, а затем участвовал в пляске воинов[289]. Французские командиры часто «братались» с вождями, обменивались с ними одеждой, оружием и т. п.

Важную роль в поддержании союзов играли подарки, которые французы раздавали своим индейским «друзьям». Эти подарки носили как символический, так и материальный характер (одеяла, одежда, ружья, боеприпасы, табак, алкоголь; с 1739 г. вождям стали также раздавать специальные медали). С 1680–90-х годов суммы, идущие на подарки, стали составлять заметную часть расходов на содержание колонии (от 5 до 10% ее бюджета). Власти метрополии не всегда одобрительно относились к этому и стремились урезать данную статью расходов (особенно в мирное время); кроме того, в Париже считали, что подарок — признак вассальной зависимости (вассалы делают подарки сюзерену, а не наоборот), и делать подарки индейцам от имени короля унизительно. Однако колониальные администраторы были убеждены в необходимости раздачи подарков, так как прекрасно знали, что «с дикарями нельзя говорить с пустыми руками». В результате, если в начале XVIII в. на подарки индейцам в Канаде ежегодно тратилось 20 тыс. ливров, а в Луизиане — 4 тыс., то к середине века эти суммы возросли до 75 тыс. и 60 тыс. ливров соответственно[290].

[289] *Parkman F.* France and England in North America. Vol. 2. New York, 1983. P. 186.

Для укрепления союзнических отношений колониальные администрации Новой Франции неоднократно организовывали «ознакомительные» поездки индейских вождей в метрополию для демонстрации французского могущества. Так, в 1705 г. в Европу был отправлен вождь абенаки Нескамбиуит (он был принят в Версале Людовиком XIV). В 1725 г. три месяца в Париже провели несколько вождей и индейская «принцесса» из Луизианы — (это были представители миссури, ото, осейджей и иллинойсов), которых показывали юному Людовику XV.

Безусловно, поддерживать союзнические отношения со всеми без исключения племенами, проживавшими на огромной территории, входившей в сферу французской колониальной активности в Северной Америке, было чрезвычайно сложно. В рассматриваемый нами период конфликты и столкновения французов с теми или иными индейскими племенами также имели место, однако все же были относительно редки (мы не говорим о тех случаях, когда индейцы воевали на стороне англичан в межколониальных войнах). Наиболее серьезным был уже упоминавшийся затяжной конфликт с ирокезами, которые, разгромив союзных французам гуронов, начали нападать на французские поселения. В 1650-е — первой половине 1660-х годов положение Новой Франции было критическим: за период 1640–1666 гг. было убито 153 человека и еще 143 попали в плен (многие из них также погибли) — это при том, что все население колонии в 1663 г. составляло около 2500 человек. В районе Монреаля и Труа-Ривьера французские поселенцы в 1650–1653 и 1660–1662 гг. находились фактически на осадном положении, так как за пределами укрепленных поселений их в любой момент могли настичь ирокезы.

> «...Они везде. Они скрываются за пнями по десять дней, питаясь лишь горстью зерна — ожидая того, чтобы убить мужчину или женщину. Это самая жестокая война в мире. Они не удовлетворяются тем, что сжигают дома, они также сжигают пленных, кото-

[290] См.: *Havard G., Vidal C.* Histoire de l'Amérique Française. P. 265.

рых они захватывают и предают их смерти только после того как промучают их самым жестоким образом, какой только они смогут придумать»[291]

Лишь прибытие относительно крупных подкреплений из Франции позволило тогда отвести (хотя и не полностью ликвидировать) ирокезскую угрозу.

Помимо этого к числу относительно крупных собственно франко-индейских столкновений можно отнести их конфликт с утагами (фоксами) в начале XVIII в. и войны с натчезами в Луизиане в конце 1720-х — 1730-е годы. Причем в обоих случаях французы активно использовали помощь своих индейских союзников (так, войны с натчезами велись фактически руками дружественных французам чокто).

Юридический статус индейцев в Новой Франции определялся несколькими моментами и прежде всего фактом крещения того или иного индейца и/или наличием соглашения между племенем и французами. Крещеные индейцы с самого начала считались французскими подданными, и на них распространялось действие французского права (в первую очередь это, конечно, касалось тех индейцев, которые проживали в самих французских поселениях или в непосредственной близости от них). В 1660–70-е годы в Новой Франции были приняты постановления о том, что французское право (прежде всего уголовное) должно распространяться на всех аборигенов, однако на практике этого не произошло. Известно очень мало случаев, когда индейцы в колонии подвергались какому-либо наказанию (об этом хорошо знали сами колонисты и порой пользовались этим, совершая противозаконные действия, переодевшись «в дикарей»[292]).

Что касается договоров с индейцами, то французы часто старались включить в них пункты о том, что то или иное племя признает власть французского короля, его верховный суверенитет над своими землями, переходит под его покровительство и т. п. Однако здесь так же, как и в других рассматриваемых нами случаях, аборигены часто воспринимали содержание договоров иначе, чем европейцы, или просто игнорировали те положения, которые казались им неприемлемыми.

[291] Rapport de l'Archiviste de la Province de Québec pour les années 1939–1940. Québec, 1940. P. 445.

[292] См.: *Рулан Н.* Историческое введение в право. С. 419.

В то же время французам удалось донести до индейцев идею о монархе как носителе верховной власти и о том, что генерал-губернатор — его представитель. С конца 1630-х годов в языке гуронов, а затем и других контактировавших с французами племен появился термин «Ононсио», что означает «Большая Гора». Это был буквальный перевод фамилии генерал-губернатора Новой Франции Монманьи (Montmagny, т. е. Большая гора), однако в дальнейшем индейцы стали называть так всех генерал-губернаторов Новой Франции. За французским королем закрепилось наименование «Ононсио Гоа» — Большой (или великий) Ононсио. Это свидетельствовало о том, что власть Ононсио (губернатора) происходила от власти Большого Ононсио (короля). В целом, сам этот термин был не только своего рода «династическим титулом», но и нарицательным обозначением французских губернаторов и военачальников (а в переносном смысле — французов вообще). Например, вице-короля маркиза де Траси индейцы назвали «величайшим из всех Ононсио на земле»[293].

Отношения французов и индейцев также выражались терминами родства. Первоначально французы и индейцы называли друг друга «братьями» и/ или «двоюродными братьями» — последнее было связано с тем, что вожди считали себя равными королю, т. е. его «родными» братьями, а их подданные соответственно становились «двоюродными» братьями его подданных[294]. Однако уже с середины 1640-х годов французские власти стали вводить в употребление метафору «отец–дети», называя губернатора «общим отцом» (père commun) аборигенов в соответствии с французской традицией Старого Порядка, согласно которой король считался отцом всех своих подданных. С 1660–70-х годов эта практика утвердилась окончательно, что отметили и сами индейцы. В этом смысле весьма показательно обращение известного вождя гуронов Кондиаронка к графу Фронтенаку, т. е. Ононсио, во время переговоров 1682 г. (вождь говорит о себе в третьем лице):

«[Кондиаронк] — твой сын, Ононсио, он назывался в другие времена твоим братом, но он перестал им быть, так как теперь он твой сын, и ты его породил той защитой, которую ты ему дал от его врагов. Ты — его отец, и он знает тебя таким, он тебе подчиняется, как

[293] The Jesuit Relations... Vol. XLIX. Cleveland, 1899. P. 227.

[294] См.: *Delâge D.* Modèles coloniaux, métaphors familiales et changements de régime en Amérique du Nord aux XVIIe et XIX siècles // Les Cahiers des Dis. 2006. No 60. P. 19–78.

дитя подчиняется своему отцу, он слушает твой голос, он делает только то, что ты хочешь, поскольку он должен чтить своего отца и подчиняться ему»[295].

В то же время следует учитывать, что в ряде индейских обществ Северной Америки роль отца была не такой значимой, как у европейцев (у некоторых племен старшим считался не отец, а дядя по материнской линии). Может быть, поэтому индейцы наделяли могущественного Ононсио не только мужскими, но и женскими / материнскими чертами, в частности, говорили, что Ононсио должен кормить их грудью.

Тем не менее на всем протяжении существования Новой Франции за индейскими племенами, обитавшими на ее территории, признавалась определенная автономия. Не случайно в официальных документах они, как правило, назывались «союзными дикарями», «нациями дикарей», «союзными нациями» и т. п., хотя при этом и подчеркивалось, что они находятся под «покровительством» короля, его «защитой» и т. п. Как заметил испанский ученый и государственный деятель А. де Уллоа, посетивший крепость Луисбур во время своего путешествия в Западное полушарие, индейцы «не являются в полной мере ни подданными короля Франции, ни людьми, абсолютно независимыми от него. Они признают его в качестве сеньора этой страны [Канады], но так, что это не меняет их образа жизни и не заставляет подчиняться его законам»[296]. Приведем мнение современных французских исследователей Ж. Авара и С. Видаль:

«В политической риторике монархии аборигены занимали промежуточное положение между статусом, предоставляемым провинции, которая пользуется некоторой автономией или привилегиями, и тем статусом, которым располагают суверенные государства. Не признавая официально за ними полного суверенитета, французы вели с ними переговоры так же как с европейскими державами, принимая их вождей как "послов". Колониальное государство примиряло, таким образом, французский суверенитет (теоретический) с признанием автономии индейцев под сенью империи»[297].

Во французской политике по отношению к индейцам была весь-

[295] Цит. по: *Havard G.* Empire et métissages... P. 216–217.
[296] *Ulloa A.*, de. A Voyage to South America: In 2 vols. T. II. London, 1806. P. 376–377.
[297] *Havard G., Vidal C.* Histoire de l'Amérique Française. P. 280.

ма ярко выражена также цивилизаторская составляющая. Причем в отличие от англичан французы не ограничивались только декларациями о необходимости прививания аборигенам европейских обычаев, образа жизни, нравов и т. п. В Париже вполне серьезно полагали, что «дикарей» можно и дóлжно не только крестить, но и «офранцузить» и при этом считали естественным, что в этом случае индейцы ничем не будут отличаться от других подданных короля, но образуют с ними «единый народ». Так, еще в 1627 г. в уставе Компании Ста участников говорилось, что крещеные индейцы будут приравниваться к французским подданным. В дальнейшем идею «офранцуживания» индейцев активно поддерживал Кольбер[298].

На практике эта идея должна была реализовываться в первую очередь с помощью образования и смешанных браков. Еще в 1620-е годы миссионеры начали создавать школы для индейских детей, пытались отправлять молодых индейцев для обучения во Францию, побуждали колонистов усыновлять индейских детей-сирот и т. п. Они надеялись, что, воспитав и выучив молодое поколение по французским образцам, смогут быстро «переделать» всех индейцев во французов. Этой же точки зрения придерживалось и государство. В одной из инструкций Кольбера говорилось, что миссионеры должны не только «наставлять в вере» свою индейскую паству, но также знакомить ее «со всем французским»[299].

Однако на практике обучение индейцев оказалось чрезвычайно сложной задачей. Индейским детям и подросткам были абсолютно чужды предметы, которые им пытались преподавать, не говоря уже о самой организации учебного процесса, дисциплине и т. п. Миссионеры быстро убедились, что большинство их учеников «забывают за три дня то, чему их учили четыре». Попытки усыновления индейских детей и/или взятия их на воспитание часто оказывались неудачными (многие просто убегали). В то же время те редкие случаи, когда отдельным индивидам из числа аборигенов удавалось более или менее глубоко приобщиться к европейской цивилизации, перенять французские обычаи, манеры и т. п. — также не имели большого значения (такие офранцуженные индейцы не могли вернуться к прежней жизни, и их судьба порой была трагической).

[298] См.: *Акимов Ю. Г.* Очерки... С. 87, 155.
[299] См.: *Havard G., Vidal C.* Histoire de l'Amérique Française. P. 335.

К концу XVII в. французы стали относиться к идее приобщения индейцев к «цивилизации» более скептически. Как писала М. де л'Энкарнасьон, хорошо знакомая с усилиями сестер-урсулинок на поприще воспитания и обучения индейских девочек и девушек: «Это, однако, задача очень трудная, если не сказать невозможная, их офранцузить или цивилизовать. У нас в этом есть опыт больший, чем у всех других, и мы заметили, что из сотни тех, которые прошли через наши руки, нам едва ли удалось цивилизовать одну. . . ». В другой раз она жаловалась, что с трудом собранные в монастыре воспитанницы-индеанки, разбегаются оттуда «как белки»[300].

Когда на рубеже XVII–XVIII вв. основатель форта Детруа (современный Детройт) Ля Мотт Кадийяк предложил организовать там обучение молодых индеанок, интендант Шампиньи заявил, что опыт показывает, что «те дикарки, которые учились у урсулинок и выучили французский язык, — оказываются наихудшими потаскухами», поскольку они «путаются не только с дикарями, но и с французами»[301]. В последние десятилетия существования Новой Франции ее руководство, в принципе не отказываясь от своих первоначальных цивилизаторских установок, постепенно стало сворачивать усилия по их реализации. Так, интендант А. Родо утверждал, что «офранцуживание» индейцев — задача на многие века; генерал-губернатор Ш. де Боарне говорил, что для этого необходима большая постепенность, что «время еще не пришло» и т. п.[302]

Говоря о смешанных франко-индейских браках и неофициальных союзах, мы увидим, что Новая Франция занимала в этом вопросе своего рода промежуточное положение между Английской Америкой и Русской Сибирью. Прежде всего следует отметить, что во Французской Америке смешанные браки в целом, особенно на первых порах, одобрялись духовными и светскими властями и относительно нейтрально воспринимались общественным мнением. И церковь и колониальная администрация видели в смешанных браках, с одной стороны, инструмент «офранцуживания» индейцев, с другой, одно из средств подкрепления и поддержания союзнических отношений с ними, а с третьей — средство увеличения численности французских поселенцев. Однако на практике ситуация оказалась более сложной.

[300]Lettres de la Révérende Mère Marie de l'Incarnation: 2 vols. Vol. II. Tournai, 1876. P. 372.

[301]См.: *Havard G., Vidal C.* Histoire de l'Amérique Française. P. 337.

[302]Ibid.

Основную часть брачных союзов между французами и индейцами в рассматриваемый нами период составляли союзы, которые заключали с индеанками торговцы пушниной и «лесные бродяги». Для них (так же как и для английских трапперов и русских промышленников) спутница аборигенного происхождения, помимо прочего представляла большую «практическую» ценность как деловой партнер, помощник, посредник, переводчик и т. п. Однако большинство таких союзов носило неофициальный характер и заключалось согласно «местным обычаям». Такие союзы часто распадались, причем дети от них в большинстве случаев оставались жить с матерью-индеанкой. Случаи интеграции этих детей в «белое» общество были достаточно редкими (в Новой Франции были случаи, когда французские поселенцы отдавали на воспитание индейцам своих собственных незаконнорожденных детей). Позднее, в середине XVIII — первой половине XIX в. на канадском Западе дети от смешанных браков стали основой формирования особой этнической общности франко-индейских метисов, существующей до настоящего времени. Церковь относилась к таким «свободным» союзам отрицательно, всячески обличая «либертинаж», — тем более, что действительно бывали случаи, когда французы, занимавшиеся пушным промыслом и жившие среди индейцев, заводили себе сразу по нескольку «подруг», а некоторые при этом еще и имели официальных французских жен (русские первопроходцы порой поступали сходным образом. Например, Е. П. Хабаров имел «якутскую женку» из ясырей, а также законную русскую жену[303]). Впрочем, бывали и случаи, когда «гражданские» союзы перерастали в официальные. Так, собственник фактории на р. Пенобскот барон Ж. В. Аббади де Сен-Кастен, живший одновременно с двумя дочерьми одного из местных вождей, в конце концов женился на одной из них.

Индейцы же воспринимали эти брачные союзы в целом положительно, даже учитывая их относительно непрочный и временный характер. Это было связано с тем, что в индейском обществе было принято иное отношение к институту брака (у многих племен северо-востока считались допустимыми и разводы, и полигамия). Немаловажным было и то обстоятельство, что наличие даже таких браков служило в глазах индейцев наглядным подтверждением их союзнических отношений с французами. Наконец, родство с торгов-

[303]См.: *Павлов П. Н.* Промысловая колонизация Сибири... С. 97.

цами могло приносить вполне ощутимую выгоду конкретной семье, роду, клану.

В зоне основного «ядра» французских поселений смешанные браки встречались гораздо реже. Одной из причин, несомненно, было нежелание поселенцев-аграриев брать в жены индеанок, не умеющих вести хозяйство на европейский лад. Попытки же, по словам интенданта Ж. де Мёлля, «переделать молодых индеанок во французских селянок», в большинстве случаев оказывались неудачными (хотя в конце XVII в. на это даже выделялись средства из бюджета колонии). Сами индейцы также относились к подобным бракам достаточно сдержанно (их беспокоил статус индейской жены, ее имущественные и наследственные права, возможность развода и т. п.).

Впрочем, некоторое количество браков все же имело место и в долине р. Св. Лаврентия — наиболее известный случай — женитьба губернатора Труа-Ривьера Пьера Буше на Мари Кретьен. Всего за весь период французского колониального господства в Канаде было официально зарегистрировано около 120 смешанных браков. Дети от них считались французами и в своем большинстве успешно интегрировались в колониальное общество.

Французам не удалось реализовать свою идею создания в Новой Франции «нового» или «единого» народа (если, конечно, не считать группу метисов), однако в целом следует признать, что их отношение к индейцам и их контакты с ними в рассматриваемый нами период носили в целом гораздо более мирный и дружественный характер по сравнению с тем, что наблюдалось в английских колониях на Атлантическом побережье. Как и у русских, у французов практически отсутствовала «расовая неприязнь» к аборигенам. Показательно, что они не пользовались определением «краснокожий» (оно пришло во французский язык из английского только в конце XVIII — начале XIX в.) и вообще не считали, что индейцы принципиально отличаются от европейцев по цвету кожи. По мнению французов того времени, смуглый цвет кожи индейцев был всего лишь следствием того, что они часто ходили почти голыми и подолгу находились под солнцем. Отец Поль Ле Жён писал: «Их [индейцев] естественный цвет такой же, как у тех французских попрошаек, которые обожжены солнцем, и я не сомневаюсь, что дикари были бы совершенно белыми, если бы они были как следует покрыты...»[304].

[304] The Jesuit Relations... Vol. V. Cleveland, 1897. P. 23.

Французы называли индейцев дикарями, однако следует учитывать, что в рассматриваемый нами период этот термин имел несколько иное значение и не содержал отрицательной коннотации. Изначально он обозначал «лесных людей» (о чем свидетельствует его этимология: фр. sauvage — ст.-фр. saulvages — лат. silvaticus — от silva — лес). Однако французы в Северной Америке быстро убедились, что индейцы — это вовсе не покрытые шерстью существа, мало отличающиеся от животных — такое представление об аборигенах существовало, скорее, в метрополии и подвергалось критике со стороны тех, кто был осведомлен о реальном положении дел. Так, в конце XVII в. миссионер К. Ле-Клерк осуждал широко распространенное заблуждение «считать индейцев дикарями» и полагать, что «все они покрыты шерстью как медведи и более бесчеловечны, чем тигры и леопарды»[305]. В 1720-е годы Ж.-Ф. Лафито писал, что не надо представлять дикарей голыми существами, покрытыми шерстью, живущими подобно зверям в лесу без всякой социальной организации[306].

Именно благодаря запискам французских путешественников и сочинениям историков-хронистов Новой Франции во французскую, а затем и в мировую литературу и общественную мысль вошел образ «благородного» или «мудрого» дикаря, использовавшийся писателями и мыслителями просвещения. Одним из первых «благородных дикарей», критиковавших пороки европейской цивилизации, стал гурон Адарио — персонаж, появившийся еще в самом начале XVIII в. на страницах сочинений барона де Ля Онтана — путешественника, военного и мемуариста, прекрасно знакомого с реалиями Французской Америки[307].

Конечно, политику французов по отношению к индейцам Новой Франции не следует идеализировать. Проводя ее, французы преследовали прежде всего свои собственные цели и исходили из своих собственных представлений, установок и практик. Однако объективно французская политика в целом была существенно менее болезненной для аборигенов, нежели действия других колони-

[305] *Le Clercq Ch.* New Relation of Gaspesia, with the Customs and Religion of the Gaspesian Indians // Champlain Society Publications. 1910. Vol. 5. P. 336.

[306] См.: *Moogk P.* La Nouvelle-France: The Making of French Canada. A Cultural History. Michigan, 2000. P. 18.

[307] Подробнее см.: *Акимов Ю. Г.* У истоков франко-канадской литературы: первые литературные произведения Новой Франции, XVI — начало XVIII в. // Канадский ежегодник. Вып. 10. М., 2006. С. 191–218.

альных держав. Между французами и большинством контактировавших с ними аборигенных сообществ установились мирные, партнерские отношения — конечно, в том виде, в котором это было возможно в то время и при том уровне развития как индейского, так и французского общества. Не случайно столь широкое распространение получило представление об «особых» отношениях французов и индейцев, отличных от тех, которые имели место в других частях колониальной Америки. Еще первый хронист Новой Франции М. Лекарбо отметил, что французы «естественным образом более человечны, мягки и учтивы», чем испанцы[308]. Почти сто лет спустя в 1708 г. первый губернатор Луизианы Ж.-Б. Ле Муан де Бьенвиль писал: «Очевидно, что дикари любят французов, а к англичанам привязаны только по необходимости и из-за [материального] интереса»[309]. В опубликованной в 1744 г. фундаментальной «Истории Новой Франции» П.-Ф.-К. де Шарлевуа говорилось, что французы — единственная нация, «которая заполучила секрет приобретения привязанности» индейцев[310].

* * *

Русские в Северной Азии, англичане и французы в Северной Америке столкнулись с различными народами и культурами. Однако и одни, и вторые, и третьи восприняли аборигенов прежде всего как некую единую, иную, противостоящую европейцам общность. Отсюда собирательные термины «иноземцы», «инородцы», «индейцы», «дикари», получившие столь широкое распространение. Весьма существенные различия между отдельными элементами, составляющими эту общность, учитывались европейцами лишь в той степени, в какой это было необходимо для реализации ставившихся ими задач (военных, политических, миссионерских и т. д.).

По уровню интеграции аборигенов на уровне сообществ в имперские структуры на первое место следует поставить Россию, где все «ясачные люди» занимали в этих структурах определенную ступень. На втором окажется Новая Франция с ее союзными нациями дикарей, признававшими верховную власть Большого Ононсио. Однако характер и степень этого признания была не одинаковой (она не имела такого четкого индикатора, как ясак) и не повсеместной. В Английской Америке степень интеграции индейцев в имперские структуры была наиболее слабой и далеко не всеобъемлющей; по отношению к этим структурам во многих колониях на Атлантическом побережье индейцы вообще занимали, скорее, внешнее положение.

Смешанные брачные союзы европейцев и аборигенов — весьма редкие в Английской Америке — были существенно более распространенным и терпимым явлением в Сибири и Новой Франции; однако если в Сибири все дети от таких союзов могли интегрироваться и, как правило, интегрировались в русское общество, то во Французской Америке это касалось только детей от законных браков (отчасти это объясняет, почему в Канаде сложилась особая общность метисов, а в Сибири нет). В то же время во всех трех рассматриваемых нами случаях большинство смешанных союзов приходилось не на колонистов-аграриев, а на жителей «пограничья» — торговцев, промышленников, трапперов, лесных бродяг и т. п.

И для англичан, и для французов, и для русских большое значение имело то обстоятельство, что коренные жители осваиваемых ими территорий были язычниками (на это обращалось внимание и это постоянно подчеркивалось и в Сибири, и в Северной Америке). Однако реакция на это обстоятельство была во всех случаях разной. Англичане и французы официально объявили распространение христианства одной из главных целей своего присутствия в Новом Свете, однако если последние действительно весьма активно и целенаправленно (хотя и не всегда успешно) занимались миссионерской деятельностью, то у первых она носила спорадический характер (и далеко не всегда встречала поддержку у колонистов). Русские в допетровское время не ставили перед собой задачи спасения душ аборигенов в масштабах всей Сибири, а затем в XVIII в. начали осуществлять насильственную христианизацию «инородцев», результаты которой были во многом сходны с плодами усилий миссионеров Новой Франции.

Другим важным моментом была «дикость» и «нецивилизованность» аборигенов, выражавшаяся в грубости, грязи, невежестве, распущенности и т. д. Англичане и французы обратили на это внимание с самого начала, однако отнеслись к этому по-разному. В Английской Америке преобладало высокомерное пренебрежение, а в Новой Франции — пестрая смесь из любопытства, экзотизма и просветительско-цивилизаторских устремлений. Соответственно

[308] *Lescarbot M.* Histoire de la Nouvelle France. Paris, 1617. Chap. IV. — http://www.gutenberg.org/ebooks/22268

[309] Цит. по: *Havard G., Vidal C.* Histoire de l'Amérique Française. P. 252.

[310] *Charlevoix P. F. X.*, de. Histoire et description générale de la Nouvelle France: 3 t. T. I. Paris, 1744. P. VII.

бо́льшая часто английских колонистов отвергала идею о том, что индейцы могут войти в белое общество через смешанные браки и ассимиляцию, тогда как французы придерживались (пусть и не всегда последовательно) противоположного мнения.

Что касается русских, то вплоть до начала XVIII в. они не считали аборигенов Северной Азии дикарями, чуждыми цивилизации (отчасти потому, что сами не были знакомы с этими понятиями — слово «дикарь» встречается в русских документах допетровской эпохи крайне редко), и воспринимали их лишь как «других», причем, как правило, без какого-либо высокомерия или предубеждения. Однако затем и в России (особенно среди элиты) утвердилось представление об «отсталости» коренных жителей Сибири, хотя для ее преодоления в рассматриваемый нами период никаких мер не предпринималось.

Политика русских, англичан и французам по отношению к аборигенам определялась теми общими целями, которые они ставили перед собой в ходе экспансии в рассматриваемый нами период, их военным, экономическим и людским потенциалом, идеологическими и ментальными установками, а также теми властными технологиями, которыми они обладали. Свою роль играл, конечно, и сам аборигенный фактор (как в количественном, так и в качественном измерении).

И русские, и англичане, и французы были твердо убеждены в правоте и справедливости своих действий по отношению к коренным обитателям осваиваемых ими территорий. Однако сами эти действия были весьма различными. Так, ясачный сбор, практиковавшийся русскими, не имел аналогов ни в Английской Америке, ни в Новой Франции. Очевидно, что русские собирали ясак не только потому, что им нужна была пушнина, а аборигены ее добывали, но также потому, что были знакомы с такой практикой и считали ее вполне законной и справедливой. Англичане и французы тоже были заинтересованы (хотя и в разной степени) в получении мехов от индейцев, однако добивались этого только путем установления с ними торговых отношений. Причина здесь состоит отнюдь не только в наличии конкуренции между представителями двух колониальных держав и не в недостаточности и у англичан и у французов сил для прямого подчинения аборигенов, как полагал специально исследовавший этот вопрос Дж. Д. Трейси[311]. Важным моментом являлось то обстоятельство, что институт ясака был просто не знаком, ни англичанам, ни французам (для применения его хотя бы на ограниченной территории сил и у тех и у других было достаточно; а конкуренция не была столь непреодолимым препятствием, как считает Трейси, так как русские собирали ясак в пограничных районах).

Что касается французов, то их отношения с аборигенами были также обусловлены как общим характером и установками всей французской экспансии, которая остро нуждалась в индейцах и в значительной степени зависела от поддержания контактов с ними, так и факторами морального и психологического свойства, способствовавшими налаживанию контактов и проявлению взаимной комплиментарности. В свою очередь, во многих частях Английской Америке последняя почти напрочь отсутствовала. Впрочем, определяющую роль там все же играло то обстоятельство, что для англичан индейцы в большинстве случаев были в первую очередь не необходимым (пусть и подчиненным) элементом хозяйственной, военной, политической и т. д. системы, но лишь ненужной «внешней» помехой для создания табачных плантаций или строительства новых обществ, которую надо было устранить любым (желательно, конечно, наиболее легким) способом. Если же ситуация была иной (как, например, на побережье Гудзонова залива), то англичане вполне успешно налаживали взаимовыгодное взаимодействие с индейцами (будь то торговля или военные союзы), хотя от своих идейных установок и предубеждений по отношению к «краснокожим» при этом не отказывались. В то же время еще раз подчеркнем, что в густонаселенной и весьма неоднородной Английской Америке отношение к индейцам также было неоднородным и не только однозначно отрицательным. Кроме того, там имелись весьма существенные расхождения между общими установками метрополии и политикой отдельных колоний — официальный Лондон объективно относился к индейцам если и ненамного лучше, то, по крайней мере, осторожнее и взвешенней, чем многие колониальные администрации (особенно ярко это проявилось в середине XVIII в.).

Говоря о реакции аборигенных сообществ на появление европейцев и их действия, следует учитывать, что, с одной стороны, в жизни этих сообществ в рассматриваемый нами период происходи-

[311] См.: *Tracy J. D.* Iasak in Siberia vs. Competition among the Colonizers in Canada: A Note on Comparisons between fur traders // Russian History/Histoire Russe. 2001. Vol. 28, No 1–4 (Spring–Summer–Fall–Winter). P. 403–409.

ли колоссальные потрясения и изменения самого различного свойства, затрагивавшие все без исключения сферы. С другой стороны, и индейцы, и коренные жители Сибири, далеко не сразу осознали всю глубину этих потрясений и изменений, не всегда были в состоянии адекватно установить их истинную причину, и в то же время часто не были подготовлены к ним и не понимали, как на них следует реагировать (более или менее «подготовленными» были только те народы Северной Азии, которые еще до прихода русских контактировали с другими государственными образованиями). Отсюда и попытки инкорпорировать европейцев в систему традиционных представлений, и стремление использовать их в своих интересах, и готовность к сотрудничеству (от заключения союзов до принятия крещения), и жесткое неприятие всего нового (по крайней мере, лежащего на поверхности). Еще одним общим моментом и в Сибири и в Северной Америке было то, что аборигенные сообщества были и разнородны и разобщены и уже только в силу этого имели весьма ограниченные возможности противостоять европейцам, не говоря уже о техническом превосходстве последних. Безусловно, все это не исключало сопротивления коренных жителей (прежде всего в английских приатлантических колониях и Сибири), проявлявшегося, порой в весьма ожесточенной форме, но объективно обреченного на поражение.

В обоих рассматриваемых нами регионах колонизаторы весьма успешно применяли традиционную имперскую политику «разделяй и властвуй», используя межплеменную и межклановую вражду среди аборигенов в своих интересах. В то же время следует признать, что в ряде случаев европейцы были наоборот заинтересованы в установлении мира среди аборигенов и прилагали определенные усилия к его установлению и поддержанию (хотя, конечно, полностью искоренить межплеменную вражду в то время они не могли).

«Столкновение цивилизаций», происходившее и в Северной Азии и в Северной Америке было процессом неизбежным и в то же время весьма болезненным, а порой и трагическим для аборигенных сообществ. Конечно, предотвратить появление европейцев они не могли, оно было исторически закономерным. Однако насколько закономерны были его последствия — другой вопрос. Мы видели, что взаимодействие с местными жителями в разных случаях могло проходить по-разному. Объективно для аборигенов был относительно более благоприятен тот вариант развития событий, при котором они были нужны европейцам. В рассматриваемый нами период такой вариант реализовывался на большей части территории Сибири и Новой Франции, а также в английских владениях на канадском севере. Он также не исключал эксцессов, однако оставлял аборигенным сообществам существенно больше шансов на выживание и развитие.

На долю аборигенных сообществ обоих рассматриваемых нами регионов выпала не простая историческая судьба. И нынешние американцы, канадцы и русские хотя и невольно, отчасти в долгу у индейцев, эскимосов, сибирских народов, на земли которых они пришли несколько веков тому назад. Один из способов возвращения этого долга — признание, уважение и изучение их истории, неотъемлемой от истории тех стран, коренными жителями которых они являются.

Заключение

Между историческими событиями и процессами, происходившими в конце XVI — первой половине XVIII в. в Северной Азии и Северной Америке, имеется немало общего. Это общее обусловлено прежде всего определенной схожестью «объектов» русской, французской и английской экспансии, тех «вызовов», с которыми сталкивались участники колониальных предприятий, а также подходов центральных властей. В то же время ряд моментов присутствовал только в двух из трех интересующих нас случаев, либо проявлялся неодинаково в разных частях Русской Сибири, Английской Америки и Новой Франции.

Применительно к рассматриваемому нами периоду в первую очередь следует отметить большое сходство «внешних показателей» русской и французской экспансий. Это и весьма высокие темпы продвижения французов и русских в глубь континентов, и масштабы исследованных и включенных ими в орбиту своего влияния территорий, и поверхностный характер этого влияния, и ограниченное число участников колонизационного процесса, и особая роль «пушного» фактора, и использование речных коммуникаций. Для английской экспансии все это было характерно только на Канадском севере — где, действуя крайне малыми силами, англичане осваивали побережье Гудзонова залива и эксплуатировали его пушные богатства.

Русскую Сибирь и Новую Францию также сближало то обстоятельство, что их освоение и развитие были в очень большой мере делом рук государства, направлявшего и контролировавшего эти процессы, хотя в число приоритетов политики Москвы / Петербурга и Парижа конца XVI — середины XVIII в. это самое освоение и развитие, как правило, не входило. Основное внимание и французских и русских правителей того времени было сосредоточено на внутренних проблемах метрополии / европейской части и перипетиях «большой» европейской политики. Ситуация в Англии в XVII в. в целом была аналогичной, однако в XVIII в. внимание властей к колониальным сюжетам там стало постепенно возрастать. В то же время возникновение и быстрый прогресс Английской Америки (прежде всего приатлантических колоний) были результатом усилий не столько английского правительства, сколько английского общества (заслуга властей состояла в том, что они не вмешивались в деятельность своих подданных и не препятствовали ей). Следует также учитывать, что Английская Америка в рассматриваемый нами период в целом представляла собой более сложную структуру по сравнению с Сибирью и Новой Францией — в ее разных частях реализовывались различные колонизационные схемы.

Русские владения за Уралом и Французская Америка в XVII в., а отчасти и в первой половине XVIII в. одинаково состояли из небольшого аграрного ядра (ядер) с населением европейского происхождения и обширной промысловой периферии — территорий, где проживали аборигены, а европейское присутствие ограничивалось гарнизонами, миссиями, факториями и т. п. В Английской Америке на Атлантическом побережье нынешних США, наоборот, к мощному переселенческому ядру (или, точнее, цепочке ядер) примыкала очень тонкая периферия (кое-где ее почти вообще не было). Зато на побережье Гудзонова залива отсутствовало какое-либо ядро — можно сказать, что Земля Руперта представляла собой одну сплошную промысловую периферию.

Движителями европейской экспансии в Северной Америки и в Северной Азии были как экономические, так и политические, социальные, моральные, идеологические мотивы. Все они в рассматриваемый нами период присутствовали и у русских, и у французов, и у англичан. Однако сочетание этих мотивов у них было разное. Так, французские колониальные предприятия носили ярко выраженную политическую и религиозно-миссионерскую окраску; больших экономических выгод Парижу обладание Новой Францией не приносило (мехоторговля была частным делом), но повышало его престиж. Английская экспансия была, наоборот, обусловлена в большей степени причинами экономического и социального свойства. Сибирская эпопея русских была связана как с идейно-политическими, так и экономическими соображениями.

Россию иногда упрекают в том, что она в течение долгого време-

ни не могла должным образом использовать природные богатства и ресурсы Сибири и удерживала ее только для подтверждения своего великодержавного статуса[1]. Однако и в Северной Америке аграрное освоение многих территорий произошло только в XIX — начале XX в., а разработка и эксплуатация минеральных ресурсов — в XX в., кое-где и в XXI в. (многие разведанные ресурсы, особенно на Канадском Севере и на Аляске вообще не используются). До этого значительная часть Североамериканского континента (как и Сибири) производила на экспорт фактически только пушнину.

Говоря о политическом и социально-экономическом устройстве переселенческих ядер, следует признать, что в целом, конечно, наибольшее сходство здесь прослеживалось между Сибирью и Новой Францией — владениями феодальных самодержавно-абсолютистских монархий. Однако тот факт, что в Англии в то время уже интенсивно развивался капитализм, парламентаризм, либерально-рыночные отношения и т. п., — вовсе не означал, что то же самое будет повсеместно происходить и в ее колониях. Наоборот, Лондон порой стремился перенести в Северную Америку весьма архаичные институты и отношения, которые уже исчезли в самой Англии. Другое дело, что это ему не особенно удалось — во многом из-за только что отмеченной нами специфики английской колонизации. Сходство было обусловлено также тем, что и в Северной Азии, и в Северной Америке европейские политические и социально-экономические институты, практики и т. п. попадали в схожие условия, которые воздействовали на них в одинаковом ключе. В результате если не совсем исчезали, то, по крайней мере, значительно ослабевали классовые и сословные барьеры, менялся характер отношений между представителями различных социальных групп, ослабевал уровень эксплуатации податных сословий, возрастала социальная мобильность. В то же время появлялись новые возможности — за счет неэквивалентной торговли с аборигенами, эксплуатации рабов из их числа.

Сходство Сибири и Новой Франции проявлялось и в их административном устройстве. И там и там оно было жестко централизованным и носило авторитарно-бюрократический характер, а администраторы регулярно и в весьма крупных масштабах злоупотребляли своим служебным положением. В обоих случаях единственным институтом, способным хотя бы как-то «конкурировать» с воеводами и губернаторами, была церковь прежде всего в лице местных епископов / митрополитов. И также в обоих случаях между светскими администраторами и духовными властями периодически возникали конфликты на почве вмешательства в дела друга. В Английской Америке же одновременно существовали различные модели административного устройства — некоторые из них, конечно, были весьма передовыми для того времени и разительно отличались от тех, которые реализовывались в Новой Франции и тем более в Сибири. Однако в ряде своих периферийных колоний Лондон ввел более жесткий и централизованный порядок управления — более близкий к тому, который существовал во владениях Москвы / Петербурга и Парижа.

Контакты русских, англичан и французов с коренным населением осваивавшихся ими территорий представляли собой важнейшую составляющую рассматриваемых нами колонизационных процессов. Эти контакты были неизбежны, и во многом детерминированы самим уровнем развития аборигенов и европейцев — поэтому давать им какую-либо оценку можно только исходя из этих обстоятельств. В России, Англии и Франции правители и их подданные были убеждены в правоте и справедливости всех своих действий по отношению к индейцам/сибирским народам, как и в праве на исторически занимаемые ими земли. Аборигены же просто не были готовы к контактам с иной, более развитой, в то же время сильной и агрессивной цивилизацией.

В то же время, находясь в схожих условиях, сталкиваясь с сообществами, находящимися примерно на одинаковом уровне развития (и сравнимыми по численности), — французы, русские и англичане в разных случаях вели себя по-разному! Это могло быть и установление с аборигенами мирных и союзнических (пусть и неравноправных) отношений, налаживание торгово-обменных контактов, миссионерская и просветительская деятельность, установление даннической зависимости, наконец, просто взгляд на них как на ненужную помеху для реализации тех или иных установок.

Конечно, свою роль здесь играли особенности экспансии представителей той или иной державы — массовый «тотальный» плотный характер экспансии у англичан в приатлантической полосе, нуждавшихся там в действительно свободных землях, и более поверхностный, редкий и соответственно менее массовый у русских, французов и тех же англичан на Канадском Севере, которым (по

[1] См.: *Hosking G.* Russia: People and Empire, 1552–1917. Cambridge (MA), 1997. P. 15.

крайней мере, поначалу) хватало земель и которым аборигены были нужны как поставщики пушнины и/или военные союзники. Также следует учитывать сословный характер русского и французского общества, облегчавший инкорпорацию коренных жителей в имперские структуры. Кроме того, представляется, что определенную роль играли морально-психологические, этнопсихологические и идейные факторы, во многом обусловившие эффективность франко-индейских контактов, в целом нейтральный характер русско-аборигенного взаимодействия, враждебность и отчуждение, преобладавшее в отношениях индейцев и английских поселенцев.

* * *

Мы рассмотрели только несколько аспектов истории Сибири и Северной Америки конца XVI — середины XVIII в. Однако уже это дало нам возможность увидеть сколь сложным и многомерным явлением были колонизационные процессы, развернувшиеся в этих частях света, процессы, которые во многом определили конфигурацию и облик современного мира. Ведь именно рассматриваемые нами случаи обусловили очертания нынешнего евроатлантического пространства, простирающегося от Ванкувера до Владивостока, — иначе говоря, от оконечности Североамериканского континента, пройденного англичанами, французами и их потомками, до оконечности «Большой Сибири», осваивавшейся нашими предками. И именно в конце XVI — середины XVIII в. европейское (в широком смысле этого слова) влияние, с одной стороны, перевалило за Урал, а с другой — пересекло Атлантику. Русские в Северной Азии, англичане и французы на Североамериканском континенте действовали по-разному и в то же время в едином ключе и с похожим результатом.

Почти 150 лет назад сибирский патриот Н. М. Ядринцев отметил, что «сравнения жизни и условий существования <...> колоний у различных народов, ввиду изучения колонизационного вопроса, весьма поучительны»[2]. Сегодня к этому необходимо добавить, что такие сравнения необходимы для понимания как своей собственной истории, так и происхождения того мира, в котором мы живем, и который становится все более тесным.

[2] *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. С. 496.

Yury Akimov

North America and Siberia at the end of the XVIth — middle of the XVIIIth century: An Essay on comparative history of colonization

Summary

Russian expansion in Siberia and English and French expansion in North America at the end of the XVIth – middle of the XVIIIth century are compared in this monograph. First records concerning the resemblance of these colonies date back to the middle of the XVIII-th century. It widespread in scientific discourse (as it is shown in the *Introduction*), however, no special comparative studies of the early history of Russian Siberia and colonial North America had been carried out until now.

Chapter I. «Outward» and «inward» parameters of colonization processes

The chapter opens with *paragraph 1* comparing the pace of explorers' advancement (Russian and French being more swift, the English being relatively slow) territories affiliated to the orbit of expansion of a certain power, and the intensiveness of their developing. This paragraph also focuses on the significance of fluvial routes for Russian and French expansion.

Paragraph 2 deals with Europeans' interaction with an environment completely unknown to them: in particular, the Russians' reaction to Siberian frosts and the French' reaction to Canadian winters (and their adaptation to new conditions) are compared here.

Paragraph 3 focuses on the quantitative indicators of the colonies and the intensity of settlement on different territories. It also deals with

comparison of the social origins of first settlers and their occupation. Demographic situation is a special case-study of this paragraph: Russian Siberia, English America and New France all initially suffered the lack of women.

Paragraph 4 is devoted to comparison of English, French, and Russian colonial policy, the role of State in the colonization process. This role was more significant in Siberia and New France, however even there colonization was not considered a top priority of governmental policy. This paragraph also deals with the social structures of the emerging colonial societies. Common features, reflected in the transformation of the European institutions under the influence of colonial realities, changes of social frontiers, roles, etc are also shown here.

Chapter II. Local authorities and central governments: specificity of colonial administration system

Systems of colonial administration existing in Siberia, English America and New France are compared in the *paragraph 1.* It also considers administrative organization of colonies and specificity of imperial institutions directly responsible for colonial affairs – Siberian office (Sibirskii prikaz) in Russia, Ministry of the Navy (Secrétariat d'Etat à la Marine) in France, Lords of Trade and Plantations, then Board of Trade and Plantations in England.

Colonial administrations, their structure, character of activities, personal composition are compared in the *paragraph 2.* Special attention is given to the abuses of colonial authorities, that were most severe in Siberia but also present in colonial North America.

Paragraph 3 deals with the relations between secular and church authorities in the colonies. It is noted that the most active interference of the clergy in the internal life of the colonies and their administration took place in New France; it was also found in Siberia but to a much lesser extent.

Chapter III. Europeans and aborigines: theory and practice of relationship

Objective consequences of contacts between the Europeans and the Native people in North America and North Asia are compared in the *paragraph 1.* It also considers the problem of determining the aboriginal population by the beginning of the contact era and compares the consequences of spreading of the European diseases which resulted in reduction of aboriginal populations both in Siberia and in North America. It also focuses on the circulation of European weapons (fire-arms in North America and mainly cold steel in Siberia), alcohol, and other goods that exerted big influence on different sides of aboriginal communities.

Paragraph 2 focuses on conceptually legal basis of European-Aboriginal contacts. Grounds and contents of claims put forward by the Russians, French and English during their expansion are compared here. Thus, the Russians aspired primarily to substantiate their right for getting fur tribute (iassak) from the aborigines, while the English sought to prove why the Indians have no rights for North-American territories. When the English and the French often appealed to the right of first discovery and real possession, the Russians alluded to the fact of incorporation of the Siberian khanate into the Muscovite Tsardom, and to the right of conquest.

Russian, English and French aboriginal policy is compared in the *paragraph 3.* Special attention is given to correlation between the directions officially proclaimed by the colonizers (to bring to civilization, to Christianize, to levy of tribute etc) and their real every-day policy, concerned in all cases with multiple excesses. Differences and similarities in the English' and the French' attitude toward the Indians (on the example of the attitude to Christianization of the natives, mixed marriages, etc.). It is noted that until the end of the XVIIth century the Russians' attitude toward aboriginal people of Siberia had been indifferent and depleted of any civilization (the Russians were interested in aborigines only as an object of exploitation), and since the beginning of the XVIIIth century it has become more Europeanized (at least, at the official level). The examples of conflict and peace interaction of Europeans and aborigines in Siberia and in colonial North America are presented here.

In *conclusion* it is stated that there is a significant resemblance between, first of all, Russian Siberia, Canada under the French Régime and peripheral English colonies (Newfoundland, Nova Scotia, Rupert's Land).

Указатель имен

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Юрий Германович Акимов

Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций

Редактор *Л. А. Карпова*
Обложка художника *Е. А. Соловьевой*
Верстка *И. М. Беловой*

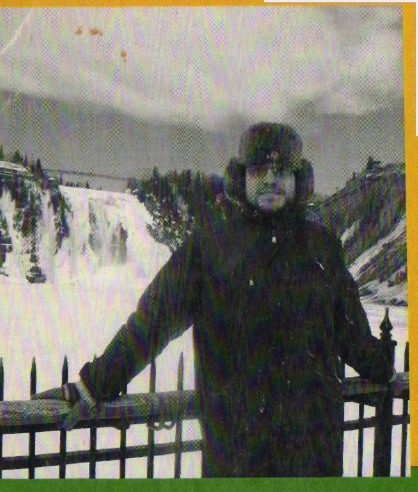
Подписано в печать 28.01.2010. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,62. Тираж 250 экз. Заказ № 32

Издательство СПбГУ.
199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru
www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:
С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21
Телефоны: 328-77-63, 325-31-76
E-mail: izdat-spbgu@mail.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41

В монографии в ср
рассматриваются к
имевшие место в Сибири, Английской
и Французской Америке в период с конца
XVI до середины XVIII в. Основное внимание уделяется сравнению различных моделей колонизации, восприятия колониальных реалий, типов взаимодействия с аборигенными сообществами, подходов к обоснованию притязаний на осваиваемые территории.

Ю. Г. Акимов

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА И СИБИРЬ в конце XVI – середине XVIII в.

Очерк сравнительной истории колонизаций

9 785288 047411

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА